

Положение заключенных в современной России. Доклад и тематические статьи

Доклад подготовлен в 2003 году

Предисловие

Сборник «Положение заключенных в современной России» — вторая публикация в серии тематических мониторинговых исследований Московской Хельсинкской группы (МХГ) и сети региональных правозащитных организаций во всех регионах РФ(1). Летом 2002 г. вышел первый сборник из этой серии — «Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России», который имел очень широкое освещение в России и за рубежом и получил позитивную оценку целого ряда международных органов и экспертов. А осенью МХГ и региональные правозащитные организации начали работу над новым специализированным мониторингом. Его темой стало положение заключенных в Российской Федерации.

Следует отметить, что ситуация с правами человека в закрытых учреждениях изначально была определена как ключевая для профильных исследований по проекту «Сеть правозащитного мониторинга в РФ», поскольку именно в закрытых учреждениях при отсутствии функциональных механизмов общественного контроля положение с правами человека вызывает наибольшее беспокойство.

Условия содержания заключенных и соблюдения их прав находились в центре внимания правозащитников с самого момента зарождения правозащитного движения в СССР. Учитывая большое число политических заключенных в Советском Союзе, поток информации от «узников совести» на волю был хорошо отлажен. После массового освобождения политзаключенных в конце 80-х годов сведения о положении в пенитенциарных учреждениях перестали поступать на регулярной основе. Впоследствии правозащитниками проводились обследования отдельных учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС), а также акции по оказанию гуманитарной и другой помощи заключенным. По тем разрозненным сведениям, которые мы получали из пенитенциарных учреждений, условия содержания заключенных в России по некоторым параметрам даже ухудшились по сравнению с реалиями советского времени. Это связано в первую очередь с ростом числа заключенных, в особенности, подследственных, и общим экономическим кризисом в стране. В 90-е годы Россия устойчиво занимала первое место по числу заключенных на душу населения и только недавно уступила пальму первенства США.

Насущная необходимость масштабного исследования положения заключенных осознана правозащитным сообществом уже давно. Целый ряд российских неправительственных организаций, в первую очередь «Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия», целиком сосредоточили свою деятельность на проблематике пенитенциарных учреждений и активно добиваются улучшения ситуации в местах заключения, применения альтернативных форм наказания и значительного снижения числа заключенных. Но общероссийское мониторинговое исследование в принципе возможно только при наличии подготовленной сети организаций-мониторов во всех субъектах Федерации. На сегодняшний день МХГ координирует единственную такую сеть в России и именно поэтому выступила в качестве организатора данного исследования.

В первую очередь, хочется подчеркнуть именно комплексный характер проведенного мониторинга. Прделанная нами и нашими региональными партнерами работа уникальна с той точки зрения, что впервые изучение ситуации с соблюдением прав заключенных осуществлялось по единой методологии во всех регионах РФ.

Региональные НПО – члены сети правозащитного мониторинга собирали статистическую и другую информацию из официальных источников (территориальных органов УИН, прокуратуры и др.), проводили опросы и анкетирование разных по статусу носителей информации, и, что наиболее значимо и совершенно беспрецедентно, осмотрели, используя заранее разработанную карту наблюдений, в общей сложности 117 мест заключения (из них 41 СИЗО, 74 колонии, 2 тюрьмы)(2). Фактически, то, что в течение двух месяцев (октябрь-ноябрь 2002 г.) правозащитники посетили пенитенциарные учреждения по всей стране, явилось в своем роде общественной кампанией, убедительно показав озабоченность гражданского общества положением этой особой категории граждан, которые, будучи ограничены по закону в части своих прав, особенно нуждаются в защите от жестокого и унижающего человеческого достоинства обращения.

Основополагающим международным стандартом обращения с заключенными являются Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (МСП), принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 1955 г. МСП — один из старейших базовых документов ООН. Уже в 1957 г. они были одобрены Экономическим и социальным советом ООН (ЭКОСОС), а в 1977 г. в них было внесено дополнение, распространяющее их на лиц, находящихся в заключении без предъявления обвинения.

Хотя МСП не имеют статус международного договора (т. е. не являются жестким юридическим обязательством), они получили признание как основополагающий документ, исполнение норм и принципов которого «имеет огромное значение и оказывает большое влияние на развитие уголовной политики и практики»(3).

Таким образом, для нас, следуя установкам правозащитного мониторинга, было совершенно естественно, построить методологию исследования и рубрику доклада на основе этого фундаментального комплексного стандарта в области защиты прав заключенных.

При этом в своей работе мы опирались только на первую часть МСП, так как она включает в себя правила, распространяющиеся абсолютно на все категории заключенных. Учитывая масштаб и сложность такого общероссийского мониторинга, мы не сочли возможным охватить в рамках своего исследования специальные сферы пенитенциарной системы (воспитательные колонии, специализированные психиатрические больницы, дисциплинарные батальоны, лечебные исправительные учреждения и др.).

В результате проведенной в регионах работы мы получили огромный массив разноплановых количественных и качественных данных о положении в местах заключения. Именно это многообразие информации и позволило нам получить комплексное представление о современной ситуации в этой сфере. Принципиальное значение имело то, что разные по типу сведения дополняли и верифицировали друг друга: качественному анализу подвергались карты наблюдения, анкеты, глубинные интервью, статистические данные.

Необходимо оговориться: мы убеждены, что в современных российских условиях полноценный мониторинг не возможен без использования интервьюирования, поскольку ни статистическая информация, ни разовое посещение пенитенциарного учреждения не дают оснований делать определенные выводы о положении в целом. В ходе мониторинга мы проводили интервью с тремя группами респондентов: с начальниками администраций мест заключения, с недавно освободившимися заключенными, с родственниками заключенных. Работа с этими разными по статусу группами респондентов позволяет скорректировать полученную информацию с целью снижения ее субъективности. И в то время, как посещения мест заключения давали нам возможность увидеть сегодняшнюю ситуацию, из интервью с бывшими заключенными и родственниками граждан, находящихся в заключении, мы смогли почерпнуть сведения о комплексе проблем последних трех лет.

Таким образом, нам удалось реализовать свою основную задачу: изучить существующее положение вещей, описать встречающиеся характерные нарушения, наметить тенденции. Говорить о степени распространения тех или иных явлений и проблем в тюремной практике, о доминировании определенных тенденций на сегодняшний день рано. Сделанный нами шаг является лишь первой системной инициативой на этом пути, и задача правозащитного движения — продолжать планомерное изучение проблемы для того, чтобы выстроить четкую иерархию действий в работе над улучшением ситуации.

Отметим, что в рамках мониторинга нам было важно не только составить как можно более полную картину положения заключенных в стране, но и оценить влияние на ситуацию многоступенчатой реформы пенитенциарной системы, начатой непосредственно после передачи Главного управления исполнения наказаний (ГУИН) из Министерства внутренних дел (МВД) в ведение Министерства юстиции. Очевидно, позитивным аспектом этого системного изменения стало значительное снижение числа заключенных (более чем на 100 тыс.) в 2000 г.

Настрой на реформы и улучшение ситуации в пенитенциарной системе у ГУИН сохраняется. Наше всероссийское мониторинговое исследование не могло бы быть столь успешным без поддержки со стороны ГУИН, рекомендовавшего своим территориальным подразделениям обеспечить доступ мониторов-правозащитников в места заключения. По нашему опыту ГУИН проявил себя как одно из самых открытых для сотрудничества с третьим сектором государственных ведомств.

Отдавая себе отчет в том, что значительная часть проблем с соблюдением прав человека в УИС была заложена еще при создании советской лагерной системы и кардинальное изменение ситуации не может осуществиться в короткий срок, тем более в условиях глубоких социально-экономических преобразований, мы не ставили перед собой задачу выявить упущения и нарушения со стороны руководителей конкретных пенитенциарных учреждений. Мы постарались определить и проиллюстрировать наиболее актуальные

проблемы и негативные тенденции сегодняшнего дня и надеемся на дальнейшую конструктивную работу с ГУИН, в первую очередь, в области внедрения рекомендаций, сделанных нами по результатам мониторинга.

В заключение кратко опишем структуру сборника. Ниже мы публикуем рекомендации, разработанные МХГ и международной организацией «Врачи без границ». Далее следует краткий обзор российского законодательства на предмет соответствия международным стандартам (Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, Основные принципы обращения с заключенными ООН, Европейские тюремные правила). Затем мы предлагаем непосредственно доклад МХГ, подготовленный по результатам мониторинга, осуществленного партнерскими региональными правозащитными НПО(4). Также в сборник вошли узкотематические статьи экспертов, представляющих организации, специализирующиеся на правах заключенных или на отдельных проблемах в этой области. Подчеркнем, что такие статьи написаны на собственных материалах экспертов и сделанные выводы и рекомендации — авторские. Тексты региональных докладов будут публиковаться отдельно, но по уже сложившейся традиции, мы сочли необходимым включить в сборник специальное исследование по положению заключенных в Чеченской Республике, так как ситуация в Чечне несопоставима с общероссийской картиной.

При этом в нашем взаимодействии мы не избежали разногласий, что, впрочем, естественно, в силу принципиально различного подхода правозащитных организаций и государственных ведомств к проблеме соблюдения прав человека. Оценивая ситуацию в своей области, ГУИН Минюста России основное внимание обращает на совершенствование нормативной базы и статистические данные. Мы же считаем принципиально важным составить как можно более полную картину о положении дел на практике и с этой целью наряду с правовой и статистической информацией используем сведения, не поддающиеся формализации и количественной обработке (интервью, обращения граждан в правозащитные организации и т. п.). Так, ознакомившись с докладом, составленным по результатам мониторинга, ГУИН указывает нам на то, что «в ряде случаев данные в тексте оценки носят... тенденциозный характер...»(5) В частности, ГУИН считает неприемлемыми ссылки на информацию, почерпнутую, например, из интервью с бывшими заключенными, т. к. эти данные «непроверенные». Для нас же такого рода сведения хотя и не являются априорным доказательством конкретного нарушения, но чрезвычайно важны при качественной оценке ситуации и выявлении системных проблем.

Также необходимо отметить, что в ряде случаев эксперты ГУИН сочли выводы авторов доклада несоответствующими действительности на основании существования приказов и других нормативных документов, налагающих запрет или не рекомендующих конкретные практики. В этом отношении, например, показательна ситуация с жалюзи на окна камер, конструкция которых затрудняет освещение и доступ свежего воздуха. ГУИН отсылает нас к указанию заместителя министра юстиции РФ Ю. Калинина, «во исполнение которого с окон камер в настоящее время сняты жалюзи всех видов». Однако, по информации, собранной в ходе мониторинга (в т. ч. в интервью с начальниками пенитенциарных учреждений, знакомых с данным документом), это указание выполняется далеко не повсеместно. Таким образом, и в этом и в других случаях, издание прогрессивного нормативного документа само по себе еще не означает автоматического решения проблемы.

Мы благодарим ГУИН за серьезное отношение к нашему докладу и проделанную аналитическую работу. Целый ряд замечаний был обоснован, и мы постарались их учесть в окончательной редакции текста(6).

В данный момент система реформируется, и мы согласны с экспертами ГУИН, когда они указывают на то, что определенные вопросы «находятся в стадии решения», как в области законодательства, так и в области практики. Нам хочется верить, что описанные нами проблемы действительно будут решены в обозримом будущем, и мы надеемся на дальнейшую конструктивную работу с ГУИН, в частности в области внедрения рекомендаций, сделанных нами по результатам мониторинга.

- (1) Мониторинг, составление сборников и их публикация осуществляются в рамках проекта «Сеть правозащитного мониторинга в РФ» при финансовой поддержке Европейской Комиссии. Подробное описание проекта можно получить на сайте МХГ (www.mhg.ru).
- (2) Список посещенных мест заключения приведен в конце сборника (Приложение №2).
- (3) Резолюция ГА ООН № 45/111 от 14 декабря 1990 г.
- (4) Список организаций приведен в отдельной таблице в конце сборника (Приложение №1).
- (5) Письмо начальника ГУИН Минюста России В.У. Ялунина о результатах мониторинга учреждений УИС Председателю МХГ Л.М. Алексеевой, №18/1/4-76 от 23.04.2003.
- (6) Отметим, что, учитывая сжатые сроки выпуска сборника, мы смогли учесть замечания ГУИН только в отношении доклада, составленного по результатам мониторинга, ответственность за который несет непосредственно МХГ. Что касается авторских статей, то замечания ГУИН в адрес этих текстов были высланы их составителям, которые, несомненно, примут их во внимание.

Рекомендации

Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в УИС России для выполнения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными

1. ЗАЩИТА ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ

1.1. Для реализации принципа защиты от дискриминации необходимо внести в УИК РФ в статью 12 «Основные права осужденных» нормы, обязывающие администрацию учреждений не принимать решений, нарушающих равноправие отдельных групп осужденных, за исключением тех случаев, когда такие решения связаны с обоснованными мерами наказания или поощрения.

1.2. Следует внести изменения в статьи 96, 97 УИК РФ в части запрещения для ВИЧ-инфицированных осужденных передвигаться без конвоя и выезжать за пределы исправительных учреждений. Одновременно необходимо расширить программу мер профилактики инфекционных заболеваний в местах лишения свободы.

2. НАКАЗАНИЕ И МЕРЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ПОРЯДКА

2.1. В соответствии с Правилом № 29 МСП, целесообразно ввести в УИК РФ определение дисциплинарного проступка. Для того, чтобы не допустить наложения несоразмерного совершенному проступку наказания, необходимо разработать и принять примерный реестр дисциплинарных проступков и соответствующих им наказаний, определив степень их тяжести. Разработать и принять порядок признания осужденного «злым нарушителем», а также порядок обжалования и пересмотра такого решения.

2.2. Необходимо ввести в УИК РФ норму, обязывающую администрацию, в случаях дисциплинарного нарушения, допущенного осужденным, до наложения наказания информировать его о характере нарушения и получать письменное объяснение осужденного по поводу совершенного проступка. В соответствии с правилом № 30-2 МСП предусмотреть порядок, который бы обязывал при рассмотрении каждого случая дисциплинарного проступка тщательно проверять полученное от осужденного объяснение.

2.3. Для ограничения практики неправомерного насилия и жестокого обращения норма, установленная в статье 3 УИК РФ (о запрете пыток и жестокого обращения), должна быть конкретизирована и регламентирована в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений. В Правилах, в частности, должны содержаться ограничения по тем формам обращения с осужденными, которые могут причинить им страдания. Так, например, необходимо ввести запрет на длительное содержание осужденных в непригодных помещениях или в помещениях, не соответствующих санитарным нормам. Регламентировать время, в течение которого осужденный помещается в неудобных позах (имеется в виду практика «растяжек», конвоирования в согнутом положении и т. п.), а также установить порядок и время использования наручников.

2.4. В целях предотвращения необоснованного или чрезмерного применения спецсредств следует внести в Федеральный закон «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» статью, регламентирующую основания для привлечения отрядов специального назначения в местах лишения свободы. Эта статья также должна устанавливать порядок осуществления контроля за действиями сотрудников спецназа в местах лишения свободы при проведении заданий.

2.5. Для ограничения практики одиночного заключения на неопределенный срок необходимо внести изменения в статью 115 УИК РФ и статью 32 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в части определения времени одиночного заключения. Следует также отменить требование обязательного содержания приговоренных к смертной казни в одиночной камере (ст. 184 УИК РФ).

2.6. Для поддержания полезных родственных связей осужденных необходимо внести изменения в Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений в части прав осужденных, помещаемых в порядке дисциплинарного взыскания в штрафной изолятор (ШИЗО), помещение камерного типа (ПКТ) и карцер. Изменения должны гарантировать право осужденных на краткосрочное свидание в период отбытия дисциплинарного наказания.

3. СВОБОДА СОВЕСТИ

3.1. В Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений необходимо внести конкретизирующие статьи, которые бы определяли порядок реализации осужденными прав на свободу совести и вероисповедания и устанавливали бы обязанности администрации. В Правилах, в частности, должны быть

отражены порядок создания культовых помещений, молитвенных комнат и т. д., гарантии доступа осужденных и священнослужителей к местам богослужения в исправительных учреждениях, возможность изменения распорядка дня в учреждении для исполнения религиозных обрядов. В Правилах должны также содержаться гарантии и общий порядок посещения учреждений священнослужителями.

3.2. В статью 14 УИК РФ («Обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных») необходимо включить гарантии соблюдения «моральных убеждений», поскольку принцип свободы совести подразумевает уважение не только религиозных, но и любых других убеждений, не противоречащих общепризнанным и конституционным нормам.

4. ПОРЯДОК ИНФОРМИРОВАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ПОДАЧИ И РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБ

4.1. Согласно правилу № 35-1 МСП, статью 12 УИК РФ необходимо дополнить нормой обязательного письменного информирования осужденных о правах, обязанностях, правилах отбывания наказания, а также гарантиями предоставления и получения осужденными такой информации.

4.2. В целях обеспечения общественного контроля мест лишения свободы органами государственной власти и местного самоуправления, общественными организациями, Минюсту РФ необходимо принять положение о порядке посещения учреждений такими представителями (например, в порядке аккредитации).

5. ТРЕБОВАНИЯ К УСЛОВИЯМ СОДЕРЖАНИЯ

5.1. Внести изменения в Федеральную программу строительства и реконструкции следственных изоляторов и тюрем, подразумевающие планировку учреждений таким образом, чтобы в перспективе создать условия для раздельного размещения на ночь подследственных и осужденных.

5.2. Разработать и принять Перечень минимальных санитарных требований и норм к помещениям в местах лишения свободы, а также к условиям транспортировки (оборудование автозаков, вагонзаков). В этот перечень должны быть включены, в частности, нормы по вентиляции, освещенности, водоснабжению. Ввести запрет на использование помещений и спецсредств для перевозки заключенных, не отвечающих таким требованиям, порядок контроля и наказания при его неисполнении.

5.3. Для обеспечения санитарных требований и норм гигиены ввести в Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений перечень средств гигиены и предметов первой необходимости, обеспечение которых должно быть возложено на администрацию учреждения.

6. МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

6.1. В УИК РФ и в закон «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» необходимо внести нормы обязательного и незамедлительного осмотра осужденного, подвергшегося физическому воздействию (при обеспечении правопорядка в учреждении), врачом учреждения, а также документирования результатов медицинского освидетельствования.

6.2. В целях обеспечения доступа осужденных к услугам государственной и муниципальной систем здравоохранения Правительству РФ необходимо разработать порядок включения системы медицинского обеспечения ГУИН МЮ РФ в общегражданскую систему медицинского страхования, с перспективой перевода медицинской системы ГУИН под контроль Министерства здравоохранения.

6.3. В связи с необходимостью срочных мер эпидемиологического контроля Правительству РФ следует принять программу по расширению медицинской помощи для больных туберкулезом (прежде всего, для оказания помощи больным с лекарственно-устойчивыми формами), а также для ВИЧ-инфицированных (включая консультирование, диагностику, лекарственное обеспечение).

6.4. Необходимо выделить достаточные ресурсы для правильного и полного лечения всех форм туберкулеза, включая лекарственно-устойчивые формы. Инвестировать средства в развитие лабораторной службы пенитенциарной системы с тем, чтобы своевременно выявлять наличие у заключенных инфекционных заболеваний и обеспечивать тем самым раздельное содержание инфицированных и неинфицированных заключенных. Создать возможности для своевременного разделения больных с различными профилями лекарственной устойчивости к препаратам с целью предотвращения перекрестного заражения среди заключенных.

6.5. Необходимо принять и реализовать специальную программу по предупреждению роста ВИЧ-инфицированности с соблюдением врачебной этики и обязательным консультированием до и после проведения тестирования.

7. ТРУД И ЗАНЯТОСТЬ

7.1. Правительству РФ необходимо разработать и принять программу по обеспечению занятости осужденных в ИУ РФ, приоритетом которой является организация труда осужденных для получения ими полезных навыков и квалификации. В статью 103 УИК РФ следует внести изменения, обеспечивающие право выбора для осужденных имеющейся работы, а также переквалифицировать отказ от работы из злого умысла в обычное.

7.2. Согласно правилу № 74-2 МСП, следует отменить необоснованные ограничения выплат пособий по временной нетрудоспособности (в период нахождения в стационаре ЛПУ, принудительного лечения по определению суда), установленные частью 2 Положения № 727 Правительства РФ от 15 марта 2001 г.

8. ОБРАЗОВАНИЕ, ДОСУГ

8.1. В целях реализации гарантий предоставления начального образования следует отменить ограничения, установленные в отношении осужденных пожизненно.

8.2. Целесообразно дополнить Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений статьей, обязывающей администрацию формировать библиотечный фонд исправительного учреждения художественной, правовой, учебной литературой и периодикой, выделять и оборудовать помещения под читальный зал.

8.3. Следует внести в УИК РФ статью, обеспечивающую право и гарантии осужденных на занятие спортом и физическими упражнениями. Кроме того, в Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний необходимо внести норму, которая обязывала бы администрацию учреждений создавать условия для занятий физкультурой и спортом.

9. СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ

9.1. В УИК РФ, в части задач и принципов работы УИС, необходимо внести изменения, которые бы соответствовали приоритетам «возвращения человека в общество», изложенным в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными. Следует отменить обязанность осужденных участвовать в коллективных воспитательных мероприятиях, а отдавать приоритет индивидуальной работе с осужденными.

9.2. Для создания системы социальной реабилитации освобождающихся из мест заключения необходимо разработать Государственную программу развития учреждений по социальной опеке и ресоциализации освободившихся из мест лишения свободы.

9.3. Следует разработать методологические материалы по социальной работе в пенитенциарных учреждениях и на их основе осуществлять подготовку социальных работников со специализацией в пенитенциарной системе. Процесс социальной реабилитации должен начинаться с первого дня пребывания осужденного в исправительном учреждении.

9.4. В соответствии со статьей 181 УИК РФ, Правительству РФ необходимо установить размер единовременного денежного пособия (не менее суммы месячного прожиточного минимума), обеспечивающего существование бывшего заключенного после освобождения.

10. ПЕРСОНАЛ

10.1. Поскольку проблема получения персоналом УИС эффективной медицинской помощи и обслуживания, в связи с введением обязательного медицинского страхования, остается неразрешенной, необходимо принять меры по его регламентации. С этой целью следует распространить на сотрудников УИС общегражданский порядок медицинского страхования, включив медицинскую службу УИС в систему обязательного медицинского страхования. На переходном этапе возможно, например, заключение соглашений между региональными УИИ и территориальными органами здравоохранения.

10.2. В настоящее время в системе УИС не исполняются правила №№ 50-3, 52-1 МСП, определяющие важность и целесообразность проживания начальника и врача учреждения в самом учреждении или в непосредственной близости от него. Для исполнения этих правил необходимо ГУИН МЮ РФ разработать специальную программу строительства ведомственного (служебного) жилья в непосредственной близости от исправительного учреждения. И в случае создания такого фонда жилья, следует придерживаться порядка временного предоставления квартир на период пребывания в должности.

Кроме того, для обеспечения исправительных учреждений квалифицированными кадрами необходимо увеличить расходы на строительство жилья приоритетно в тех местностях, где существует проблема комплектования штата исправительного учреждения.

10.3. Министерству юстиции РФ следует ввести запрет на направление сотрудников и специальных подразделений ГУИН для выполнения заданий, не связанных со служебной деятельностью (антитеррористического, военного характера).

Международные стандарты обращения с заключенными и российское законодательство (обзор)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Реформа уголовно-исполнительной системы России выступает одним из критериев демократического развития страны. Необходимость реформы была связана, прежде всего, с тем, что УИС создавалась и долгое время функционировала как машина репрессий и эксплуатации заключенных. Не случайно ГУЛАГ — тюремная система советского режима — была символом тоталитаризма и нарушений прав человека. Между тем сложность проводимой реформы во многом обусловлена чрезмерным количеством заключенных и громоздкостью структуры УИС. УИС — это огромная сеть учреждений — колоний, следственных изоляторов, тюрем, уголовно-исполнительных инспекций. Общее число людей, имеющих отношение к УИС, включая заключенных и персонал, — около 2 млн человек. Численность заключенных составляет более 40% от общего числа тюремного населения европейских стран. Именно поэтому основным направлением реформы было уменьшение численности заключенных. В настоящее время, когда получены первые результаты сокращения численности заключенных, в частности, содержащихся в следственных изоляторах (СИЗО), возможны дальнейшие преобразования, которые еще более приблизят фактическое положение в пенитенциарной системе России к международным и отечественным стандартам.

Началом правовой реформы уголовно-исполнительной системы России, направленной на соблюдение международных стандартов обращения с заключенными, можно считать июнь 1992 г. Тогда в более чем 50 статей Исправительно-трудового кодекса (ИТК) РСФСР были внесены изменения, направленные на гуманизацию условий содержания заключенных. Прошедшее с тех пор десятилетие ознаменовано постепенным процессом совершенствования законодательства, изменением принципов исполнения наказания. И этот процесс еще далеко не завершен.

Первые поправки ИТК РСФСР, сделанные в 1992 г., во многом были предопределены прошедшей годом ранее массовой забастовкой заключенных в колониях. Эти изменения были скорее вынужденной мерой руководства страны на фоне дестабилизации и общего ухудшения ситуации в местах заключения. Однако уже тогда в законопроект о поправках в ИТК РСФСР, разработанный Комиссией по правам человека Верховного Совета России, были включены принципиальные положения концепции реформирования УИС. Такими положениями стали:

- *определение правового статуса осужденных законодательными, а не подзаконными актами;*
- *установление процедуры контроля за местами лишения свободы и процесса обжалования решений администрации, включая судебный и общественный контроль;*
- *закрепление правовых гарантий для осужденных, в частности, права на личную безопасность и свободу вероисповедания;*
- *оказание помощи в социальной адаптации.*

В ИТК РСФСР также был отражен принцип уголовной политики по дифференциации условий отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного в местах лишения свободы.

Вместе с тем, первые изменения нормативной базы проводились при отсутствии четкой концепции реформы исправительной системы с точки зрения преодоления ее репрессивных функций. Некоторые положения не были закреплены на практике, а часть нововведений имела скорее ужесточающий характер. Несмотря на дальнейшее улучшение законодательства в целом, такие противоречия и несоответствия гуманитарным принципам до сих пор сохраняются.

Так, например, до сегодняшнего дня в отчетности, по которой оценивается работа колонии, сохраняется показатель числа раскрытых, ранее совершенных осужденными преступлений. А оперативно-розыскная деятельность, в числе прочих, определяется для администрации исправительных учреждений в качестве

приоритетной(1).

Второй этап реформы начался в 1997 г. Принятие 8 января 1997 г. нового Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК), заменившего ИТК, значительно приблизило национальное законодательство к международным стандартам.

Например, была определена четкая система контроля и надзора за деятельностью учреждений УИС. Впервые в уголовно-исполнительном законодательстве России были регламентированы функции судебного контроля (ст. 20 УИК), ведомственного контроля (ст. 21), прокурорского надзора (ст. 22), возможности участия общественных объединений в работе учреждений и органов, исполняющих наказания (ст. 23).

Существенной является норма о разделении условий содержания в каждом учреждении — на обычные, облегченные и строгие (ст. 87). Улучшение условий содержания стало зависеть как от отбытого срока, так и от поведения осужденного.

Согласно статье 98 УИК РФ, осужденные к лишению свободы получают право на общих основаниях на государственное пенсионное обеспечение в случае достижения соответствующего пенсионного возраста, наступления инвалидности или потери кормильца. Предусмотрены новые виды наказаний: обязательные работы, ограничение свободы (в исправительных центрах) и арест (в арестных домах), которые были включены в новый Уголовный Кодекс 1996 г. Применение этих видов наказаний отнесено к 2004—2006 гг. («наказание в виде обязательных работ» — не позднее 2004 г., «наказание в виде ограничения свободы» — не позднее 2005 г., «наказание в виде ареста» — не позднее 2006 г.).

8 октября 1997 г. вышел Указ Президента России, который предписывал передать уголовно-исполнительную систему из подчинения МВД в ведение Министерства юстиции. Акт передачи УИС был подписан 31 августа 1998 г. Передача УИС в подчинение Минюста РФ сделала исполнительную систему независимой от органов обеспечения правопорядка, что, в свою очередь, открывало возможности для развития гуманитарной составляющей УИС.

Значительное влияние на уголовно-исполнительную систему оказало принятие 18 декабря 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса РФ. Введение судебного порядка заключения под стражу с 1 июля 2002 г., по данным Генеральной прокуратуры(2), привело к уменьшению числа заключенных под стражу в 2,5 раза. Разгрузка учреждений предварительного содержания под стражей способствовала улучшению условий содержания заключенных в ИВС и СИЗО.

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Не все нормы международного права, касающиеся обращения с заключенными, имеют категоричные для государств обязательства. Но часть из них, такие как запрещение дискриминации, пыток и жестокого обращения, а также право на социальное обеспечение, относятся к безусловным нормам.

Такие документы, как Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (МСП), а также «...касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» (Пекинские правила), Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, Основные принципы обращения с заключенными, Европейские тюремные правила, — признаются международным сообществом обязательными при организации государственных тюремных систем и управлении ими. Международные суды, а во многих случаях и национальные, опираются на эти тюремные стандарты для вынесения решений по вопросам соблюдения прав человека.

В период реформы тюремной системы признается исключительно важным сопоставлять принимаемые национальные нормы и практику национальной пенитенциарной системы с международными стандартами, так как любые преобразования должны соответствовать нормам международного права.

Большая часть нормативных положений российского уголовно-исполнительного законодательства соответствует международным стандартам. Но необходимо выделить некоторые области, где противоречия до конца не решены, в т. ч. это:

- социальная реабилитации (надлежащая забота об освобождающихся);
- порядок информирования заключенных о своих правах;
- порядок привлечения к труду и принципы организации труда;
- участие общественных организаций в оказании помощи заключенным, в контроле мест лишения свободы;
- обеспечение занятий спортом и физическими упражнениями.

Кроме того, не соотносится с международными стандартами сама концепция исправления, основанная на

формальных, неадекватных показателях правопослушного поведения. С точки зрения международных стандартов, некоторая часть положений УИС является неурегулированной, в т. ч. те, которые относятся к дисциплине и наказанию, к задачам медико-санитарной службы и особому положению врача, регламентации санитарного состояния помещений содержания под стражей, перевозке (этапированию) заключенных.

АНАЛИЗ СООТВЕТСТВИЯ НОРМ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ(3)

1. Основополагающие принципы

2. Процедура подачи и рассмотрения жалоб. Поддержание правопорядка

3. Условия содержания

4. Медицинское обеспечение и поддержание здоровья

5. Контакты заключенных с внешним миром

6. Программы для заключенных

7. Труд

8. Образование и культурная деятельность

9. Отдых и спорт

* * *

В заключение отметим, что, несмотря на достижения в совершенствовании нормативной базы УИС, остаются значительные расхождения с требованиями МСП. Необходимость приводить отечественное законодательство к международным стандартам не перестает быть актуальной задачей, и продолжающаяся реформа УИС позволяет работать в этом направлении.

(1) Ст. 14 ФЗ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1.

(2) Мониторинг введения в действие нового УПК РФ // Реформа уголовного правосудия в России. 2002.

(3) Структура раздела следует кодификации Практического руководства по эффективному применению международных стандартов «Как заставить стандарты работать». Международная тюремная реформа. 1995.

СООТВЕТСТВИЕ ФАКТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ ТРЕБОВАНИЯМ МИНИМАЛЬНЫХ СТАНДАРТНЫХ ПРАВИЛ ОБРАЩЕНИЯ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ. ДОКЛАД ПО ИТОГАМ МОНИТОРИНГА

Основной принцип

б. 1) Нижеследующие правила следует применять с беспристрастностью. Дискриминация по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религиозных, политических и других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, семейного происхождения или социального положения недопустима.

2) С другой стороны, нужно уважать религиозные убеждения и моральные установки заключенных, принадлежащих к тем или иным группам населения(1).

Запрет на дискриминационные действия является предметом большого количества международных документов, в т. ч. Всеобщей декларации прав человека (ст. 2, 7) и специальных деклараций, утверждающих толерантность, равноправие и защиту уязвимых групп. Действие этих документов распространяется на всех граждан, вне зависимости от того, ограничены ли они в фундаментальных правах на основании судебного решения или нет. Содержания Правила № 6 МСП и Принципа 2 Основных принципов обращения с заключенными (ОПЗ) выступают дополнительными гарантиями правовой защиты заключенных от какой-то ни было дискриминации по признакам самоидентификации, происхождения, социального статуса, поскольку уже в силу действия других, более общих международных документов антидискриминационное законодательство распространяется на заключенных.

Российские правовые акты и нормы, регулирующие вопросы дискриминации, взаимосвязаны между собой и имеют иерархию. Во-первых, в систему отечественного права принятое Россией международное законодательство входит неотъемлемой частью. И в этом смысле ряд специальных антидискриминационных документов, направляющих развитие и действие национального законодательства, предоставляет заключенным более весомую защиту от преднамеренного ущемления прав. Здесь мы выделим только некоторые из них. Это Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (25 ноября 1981 г.), Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, раздел VII (1 августа 1975 г.), Конвенция ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979 г.), Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, ст. 40 (29 июня 1990 г.), Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод, ст. 9, 14 (5 мая 1998 г.), Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека, ст. 10, 20 (4 ноября 1995 г.). Все эти документы предписывают государствам однозначно выступать гарантами защиты от дискриминации, защищать права меньшинств, законодательно обеспечивать возможности мировоззренческого, религиозного и т. д. многообразия в выборе людей.

Во-вторых, федеральное законодательство, в первую очередь Конституция РФ, признавая приоритет международных норм, содержит ряд статей, повторяющих международные принципы правовой защиты от дискриминации. Это статьи, прямо запрещающие ограничения по признакам, обозначенным в упомянутых международных документах, а также в МСП (Правило № 6) и ОПЗ (Принцип № 2). Статья 19 Конституции гарантирует равноправие (ч. 1) и защиту от любых форм дискриминации (ч. 2). Отдельно утверждается равноправие мужчин и женщин, тем самым вводится конституционный запрет на дискриминацию по признаку пола (ч. 3 ст. 19).

Свобода религиозных и моральных убеждений, императивно зафиксированная в части 2 Правила № 6 МСП, относится к сфере свободы совести. Признание религиозного многообразия, уважение религиозного выбора и другие смежные вопросы, относящиеся к свободе совести, закреплены в Конституции России (ст. 28, 29). В свод федерального законодательства России также входит закон «О свободе совести и религиозных объединений» (1997 г.), который в практике пенитенциарных учреждений приобретает приоритетное значение в сравнении с нормами Уголовно-исполнительного кодекса (УИК РФ), закрепляющими право на свободу совести в статье 14(2).

Уголовно-исполнительное законодательство России, основываясь на принципах гуманизма, равноправия (ст. 8 УИК РФ), не содержит отдельной статьи, прямо говорящей о запрете дискриминации. Тем не менее жесткое предписание равенства всех перед законом рассматривается как правовая гарантия защиты от дискриминационного отношения. Подчеркнем, что в специальном пенитенциарном законодательстве, действующем в России, только в МСП содержится категорический запрет на дискриминацию, а также в законе о «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 6). В Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (Правила ИУ), ведомственном документе, который конкретизирует статьи УИК, также отсутствуют нормы, запрещающие дискриминационные практики в отношении осужденных. В статье № 3 Правил ИУ повторяется право на свободу совести, но не содержится каких-либо регламентирующих положений, которые бы обеспечивали ее соблюдение в исправительных учреждениях.

Не в прямой форме, но так или иначе отвечающей требованиям запрета дискриминации по языковой принадлежности следует признать статью 12 УИК РФ, закрепляющую право заключенных на устное и письменное общение на родном, иностранном языке и предписывающую предоставлять переводчиков для тех заключенных, которые не владеют официальным языком страны.

Отметим, что уголовное законодательство (УК РФ) гарантирует соблюдение конституционного принципа равноправия граждан, устанавливая уголовную ответственность за дискриминационные действия по

обозначенным выше признакам (ст. 136 УК РФ).

При оценке уровня дискриминации в пенитенциарных учреждениях необходимо сделать несколько важных уточнений. Мы говорим о нарушениях, оказываемых предпочтениях, ограничениях, предубеждениях в действиях на основе той или иной принадлежности заключенных. Но дискриминация возможна тогда, когда существует ксенофобия по какому-либо из признаков. И хотя сама дискриминация проистекает из ксенофобского отношения, не всегда существование ксенофобии приводит к дискриминации. Иногда бывает сложно разделить факты дискриминации и ксенофобии, но в дальнейшем изложении мы постараемся, где это возможно, соблюсти это различие.

Информация, полученная в ходе мониторинга, не позволяет сделать сколько-нибудь взвешенных выводов о наличии дискриминации на основе убеждений, по социальным, имущественным признакам. В то же время, результаты мониторинга не дают серьезных оснований говорить о полном отсутствии таких практик в исправительных учреждениях России, но, во всяком случае, каких-либо очевидных фактов получено не было. Дальнейшее изложение большей частью будет посвящено этнической дискриминации и дискриминации по признакам сексуальной ориентации.

Необходимо также сделать ряд оговорок в связи со структурой тюремного сообщества, так как было бы неверным рассматривать практики обращения с заключенными, не учитывая доминирующие в пенитенциарных учреждениях представления о тех или иных ролях, которыми обладают разные группы заключенных. Заметим, что тюремное сообщество жестко структурировано на относительно закрытые локальные группы заключенных. Причем если традиционно группы выстроены вертикально, и механизм субординации среди них работает по принципу подчинения, то этнические меньшинства как правило формируют свои изолированные сообщества, не входя отдельной группой в общую иерархическую систему. Важно, что с каждой из групп заключенных администрация строит взаимодействия, основываясь на тех или иных устоявшихся в пенитенциарном сообществе неформальных правилах. По крайней мере, так можно сказать о большинстве исправительных учреждений. Но поскольку этнические сообщества заключенных пытаются быть более изолированными, то не всегда остальным заключенным достоверно известно об их взаимоотношениях с администрацией, о том, существует ли практика дискриминации на основе их этнической принадлежности.

Наиболее распространенным ответом среди бывших заключенных было утверждение, что бесправие уравнивает заключенных и каких-либо предпочтений или ограничений по выделенным в правилах и законах признакам, в т. ч. этническом, не существует, — «У зеков нет национальности»(3). Но это точка зрения бывших заключенных, которые не всегда могут адекватно оценить существующие настроения среди административных властей исправительных учреждений и, как уже было упомянуто, многими не фиксируются неясные факты дискриминации или любой ее формы.

Тем не менее есть основания говорить о существовании этнической дискриминации. Группы, которые подвергаются такому обращению, — в основном армяне, азербайджанцы, чеченцы, так называемые «кавказцы»(4). Этническая дискриминация, основанная на соответствующей ксенофобии, распространена в тех исправительных учреждениях, где во внешнем окружающем региональном контексте ксенофобские тенденции и практики имеют распространение. Поэтому неслучайно результаты мониторинга выделили именно те этнические группы, которые наиболее часто являются объектами ксенофобии вне колонии. В этом смысле ответы некоторых бывших заключенных представляются убедительными: «На зоне в общем отражаются те же отношения между людьми, что и вне зоны, на воле»(5), «...нетерпимость есть везде, а в колонии тем более»(6). Религиозная дискриминация также иногда принимает такие же формы, как и в обществе: «Религиозники преследовались те, что и на государственном уровне не признаются, ну вот, сектанты, например»(7).

Из-за того, что часть сотрудников уголовно-исполнительной системы участвует или участвовала в контртеррористической операции в Чечне, кавказофобия усиливается. Некоторые бывшие заключенные замечают, что хотя как такового разделения по национальностям не существует, но при этом часть «надзирателей это заводит, они же тоже в Чечне бывают»(8).

В то же время нельзя сказать, что среди заключенных распространены этнические или религиозные предубеждения. Многие бывшие заключенные подчеркивали, что умение человека строить приемлемые отношения с другими в колонийской среде является основным критерием отношения: «Нет национального, если брать в зоне, у нас нет. Если ты человек в зоне арестантской по жизни, ты будешь человеком. Хоть ты грузин, хоть ты чеченец, хоть ты кто. Это зависит от людского. Если ты человек, если у тебя есть порядочность, ты будешь человеком»(9). И даже если до заключения осужденный разделял некоторые негативные этнические стереотипы, соглашался с дискриминационным отношением к некоторым группам, то в условиях колонии у него нет возможности придерживаться тех же моделей поведения.

Но подчеркнем, что те предрассудки и дискриминационные практики, которые распространены среди заключенных, могут влиять на повседневное обращение администрации с теми же группами, которые являются объектом ксенофобии и дискриминации у заключенных. Причем представители администрации относятся к этим заключенным практически также как и заключенные. Речь идет о гомофобии и основанной на ней дискриминации, поскольку дискриминируемой группой как со стороны администрации, так и со стороны заключенных являются добровольные или недобровольные гомосексуалисты: «И те и другие (заключенные и надзиратели) их унижают. Я это видел постоянно»(10). И хотя сексуальные контакты запрещены уголовно-исполнительным законодательством России, а международные документы отдельно не говорят о сексуальной ориентации как основании дискриминации, упоминая только «иные» признаки после известного перечня, Тем не менее создание представителям этой группы заключенных отдельных от всех остальных условий содержания противоречит принципу равноправия, закрепленному УИК РФ, и Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений. Обозначая эту проблему, необходимо учитывать, что зачастую администрация вынуждена соблюдать неформальные правила и традиции заключенных, в т. ч. и по отношению к так называемым «опущенным», поскольку в нынешних условиях (недостаточное бюджетное финансирование, нехватка кадров и т. д.) это остается наиболее доступным способом управления колонией.

В заключение следует обратить внимание на то обстоятельство, что общественные настроения оказывают влияние на отношения внутри исправительного учреждения. С введением в действие нормы УИК, предписывающей направлять заключенных отбывать наказание в исправительные учреждения, расположенные в регионе их места жительства (ст. 73 п.1) эта взаимосвязь только усилится. Уже сейчас можно говорить о том, что, например, этническая структура региона повторяется в исправительном учреждении, и, соответственно, многие проблемы актуальные для конкретного региона приобретают похожие формы и в колониях.

В меньшей степени чем этническое, религиозное разнообразие региона также представлено в региональных исправительных учреждениях. И, как правило, возникающие проблемы обусловлены региональной спецификой межконфессиональных отношений. Толерантность к индивидуальным религиозным выборам по преимуществу свойственна административным властям колоний, но, Тем не менее остаются проблемы с доступом религиозных организаций в места заключения, с правом заключенных общаться со служителем соответствующего культа.

(1) Здесь и далее каждый раздел доклада предваряется текстом соответствующего правила Минимальных стандартных правил обращения с заключенными.

(2) См. главу «Религия».

(3) Вывод из анкет с бывшими заключенными. Ростовская область, Республика Тыва, Республика Башкортостан, Республика Адыгея, Оренбургская область, Ненецкий автономный округ, Нижегородская область, Псковская область и др.

(4) Из интервью с бывшими заключенными. Санкт-Петербург, Ставропольский край, Республика Мордовия, Тверская область, Саратовская область, Орловская область, Ямало-Ненецкий автономный округ.

(5) Из интервью с бывшим заключенным. Санкт-Петербург.

(6) Из интервью с бывшим заключенным. Ненецкий автономный округ.

(7) Из интервью с бывшим заключенным. Белгородская область. Также см. главу «Религия».

(8) Из интервью с бывшим заключенным. Тверская область.

(9) Из интервью с бывшим заключенным. Пермская область.

(10) Из интервью с бывшим заключенным. Ненецкий автономный округ.

Реестр

7. 1) Во всех местах заключения следует иметь реестр в виде переплетенного журнала с пронумерованными страницами, куда должны заноситься в отношении каждого заключенного следующие данные:

a) сведения, касающиеся его личности;

b) причины его заключения и власти, принявшие решение о заключении;

c) день и час его прибытия и выхода из данного места заключения.

2) Никто не может приниматься в тюрьму без действительного приказа о заключении, подробности которого

предварительно заносятся в реестр.

Это правило является строго практическим руководством для регистрации заключенных. Это необходимо для того, чтобы предупредить их незаконное содержание в тюрьме. Порядок регистрации рассматривается как чрезвычайно важный аспект в обеспечении законности ареста и заключения в практике приема и содержания заключенных в местах лишения свободы. Статья 9.1 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит: «Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом».

Соблюдение точных правил регистрации приобретает важнейшее значение с момента задержания гражданина, поскольку от выполнения процессуальных норм по регистрации задержанного зависит, в т. ч., эффективность соблюдения его прав.

В соответствии со статьей 92 Уголовно-процессуального кодекса России (УПК), «после доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания». «В протоколе указываются дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания». Протоколирование времени фактического задержания имеет принципиальное значение для исчисления 24-часового срока допустимого содержания под стражей до того, как подозреваемый будет доставлен в суд. Действительно, согласно статье 22 Конституции РФ, статье 108 УПК РФ арест и заключение под стражу допускаются только по судебному решению. Протокол является также основанием для ведения учетных записей при водворении задержанного в камеру предварительного заключения.

Между тем на практике время фактического задержания в протоколе указывается по времени составления такого протокола. А во многих случаях протокол задержания составляется по прошествии значительного времени с момента задержания под стражу либо, если задержанного отпускают, вообще не составляется.

Так, 1 октября 2001 г. в г. Нижнем Новгороде при проведении сотрудниками Приокского РОВД плановой проверки торговых точек по выявлению нарушений правил торговли был задержан и помещен в камеру предварительного заключения директор социального магазина А. В. Костромин. В камере РОВД он провел около четырех часов(1), после чего был госпитализирован в больницу с диагнозом артериальная гипертония. «Мою просьбу ознакомить меня с протоколом задержания сотрудники милиции проигнорировали. Но позднее были вынуждены признаться, что протокол о задержании не составлялся, т. к. сам начальник Приокского РОВД Б. Хализов не смог найти в Кодексе об административных правонарушениях оснований для моего задержания. После этого меня выставили из КПЗ и предложили все забыть...»(2)

Преодолеть эту негативную практику чрезвычайно трудно, поскольку надзорный орган — прокуратура, крайне неохотно реагирует на подобные нарушения. Практически нет случаев наказания за несвоевременное документирование задержанных, а вмешательство в такие случаи происходит, как правило, только тогда, когда документы фальсифицируются и этот факт удается доказать.

Так, в июне 2001 г. сотрудниками милиции был задержан и доставлен в отделение милиции студент В. Ему заявили, что он подозревается в том, что несколько дней тому назад ранил работника милиции. В. этого не признавал, его стали избивать. Знакомые В., студенты юридического института, пришли в отделение милиции и стали свидетелями избиений. По прошествии более суток нахождения под стражей В. освободили, и он обратился в прокуратуру с заявлением о привлечении виновных к ответственности. При выяснении обстоятельств дела было обнаружено, что протокол о задержании по подозрению в совершении уголовного преступления не составлялся. Чтобы скрыть обстоятельства задержания, работники милиции оформили материал о задержании В. за мелкое хулиганство. Материалы были направлены в суд, однако судья прекратил дело, т. к. в документах были явные исправления, а свидетели подтвердили алиби В. По факту фальсификации протокола было возбуждено уголовное дело. Однако в течение нескольких месяцев расследование длилось безрезультатно. При встречах потерпевшего с работниками милиции ему было сообщено, что «имеется договоренность с прокуратурой о прекращении дела, а от В. требуется только не обжаловать это решение». Через 6 месяцев дело было прекращено(3).

С принятием нового УПК количество такого рода случаев не уменьшилось. Но эта проблема приобрела большую актуальность, поскольку новый УПК уменьшил на одну треть досудебные процессуальные сроки содержания под стражей и ужесточил порядок принятия решения об аресте. Это привело к тому, что после задержания сотрудники милиции стремятся увеличить реальный срок содержания под стражей, используя всевозможные способы.

* * *

При содержании в местах лишения свободы требования по регистрации заключенного, контролю законности такого содержания, в целом, соблюдаются.

Статья 7 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК) определяет основания для исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера: «Основаниями исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера являются приговор либо изменяющие его определение или постановление суда, вступившие в законную силу, а также акт помилования или акт об амнистии». Порядок приема подозреваемых и обвиняемых в следственные изоляторы представлен в § II Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденных Приказом Минюста РФ от 12 мая 2000 г. № 148 (Правила СИЗО). В соответствии с ними, документом, дающим основание для приема в СИЗО, является судебное решение. В статье 79 УИК РФ говорится о том, что порядок приема осужденных к лишению свободы «осуществляется администрацией указанных учреждений в порядке, установленном Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений» (Правила ИУ). Согласно Правилам ИУ при приеме осужденного должны присутствовать оперативный дежурный, работник специального отдела и работник медицинской части учреждения. При этом проверяется наличие личных дел и устанавливается их принадлежность прибывшим осужденным, также проверяется наличие в личных делах необходимых документов.

По каждому заключенному заводится личное дело, учетная и контрольно-срочковая карточка. В дело включаются все необходимые документы, касающиеся личности осужденного (документы о дате, месте рождения, месте жительства, об образовании; характеристики, сведения о родственниках, о заболеваниях, о предыдущих судимостях, если они имеются и др.).

Контроль за перемещением заключенных сопровождается записями в журналы учета, в учетные карточки, также составляется «попутный список». Учет заключенных в самом учреждении проводится по пятидневным сводкам о движении осужденных, сведения заносятся в установленные формы статистической отчетности.

Для того чтобы осуществлять контроль за своевременным освобождением заключенного, а также за наступлением сроков для представления к условно-досрочному освобождению или замене оставшейся части срока лишения свободы на более мягкий вид наказания (перевод в колонию-поселение, перевод из одних условий отбывания наказания в другие) — на каждого осужденного, прибывшего в колонию, заполняется контрольно-срочковая карточка. В конце каждого года из контрольно-срочковой картотеки, для особого контроля, выделяются карточки на осужденных, срок заключения которых заканчивается в следующем году. Эти карточки размещаются по датам окончания срока наказания (месяц, день). Таким образом, в период отбывания уголовного наказания подробная регистрация ведется на каждого заключенного, что соответствует требованиям МСП по ведению реестра.

Вместе с тем ведение правильного учета заключенных не является достаточным средством для соблюдения законности содержания под стражей и отбывания наказания. Так, например, актуальной является проблема соблюдения сроков и законности содержания под стражей.

На практике две трети заключенных находятся в СИЗО в течение всего времени судебного процесса. Это период, когда дело принимается к производству, рассматривается в суде, а также период, когда вступает в силу судебное решение. В соответствии со ст. 255 УПК срок содержания под стражей «со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора не может превышать 6 месяцев», в исключительных случаях — до 9 месяцев. Однако по значительной части дел эти сроки не соблюдаются, судебное разбирательство не проводится, суд не рассматривает основания содержания под стражей, и подсудимые находятся в СИЗО без обоснованных причин.

Так, с 1994 г. до начала 2002 г. без суда содержалась в СИЗО № 6 г. Москвы по обвинению в совершении особо тяжких преступлений инвалид первой группы, имеющая огнестрельные ранения М. Зварыкина. Многочисленные попытки защитников изменить меру пресечения успехов не принесли. Весной 2002 г. во время судебного процесса у обвиняемой произошел инфаркт, и ныне она находится в больнице при СИЗО № 1, куда фактически доставлена умирать. Но даже в таком состоянии суд ее на свободу не выпустил, мотивируя отказ тем, что... «М. Зварыкина сразу же ляжет в больницу»(4).

Судебный контроль за законностью содержания под стражей является основным средством защиты прав заключенных. Но поскольку на практике суд является одним из основных источников нарушений прав заключенных, эффективность судебной системы ставится под сомнение.

Правонарушающая практика судов Российской Федерации — не рассматривать основания содержания под стражей — подтвердилась Европейским судом, который 15 июля 2002 г. вынес решение по делу Калашникова против России(5). В этом решении, в частности, отмечалось нарушение длительности судебного процесса, в

течение которого суд не рассматривал ни доводы, ни саму необходимость содержания под стражей Калашникова.

- (1) *Киселев В.* Шейка поперек милицейского горла // Нижегородский рабочий. 2001. 27 октября; ЧП районного масштаба // Биржа. 2001. 11 октября.
- (2) Из жалобы А. Костромина в прокуратуру г. Нижнего Новгорода.
- (3) Красноярский региональный орган общественной самодеятельности «Общественный комитет по защите прав человека». 2001.
- (4) О соблюдении прав человека в Российской Федерации в 2001 г. Доклад Московской Хельсинкской группы. 2002.
- (5) Application no. 47095/99 by Valeriy Yermilovich "Kalashnikov against Russia".

Разбивка по категориям

8. Различные категории заключенных содержатся в отдельных заведениях или в разных частях одного и того же заведения, с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного обращения с ними. Таким образом:

- a) мужчин и женщин следует по возможности содержать в отдельных заведениях;*
- b) если же мужчины и женщины содержатся в одном и том же заведении, то женщин следует размещать в совершенно отдельных помещениях;*
- c) неосужденных заключенных следует помещать отдельно от осужденных;*
- d) лиц, осужденных за невыполнение долговых обязательств, и других заключенных по гражданским делам, следует помещать отдельно от лиц, совершивших уголовное преступление;*
- e) малолетних правонарушителей следует содержать отдельно от взрослых.*

Дифференцированный подход к различным категориям заключенных, рекомендуемый международными документами принцип индивидуализации наказания зависит от соблюдения требований отдельного содержания осужденных. Основная цель — обеспечить особые условия содержания, присущие для таких категорий, а также уменьшить пагубность влияния тюремной среды.

Национальное законодательство, следуя Правилу № 8 МСП, подтверждает необходимость отдельного содержания различных категорий осужденных, более того, определяет значительное число таких категорий. Так, только в законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» («О содержании под стражей») (ст. 33) таких категорий насчитывается 13.(1) В т. ч. установлено отдельное содержание для мужчин и женщин, для не осужденных и осужденных, для малолетних (несовершеннолетних) и взрослых.

Оговоримся, что в российском законодательстве не предусмотрена уголовная ответственность за невыполнение долговых обязательств, соответственно такая категория заключенных не определена. Однако установлен порядок отдельного содержания «лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности, и лиц, ранее содержавшихся в местах лишения свободы».

Вместе с тем федеральным законом допускается совместное содержание под стражей несовершеннолетних и взрослых. Такое размещение разрешается с согласия прокурора и только в отношении взрослых, «положительно зарекомендовавших себя» и впервые привлекаемых к уголовной ответственности за преступления, не относящиеся к тяжким.

Такой порядок содержания, являясь нарушением международных стандартов, был введен, скорее, как вынужденная мера. Помещение взрослого заключенного в камеру, где содержатся несовершеннолетние, может способствовать снижению конфликтов и насилия, распространенного в среде заключенных подростков. А такие ситуации повсеместно возникают, прежде всего, из-за несоблюдения в местах лишения свободы принципа тщательного отбора заключенных, помещаемых в одну камеру (Правило № 9 МСП)(2).

Так, в СИЗО-4 Коми-Пермяцкого автономного округа (декабрь 2002 г.) в 3 камерах содержатся 14 мальчиков и

4 девочки. В каждой камере вместе с несовершеннолетними содержится 1 взрослый заключенный соответствующего пола, имеющий «легкую» статью уголовного обвинения(3). По словам начальника СИЗО-3 Воронежской области: «Несовершеннолетние девушки размещаются с положительно настроенными женщинами, у кого первая ходка, кто по нетяжким статьям. У нас сейчас одна несовершеннолетняя, что мы ее в одиночку запрем? Было бы хотя бы человека четыре, тогда другое дело, они же должны общаться»(4).

В то же время, по результатам мониторинга в регионах в большинстве случаев несовершеннолетние содержатся в камерах без взрослых, хотя администрация может, согласно статье 33 закона «О содержании под стражей», размещать в них и взрослых. Однако такие возможности и кандидатуры из числа заключенных находятся не всегда. По этому поводу, в частности, высказал сожаление в одном из интервью начальник СИЗО-1 г. Ставрополя(5).

Случаи насилия и жестокости, возникающие при совместном содержании несовершеннолетних в одних камерах, являются показательными для оценки ситуации с соблюдением принципов классификации отдельных категорий заключенных.

Предусмотренное национальным законодательством большое число категорий заключенных негативно отражается на практике. В частности, крайне сложно обеспечить приемлемые условия содержания для каждой из таких категорий. В изоляторах временного содержания, существующих при районных отделениях внутренних дел, число камер зачастую меньше числа категорий, подлежащих раздельному содержанию. В этой связи предписание о раздельном содержании ведет к диспропорции количества заключенных при распределении по камерам. В одних случаях, в камерах содержатся в одиночном заключении, в других — камеры переполнены, причем, с превышением не только лимита по числу метров на каждого заключенного, но и по числу спальных мест. При этом в отчетности среднее число заключенных и вместимость камер в учреждении формально соблюдаются.

Такая ситуация в значительной мере складывается и в следственных изоляторах. В последние годы ВИЧ-инфицированные осужденные размещались в отдельных камерах, число и вместимость которых были ограничены. В условиях переполненности камер заключенные содержатся в нетерпимых условиях, подрывающих их здоровье.

ВИЧ-инфицированные заключенные — в определенном смысле новая проблема для уголовно-исполнительной системы РФ (УИС). Вместе с тем резкое возрастание количества инфицированных заключенных (только в период 2000—2002 гг. численность ВИЧ-инфицированных выросла в 8 раз) наряду с законодательным требованием их изоляции отразилось на условиях их содержания. Сама изоляция и выделение ВИЧ-инфицированных как особой категории, учитывая высокую латентность инфекции, является сомнительной мерой. Однако, с 13 марта 2001 г. вступило в силу законодательное изменение УИК РФ, в соответствии с которым были исключены нормы раздельного содержания и этапирования ВИЧ-инфицированных(6). Вместе с тем проблема изоляции ВИЧ-инфицированных связана не столько с законодательными требованиями, сколько с социальными предубеждениями и такая практика сегрегации и изоляции (как со стороны персонала, так и со стороны осужденных) продолжает существовать. Так, на территории учреждения ИР-91/1 Республики Алтай находится участок для больных туберкулезом, но отсутствует участок для ВИЧ-инфицированных. ВИЧ-инфицированных среди осужденных два человека, содержатся они при медсанчасти(7).

Нехватка специализированных исправительных учреждений также приводит к нарушениям установленных условий содержания. И хотя в УИС реализуется программа по строительству новых специализированных учреждений, положение, в связи с ограниченным финансированием программы, улучшается медленно.

Так, крайне сложной является ситуация в Шаховской женской колонии строгого режима (Орловская область), где превышение лимита составляет 180 %. «Еще хуже, если не сказать опаснее, представляется положение в тюремной туберкулезной больнице. Нынешняя ситуация, когда на одно место приходится более двух человек, воспринимается почти удовлетворительной. Ведь было время, когда в рассчитанной на 50 человек больнице находилось 438 заключенных!» (8)

По состоянию на январь 2002 г. в России было, в частности, 13 тюрем, 37 исправительных колоний для женщин (только в 11 из них есть дома ребенка), 64 воспитательные колонии (из них только 3 для девочек)(9). В 2002—2003 гг. открыто 13 изолированных участков строгого режима и одна колония(10). Эти усилия ГУИН значительно улучшили ситуации, однако не разрешили проблему в комплексе (например, по обеспечению условий рождения детей и их содержания вместе с матерью).

Ограниченное число специализированных учреждений, наряду с их неравномерным распределением по регионам создают постоянные проблемы, связанные с переполненностью отдельных видов учреждений, этапирования заключенных и удаленностью места лишения свободы, что, в итоге, создает множество проблем поддержания связей с родственниками.

Задача разделения заключенных для уменьшения негативного влияния той части осужденных, которая зарекомендовала себя как «неисправимая», рассматривается администрацией исправительных учреждений как важная часть воспитательной работы. На практике это проявляется в локализации отдельных осужденных, нарушающих правила распорядка, в местах дисциплинарного наказания. В настоящее время для этого используются специальные локальные участки, создаваемые в исправительных колониях. Содержание в них отличается особой строгостью и изоляцией (в т. ч. вводится ограничение на передвижение внутри колонии). Отметим, однако, что решение об изоляции осужденных основано не только на оценке их поведения, но и на следовании так называемым «тюремным обычаям». Такие «тюремные обычаи» содержат собственные правила противодействия предписаниям администрации и обычая самоуправления. В этой связи отметим, что разделение осужденных по поведению чрезвычайно условно и не может иметь значительного эффекта.

Большая часть осужденных, находясь в общих помещениях отрядов (по 100 человек), не разделяется, в т. ч., на категории наказанных за насильственные и не насильственные преступления. Решение о распределении осужденных по отрядам в колониях принимает комиссия, в которую входят представители службы безопасности, воспитательной, производственной служб, спецотдела и психолог. Однако приоритетами в вопросах размещения остаются интересы безопасности и производства. Заметим также, что практически во всех регионах России было отмечено, что при размещении и разделении осужденных в камерах и отрядах не учитывается их совместимость, не ведется индивидуальная работа.

Традиция тюремной субкультуры имеет собственную систему кастового разделения, не связанную с нормативным разделением на категории осужденных. Такая система является неформальной, но, как правило, соблюдается осужденными неукоснительно. Во многих случаях администрация исправительных учреждений сама учитывает эти традиции при обращении с заключенными. Так, осужденные группы «опущенных»⁽¹¹⁾ питаются за отдельным столом. Важно, что структура тюремных групп осужденных также имеет существенное значение, в т. ч. в практике дискриминации.

Задачи по разделению осужденных в целях предотвращения дискриминации и обеспечения их безопасности во многом отражают социальные проблемы. Так, после осетино-ингушского конфликта 1992 г. в СИЗО Северной Осетии отдельно содержатся этнические группы (ингуши и осетины). Администрация мест лишения свободы считает, что разбивка на эти категории «целесообразна для поддержания дисциплины и порядка на территориях мест лишения свободы»⁽¹²⁾.

В заключение необходимо отметить, что принцип разделения по категориям заключенных должен быть связан с созданием необходимых и достаточных условий содержания для каждой из таких категорий. Но именно сложности в обеспечении надлежащих условий содержания в учреждениях УИС России нивелируют значение дифференциации заключенных.

(1) Для военнослужащих требование в отдельном содержании подразумевает 4 категории (ст. 150 УИК РФ); отдельно содержатся также бывшие сотрудники правоохранительных и судебных органов.

(2) Правило № 9-2 МСП «Там, где имеются общие камеры, размещаемых в них заключенных следует подвергать тщательному отбору, чтобы удостовериться, что они способны жить вместе в таких условиях. По ночам следует осуществлять постоянный надзор, совместимый с характером заведения».

(3) Региональный доклад. Коми-Пермяцкий автономный округ. 2002.

(4) Из интервью с начальником СИЗО. Воронежская область.

(5) Региональный доклад. Ставропольский край. 2002.

(6) Изменения в УИК РФ внесены Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ.

(7) Региональный доклад. Республика Алтай. 2002.

(8) Региональный доклад. Орловская область. 2002.

(9) Сайт Центра содействия реформе уголовного правосудия (www.prison.org/penal/stat/doc001.htm).

(10) Замечания ГУИН Минюста России «О результатах мониторинга учреждений УИС» от 23 апреля 2003 г. № 18/1/4-76

(11) «Опущенный» — представитель самой низшей группы в неформальной иерархии заключенных, своеобразной касты неприкасаемых. См.: Краткий толковый словарь тюремного мира / ОЦ «Содействие реформе уголовного правосудия».

(12) Региональный доклад. Республика Северная Осетия — Алания. 2002.

Помещения

9. 1) Там, где заключенные ночуют в камерах или комнатах, каждый из них должен располагать отдельной камерой или комнатой. Если по особым причинам, таким, как временная перегрузка тюрьмы, центральному тюремному управлению приходится отказаться от применения этого правила, помещать двух заключенных в одну и ту же камеру или комнату представляется нежелательным.

2) Там, где имеются общие камеры, размещаемых в них заключенных следует подвергать тщательному отбору, чтобы удостовериться, что они способны жить вместе в таких условиях. По ночам следует осуществлять постоянный надзор, совместимый с характером заведения.

10. Все помещения, которыми пользуются заключенные, особенно все спальные помещения, должны отвечать всем санитарным требованиям, причем должное внимание следует обращать на климатические условия, особенно на кубатуру этих помещений, на минимальную их площадь, на освещение, отопление и вентиляцию.

11. В помещениях, где живут и работают заключенные:

- a) окна должны иметь достаточные размеры для того, чтобы заключенные могли читать и работать при дневном свете, и должны быть сконструированы так, чтобы обеспечить доступ свежего воздуха, независимо от того, существует или нет искусственная система вентиляции;
- b) искусственное освещение должно быть достаточным для того, чтобы заключенные могли читать или работать без опасности для зрения.

12. Санитарные установки должны быть достаточными для того, чтобы каждый заключенный мог удовлетворять свои естественные потребности, когда ему это нужно, в условиях чистоты и пристойности.

13. Банные установки и количество душей должно быть достаточным для того, чтобы каждый заключенный мог и был обязан купаться или принимать душ при подходящей для каждого климата температуре и так часто, как того требуют условия общей гигиены, с учетом времени года и географического района, то есть во всяком случае хотя бы раз в неделю в умеренном климате.

14. Все части заведения, которыми заключенные пользуются регулярно, должны всегда содержаться в должном порядке и самой строгой чистоте.

Требование МСП, предусматривающее, что каждый заключенный должен располагать отдельной камерой или комнатой (в случаях, когда заключенные ночуют в комнатах или камерах), к пенитенциарной системе России неприменимо, поскольку она в целом предполагает содержание заключенных в общих камерах. Одиночное содержание осужденных и подследственных в УИК РФ предусмотрено только в качестве меры дисциплинарного взыскания и исключительно на установленное законом время. Единственная категория заключенных, которых УИК РФ рекомендует на весь срок заключения помещать в камеры «не более чем по два человека», — это осужденные к пожизненному заключению. Возможность содержания осужденных в одиночных камерах при этом предусмотрена, но только «по просьбе осужденных и в иных необходимых случаях по постановлению начальника исправительной колонии при возникновении угрозы личной безопасности осужденных»(1).

Условия размещения заключенных в общих камерах в России могут быть признаны не соответствующими требованиям МСП.

Практически во всех пенитенциарных учреждениях России заключенных содержится больше, чем могут вместить эти учреждения. В помещениях, где живут и ночуют заключенные, устанавливаются нары в два-три этажа. Особенно тяжелая ситуация складывается в СИЗО и тюрьмах. Поскольку этих заведений недостаточно, они зачастую переполнены (в некоторых регионах на 200%)(2). При этом, по данным ГУИН, около 60% зданий, в которых размещаются заключенные под стражу и осужденные, — дореволюционной постройки. Еще 20% — построены до середины XX в., и многие из них с тех пор капитально не ремонтировались.

В связи с этим по инициативе ГУИН была разработана Федеральная программа строительства и реконструкции следственных изоляторов и тюрем, а также строительства жилья для персонала указанных учреждений на период до 2000 г., утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации 3 ноября 1994 г. № 1231(3). Однако финансирование этой программы из федерального бюджета практически не велось. Объем бюджетных ассигнований, выделяемых на ее реализацию, за три года (1997—2000 гг.) составил менее 3% от

предусмотренного. В связи с окончанием в 2000 г. срока действия программы и существенным ее недофинансированием Правительству РФ было предложено продлить срок ее действия до 2005 г..(4) В этой ситуации даже те немногие введенные в эксплуатацию новые здания через некоторое время оказываются переполненными.

Перенаселенность СИЗО способствует росту заболеваемости среди подсудимых и осужденных, в первую очередь туберкулезом. Причин этому существует несколько. Во-первых, недостаточное финансирование, нехватка специализированных койко-мест в лечебных учреждениях и современного диагностического и лечебного медицинского оборудования. Во-вторых, больные инфекционными заболеваниями часто содержатся вместе со здоровыми, особенно это касается СИЗО, что подтверждается информацией из большинства анкет с бывшими заключенными. Во многом это является следствием невозможности своевременно диагностировать заболевания у заключенных.

Ответственность за несоблюдение установленных санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований, обеспечивающих охрану здоровья осужденных, возлагается на администрацию пенитенциарного заведения(5). Однако иногда ситуация настолько неподконтрольна, что случаи заражения туберкулезом непосредственно в местах заключения имеют место не только среди заключенных, но и персонала заведений. В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О. Миронова, в частности, говорится: «туберкулез стал профессиональным заболеванием как работников учреждений уголовно-исполнительной системы, так и противотуберкулезных учреждений, где в связи с профессиональным риском заболеваемость туберкулезом в 10—12 раз превышает аналогичный показатель для всего населения. У 80% заболевших работников противотуберкулезных учреждений отмечаются тяжелые формы, плохо поддающиеся излечению»(6).

Условия содержания приговоренных к пожизненному заключению также не соответствуют нормативным актам, которые предписывают содержать таких заключенных «не более чем по два человека». После введения моратория на смертную казнь уголовно-исполнительная система (УИС) не была готова к принятию этой категории осужденных. Как сообщили в Главном управлении исполнения наказаний Минюста РФ (ГУИН), «на начало 2000 г. в исправительных колониях особого режима находился 671 преступник, приговоренный к пожизненному заключению. Из-за недофинансирования еще 208 человек, к которым была применена аналогичная мера наказания, содержались в следственных изоляторах»(7).

В тех случаях, когда для приговоренных к пожизненному заключению оборудованы отдельные камеры, меры, принятые для обеспечения безопасности, значительно ухудшают бытовые условия. В 2000 г. в учреждении ЯБ-257/1 в Хабаровском крае был освобожден целый корпус для 60-ти осужденных к пожизненному заключению: «Камеры — только двухместные. Оборудовать одиночные камеры, как того требуют европейские стандарты, нет возможностей. Пол в камерах «пожизненников» заливается полуметровым слоем бетона. Лампы тоже тщательно изолируются от потенциальных самоубийц. Для склонных к суициду предназначены каморки, обитые толстым слоем резины и совершенно без освещения. От всей остальной зоны участок пожизненных не просто отгородили, но буквально блокировали. Возвели железный забор метров в шесть. <...> Новый участок сотрудники колонии называют «погостом». Но не только потому, что отсюда — только на кладбище. Существование на столь ограниченном пространстве, замурованном в бетон, в принципе, не сильно отличается от смерти физической»(8).

Подобные свидетельства поступают и из других колоний для осужденных к пожизненному заключению: «Смертники содержатся в нечеловеческих условиях, в промерзших бетонных мешках. Это многолетняя агония. Здесь в лучшем случае можно только окончательно озлобиться или сойти с ума. <...> Неизвестно, что про себя думают обитатели спецтюрьмы для смертников, этого траурного ковчега — острова Огненный, но известно, что не только просьбы о пощаде доходят оттуда. Комиссия по помилованию получает от них немало писем с одной просьбой — привести наконец смертный приговор в исполнение»(9).

МСП рекомендуют заключенных, которые содержатся в общих камерах, подвергать тщательному отбору, чтобы удостовериться, что они способны жить вместе в таких условиях. При перенаселенности мест заключения выполнять это правило практически невозможно. Как показал мониторинг мест заключения, психологи в штате пенитенциарного заведения работают редко (а приглашать внештатных сотрудников может себе позволить далеко не каждое заведение). Поэтому вопросы учета личностных особенностей и «психологической совместимости» заключенных занимают неспециалисты(10). Зачастую это только практика реагирования на случившихся факт: перевод в другую камеру вследствие произошедшего конфликта между сокамерниками. В некоторых местах заключения персонал при размещении заключенных по камерам руководствуется традициями тюремной субкультуры и распределяет заключенных для совместного проживания в соответствии с принципами неформальной тюремной иерархии.

В ходе мониторинга не было получено информации о невозможности обеспечить постоянный надзор за заключенными. Но, по мнению ГУИН, такая проблема существует и, в первую очередь, в СИЗО и тюрьмах, где

эффективность наблюдения снижается из-за нехватки сотрудников УИС: «В большинстве следственных изоляторов и тюрем сотрудники вынуждены нести службу на двух-трех постах одновременно, что негативно сказывается не только на несении службы, но и соблюдении прав подозреваемых и обвиняемых»(11).

Жилое помещение

Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» устанавливает минимальную норму жилой площади 4 кв. м на каждого заключенного под стражу. Но в настоящее время исправительной системе не удается добиться даже исполнения более низких норм российского законодательства. В соответствии со ст. 99 УИК РФ нормы жилой площади в расчете на одного человека не должны быть «в исправительных колониях менее 2 кв. м, в тюрьмах — 2,5 кв. м, в колониях, предназначенных для отбывания наказания осужденными женщинами, — 3 кв. м, в воспитательных колониях — 3,5 кв. м, в лечебных исправительных учреждениях — 3 кв. м, в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы — 5 кв. м».

По данным ГУИН, в целом по стране на одного человека в СИЗО в среднем приходится только 1,7 кв. м, а в некоторых учреждениях — 0,5 кв. м(12).

Проблемным остается коммунальное обеспечение некоторых колоний. УИК предполагает, что «осужденные, получающие заработную плату, и осужденные, получающие пенсию, возмещают стоимость <...> коммунально-бытовых услуг <...>. С осужденных, уклоняющихся от работы, указанные расходы удерживаются из средств, имеющихся на их лицевых счетах»(13). Но не все места заключения в состоянии предоставить заключенным возможность трудиться. В этом случае оплата за коммунальные услуги целиком осуществляется за счет средств государственного бюджета, а этих перечислений, как правило, не хватает на оплату всех коммунальных услуг.

За последние два года имели место случаи, когда коммунальные службы отключали пенитенциарные заведения от водоснабжения и подачи электроэнергии за неуплату. Подобные действия, безусловно, являются незаконными, поскольку, согласно Постановлению Правительства РФ № 781 от 5 июля 1999 г., исправительно-трудовые учреждения, следственные изоляторы, тюрьмы входят в Перечень стратегических организаций, обеспечивающих безопасность государства и финансируемых за счет средств федерального бюджета, поставки топливно-энергетических ресурсов которым не подлежат прекращению или ограничению ниже установленных им соответствующими федеральными органами исполнительной власти лимитов в натуральном и стоимостном выражении.

Однако пенитенциарные заведения, как правило, не идут в подобных случаях на судебные разбирательства, а пытаются разрешить проблему задолженности перед поставщиками коммунальных услуг самостоятельно. Эти исправительные учреждения во избежание такого рода проблем в будущем переходят на режим строгой экономии. «Проблемы с электроэнергией бывают. Особенно с производством. Если есть задолженность, энергетики пытаются отключать. Тогда мы решаем проблему, где-то изыскивая средства, часть иногда оплачиваем продукцией. В общем, стараемся решать проблему. Ситуация по экономии электроэнергии присутствует всегда, особенно в зимнее время ставится задача экономии электроэнергии. Приходится экономить и в отрядах, особенно в конце года, чтобы лишняя электроэнергия не тратилась. Но экономный хозяин он всегда будет экономный. В первую очередь приходится отказываться от лишних трат на электроэнергию. Жизнедеятельность учреждения от этого не нарушается»(14).

Вентиляция

Помещения, в которых содержатся заключенные, должны быть сухими, вентилируемыми, с естественным и электрическим освещением, обеспечены всем необходимым инвентарем, перечень которого дан в ведомственном акте, регламентирующем общие требования к оборудованию исправительных заведений(15).

Принудительной вентиляции в помещениях, где содержатся заключенные, как правило, нет. «Проветривалось тогда, когда кто-то выходил. Это и было проветриванием. Окно было замуровано. Фрамуги не было. Свежего воздуха не поступало»(16). «Вентиляции не было. Администрация колонии специально подливала хлорку из бачка на пол. Летом было очень жарко, невозможно было дышать, парилка. Зимой очень холодно, в дождливую погоду — сыро»(17). «Вентиляция через разбитое окно. Если на улице жарко, то и в камере духота, если — холодно, то и в камере холод и сырость»(18). «Проветривали с помощью полотенца. Открываешь форточку и машешь полотенцем, чтобы проветрилось»(19).

И бывшие заключенные, и мониторы отмечают, что довольно часто в помещениях душно, а проветривать их нет возможности. Это связано с целым рядом проблем. Так, в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (Правила ИУ) есть указание на то, что осужденным запрещается курить в не отведенных для этого местах(20). Если в колониях таковые имеются, то правило в целом соблюдается. Для

подследственных наличие мест для курения и не предполагается. Персоналу СИЗО рекомендуется «по возможности» помещать курящих заключенных отдельно от некурящих(21), что в действительности выполнить практически невозможно: «Вентиляционная труба была, но при таком количестве народа она не справлялась, и было и жарко, и влажно, когда готовили пищу, и сыро. Вы представляете, что это такое, когда курят, варят, стирают. <...> Дышали воздухом на прогулке. Придешь с прогулки и чувствуешь весь этот смрад...»(22)

Освещение

Окна камер мест заключений часто снабжены жалюзи, конструкция которых делает невозможным доступ естественного освещения и поступление свежего воздуха. «Плотные жалюзи закрывают окна всех камер, поэтому в камерах нельзя читать при естественном освещении. Для освещения используются лампы дневного света достаточной яркости, но неприятного спектра. По словам начальства СИЗО, жалюзи во всех камерах установлены в соответствии с нормативами по безопасности»(23).

Возможность, но не необходимость установления жалюзи на окнах камер регламентирована приказами Минюста России(24), которые устанавливают, что «при реконструкции СИЗО и тюрем и невозможности достичь архитектурно-планировочными и режимно-технологическими решениями исключения визуальной и иной связи между камерными помещениями в одном здании, камерными помещениями соседних зданий, камерными помещениями и территорией, прилегающей к режимной и хозяйственной зонам, допускается устанавливать с наружной стороны оконных проемов камерных помещений жалюзийные решетки, окрашенные в белый цвет».

В настоящее время в целях устранения технических ограничений на поступление в камеры СИЗО естественного освещения и свежего воздуха заместитель министра юстиции РФ Ю.И. Калинин издал указание начальникам территориальных органов УИС № 18/6/2-617т от 25 ноября 2002 г. «О снятии с окон камер всех видов жалюзи и установлении вместо них отсекающих решеток».

Однако начальники СИЗО в целесообразности такого приказа не уверены. Так, начальник СИЗО г. Томска сказал: «Есть жалюзи; на данный момент поступил приказ заменить их на отсекающие решетки (к 28 июля 2003 г.), они нами уже закуплены. Но я считаю, что этого делать не следует из-за соображений безопасности и нецелесообразного расходования огромных средств»(25). Аналогичного мнения придерживается начальник СИЗО № 1 в Республике Мордовии: «Указанием ГУИН Минюста России № 18/6/2-363 от 27 июня 2001 г. было рекомендовано снять жалюзи с окон камер, где содержатся несовершеннолетние и женщины. Нами были сняты жалюзи с части камер, расположенных в корпусах № 6 и № 8, что привело к резкому увеличению количества нарушений изоляции; возросло количество лиц, вынашивающих намерения совершить побег; санитарно-гигиеническая обстановка в камерах улучшилась незначительно»(26). Поэтому процесс снятия решеток в настоящее время идет медленно.

Помимо ограниченного доступа естественного освещения, искусственное освещение, по данным мониторинга, во многих местах заключения также недостаточное. Некоторые бывшие заключенные отмечали, что из-за плохого освещения в камере (бараке) читать было невозможно: «Читать нельзя было. Лампочка была над дверью и то, замурована»(27). «Плохое освещение было. Читать и писать вечером при таком освещении можно было с трудом»(28). «Так слабо освещалось [помещение], ватт на сорок»(29). «Были лампы дневного света, читать и писать с «натяжкой», но можно было»(30). «Из-за двухъярусных «шконарей» освещение очень плохое, хотя если бы были одноярусные койки, то было бы освещение нормальным»(31).

Санитарные установки

Информация из интервью с бывшими заключенными позволяет сделать вывод, что не во всех российских СИЗО в камерах установлено санитарное оборудование (в данном случае унитазы). Их до сих пор иногда заменяют альтернативные приспособления: «параши», ведра, бачки для опорожнения, «очко» и т. д. Начальники СИЗО отмечают, что ситуация постепенно меняется к лучшему, но до приемлемых условий еще далеко: «В камерах нет никаких «параши» уже давно. Имеется отверстие, выходящее в канализационную сеть, единственное, что заключенным приходится делать — слив из ведра, благо воды у них достаточно»(32).

Места для отправления естественных потребностей в СИЗО находятся непосредственно в камере. При этом они открытого или полуоткрытого типа (в некоторых камерах отгорожены невысокими бетонными перегородками — до 1 м или импровизированными занавесками — из простыней и одеял): «В камере никаких перегородок не было. Второй день я еле-еле выдержал, стыдно было мне. Все сидят и специально на тебя смотрят. <...> Потом привыкаешь»(33). В некоторых СИЗО администрация, будучи не в состоянии исполнить санитарные предписания, в тоже время не позволяет заключенным исправлять ситуацию самостоятельно, что является дополнительным способом морального давления: «Место для отправления естественных надобностей здесь же в камере. Заключенные пытаются закрыть его самодельной ширмой, но и эта

инициатива пресекается администрацией»(34). «Мы занавешивали «толчок» простыней, а это не разрешалось. При обходе камер, при проверках, мы простынь снимали, а потом снова занавешивали»(35). Говорить об условиях чистоты и пристойности в данном случае неуместно.

В исправительных колониях ситуация лучше. Здесь, как правило, оборудованы закрытые санузлы в отдельных помещениях, но не везде, в некоторых местах заключения санузлы расположены непосредственно в бараке. По данным мониторинга мест заключения, санитарно-гигиенические условия в колониях также не всегда можно назвать приемлемыми. Мониторы отмечают, что в этих помещениях нередко грязь, неприятный запах, неудовлетворительную оценку дают иногда и бывшие заключенные: «краска старая была, стены старые, грибок, помню, в туалете был»(36).

Банные установки. Помывочные помещения

Банные установки имеются практически во всех исправительных заведениях. В ходе мониторинга был выявлен только один случай их отсутствия: «В колонии вообще не было душа и приспособленного для мытья помещения. Мылись так, как могли приспособиться, без помывочного помещения»(37).

Заключенные отмечают, что возможность купаться и принимать душ им предоставлялась. Существенная проблема заключалась в том, сколько времени на это отводилось и в каких условиях это осуществлялось. «Сколько времени отводилось на помывку? Две минуты, а воду регулировала администрация с той стороны. Какую захотят, такую и дадут»(38). «Свободно пользоваться душем могли только «пацаны» (блатные), а остальные по 2—3 человека теснились под одной лейкой»(39). «Я ходил в душ почти ежедневно. Вода горячая. Но пока не привык к воде, шура слезала»(40). «Там все битком, все вешают тазики. Кому не хватает, дырявые, всякие там. Не хватает ничего»(41). «Под одним душем мылись 5 человек, вода текла еле-еле. Бывало, что стоишь в мыле, выключали воду и пинками выпроваживали в отряд»(42). «Одним душем пользовались 10 человек за 20 минут»(43).

По свидетельствам заключенных, белье после бани менялось не всегда (в нарушение Инструкции по организации государственного санитарно-эпидемиологического надзора за банно-прачечным обеспечением заключенных). А «прожарка белья» проводилась зачастую только по настоятельным просьбам заключенных.

Обязанность содержать в должном порядке и строгой чистоте все помещения заведения, которыми заключенные пользуются регулярно, целиком возложена на самих заключенных(44). Мониторы отметили, что в целом в помещениях поддерживается порядок и чистота. Но наряду с этим наличие в помещениях мух, тараканов и крыс в некоторых местах заключения, о чем свидетельствуют и бывшие заключенные, и мониторы, указывает на недостаточность санитарно-эпидемиологического надзора со стороны контролирующих служб.

Как уже было отмечено, большое количество зданий пенитенциарной системы находится в почти аварийном состоянии (в основном, СИЗО). Единственный на данный момент способ улучшить условия содержания заключенных — это косметический ремонт силами самих заключенных за счет их родственников, по договоренности с администрацией заведения: «Каждую весну сами делали ремонт. Мне мать из дома обои выслала, свой кубрик оклеивал с мужиками»(45). «Состояние [помещения] нормальное, делали ремонт за счет родительской помощи»(46). «Состояние стен и потолков находилось в нормальном состоянии, так как один раз в год делали капитальный ремонт за счет родительского гуманитария»(47). «Это был наш дом. И мы сами отделявали свое помещение. На свои деньги (конечно через администрацию) покупали материалы — обои, клей, краску. И ремонтировали»(48).

Известны случаи, когда в знак протеста против неприемлемых условий содержания заключенные объявляли голодовки. Требования бастующих после ряда проверок иногда удовлетворялись, хотя зачастую это были только полумеры. «Был бунт. Заключённые отказывались от еды, т. к. осенью в камерах было холодно, стёкол не было, окна были закрыты одеялами. Администрация сразу закупила целлофан и затянула окна целлофаном»(49).

Гораздо чаще улучшение условий содержания отдельных заключенных связаны с подкупом персонала заведений УИС.

Так, в ходе инспекции пенитенциарных заведений России, делегация ЕКПП обратила внимание на то, что «[в некоторых камерах] условия содержания <...> были гораздо лучше, чем в других тюремных помещениях. Эти камеры находились в отремонтированном состоянии и отличались чистотой. Кроме того, разнообразие личных принадлежностей и оборудования было гораздо шире, чем в обычных камерах (вплоть до наличия душа с горячей водой и холодильника). Особенно бросалось в глаза то, что установленные повсеместно металлические ставни на окнах здесь были сняты, вследствие чего заключенные могли пользоваться естественным освещением и дышать свежим воздухом. Делегация не смогла уточнить критерии, в

соответствии с которыми заключенные помещались в такие более выгодные условия содержания»(50).

В ходе мониторинга также была получена информация о том, что иногда заключенные добиваются перевода в лучшие условия (так называемые шерстяные камеры) незаконным путем: «Переселяют заключенного в другую камеру... когда он купил себе возможность находиться в лучших условиях»(51). В связи с этим, не кажется странным, что в последнее время в российских СМИ широко обсуждалась идея введения в действие так называемые частных тюрем для заключенных, которые в состоянии оплатить затраты на свое содержание. Министр юстиции Ю. Чайка сделал по этому поводу заявление, что создание в России частных тюрем и изоляторов невозможно, потому что «в условиях сильного социального расслоения общества это приведет к неравенству, нарушению прав человека и законности»(52).

Изолируя преступника от общества, государство одновременно берет на себя обязанность обеспечить ему необходимые материально-бытовые условия. Ограничение свободы уже само по себе является наказанием, и условия содержания в местах заключения не должны усугублять его. В этом смысле они не должны значительно отличаться от общего уровня быта граждан, достигнутого в обществе, чтобы не быть фактором давления на личность заключенного. Но на сегодняшний день вопросы материально-бытового обеспечения заключенных являются одними из наиболее сложных и острых.

(1) Ст. 127 п. 1 УИК РФ «Условия отбывания лишения свободы в исправительных колониях особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы».

(2) *Леонов А.* (полковник внутренней службы, заместитель начальника Управления следственных изоляторов и тюрем ГУИН Минюста России). Необходимы конкретные меры // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2000. № 3.

(3) *Леонов А.* Там же.

(4) *Леонов А.* Там же.

(5) Ст. 101 УИК РФ. «Медико-санитарное обеспечение осужденных к лишению свободы».

(6) Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 г. // ombudsman.gov.ru

(7) В колониях не хватает камер для осужденных пожизненно // Московский комсомолец. 2000. 4 февраля.

(8) Тихоокеанская звезда. 2002. 28 ноября.

(9) *Алев А.* Наказание или месть? // Независимая газета. 2002. 11 мая.

(10) Ст. 33 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

(11) *Леонов А.* Необходимы конкретные меры // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2000. № 3..

(12) *Леонов А.* Там же.

(13) Ст. 99. п. 4. УИК РФ.

(14) Из интервью с начальником колонии. Алтайский край.

(15) Инструкция о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях (далее — Инструкция) и Общие требования к оборудованию исправительных колоний (далее Общие требования) были утверждены приказом МВД РФ № 290 от 17 июня 1993 г. Впоследствии приказом Минюста РФ № 83 от 7 марта 2000 г. была утверждена новая инструкция. Но выяснить, утверждены ли новые Общие требования или продолжают действовать старые, не представилось возможным.

(16) Из интервью с бывшим заключенным № 1. Белгородская область.

(17) Из интервью с бывшим заключенным № 4. Ростовская область.

(18) Из интервью с бывшим заключенным № 1. Нижегородская область.

(19) Из интервью с бывшим заключенным № 2. Алтайский край.

(20) § 3 Основные права и обязанности осужденных в ИУ. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений. Утв. Приказом Минюста № 224 от 30 июня 2001 г.

(21) Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Гл. III. Обеспечение изоляции и предотвращение правонарушений в местах содержания под стражей. Ст. 33. Раздельное размещение в камерах.

(22) Из интервью с бывшим заключенным № 2. Тверская область.

(23) Региональный доклад. Республика Башкортостан. 2002.

(24) Приказы «Об утверждении Наставления по оборудованию средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» № 60 от 1 апреля 1999 г.; «Об утверждении норм проектирования следственных изоляторов и тюрем Минюста России» № 161 от 28 марта 2001 г.

(25) Из интервью с начальником СИЗО. Томская область.

(26) Из интервью с начальником СИЗО № 1. Республика Мордовия.

(27) Из интервью с бывшим заключенным. Белгородская область.

(28) Из интервью с бывшим заключенным. Брянская область.

(29) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Коми.

(30) Из интервью с бывшим заключенным. Нижегородская область.

(31) Из интервью с бывшим заключенным. Пермская область.

- (32) Из интервью с начальником СИЗО. Курганская область.
 (33) Из интервью с бывшим заключенным. Челябинская область.
 (34) Региональный доклад. Санкт-Петербург. 2002.
 (35) Из интервью с бывшим заключенным. Тверская область.
 (36) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Коми.
 (37) Из интервью с бывшим заключенным. Камчатская область.
 (38) Из интервью с бывшим заключенным. Белгородская область.
 (39) Из интервью с бывшим заключенным. Брянская область.
 (40) Из интервью с бывшим заключенным. Нижегородская область.
 (41) Из интервью с бывшим заключенным. Пермская область.
 (42) Из интервью с бывшей заключенной. Ростовская область.
 (43) Из интервью с бывшим заключенным. Ростовская область.
 (44) §3 Основные права и обязанности осужденных в ИУ. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений.
 (45) Из интервью с бывшим заключенным № 2. Республика Башкортостан.
 (46) Из интервью с бывшей заключенной № 2. Ростовская область.
 (47) Из интервью с бывшим заключенным № 6. Ростовская область.
 (48) Из интервью с бывшим заключенным № 1. Санкт-Петербург.
 (49) Из интервью с бывшим заключенным № 2.. Республика Алтай.
 (50) Рекомендации Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Правительству Российской Федерации (посещение СИЗО-1 г. Владивосток) // Ведомости УИС. 2002. .№ 8. С. 81-96.
 (51) Из интервью с бывшим заключенным. Санкт-Петербург.
 (52) Чайка изменил карательную политику // www.kolokol.ru. 2001. 15 октября.

Личная гигиена

15. От заключенных нужно требовать, чтобы они содержали себя в чистоте. Для этого их нужно снабжать водой и туалетными принадлежностями, необходимыми для поддержания чистоты и здоровья.

16. Для того, чтобы заключенные могли сохранять внешний вид, совместимый с их человеческим достоинством, им нужно давать возможность заботиться о своей причёске и бороде, позволяя мужчинам регулярно бриться.

Правила №№ 15 и 16 МСП обязывают заключенных поддерживать свой внешний облик в соответствии с принятыми в обществе нормами. Российское законодательство также содержит требование соблюдать правила личной гигиены и человеческого общежития. В Уголовно-исполнительном кодексе РФ (УИК РФ) (ст. 11 п. 1) соблюдению требований личной гигиены придается категорический характер: «осужденные должны... соблюдать принятые в обществе... требования санитарии и гигиены». Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (Правила ИУ) в разделе «Основные права и обязанности осужденных» (ст. 3 п. 2) прямо указывают, что: «осужденные обязаны содержать в чистоте и опрятности жилые помещения... одежду... соблюдать правила личной гигиены, иметь короткую стрижку волос на голове, короткую правку бороды и усов (для мужчин)...»

В целом мы можем говорить о том, что российское законодательство соответствует правилам №№ 15, 16 МСП, наиболее подробно вопросы личной гигиены регламентированы Правилами ИУ, а не УИК РФ.

Следует заметить, что УИК РФ и Правила ИУ акцентируют внимание только на обязанности заключенных содержать себя в чистоте, тогда как МСП требуют от администрации мест заключения снабжать осужденных водой и туалетными принадлежностями. Присутствует некоторое смысловое различие в содержании Правила № 15 МСП и указанных статей УИК РФ и Правил ИУ, поскольку российские нормы не закрепляют за администрацией исправительных учреждений (ИУ) обязанностей в этом вопросе.

Нарушения в практике соблюдения правил №№ 15 и 16 МСП условно можно разделить на две группы. Во-

первых, нарушения, связанные с отсутствием или недостаточностью ресурсов, выделяемых месту заключения. Многие проблемы, с которыми сталкивается администрация при обустройстве быта заключенных, в т. ч. помещений для личной гигиены, являются следствием именно недостаточного государственного финансирования. Руководство колоний вынуждено обращаться к благотворительным организациям(1), создавать «родительские комитеты»(2), чтобы хотя бы частично обеспечить заключенным приемлемые условия содержания, возможности для личной гигиены. Так, например: «Есть проблема — неполное обеспечение мылом, порошками. Вопрос решается посредством родственников. Помогает попечительский совет (состоит из представителей творческих союзов, киностудий, родителей)»(3).

Во-вторых, это нарушения прав заключенных непосредственно по вине администрации ИУ. «Когда было жарко, приходилось упрашивать администрацию, чтобы разрешили попользоваться душем. Такое было. Не всегда разрешали»(4). «...Но в летнее время никакой воды, хотя воду можно было приобрести у хозобслуги за чай и сигареты. Хозобслуга была под администрацией колонии»(5).

К первой группе нарушений следует также отнести проблему водоснабжения в исправительных учреждениях. «Из-за отсутствия холодной, либо горячей воды часто отменялась очередная помывка»(6). «Бывали перебои, в Коми по три недели не мылись»(7). «Есть проблема с водоснабжением»(8). «Водопроводы старые. Бывает, что воды не хватает»(9). По информации, полученной в ходе интервью с бывшими заключенными, следует, что в исправительных учреждениях достаточно часто водоснабжение просто отсутствует. «Воды в помещении не было совсем»(10). «Водопроводной воды не было. Была в ведрах, флягах, тухлая вода»(11). Интервью показали, что наиболее сложная ситуация с водоснабжением сложилась в ИУ Ненецкого автономного округа и ряде других регионах. В этих случаях говорить о возможности заключенных соблюдать правила личной гигиены при полном отсутствии воды в жилом помещении неуместно.

Достаточно часто бывшие заключенные сообщают о плохом качестве воды, поступающей в жилые помещения. «Дзержинск — это город химии, вот и вода была «химическая». Даже после кипячения ее пить невозможно. В первые две недели у меня облезала кожа после умывания такой водой...очень сильно портятся зубы»(12). Плохое качество воды напрямую связано с недостаточным финансированием исправительных учреждений. Помещения, коммуникации, материальная база колоний зачастую находятся в плачевном состоянии. Строительство очистных и реконструкция ветхих водонапорных сооружений сопряжены с дополнительными расходами, которые усложняют и без того непростое финансовое положение многих ИУ.

Другой достаточно серьезной проблемой является отсутствие горячей воды именно в жилых помещениях(13). В основном, горячая вода подается в столовые, банно-прачечные комбинаты и санчасти. Как и проблема водоснабжения в целом, так и отсутствие горячей воды в частности связаны с нехваткой финансовых ресурсов у исправительного учреждения. «Горячей воды в общежитиях нет, но раз в неделю мы обязаны устраивать помывку. Водим осужденных в баню. Просто раньше не была предусмотрена горячая вода в общежитиях, а теперь нужны немалые деньги на такое дополнительное строительство»(14). «Горячей воды у нас нет, есть только в бане. Летом они могут ополоснуться из шланга»(15).

В некоторых ИУ положение со снабжением горячей водой несколько лучше, однако и в тех колониях, где есть горячая вода, администрация вынуждена устанавливать ограничение на пользование водой. Во многом это связано с тем, что исправительное учреждение должно оплачивать коммунальные услуги из средств самого учреждения, а при недостаточном финансировании производить оплату, не сокращая другие статьи бюджета колонии, не всегда возможно. Некоторые начальники колоний в качестве выхода из этой ситуации предлагают часть оплаты за коммунальные услуги перекладывать на жилые дома, находящиеся за пределами ИУ, но которые пользуются теплом и водой от сооружений, обслуживаемых ИУ. Тем самым, часть высвободившихся средств можно было бы направить на строительство и реконструкцию теплосетей. Очевидно, что ситуация, когда исправительные учреждения переводятся государством на «самоокупаемость» и вынуждены разрабатывать подобные экономические схемы, не является приемлемой(16). «Горячая вода подается с шести часов утра до девяти часов вечера. Вместе с тем расход воды строго лимитируется, перерасход не допускается. Например, в момент обеда горячая вода подается только на кухню и в столовую, все остальные службы отключены»(17). Отсутствие горячей воды в жилых помещениях большей части ИУ не позволяет в достаточной мере соблюдать правила личной гигиены, что значительно усложняет соблюдение Правила № 16 МСП.(18)

На сегодняшний день остаются отдельные колонии (было получено единичное свидетельство), не обеспеченные банными помещениями для осужденных. «В баню не ходили. Мылись так, как могли приспособиться без помывочного помещения»(19). Это является прямым нарушением Инструкции ГУИН «По организации государственного санитарно-эпидемиологического надзора за банно-прачечным обеспечением осужденных» (ч. 5 п. 1)(20).

Часто банно-прачечные комбинаты исправительных учреждений не оборудованы душевыми. В большинстве случаев, когда отсутствует душ, для мытья в бане приспособивают несколько водопроводных кранов с

горячей водой и тазы. «У нас помывка одного отряда продолжается 20 минут. А отдельных душевых нет»(21). «В бане колонии не было ни одного душа, приходилось мыться с помощью тазика. Из-за того, что не было нормальной возможности помыться, на теле появлялись гнойники и язвы»(22).

Плохое состояние паровых котлов и другого оборудования для подачи горячей воды вынуждает администрацию минимально использовать душевые, так как пользование душем приводит к перерасходу воды(23). Из большей части интервью с бывшими заключенными следует, что, как правило, под одним душем моются 2—3 или 4—5 человек, а то и более — «одним душем пользовались 10 человек за 20 минут»(24).

Одной из главных проблем является нехватка времени, отведенного на мытье заключенных, а также оборудованных мест(душевые, скамейки, тазы): «Для помывки сразу входило от 50 до 80 человек. Помывка шла не более полутора часов для всех, то есть пока идет прожарка одежды в течение одного часа, и сама помывка еще продолжалась в течение половины часа. Было всего шесть душевых помывочных мест, скамеек для помывки с тазиком не более девяти. Отдельно еще было три скамьи для больных чесоткой, которые моются в одной группе со здоровыми»(25).

Правило №15 МСП определяет, что администрация ИУ должна снабжать заключенных туалетными принадлежностями. Однако в российских исправительных учреждениях заключенным выдается в лучшем случае мыло, чаще всего хозяйственное (для стирки). Но в основном мыло приобретает самими осужденными или же передается родственниками. «Туалетное мыло было свое, а хозяйственное давали кусок на месяц»(26). «Казенного [мыла] мало, было свое»(27). «Мыло давали по полкуса хозяйственного на месяц. Конечно, его не хватало»(28). «Не хватало всегда, даже помыться, стирать мыла не давали»(29). Иногда заключенные не обеспечиваются мылом даже в таком малом объеме. «Мыло не выдавалось даже тем, кто только что прибыл в колонию и находился на карантине»(30). В большинстве случаев подобная ситуация складывается из-за отсутствия достаточных средств в бюджете колонии(31).

Руководство колоний не в состоянии создать условий, соответствующих требованиям российского законодательства и МСП. При этом существующие нарушения не могут в полной мере быть отнесены на счет администрации. В первую очередь, сложившееся положение обусловлено скудностью государственного финансирования исправительных учреждений. На сегодняшний день выработалась определенная практика «самоокупаемости», следуя которой ИУ должны самостоятельно решать накопившиеся проблемы. «Проблемы существуют из-за недостаточного финансирования на приобретение гигиенических средств (мыло, порошок, зубная паста и щетки)»(32). «Средства личной гигиены приобретают сами, через магазин, мы заключенных не обеспечиваем ни мылом, ни зубной пастой, ни другими средствами личной гигиены»(33). «Бывают жалобы по мылу. Не можем обеспечить всех. Выдаем малообеспеченным, инвалидам, тем людям, кому не приходят ни передачи, ни посылки»(34).

Помимо того, что перечисленные выше проблемы наглядно демонстрируют всю сложность ситуации, имеются отдельные примеры, когда родственникам осужденных отказывают в передаче предметов личной гигиены. В частности, было отказано в передаче бритвенных одноразовых станков, которые входят в перечень разрешенных вещей (Приложение № 2 Правил ИУ)(35). По-видимому, таким образом администрация стимулировала заключенных покупать бритвенные принадлежности в магазине ИУ, пополняя тем самым бюджет колонии. Хотя, в основном, бритвенные одноразовые станки принимаются без ограничений.

Следует также упомянуть существующую в некоторых колониях практику, когда персонал ИУ, принимая передачи, требует от родственников зубную пасту выдавливать из тюбика в целлофановый пакет(36). Возможно, делается это в целях безопасности, чтобы была гарантия, что в упаковке зубной пасты нет запрещенных предметов. Однако понятно, что после хранения в пакете зубная паста быстро становится непригодной для использования.

В заключение хотелось бы отметить, что существующие проблемы с обеспечением заключенных предметами личной гигиены носят объективный характер и возникают, в основном, не по вине руководства ИУ. Как правило, администрация колоний различными способами старается эти вопросы решить. Но, тем не менее, некоторые начальники исправительных учреждений не считают сложившееся положение с отсутствием горячей воды, нехваткой мыла и т. д. проблемой. «Проблем с гигиеной в колонии нет. Все зависит от уровня культуры конкретного человека»(37). Отметим, что в этой колонии заключенные не снабжаются туалетным мылом, отсутствует душ, горячая вода лимитирована. «Душевых нет, т. к. пользование ими ведет к перерасходу воды»(38). Невозможность в полной мере соблюдать правила личной гигиены воспринимается этими начальниками ИУ как обыкновенное нежелание заключенных следить за собой. «Проблема в том, что заключенные не соблюдают режим гигиены, например, приходят в баню и не моются»(39), при этом в колонии не хватает воды, в жилых корпусах нет горячей воды.

(1) Региональный доклад. Республика Карелия. 2002.

(2) Из интервью с начальником колонии. Ставропольский край.

- (3) Из интервью с начальником колонии. Свердловская область.
- (4) Из интервью с бывшим заключенным. Белгородская область.
- (5) Из интервью с бывшим заключенным. Ростовская область.
- (6) Из интервью с бывшим заключенным. Томская область.
- (7) Из интервью с бывшим заключенным. Ненецкий автономный округ.
- (8) Из интервью с начальником колонии. Республика Бурятия.
- (9) Из интервью с начальником колонии. Республика Карелия.
- (10) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Башкортостан.
- (11) Из интервью с бывшим заключенным. Ненецкий автономный округ.
- (12) Из интервью с бывшим заключенным. Нижегородская область.
- (13) Астраханская, Вологодская, Челябинская, Пермская, Воронежская, Оренбургская, Липецкая, Архангельская, Курганская области, республики Бурятия, Калмыкия, Алтай, Коми, Карелия, Адыгея и другие регионы, где проводилось интервью.
- (14) Из интервью с начальником колонии. Пермская область.
- (15) Из интервью с начальником колонии. Республика Калмыкия.
- (16) Администрация исправительного учреждения вынуждена оплачивать расходы, напрямую не связанные с деятельностью учреждения. Так, исторически, большая часть периферийных колоний создавалась в ненаселенной местности, как поселение. При этом вся инфраструктура поселка составляла единое целое с учреждением. С реформированием УИС и с общим ухудшением экономической ситуации, содержание этих поселков стало непосильной задачей для ИУ. В течение последних 5 лет жилой фонд этих поселков был передан на баланс муниципальных органов управления. Однако структура коммуникаций по обеспечению теплом и водой жилых домов от колонии сохранилась. Но местные органы власти, имея большой бюджетный дефицит, оказались не способны полноценно оплачивать услуги тепло- и водоснабжения. Поэтому администрация вынуждена сохранять режим чрезвычайной экономии, от чего страдают и поселки, где проживают сотрудники учреждений, и сами учреждения.
- (17) Из интервью с начальником колонии. Псковская область.
- (18) Например, регулярно бриться, используя холодную воду, достаточно сложно.
- (19) Из интервью с бывшим заключенным. Камчатская область.
- (20) «Помывка в бане осужденных производится не реже одного раза в семь дней...»
- (21) Из интервью с начальником колонии. Вологодская область.
- (22) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Татарстан.
- (23) Из интервью с начальником колонии. Псковская область.
- (24) Из интервью с бывшим заключенным. Ростовская область.
- (25) Из интервью с бывшим заключенным. Томская область.
- (26) Из интервью с бывшим заключенным. Ставропольский край.
- (27) Из интервью с бывшим заключенным. Ленинградская область.
- (28) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Башкортостан.
- (29) Из интервью с бывшим заключенным. Ненецкий автономный округ.
- (30) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Татарстан.
- (31) См. также главу «Одежда и спальные принадлежности».
- (32) Из интервью с начальником колонии. Оренбургская область.
- (33) Из интервью с начальником колонии. Кировская область.
- (34) Из интервью с начальником колонии. Алтайский край.
- (35) Из интервью с родственником заключенного. Камчатская область.
- (36) Из интервью с родственником заключенного. Новгородская область.
- (37) Из интервью с начальником колонии. Псковская область.
- (38) Там же.
- (39) Из интервью с начальником колонии. Республика Карелия.

Одежда и спальные принадлежности

17. 1) Заключенным, не имеющим право носить гражданскую одежду, следует выдавать комплект обмундирования, соответствующего данному климату и позволяющего поддерживать их здоровье в удовлетворительном состоянии. Эта одежда не должна иметь ни оскорбительного, ни унижающего характера.

2) Одежда должна содержаться в чистоте и исправности. Стирку и выдачу свежего белья следует обеспечивать в соответствии с требованиями гигиены.

3) В исключительных случаях, когда заключенный покидает заведение с разрешения властей, ему следует разрешать переодеваться в собственное платье и надевать другую, не бросающуюся в глаза одежду.

18. Если заключенным разрешается носить гражданское платье, то в момент их заключения следует принимать меры к тому, чтобы оно было чистым и подходящим для носки.

19. Каждому заключенному следует обеспечивать отдельную койку в соответствии с национальными или местными нормами, снабженную отдельными спальными принадлежностями, которые должны быть чистыми в момент их выдачи, поддерживаться в исправности и меняться достаточно часто, чтобы обеспечивать чистоту.

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными (МСП) исключительное значение придается характеру и внешнему виду одежды. Помимо требований, прямо связанных с соображениями здоровья и гигиены, присутствует указание на то, что специализированная одежда никак не должна унижать достоинство человека. Это в свою очередь развивает главную мысль Основных принципов обращения с заключенными ООН — «Все заключенные пользуются уважительным отношением ввиду присущего им достоинства и их значимости как людей»(1).

Другими словами, одной из важнейших задач пенитенциарной системы является создание условий, при которых правонарушители в колонии ощущали бы себя гражданами, хотя и пораженными в части прав. Отсюда следует, что пребывание в местах заключения не должно носить характера, унижающего человеческое достоинство. В этой связи немаловажным является достойное материально-бытовое обеспечение заключенных, в частности, одежда и спальные принадлежности.

В целом мы можем говорить о соответствии российского законодательства(2) принципам, содержащимся в разделе МСП «Одежда и спальные принадлежности». Так, Правило № 17 п. 1 МСП в той или иной мере отражено в ряде положений Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ) (ст. 76 п. 4: «При перемещении осужденных они обеспечиваются одеждой по сезону...», статья 82 п. 4: «Администрация исправительного учреждения обязана обеспечить осужденных одеждой установленного образца...», ст. 99 п. 2: «Они обеспечиваются одеждой по сезону с учетом пола и климатических условий...»). А также в Правилах внутреннего распорядка исправительного учреждения (Правила ИУ) (ст. 3 п. 2: заключенные обязаны «носить одежду установленного образца...»). Правило № 19 МСП отражено в статье 99 п. 2 УИК РФ — «Осужденным предоставляются индивидуальные спальные места и постельные принадлежности».

Российское уголовно-исполнительное законодательство обязывает администрацию исправительного учреждения обеспечивать заключенных одеждой, которая соответствовала бы времени года и климату местности, где расположена колония. Однако в обозначенных статьях российского законодательства нет указания о том, что одежда заключенного не должна иметь ни оскорбительного, ни унижающего характера.

Отметим, что требование МСП относительно формы одежды, ее приемлемого вида с точки зрения достоинства человека является категорическим правилом. В то же время российское уголовное и уголовно-исполнительное законодательство стремится учитывать все рекомендации такого рода. Здесь важно отметить, что недостойный человека внешний вид одежды может рассматриваться как унижающее человеческое достоинство обращение, что противоречит положению УИК (ст. 3 п. 3), предписывающему гарантировать защиту от такого рода обращения.

Само отсутствие в российских законах этого требования на практике не приводит к нарушениям. Правила ИУ(3) утверждают общее требование к «специальной одежде с установленными отличительными знаками»(4). В ходе мониторинга не было получено свидетельств того, что внешний вид принятой формы одежды унижает достоинство заключенных.

Основные проблемы, связанные с обеспечением заключенных одеждой и спальными принадлежностями, являются следствием недостаточного государственного финансирования мест заключения. Так, по данным прокуратуры Республики Карелия, «вещевое довольствие спецконтингента удовлетворяется на 94%, но практически полностью за счет гуманитарной и спонсорской помощи. Из федерального бюджета поступающие на эти цели средства составляют лишь 2%»(5). Подобная ситуация характерна не только для исправительных учреждений (ИУ) Карелии, но и для большинства других российских ИУ: «А в зоне сейчас им ничего не дают — ни х/б, ни обувь, ни сапоги. Все приходится каждый раз возить из дому, даже постель увозили свою»(6), «Приходится полностью покупать постельное белье и носильные вещи»(7).

В большинстве случаев администрация колоний старается исправить сложившуюся ситуацию, организовав в

колонии собственное производство одежды или опираясь на помощь родственников заключенных («...одежду помогает шить родительский комитет»)(8), но эти усилия не могут решить проблемы.

В соответствии со статьей 99 п. 4 УИК РФ работающие осужденные обязаны возместить стоимость одежды. Но в некоторых колониях не все заключенные имеют работу. В таких случаях администрация не всегда имеет возможность обеспечивать осужденных одеждой: «... Если мы их обеспечиваем, мы с них должны взыскать стоимость этого, а у нас большая часть заключенных не работает»(10). С другой стороны, из мониторинга не удалось выяснить, существует ли практика взыскания стоимости одежды с лицевых счетов осужденных в том случае, если они одеждой не обеспечены или обеспечены не полностью.

По сведениям начальников исправительных учреждений, заключенные обеспечены одеждой и спальными принадлежностями в лучшем случае на 70%. «Для заключенных вещевое обеспечение минимальное...»(11) Особенно сложной, по словам представителей администраций ИУ, является ситуация с обувью: «...Я разрешаю носить личную обувь темных тонов, потому что пока не можем всем выдать сапоги и ботинки, разрешается передавать в посылках и личное белье»(12); «...Всех заключенных мы не можем обеспечить обувью, поэтому разрешаем в своей обуви, но в такой, чтобы она не слишком отличалась от спецобуви»(13).

На сегодняшний день в российской системе исправительных учреждений сложилась некая правовая коллизия, а именно: с одной стороны, государство обязуется обеспечить заключенных одеждой, и при этом уголовно-исполнительное законодательство четко устанавливает форму разрешенной одежды. Но, с другой стороны, бюджетное финансирование настолько мало, что администрация колоний вынуждена разрешать заключенным носить личную одежду: «В зимнее время осужденным разрешено носить домашние свитера темного цвета, но так, чтобы они не были видны из-под установленной одежды»(14).

Проблема усугубляется еще и тем, что, отдавая решение вопроса с одеждой в ведение администрации, государство косвенно способствует возможному произволу в отношении заключенных и их родственников. «Конечно, сложности возникали. Это зависело и от настроения персонала колонии. Один раз они принимают, в другой раз то же самое отказывают, и никогда не споришь, боишься навредить»(15). «Например, привезла спортивное трико, а при передаче сказали, что нужно убрать лампы...»(16) «Раньше было разрешение на передачу утепленных сапог. Я купила и принесла, но их не приняли...»(17) В последнем случае, возможно, родственникам отказали в передаче сапог из-за того, что поставки обуви в колонию нормализовались, однако об этом родственники не были заранее поставлены в известность.

В этой связи необходимо отметить, что многие родственники заключенных жалуются на условия, в которых происходят передачи вещей и продуктов: «Не нравится продолжительность процедуры... и грубое обращение персонала колонии. Если те, кто отбывают сроки и виноваты перед законом, то родственники-то не виноваты, а им приходится терпеть хамство и грубость»(18). «С нами разговаривают, с собакой лучше разговаривают. Или вообще не разговаривают, закрывают окошко, если им не хочется отвечать на вопросы...»(19)

Требование МСП, обязывающего предоставить каждому заключенному отдельное спальное место, не всегда может быть соблюдено, в особенности, в местах содержания под стражей. Оговоримся, что на сегодняшний день особую обеспокоенность вызывают условия содержания заключенных в следственных изоляторах. Несмотря на значительное сокращение численности заключенных в СИЗО в течение последнего полугодия, проблема перенаселенности СИЗО остается актуальной. В большинстве следственных изоляторов фактически отсутствуют минимальные бытовые условия, в т. ч. обозначенные в Законе РФ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» («О содержании под стражей...»)(20). «Места, чтобы встать, нет. На кровати, под кроватью, везде люди. Это было в Новосибирске в СИЗО, заключенных, как селедки в бочке. После малолетки распределили, открываю камеру и не понял, что там? Стою у порога с матрасом, а там полно народу, встать некуда... нас там нагнали, духота, полная камера, ужас!»(21) Перенаселенность камер является одной из основных причин того, что подозреваемые и обвиняемые во многих случаях не обеспечены отдельным спальным местом(22). «Шконок было десять, так что спали и по два, и по три на одном месте. Или по очереди...»(23)

Сложная ситуация наблюдается с обеспечением граждан, находящихся в СИЗО, непосредственно спальными принадлежностями. С одной стороны, закон «О содержании под стражей» (ст. 17 п. 12) позволяет пользоваться личными постельными принадлежностями. С другой стороны, статья 23 этого закона гласит, что администрация обеспечивает граждан, содержащихся в СИЗО, постельными принадлежностями. Однако, видимо, из-за недофинансирования либо из-за перенаселенности камер, администрация, в большинстве случаев, белье не выдает, перекладывая решение этой проблемы на самих обвиняемых и подозреваемых. Как правило, получается, что содержащееся в статье 17 п. 12 право находящихся в СИЗО лиц пользоваться личными постельными принадлежностями трактуется администрацией как обязанность подследственных и обвиняемых. Тем самым администрация не разрешает, а принуждает этих граждан «добывать» личные постельные принадлежности. Закономерным в данной ситуации является то, что не у всех есть возможность (например, материальная) пользоваться собственным бельем. «Выдали матрас, одеяло, подобие подушки. А

постельное — что принесли из дома, то и было»(24). «Постельное белье в СИЗО не менялось вообще, потому что его не было — только матрасы»(25). «Матрасов не хватало, подушек не хватало, постельного белья не было»(26).

На основании вышесказанного мы можем говорить о прямом нарушении в российских следственных изоляторах Правила № 19 МСП. Подозреваемые и обвиняемые в большинстве случаев не обеспечены отдельным спальным местом (в лучшем случае одна койка на двоих); зачастую заключенные в СИЗО пользуются личным постельным бельем, потому что не выдается казенное(27); нередки случаи, когда спят вообще без постельного белья, не хватает матрасов, одеял и т. п.

Содержать в чистоте, проводить гигиеническую обработку или своевременную стирку спальных принадлежностей не всегда возможно. В первую очередь из-за того, что у граждан, находящихся в СИЗО, как правило, личное постельное белье, и администрация, соответственно, оставляет решение этих вопросов на усмотрение владельцев. Но перенаселенные камеры СИЗО не приспособлены для стирки и сушки белья. В камерах очень душно и сыро из-за высокой скученности заключенных, стирка в таких помещениях только усугубляет тяжелые условия содержания и повышает опасность заболевания туберкулезом. «Белье не менялось, если об этом не позаботишься сам, то есть белье надо было иметь свое два комплекта»(28). «Про жарка проводилась при поступлении в камеру, а дальше мы старались ее избегать, потому что после нее все становилось сырým [паровая обработка белья], а сушить было негде»(29).

В исправительных учреждениях ситуация лучше, как правило, большая часть заключенных имеет отдельное спальное место. При этом обеспечение заключенных спальными принадлежностями (наволочки, простыни, полотенца, матрасы, одеяла) недостаточное, фактически такое же, как и с одеждой. Попытки администрации решить проблему силами собственного производства сопряжены с рядом трудностей. Несмотря на то, что технологический процесс пошива спальных принадлежностей менее трудоемкий, чем пошив одежды, время изнаса простыней, наволочек, полотенец и т. д. наступает гораздо быстрее. Рассчитывать на помощь родственников осужденных также не всегда возможно, некоторые из родственников не в состоянии по финансовым причинам часто передавать постельное белье.

В то же время Правило № 19 МСП четко указывает, что спальные принадлежности «должны быть чистыми в момент их выдачи, поддерживаться в исправности и меняться достаточно часто, чтобы обеспечивать чистоту». Тем не менее согласно результатам интервьюирования бывших заключенных, ситуация с соблюдением гигиенических требований остается сложной.

Недостаточное государственное финансирование является основной причиной несоблюдения Правила № 19 МСП. Часто колонии не оборудованы специальными помещениями для «прожарки»(30) одежды и спальных принадлежностей (так называемые ДЕЗ-камеры), в некоторых случаях «прожарка» проводится только по факту обнаружения насекомых. «Никогда ее не было. Никакой прожарки»(31); «С собой в баню можно было брать и там прожаривать, это по желанию, но если чего-то прожариваешь, то в бане помыться явно не успеваешь»(32); «Про жаривалось в том случае, если ты говоришь, что у тебя насекомые»(33); «...пока у кого-то появятся вши, и только тогда проводят прожарку»(34).

Кроме того, в исправительных колониях не всегда соблюдаются гигиенические нормы по смене постельного белья. «...Стиралось раз в месяц. Утром забирали, стирали, а к вечеру приносили. Но оно не высыхало и было мокрое. Нам говорили, что материальное положение не позволяет сушить. Сами сушили, где как могли»(35). Данное обстоятельство обусловлено рядом причин. В первую очередь, это желание администрации хоть как-то продлить срок службы и без того скудного запаса постельных принадлежностей. От частой стирки постельное белье быстро приходит в негодность, а пополнять «обменный фонд» не всегда есть возможность. «...Зависело от того, когда родственники привезут смену белья»(36). «Про жарка редко бывала. Матрасы и подушки изнашивались до предела...»(37) Во-вторых, сами заключенные предпочитают стирать самостоятельно, договариваясь с работниками «банно-прачечного комбината». Как уже было сказано выше, из-за нехватки средств в колонии многие заключенные пользуются личными спальными принадлежностями, а при централизованной стирке и смене постельного белья нет гарантии, что заключенные получат личное белье, а не старое казенное. В то же время, плохое качество работы некоторых банно-прачечных комбинатов вынуждает заключенных искать неформальные способы. «Так-то все свое, не то, что сам стираешь, ты туда не сдаешь белье, сам идешь к экаму в баню, договариваешься, если срок большой и ты их знаешь, нормально тебе постирают, отгладят»(38).

Необходимо отметить, что нерешенность вопросов материально-бытового обеспечения заключенных противоречит основной цели исправительных учреждений. Плохие бытовые условия формируют у заключенных апатию и ухудшают их положение, что воспринимается как дополнительная часть наказания и в то же время усиливает представление, что заключение в колонию служит в первую очередь наказанию, а не исправлению осужденных.

- (1) Основные принципы обращения с заключенными (принцип № 1).
- (2) Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ), Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (Правила ИУ).
- (3) Правила ИУ § 3 п. 2, Приложение № 2.
- (4) Правила ИУ, Приложение № 1, примечания п. 6.
- (5) Региональный доклад. Республика Карелия. 2002.
- (6) Из интервью с родственником заключенного. Агинский Бурятский автономный округ.
- (7) Из интервью с родственником заключенного. Костромская область.
- (8) Из интервью с начальником колонии Ставропольский край.
- (9) Ст. 99 ч. 4 УИК РФ: «Осужденные, получающие заработную плату, и осужденные, получающие пенсию, возмещают стоимость питания, одежды и коммунальных услуг, кроме стоимости специального питания и специальной одежды. ...Возмещение стоимости питания, одежды и коммунальных услуг производится ежемесячно в пределах фактических затрат, произведенных в данном месяце».
- (10) Из интервью с начальником колонии. Алтайский край.
- (11) Из интервью с начальником колонии. Псковская область.
- (12) Из интервью с начальником колонии. Пермская область.
- (13) Из интервью с начальником колонии. Кировская область.
- (14) Из интервью с начальником колонии. Ставропольский край.
- (15) Из интервью с родственником заключенного. Новгородская область.
- (16) Из интервью с родственником заключенного. Республика Башкортостан.
- (17) Из интервью с родственником заключенного. Костромская область.
- (18) Из интервью с родственником заключенного. Белгородская область.
- (19) Из интервью с родственником заключенного. Воронежская область.
- (20) Ст.23 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»: «Подозреваемым и обвиняемым создаются бытовые условия, отвечающие требованиям гигиены, санитарии и пожарной безопасности... Предоставляется индивидуальное спальное место... Выдаются постельные принадлежности».
- (21) Из интервью с бывшим заключенным. Алтайский край.
- (22) Из интервью с бывшими заключенными. Республики Адыгея, Башкортостан, Коми, Тыва, Камчатская область, Ненецкий автономный округ, гг. Белгород, Брянск, Краснодар, Нижний Новгород, Орел, Пермь, Ростов, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Тверь, Тула, Челябинск, Чита.
- (23) Из интервью с бывшим заключенным. Ставропольский край.
- (24) Из интервью с бывшим заключенным. Ставропольский край.
- (25) Из интервью с бывшим заключенным. Смоленская область.
- (26) Из интервью с бывшим заключенным. Ненецкий автономный округ.
- (27) Нарушается ст. 23 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».
- (28) Из интервью с бывшим заключенным. Тульская область.
- (29) Из интервью с бывшим заключенным. Санкт-Петербург.
- (30) Применяется как средство дезинфекции для профилактики педикулеза и подобных заболеваний.
- (31) Из интервью с бывшим заключенным. Белгородская область.
- (32) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Коми.
- (33) Из интервью с бывшим заключенным. Пермская область.
- (34) Из интервью с бывшим заключенным. Ростовская область.
- (35) Из интервью с бывшим заключенным. Ростовская область.
- (36) Из интервью с бывшим заключенным. Камчатская область.
- (37) Там же.
- (38) Там же.

Питание

20. 1) Тюремное управление должно в обычные часы обеспечивать каждому заключенному пищу, достаточно питательную для поддержания его здоровья и сил, имеющую достаточно хорошее качество, хорошо приготовленную и поданную. Когда это не нарушает принятого в заведении порядка, подследственным

заклученным можно разрешить, если они того желают, получать пищу со стороны за их собственный счет, либо через органы тюремной администрации, либо через членов их семей или друзей. В противном случае питание заключенного обеспечивает администрация.

2) Каждый заключенный должен располагать питьевой водой, когда он испытывает в ней потребность.

Законодательством России не установлено прямого обязательства по обеспечению питания заключенных во всех учреждениях мест лишения свободы. Вместе с тем в российском законодательстве (в частности, в статье 99 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ)) используется понятие «минимальные нормы питания» для осужденных. Питание неработающих осужденных, а также осужденных, не получающих пенсии, обеспечивается за счет государства. В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 833 от 8 июля 1997 г. «Об установлении минимальных норм питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы», приняты нормы питания для различных учреждений и категорий заключенных.

Нормы питания рассчитаны по пищевой ценности на основе физиологических показателей. Так, в соответствии со статьей 17 Федерального закона № 52-ФЗ от 30 марта 1999 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «нормы питания для лиц, находящихся в следственных изоляторах или отбывающих наказание в исправительных учреждениях» должны рассчитываться в научно-обоснованном порядке».

Приказом Минюста РФ № 136 от 4 мая 2001 г. «Об объявлении норм питания осужденных к лишению свободы, а также лиц, находящихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Минюста РФ» конкретизированы нормы питания (в т. ч. минимальная норма из 17 наименований продуктов), сухого пайка, а также определены правила их применения. В соответствии с ними введен порядок возможной замены продуктов, учитывающий параметры пищевой ценности. Для всех учреждений мест лишения свободы, в т. ч. находящихся под ведомством МВД(1), установлена единая система норм питания. При этом предусмотрена гибкая схема дополнительного питания отдельных категорий заключенных (например, больные, кормящие женщины), учитываются также климатические условия (поясность регионов) и даже рост осужденных. Для подозреваемых и обвиняемых в рацион питания вводится поливитаминный препарат «Гексавит».

Вместе с тем нормативные акты не обязывают администрации мест заключения бесспорно следовать указанным нормам, и к тому же возлагают контроль на само руководство(2). Вытекающая отсюда условная ответственность администрации за нарушения наряду с ограниченным финансированием исправительных учреждений негативно сказывается на соблюдении норм питания.

Так, в 2001 г. на содержание одного осужденного в сутки в федеральном бюджете было предусмотрено 20 руб. 10 коп., что заведомо мало для обеспечения установленных норм питания. Более того, фактически средств на питание было выделено 15—17 руб. на человека. Вместе с тем по результатам мониторинга, практически все начальники исправительных учреждений ответили, что нормы питания так или иначе соблюдаются. Причем порядка половины решают проблемы недостаточности поставок и финансирования за счет подсобного хозяйства, организованного в исправительных учреждениях. Также отметим, что продукты питания, получаемые централизованно из баз ГУИН, более низкой стоимости, но и более плохого качества(3).

По данным мониторинга, ситуация с питанием заключенных в регионах страны различна и зависит от многих обстоятельств: работы производства, удаленности учреждения от городов, наличия подсобного хозяйства, помощи благотворительных организаций и попечителей, квалификации поваров и т. п. Иногда даже в одном регионе ситуации в исправительных учреждениях значительно отличаются.

В целом, за прошедший год финансирование учреждений ГУИН из федерального бюджета увеличилось, что позволило улучшить коммунально-бытовые условия содержания и питание заключенных. До 2000 г., когда финансирование системы исполнения наказаний осуществлялось по линии МВД, постоянно возникали серьезные проблемы с выполнением плана финансирования. Например, на питание заключенных исправительные учреждения получали из бюджета только 50% необходимых средств, а коммунальные расходы финансировались только на 30%(4). Сейчас финансирование системы ГУИН полностью переведено на систему казначейства. Но последняя не предусматривает достаточных средств на погашение бывшей задолженности, выплаты по которой отвлекают необходимые средства, а также ограничивают число подрядчиков по поставке продуктов питания в уголовно-исполнительной системе (УИС).

С одной стороны, по данным региональных управлений исполнения наказаний (УИН), в настоящее время финансирование норм питания выдержано «если не на 100%, то на 95%», с другой — в ответах бывших осужденных говорится о недостаточности и однообразии питания в местах заключения.

Ряд проблем, связанных с обеспечением необходимого ассортимента продуктов, учреждения УИН решают

своими силами, снабжая столовые исправительных колоний овощами, хлебом, частично мясом из подсобных хозяйств. Однако достижение подобных результатов требует значительных усилий и средств. «Государство у нас обязано обеспечить заключенных всем необходимым. А сегодня государство многие свои функции переложило на колонии. И мы вынуждены разводить кроликов, выращивать овощи, содержать крупный рогатый скот и свиней»(5). Централизованные заготовки продуктов питания проводятся в плановом порядке. Запасы основных продуктов составляют объемы, покрывающие потребности на 30—170 дней.

При посещении исправительных учреждений мониторы знакомились с меню и рационом питания осужденных. Примерно в половине регионов мониторинга существенных нареканий по приготовлению пищи, ее качеству, санитарному состоянию кухни, столовой и посуды не было. Вместе с тем в значительной части региональных докладов содержится информация, что рацион питания в СИЗО и колониях не может полноценно обеспечить заключенным «достаточную питательность для поддержания здоровья и сил» на протяжении длительного периода. Персонал столовых старается соблюдать нормы по калорийности за счет соевых заменителей мяса и молока, макаронных и крупяных изделий, хлеба. По данным мониторинга, в исправительных учреждениях в постоянном дефиците находятся натуральные продукты с белковым содержанием и витаминами. Крайне редко в меню присутствуют овощи и фрукты. Минимальный рацион удается поддерживать в течение продолжительного времени за счет продуктов ограниченного ассортимента.

Такая ситуация наблюдается, в частности, в учреждениях Республики Карелии, Астраханской, Брянской, Воронежской, Кировской и Ростовской областей. Интервью с бывшими заключенными свидетельствуют о недостаточности продуктов питания: многие ответили, что в рационе не было мясных продуктов, иногда вместо мяса предлагали соевый заменитель, большая часть респондентов говорила о том, что мясные продукты получали редко.

При посещении учреждений мониторами были зафиксированы случаи небрежного приготовления пищи (использование испорченных продуктов, наличие посторонних предметов в пище), несоблюдения санитарных правил (плохо вымытая посуда, в помещениях — грязь, грызуны и насекомые). Кроме того, в отдельных колониях продукты, обозначенные в меню, не соответствовали реально наличествующим в рационе (в Карелии в колонии УМ-220/7 на завтрак, обед и ужин была каша, хотя в меню значатся и овощи)(6).

В исправительных учреждениях зафиксированы случаи дистрофии, но их число, по сравнению с прошлыми годами, снижается. К сожалению, выверенная статистика недоступна, то такой вывод возможен исходя из того, что уменьшилось число жалоб в правозащитные и другие организации, а также на основе известных данных из отдельных регионов.

Отметим, что в более сложной ситуации оказываются вегетарианцы и те, которые не нарушают религиозных табу на потребление отдельных продуктов (например, мусульмане) по сравнению с остальными заключенными, так как законодательством (Правила внутреннего распорядка, установленные нормативы питания, порядок поставки продуктов и т. п.) индивидуальные запросы при приготовлении пищи не учитываются.

При обеспечении питания иногда нарушается нормативный порядок. В некоторых исправительных учреждениях не соблюдаются нормы питания для отдельных категорий осужденных. Особенно тревожны случаи несоблюдения норм питания туберкулезных больных, для которых полноценное питание жизненно необходимо. Так, по данным прокуратуры, в лечебной (туберкулезной) колонии УЗ-62/10 «больные не получают специального питания, а существующее — низкой калорийности»(7).

Несмотря на стремление дифференцировать нормы питания в зависимости от потребностей отдельных категорий осужденных, обеспечение дополнительного питания чаще всего связано с удержанием средств самих осужденных (за исключением несовершеннолетних, больных, инвалидов I и II групп, а также беременных и кормящих женщин).

Ограничение питания используется как средство для дисциплинарного воздействия. Так, в соответствии со ст. 118 УИК РФ, «во время содержания осужденных в штрафном изоляторе, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа или одиночных камерах питание неработающих осужденных осуществляется по пониженным нормам». Проблема в том, что при низком калораже пищи и ее однообразии в обычное время, снижение норм, хотя и на законодательной основе, для заключенных в штрафной изолятор (ШИЗО) превращается в постоянное недоедание. А длительное голодание дисциплинарно наказанных заключенных принимает характер жестокого обращения. Здесь также необходимо учитывать то, что заключенные в ШИЗО лишены права получить посылку или передачу.

Работающим осужденным дополнительный паек может выдаваться «при условии выполнения ими нормы выработки, а также соблюдения правил внутреннего распорядка»(8).

С несоответствием норм и практики сталкиваются и освобождающиеся осужденные. Так, взамен сухого пайка в расчете на время поездки к месту назначения предполагается выдача денег. Их сумма исчисляется в размере стоимости продуктов, входящих в паек. Вместе с тем стоимость продуктов, используемых в исправительных учреждениях, значительно ниже, чем стоимость аналогичных продуктов в торговой сети. В результате, средств на питание освобождающимся заключенным выделяется недостаточно.

Статья 88 УИК РФ закрепляет за осужденными право приобретать продукты питания в магазине (ларьке) учреждения. Но реализация этого права затруднена. Сумма, разрешенная к расходованию, ограничена на законодательной основе. Она составляет от 20% до 120% минимального размера оплаты труда и зависит от вида учреждения, строгости наказания, от состояния здоровья и поведения осужденного. Порядок посещения магазина устанавливается распорядком дня каждого учреждения. Как правило, осужденный может приобрести продукты раз в неделю.

Существенная проблема, которая ограничивает возможности заключенных пользоваться ларьком, связана с наличием средств на их лицевых счетах. Поскольку часть осужденных не имеет работы, а значит и заработка, воспользоваться ларьком и приобрести что-либо из продуктов могут далеко не все заключенные. Кроме того, магазины исправительных учреждений не обеспечены достаточным ассортиментом. И связано это с тем, что большинство учреждений испытывают недостаток финансирования и средств на своих счетах, а магазины (ларьки) создаются и обеспечиваются за счет средств самих учреждений, и приобрести нужный ассортимент товаров они не в состоянии.

Практически во всех регионах осужденные указывают на скудость выбора в ларьках и затруднения, связанные с доступом к магазину. «Ассортимент убогий: сигареты «Прима», грузинский чай (развесной), дешевое печенье, иногда консервы»(9). «В основном, там и был только один ржаной хлеб»(10). «Ассортимент ларька скудный: просроченные рыбные консервы, некачественный чай, очень дорогие или самые дешевые сигареты, конфеты, печенье, мыло, пряники»(11). Доступ в ларек ограничен (в некоторых колониях 1—2 раза в месяц), цены выше, чем в торговой сети. «В ларек можно попасть раз в месяц — это целая проблема, часто толкучка»(12).

Учитывая вышесказанное, большое значение для заключенных приобретают передачи и посылки. В особенности, для тех заключенных, которые находятся в следственных изоляторах. Питание в СИЗО значительно хуже, чем в колониях. В отличие от колоний число передач в СИЗО не ограничено (ограничен только вес передачи)(13). Но при вручении передач существуют сложности. Жалобы подследственных и их родственников вызваны чрезмерными очередями в пункт приема передачи СИЗО, ограниченным списком продуктов, разрешенных для передачи (например, сахар, сладости, консервы исключены), а также отсутствием условий для хранения продуктов.

Иногда бывает сложно получить посылку или передачу для заключенных в колониях. По данным мониторинга, многие опрошенные указывали на то, что администрация при приеме передач от родственников намеренно крошила и мяла продукты, и таким образом портила их. Прозрачный мед в прозрачной полиэтиленовой посуде не брали и заставляли переливать в полиэтиленовые мешки. Приготовленную в домашних условиях пищу не принимали, как и продукты в стеклянной, жестяной или алюминиевой таре. Все открывали и переключивали в мешки, от чего продукты портились. Мясные продукты не принимали. Часть опрошенных показала, что продукты пропадали в каптерке, но жаловаться на это было бесполезно и опасно, т. к. обслуживающий персонал выгораживался администрацией. Холодильников для хранения продуктов не было, переданные родственниками продукты портились(14).

Посылки и передачи являются единственной реальной возможностью разнообразить питание заключенных. «Если нет помощи от родственников, то жить на одном питании в колонии очень тяжело, может быть и достаточно для жизнедеятельности, но далеко не достаточно для выздоровления»(15). Отметим, что некоторые из опрошенных осужденных не употребляли столовскую пищу, питаясь исключительно «своими» продуктами.

Обязательство по обеспечению осужденных питьевой водой в российском законодательстве не установлено. О доступе к питьевой воде можно судить лишь из упоминаний о «бачке для питьевой воды» (в перечне оборудования камеры ИВС(16)) или о «фонтанчиках для питьевой воды» в вестибюлях бани (в санитарных требованиях для банно-прачечных отделений ИУ)(17).

Вместе с тем доступность питьевой воды не только не гарантирована, но и имеет нормативные ограничения. Так, при содержании осужденных в ЕПКТ, ПКТ, ШИЗО, одиночных камерах снабжение водой производится только по установленному распорядку дня(18). Не предусмотрено обеспечение питьевой водой в тюрьмах. Взамен осужденным разрешается пользоваться кипятыльниками.

По результатам мониторинга мест заключения в регионах России, вода имеется в свободном доступе как в

следственных изоляторах, так и в колониях и обеспечивается через систему водоводов. В периоды неисправности водоводов и перебоев с водоснабжением вода в ограниченном количестве специально доставляется. В таких случаях учреждение и сами осужденные запасаются водой (например, в СИЗО г. Орла). Значительные перебои с водоснабжением были выявлены в колонии строгого режима ОВ-94/8 (Республика Бурятия) и в Ростовской области: «Все опрошенные показали, что воды для питья не хватало. Вода была ржавая, и включали ее на непродолжительное время. Пили то, что успевали набрать в пластиковую бутылку. В другой колонии воду включали за час до отбоя, и вода текла тоненькой струйкой. Всем воды не хватало. Другие заключенные отметили, что воды в летнее время не хватало, но ее можно было приобрести у хозобслуги за чай и сигареты»(19).

По свидетельству осужденных, претензии к водоснабжению вызваны в первую очередь качеством воды, а не ее доступностью. Регулярность водоснабжения не означает обеспеченности питьевой водой. Качество водоснабжения определяется тем, что многие исправительные учреждения расположены на экологически неблагоприятных территориях, а также отсутствием надлежащей системы очистных сооружений. Контроль за качеством воды осуществляет служба санитарно-эпидемиологического надзора согласно утвержденным нормативам(20). Однако качественное водоснабжение исправительных учреждений требует значительных средств, которых система УИН не имеет, в т. ч. на строительство и ремонт очистных сооружений.

- (1) В т. ч. для ИВС (п. 6.39 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утв. приказом МВД РФ от 26 января 1996 г. № 41), спецприемников (п. 21 Правил внутреннего распорядка специальных приемников для содержания лиц, арестованных в административном порядке, утв. приказом МВД РФ от 6 июня 2000 г. № 605).
- (2) Пункт 15 «Правил применения норм питания осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Приложение № 4 к приказу Минюста РФ от 4 мая 2001 г. № 136.
- (3) Вывод из информации, полученной от начальников ИУ и бывших осужденных.
- (4) Региональный доклад. Республика Башкортостан. 2002.
- (5) Из интервью с начальником колонии. Республика Карелия.
- (6) Региональный доклад. Республика Карелия. 2002.
- (7) *Савкин В.* (начальник отдела по надзору за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний прокуратуры Нижегородской области). В вопиющих условиях // Нижегородский рабочий. 2001. 11 апреля.
- (8) Пункт 7 «Правил применения норм питания осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Приложение № 4 к приказу Минюста РФ от 4 мая 2001 г. № 136.
- (9) Из интервью с бывшим заключенным №1. Нижегородская область.
- (10) Из интервью с бывшим заключенным №2. Нижегородская область.
- (11) Из интервью с бывшим заключенным. Ростовская область.
- (12) Региональный доклад. Алтайский край. 2002.
- (13) Статья 25 ФЗ «О содержании под стражей...».
- (14) Региональный доклад. Ростовская область. 2002.
- (15) Интервью сотрудников Межрегиональной Правозащитной Группы с осужденным Н., содержащимся в ОЖ-118/6 (ЛИУ-6) (пос. Кривоборье). Воронежская область.
- (16) Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утв. приказом МВД РФ № 41 от 26 января 1996 г.
- (17) Исключением является нормы в отношении следственных изоляторов, для которых, в установлены требования: «При отсутствии в камере водонагревательных приборов либо горячей водопроводной воды горячая вода для стирки и гигиенических целей и кипяченая вода для питья выдаются ежедневно в установленное время с учетом потребности». П. 45 Правил внутреннего распорядка, утв. приказом Минюста России от 12 мая 2000 № 148).
- (18) § 5 приказа Минюста РФ от 7 марта 2000 г. № 83 «Об утверждении Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях».
- (19) Региональный доклад. Ростовская область. 2002.
- (20) СанПиН 2.1.4.559-96 «Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества»; СанПиН 2.1.4.544-96 «Требования к качеству воды нецентрализованного водоснабжения. Санитарная охрана источников».

Физические упражнения и спорт

21. 1) Все заключенные, не занятые работой на свежем воздухе, имеют ежедневно право по крайней мере на час подходящих физических упражнений на дворе, если это позволяет погода.

2) Малолетним и другим заключенным подходящего возраста, находящимся в соответствующем физическом состоянии, следует обеспечивать физическую тренировку и возможность игр во время периода упражнений. Для этого нужно располагать необходимыми площадками, установками и оборудованием.

Статья 110 УИК РФ относит физическое воспитание к основным формам и методам воспитательной работы с осужденными к лишению свободы. Правила внутреннего распорядка как исправительных учреждений, так и воспитательных колоний закрепляют за осужденными право на участие в культурно-массовых и спортивных мероприятиях.

В целом, в подавляющем большинстве колоний у осужденных есть возможность заниматься физическими упражнениями и спортом. В нашем распоряжении имеются лишь единичные свидетельства бывших заключенных и начальников колоний об отсутствии в колониях спортивных площадок и спортивного инвентаря. В некоторых случаях в качестве причины указываются размеры колонии, не позволяющие разместить спортплощадку (женская колония ОЕ-256/2 в Вологодской области, колония ЯП-17/5 в Ставропольском крае).

Недостаток регламентирующих документов приводит к ущемлению со стороны администраций права осужденных на занятие физическими упражнениями и спортом(1). Так, в учреждении УЦ-349/29 (Свердловская область) пользоваться спортзалом могут только те, кто «доказал своим поведением, что встал на путь исправления». В колонии УТ-389/29 (Пермская область) тренажерный зал доступен как поощрение и, по решению совета колонии, только для некурящих.

По сути, без законных оснований лишены права на участие в спортивных мероприятиях осужденные к пожизненному заключению. Начальник колонии такой категории заключенных в Оренбургской области мотивирует это следующим образом: «Осужденные к пожизненному лишению свободы лишены возможности заниматься спортом и физкультурой в целях недопущения развития силы, направленной против администрации колонии».

Отдельно стоит отметить бедственное положение осужденных в колонии «Белый лебедь»(2) (учреждение АМ-244) в г. Соликамске (Пермская область). Они настолько истощены постоянным недоеданием, что о занятиях физическими упражнениями просто и речи не идет.

Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» («О содержании под стражей») и Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации (Правила ИУ), которые регулируют правовое положение арестованных по подозрению в совершении преступлений, наделяют подозреваемых и обвиняемых лишь правом на ежедневную прогулку. Для взрослых ее продолжительность в течение дня должна составлять не менее часа, для несовершеннолетних — не менее двух часов, для находящихся в карцере — 30 минут, что противоречит п. 1 Правила № 21 МСП.

В СИЗО-1 г. Архангельска администрация под угрозой применения силы заставляет всех заключенных выходить на прогулку, превращая таким образом право в обязанность. Аналогичным образом поступают администрации и других изоляторов, например, СИЗО г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) и г. Магадана, где на прогулку выводятся все заключенные за исключением освобожденных по медицинским основаниям. В то же время практикуется сокращение продолжительности прогулок, например, в СИЗО г. Благовещенска (Амурская область) до 30—40 минут. Администрация СИЗО г. Биробиджана (Еврейская автономная область) признает, что зимой прогулок нет вообще(3).

Возможность участия заключенных СИЗО в спортивных мероприятиях нормативными актами не предусмотрена, однако в некоторых изоляторах заключенные могут заниматься спортом. Так, в г. Москве, например, проводятся турниры по футболу между заключенными разных СИЗО. При этом ни в одном изоляторе нет специального спортивного оборудования для несовершеннолетних и практически повсюду, за редкими исключениями, они лишены возможности заниматься физическими упражнениями.

(1) В отношении воспитательных колоний действует «Инструкция об организации воспитательной работы с осужденными воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ», утв. приказом Минюста России от 28 февраля 2000 г.

- (2) Неофициальное название колоний, входящих в восемь территориальных управлений лесных исправительных учреждений, подчиняющихся непосредственно ГУИН Минюста РФ.
 (3) Данные из региональных докладов.

Медицинское обслуживание

22. 1) Все заведения должны иметь в своем распоряжении по крайней мере одного квалифицированного медицинского работника, имеющего познания в области психиатрии. Медицинское обслуживание следует организовывать в тесной связи с местными или государственными органами здравоохранения. Оно должно охватывать психиатрические диагностические службы и там, где это необходимо, лечение психически ненормальных заключенных.

2) Больных заключенных, нуждающихся в услугах специалиста, следует переводить в особые заведения или же в гражданские больницы. Тюремные больницы должны располагать оборудованием, установками и лекарствами, необходимыми для должного медицинского ухода за больными и для их лечения, а также достаточно квалифицированным персоналом.

3) Каждый заключенный должен иметь возможность прибегать к услугам квалифицированного зубного врача.

Основные принципы обращения с заключенными ООН

9. Заключенные пользуются медицинским обслуживанием, имеющимся в данной стране, без дискриминации в связи с их юридическим положением.

Охрана здоровья и обеспечение заключенных необходимой медицинской помощью гарантировано российским законодательством (ст. 12 ч. 6 УИК РФ). Кроме того, лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь оказывается осужденным к ограничению свободы в соответствии с общегражданским законодательством — Основами законодательства РФ от 22 июля 1993 г. «Об охране здоровья граждан».

Система оказания медицинской помощи заключенным строится, прежде всего, на основе создания и развития медицинских учреждений в уголовно-исполнительной системе (УИС), однако подразумевает и кооперацию с учреждениями государственной и муниципальной систем здравоохранения. Отметим, что такого рода взаимоотношения пока недостаточно развиты, что осложняет оказание комплексной и оперативной медицинской помощи осужденным, например, нуждающимся в срочных операциях или ВИЧ-инфицированным. Принципы страхования, способные в значительной мере упорядочить медицинскую помощь, стали вводиться в УИС лишь с 2002 г.(1)

Постоянная работа с сотрудниками учреждений государственной и муниципальной систем здравоохранения ведется только в подразделениях изоляторов временного содержания (ИВС), которые относятся к МВД (поскольку в МВД специальных медицинских учреждений не существует). В перечень задач медицинских работников, посещающих ИВС, входит не только оказание необходимой помощи, но и «выявление опасных заболеваний путем проведения медицинских осмотров»(2). В качестве положительного примера сотрудничества учреждений УИС с государственными и муниципальными медицинскими заведениями можно назвать ситуацию в Республике Бурятия. Так, благодаря сотрудничеству с республиканским Министерством здравоохранения, больные осужденные могут, в случае необходимости, помещаться на лечение в республиканскую больницу и больницу скорой помощи, медицинские работники УИС обучаются на курсах для получения сертификата по медицинским специальностям на льготных условиях. Министерство здравоохранения оказывает также помощь медикаментами(3).

Медицинская система УИС охватывает все исправительные учреждения и имеет сеть специализированных медицинских заведений. Сегодня в каждом учреждении УИС существует медицинская часть или здравпункт, функционирует 119 больниц различного профиля для осужденных и заключенных СИЗО.

В системе УИС России с начала 90-х гг. существует служба психологов. В течение последних лет, по мере комплектования, подготовки кадров и приобретения опыта, работа психологов в исправительных учреждениях становится все более эффективной. Психологическими службами апробируются новые методы работы. Так, управление исполнения наказания (УИН) Орловской области, которым ведется работа по психологическому обеспечению ресоциализации освобождаемых заключенных, стало одним из первых подразделений в России, где была введена ставка психотерапевта. В некоторых исправительных учреждениях созданы кабинеты психологической разгрузки (как, например, в большинстве женских колоний). Заметим вместе с тем, что влияние психологической службы в исправительных учреждениях пока недостаточно. Среди управляющего персонала ИУ не укоренились принципы коррекции поведения на основе индивидуальной работы и еще доминируют стереотипы о большей эффективности принудительно-воспитательного воздействия. Процесс формирования психологической службы далеко не завершен, во многих учреждениях, особенно в исправительных колониях (общего, строгого режимов) и СИЗО, в штатном расписании психолог не предусмотрен.

Задача поддержания здоровья осужденных прямо связана с обеспечением условий работы и должным выполнением своих обязанностей медицинским персоналом. Однако и при соблюдении этих условий остаются нерешенные проблемы, существование которых не позволяет говорить о качественной медицинской помощи осужденным.

По итогам мониторинга выявлены значительные трудности в работе (чрезмерная амортизация) медицинского оборудования и в его поставках. «Аппаратура, которая находится в данный момент в эксплуатации, особенно рентген-кабинет, уже три срока (технической эксплуатации) у нас, и то переданы были нам бывшими в употреблении»(4). Замена и приобретение медицинского оборудования в системе УИС идет медленно. Единичные факты свидетельствуют об улучшении ситуации в некоторых местах заключения. Так, в Брянском СИЗО закуплена новая рентгеновская установка, а в УЗ-62/2 (женская колония, г. Нижний Новгород) — современное стоматологическое оборудование.

Острой остается проблема комплектации исправительных учреждений медицинским персоналом. Если в учреждениях, расположенных вблизи городов, этот вопрос в целом решается, то в удаленных колониях число медицинских работников, как правило, не соответствует штатному расписанию.

«Из десяти врачей по штату в санчасти фактически работают только пять. Из трех терапевтов по штату есть один. Дерматовенеролога нет. Нарколога нет, хорошо, что его обязанности взял на себя психиатр. Причина — низкая заработная плата. Приходится при необходимости вызывать других врачей со стороны, но все на коммерческой основе — значит, только к тем из больных осужденных, кто в состоянии заплатить»(5). Такая же ситуация в колонии УЗ-62/10 (Нижегородская область), которая «врачами... укомплектована всего наполовину от потребности, потому что не хватает жилья»(6).

Зубопротезирование проводится, как правило, по плановым заявкам. Оборудование кабинетов в значительной части колоний чрезвычайно устарело. Ограниченное число стоматологов и работа по заявкам делает труднодоступной стоматологическую помощь в большинстве учреждений УИС. Так, из анкет с бывшими заключенными следует, «что часто вместо лечения им предлагается удалить зуб, мотивируется это отсутствием необходимых препаратов»(7). Сложности возникают у заключенных и в получении помощи окулиста.

О недостатках работы системы медицинского обслуживания свидетельствуют многочисленные жалобы осужденных. Только в прокуратуру по надзору Республики Карелия в 2001 г. поступила 31 жалоба на неказание медицинской помощи(8).

Положение медицинских частей в исправительных учреждениях различается. В одних случаях, как, например, в ИК-6 (Орловская область), медчасть оборудована современным медицинским оборудованием, находится в просторном и чистом помещении, где работает необходимый по штату квалифицированный персонал(9). В других случаях условия содержания в камерах медицинской части намного хуже, чем в обычных камерах. В медчасти СИЗО Оренбургской области «площадь на одного человека в камере составляет 2 кв. м, очень грязно; туалет не отделен перегородкой (в одной камере занавешен простыней) от остальной части камеры; в камерах очень душно; у одного из помещенных в камеру три дня отсутствует постельное белье»(10).

По данным управления ГУИН, лечебные части и больницы располагают лишь самыми необходимыми лекарствами, что подтверждается и итогами мониторинга. За последний год ситуация несколько улучшилась, так, например, исправительные учреждения практически полностью обеспечиваются основными противотуберкулезными препаратами. Вместе с тем фтизиатрические службы обращают внимание на дефицит препаратов резервного ряда, необходимых для лечения лекарственно устойчивых форм туберкулеза. Большой недостаток лекарственных средств ощущается при лечении острых и тяжелых заболеваний, не хватает противовоспалительных, желудочных, гинекологических препаратов, поливитаминов и антибиотиков. В

некоторых учреждениях отсутствуют самые необходимые медицинские средства: одноразовые шприцы, рентгеновская пленка, перевязочные материалы(11). В то же время, часть исправительных учреждений лекарственными препаратами обеспечены лучше. «В УЗ-62/11 в последние 1,5—2 года набор лекарств (жаропонижающие, болеутоляющие, антисептики и т. д. — список содержится в соответствующих нормах-инструкциях) более чем минимальный, есть из чего выбирать, например антибиотиков около 10 наименований»(12).

Достаточно часто лекарства приобретаются родственниками осужденных. «Медикаменты [передавать] можно, но нужно сделать заявку через врача, который в зоне. То есть сын дает врачу заявку, что ему нужны лекарства, а потом врач ставит свою визу, что это можно, и на основании этого списка у меня берут лекарства. Витамины можно приносить без разрешения врача»(13).

Как правило, медикаменты от родственников передаются без необоснованных ограничений. Однако в некоторых учреждениях сложности в порядке приема лекарств создают конфликтную ситуацию. «Как правило, заявления дня три не рассматривают, а затем, то есть через три дня, когда уже и боли прошли, выводят к врачу. Администрация после этого заявляет, что пытающийся попасть к врачу на прием — симулянт и у него ничего не болит»(14). «Медикаменты мы не принимаем, потому что на все медикаменты нужны соответствующие сертификаты. Нам легче закупать»(15).

В других случаях сотрудники исправительных учреждений стремятся не допускать таких конфликтов: «...поскольку современные и эффективные лекарства дорогие, то, как правило, просим принести их родственников осужденных. Бывает, что принимаем лекарства от родственников с просроченным сроком. Не отказываем в приеме, т. к. знаем, что некоторые купили их на последние деньги, но потом сами решаем, давать их пациенту или нет»(16).

При диагностировании тяжелых заболеваний, требующих специального лечения, осужденных направляют в специализированные больницы УИН.

Так, в г. Санкт-Петербург работает межобластная больница им. Доктора Гааза, одна из самых крупных и старых в пенитенциарной системе России. Ряд отделений больницы — нейрохирургия, хирургическая стоматология, онкология, фтизиохirurgия, торакальное отделение — единственные на всю страну. Больница рассчитана на 520 мест, но число больных всегда больше. Двух и трехъярусные кровати вплотную поставлены друг к другу не только в палатах, но и в коридорах. «Плановым» больным приходится ждать госпитализации до двух лет. По словам пациентов, больница практически «единственная радость в их жизни», — условия содержания лучше, чем в колониях: постельные принадлежности высокого качества, комплексное питание, менее строгий режим и доброжелательное отношение медицинского персонала. Однако с 1979 г. больница находится в аварийном состоянии: прогнили деревянные перекрытия, протекает кровля, рушатся потолки. Врачи в основном оказывают только экстренную помощь: из-за нехватки средств количество плановых операций сведено к минимуму(17). Здесь же отметим, что и в Брянской областной больнице ОБ-21/1 из-за постоянных проблем с шовным материалом число операций так же минимально(18).

Практически повсеместно больницы УИН переполнены. Так, в туберкулезной больнице Орловского СИЗО, рассчитанной на 50 мест, обычно лечатся от 120 до 440 больных(19); в 2001 г. заболели пять сотрудников охраны. При этом в областной программе «О неотложных мерах по борьбе с туберкулезом», продленной до 2004 г., строительство либо расширение тюремной туберкулезной больницы не предусмотрено(20).

Ограничения по лимиту больниц, возможности этапирования и, в некоторых случаях — режимные требования, приводят к отказам в госпитализации и, в конечном счете, затрудняют лечение заключенных. «Не всех брали на этапы в больницу. Если даже люди действительно больные, бывало, что оперчасть не пропускала. У них там какие-то свои соображения были. Оперчасть проверяет списки, составленные врачом, и вычеркивает, кого нельзя»(21).

Кроме того, продолжает оставаться актуальной проблема обеспечения надлежащих условий этапирования, в т. ч. больных заключенных. Все без исключения опрошенные бывшие заключенные свидетельствуют об ужасных условиях перевозки. Этапирование происходит в условиях тесноты, антисанитарии, отсутствия вентиляции и освещения. «Очень, очень тесно. Сидели друг на друге, чуть не на коленях, а некоторые стояли. Теснота. Вентиляции, освещения, гигиены — этого, конечно, ничего не было»(22).

23. 1) Женские заведения должны располагать особыми помещениями для ухода за беременными женщинами и роженицами. Там, где это возможно, следует заботиться о том, чтобы роды происходили не в тюремном, а в гражданском госпитале. Если же ребенок рождается в тюрьме, то об этом обстоятельстве не следует упоминать в метрическом свидетельстве.

2) Там, где заключенным матерям разрешается оставлять младенцев при себе, нужно предусматривать

создание яслей, располагающих квалифицированным персоналом, куда детей следует помещать в период, когда они не пользуются заботой матери.

В нормативах УИС определены особые правила обращения с беременными женщинами и женщинами с детьми. Однако условия содержания для них не всегда соблюдаются. Из 37 колоний для женщин только в 11 есть дома ребенка.

В некоторых регионах заключенные беременные женщины содержатся в особых изоляторах, роды принимаются в гражданских родильных домах. «Женщины, которые решают сохранить беременность, до достижения срока беременности 30 недель находятся в общей камере. Они имеют, как и остальные заключенные, ежедневную часовую прогулку, скудную еду с дополнительной кружкой молока и куском рыбы. По достижении 30 недель беременности их переводят в женский изолятор. Здесь в общей камере, рассчитанной на 25 человек, число женщин, как правило, значительно меньше этого числа. Рожают заключенные в городских родильных домах. Сюда их привозят под конвоем; также под конвоем отвозят после родов обратно в следственный изолятор. Отделение, в котором находятся матери с новорожденными, представляет собой чистое помещение на двоих или одну, напоминающее комнату в общежитии; только решетки на окнах и железная дверь. Рядом с кроватью матери детская кроватка. Много игрушек; это подарки от заграничных общественных и религиозных организаций. Гуляют мамы с детьми, которые спят в казенных колясках, в небольшом заасфальтированном дворе, окруженном стенами и металлическими решетками, просматривающемся со всех сторон. На прогулку отводится два часа в день. Серьезной проблемой для изолятора остается детское питание, которое нормативами СИЗО не предусмотрено. Поскольку дети не прикреплены к какой-нибудь поликлинике, возникают трудности с направлением детей на консультацию к детским врачам, с проведением профилактических прививок»(23).

Отметим также, что женщины, находящиеся в местах лишения свободы, испытывают большие сложности и неудобства, связанные с физиологией. Гигиенические средства им, как правило, не выдаются. В несколько лучшем положении находятся те, кто может рассчитывать на поддержку живущих в городе родственников, а иногородние и жители отдаленных районов и населенных пунктов, которых в женских колониях больше, чем в мужских(24), находятся в крайне сложном положении(25).

24. Каждого заключенного следует подвергать медицинскому осмотру при его принятии и затем по мере надобности с тем, чтобы устанавливать, не болен ли он физически или умственно; принимать необходимые меры; изолировать заключенных, о которых можно предположить, что они страдают какой-либо инфекционной или заразной болезнью; выявлять физические или умственные недостатки, могущие воспрепятствовать их перевоспитанию, и определять, какова их физическая способность к труду.

Медицинский осмотр осужденных, как правило, проводится при приезде в учреждение. На период диагностики и оценки состояния осужденных, в соответствии со статьей 79 УИК РФ и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (Правила ИУ), используются карантинные отделения, в СИЗО — камеры сборного отделения. Срок содержания осужденных в карантинном отделении — до 15 суток. При обнаружении инфекционных больных они направляются в специальные лечебные учреждения, а для остальных осужденных режим карантина продлевается.

Вместе с тем есть основания говорить, что иногда осмотр проводится не вполне квалифицированно. И, в основном, из-за отсутствия нужных врачей-специалистов, о чем, в частности, стало известно при посещении СИЗО Ненецкого автономного округа(26). В большинстве ИВС отсутствуют постоянные медицинские работники, т. к. система МВД этого не предусматривает. В этой связи большая ответственность по оказанию медицинской помощи возлагается на дежурного ИВС, который, как правило, не является врачом. Но он, в частности, должен оценить состояние здоровья заключенного и решить вызывать ли медицинских работников и оказывать ли первичную помощь.

Обязательные медосмотры всех осужденных проводятся лишь раз в год. Врач осматривает осужденных также перед водворением в штрафной изолятор или в помещение камерного типа, перед этапированием, в некоторых случаях — перед определением на работу.

Остается не определенной позиция врача, осматривающего телесные повреждения и травмы, полученные осужденными в результате физического воздействия со стороны сотрудников учреждения при обеспечении правопорядка. В подобных случаях медицинского работника привлекают к осмотру осужденного по решению режимных сотрудников администрации. При этом роль медицинского работника сводится к оказанию первой помощи, но не к освидетельствованию травмированного. Медицинский работник обязан лишь уведомить о случившемся непосредственное руководство, но полученные телесные повреждения остаются не документированы. Такое положение способствует безнаказанности сотрудников администрации в случае неправомерного и не спровоцированного применения ими силы и спецсредств.

Подобный случай произошел в 2002 г. в СИЗО-1 г. Мурманска, где сотрудником охраны был избит подследственный А. К. В результате у заключенного был сломан нос, но травму не зафиксировали. После жалобы в прокуратуру А. К. получил типичный ответ: «В ходе служебной проверки факт причинения Вам телесных повреждений сотрудниками следственного изолятора также не нашел своего подтверждения». Следует отметить, что по результатам служебной проверки фельдшер СИЗО Г. Ступикова была привлечена к дисциплинарной ответственности, «за то, что не уведомила о случившемся дежурного помощника начальника следственного изолятора и начальника медицинской части»(27).

Несмотря на сокращение в 2002 г. числа подследственных (по предварительным данным — на 25—35%), из-за переполненности следственных изоляторов ситуация остается сложной.

Состояние многих изоляторов продолжает оставаться плачевным. Их реконструкция ведется лишь в отдельных случаях, тогда как 26 изоляторов и тюрем находятся в аварийном состоянии. Скученность в камерах, нарушение санитарных норм только усугубляют положение заключенных в СИЗО Санкт-Петербурга, Москвы, в Нижегородской, Омской, Самарской, Тверской, Тульской, Ленинградской областях, а также в других регионах.

Тяжелые условия пребывания приводят к обострению заболеваний и росту инфекций. К сожалению, администрации учреждений не признают, что нарушения санитарных норм становятся причиной заболеваний заключенных. Это обстоятельство с очевидностью показывает, что администрации учреждений не осознают в должной мере ответственности за обеспечение здоровья заключенных. Такую позицию поддерживает и судебная система, поскольку за последние годы, несмотря на обращения осужденных, фактически не было случаев вынесения судебных решений о компенсации в связи с утратой здоровья в местах лишения свободы.

25. 1) О физическом и психическом здоровье заключенных обязан заботиться врач, который должен ежедневно принимать или посещать всех больных, всех тех, кто жалуется на болезнь, а также всех тех, на кого было обращено его особое внимание.

2) Всякий раз, когда врач считает, что физическое или умственное равновесие заключенного было нарушено или грозит быть нарушенным в результате его заключения или в связи с какими-нибудь условиями заключения, он докладывает об этом директору.

Практически во всех местах заключения осужденные, и особенно подследственные, испытывают большие затруднения в доступе к врачебной помощи и к врачебному осмотру. Законодательно предписано, что «прием осужденных в медицинских частях производится по предварительной записи и по назначению медицинского персонала в соответствии с режимом работы медицинской части» (п. 4 ст. 101 УИК РФ). Заявления в этих случаях передаются через сотрудников администрации. На практике возникают сложности, связанные с зависимостью больных от надзирающего персонала и контролеров (таких жалоб много как из исправительных учреждений, так и из следственных изоляторов).

«Попасть к врачу было сложно. Врачи принимали ежедневно, кроме субботы и воскресенья, утром с 10.00 до 12.00 и вечером с 18.00 до 19.00. А народу приходило со всех отрядов, а их 13, примерно около 100 человек. Врача всего 2, большая очередь, принять всех не успевали»(28). «С утра записался у дневального, а затем днем с 13 до 16 к врачу. Люди стоят на улице — дождь, снег, даже зимой. В Шахово [Шаховская воспитательная колония] запускали, а тут стой. Если не успеешь — это уже твои проблемы». «Нужно было «забывать» очередь, не выйти на работу, иметь веские аргументы — и хорошо, если эти аргументы у тебя есть, иначе могли принять за симуляцию»(29). Опасения быть обвиненными в симуляции высказаны во многих жалобах осужденных: «Отказывали в медицинской помощи тогда, когда обращались после рабочего дня к дежурному врачу. Списывалось на то, что человек просто не хочет работать и прикидывается больным, и это грозило 15 сутками штрафного изолятора сразу, без разбора, если ты назовешься больным и если узнают, что тыходишь в рабочий состав колонии»(30).

В некоторых исправительных учреждениях отсутствует должное внимание медицинского персонала при обращении больных и при проведении лечения. «В колонии строгого режима ОЖ-118/1 (г. Семилуки) больные общаются с врачом через клетку размером 1 кв. м (т. к. врач — женщина). Клетка начинается прямо из коридора, в ней нет ни стула для больного, ни ширмы, ни вешалки для одежды». «В ИЗ-36/3 (СИЗО-3, г. Воронеж) в кабинете врача отсутствует стул для больных и ширма для переодевания. В гинекологическом кабинете, как в колонии, так и в СИЗО, отсутствует ширма, гинекологическое кресло обращено к двери»(31).

26. 1) Врач обязан регулярно осуществлять инспекцию и докладывать директору по следующим вопросам:

- a) количество, качество, приготовление и условия раздачи пищи;*
- b) гигиена и чистота заведения и содержащихся в нем лиц;*
- c) санитария, отопление, освещение и вентиляция в заведении;*

- d) пригодность и чистота одежды и спальных принадлежностей заключенных;*
e) соблюдение правил, касающихся физкультуры и спорта, в случае, когда эта работа не возлагается на специализированный персонал.

В обязанности врачей исправительных учреждений входит также проведение ежедневных инспекций. Врач должен проверять состояние и качество приготовленной пищи и санитарное состояние помещений. Об итогах проверок сообщается начальнику учреждения. В следственных изоляторах врач участвует в утренних проверках. Вместе с тем во многих учреждениях эти проверки носят формальный характер, что, в частности, объясняется большой загруженностью врачебного персонала. По итогам мониторинга, в некоторых учреждениях (Ростовской, Астраханской и Кемеровской областей) выявлены случаи нарушения порядка ежедневного обхода.

В УИС созданы специальные лечебные учреждения, где содержатся больные, нуждающиеся в особом лечении и обращении, в специализированной противотуберкулезной помощи. С 2000 г. уровень заболевания туберкулезом удалось стабилизировать. А в 2002 г. заболеваемость туберкулезом снизилась на 27%, смертность на 13%. В значительной степени это произошло благодаря увеличению бюджетного финансирования(32) и проведению специальной программы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Однако количество больных туберкулезом остается большим, сохраняется актуальность социальной опасности этого заболевания. По данным на 2001 г., в СИЗО и ИУ содержатся 88 тыс. больных туберкулезом.

На улучшение ситуации существенное влияние оказал высокий профессиональный уровень медицинского персонала, имеющего исключительный опыт противотуберкулезного лечения в условиях фактической эпидемии. «У нас много бывает проверяющих. Были, например, ведущие фтизиатры из Москвы, и все они видели, что медицинское обслуживание заключенных не хуже, чем на воле. В ЛИУ № 3, где лечат туберкулезных заключенных, такая аппаратура стоит, что не в каждой городской больнице есть. И лечение там эффективное, потому что один и тот же врач ведет больного до конца срока»(33).

Однако многие учреждения в регионах (прежде всего — не включенные в программу ВОЗ) продолжают испытывать острый недостаток в лекарственных средствах, медицинском оборудовании, в некоторых случаях — в обеспечении полноценного питания осужденных).

Высокая стоимость анализов и отсутствие необходимых препаратов не позволяют проводить качественное лечение, особенно — лекарственно устойчивых форм туберкулеза. «Невозможность проведения бактериологического обследования больных не позволяет определить чувствительность больного к противотуберкулезным препаратам, что снижает эффективность проводимого лечения и ведет к развитию лекарственно устойчивых форм туберкулеза»(34). «Запущенность» лечения туберкулеза породила непоправимые последствия: первичная лекарственная устойчивость наблюдается почти у 40% больных, 23% имеют множественную лекарственную устойчивость(35).

Несмотря на открытие новых, специализированных лечебных колоний и создание локальных участков, число туберкулезных больных превышает лимиты медицинских учреждений УИС. В среднем ЛИУ для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных туберкулезом, переполнены на 15—20%(36).

Особую озабоченность вызывает ситуация с ростом числа ВИЧ-инфицированных в местах лишения свободы. Как показывают исследования в регионах, уголовно-исполнительная система России, в целом, оказалась не подготовленной к такой ситуации. Посещение ряда учреждений выявили значительную разницу в условиях содержания ВИЧ-инфицированных осужденных, что во многих случаях связано с дискриминацией этой категории осужденных.

В отдельных исправительных учреждениях (таких не более 5% от общего числа обследованных) инфицированные осужденные содержатся вместе с другими заключенными. Отметим, что сотрудники именно этих учреждений при интервьюировании показали высокий уровень знаний о профилактике ВИЧ-инфекции. «Содержатся они вместе со всеми остальными. Это инициатива администрации. Чтобы не нарушать их права. На свободе такие больные живут среди всех остальных людей, поэтому и здесь их нельзя изолировать»(37).

В большинстве же исправительных учреждений созданы отдельные локальные участки, где содержатся ВИЧ-инфицированные. В большей или меньшей степени они находятся в условиях изоляции. Причем степень этой изоляции зависит во многом от уровня образования и компетенции сотрудников учреждений в области ВИЧ-профилактики. С другой стороны, из подобных «открытых» учреждений заключенные обращаются с жалобами, выражая свой страх перед возможной инфекцией (например, в Пермской области), что показывает необходимость дальнейшего развития просветительской работы по профилактике ВИЧ.

Изоляция и ограничения ВИЧ-инфицированных часто приобретают чрезмерные формы: «предусмотрены дополнительные меры, предохраняющие от случайного заражения. Каждый осужденный данного отряда в

столовую берет только свою чашку, ложку, кружку. Кроме того, прямо в помещении отряда есть душевая»(38). Для таких локальных участков в исправительных учреждениях создаются даже отдельные комнаты свиданий.

Большие проблемы возникают в оказании необходимой помощи ВИЧ-инфицированным, в консультировании и качественной диагностике. За содействием врачи исправительных учреждений обращаются в региональные Центры СПИД, однако такая помощь оказывается ограниченно, т. к. является платной. «У учреждения не хватает средств, даже обследование одного анализа обходится учреждению от 200 до 1300 рублей»(39).

Вместе с тем в 2002 г. можно отметить успехи с внедрением профилактических методов по предотвращению распространения ВИЧ. Это достигнуто во многом благодаря просветительским программам международных организаций, таких как «Врачи без границ» и «Международная тюремная реформа».

- (1) Постановление Правительства РФ № 727 от 15 октября 2001 г. «О порядке обеспечения пособиями по обязательному государственному социальному страхованию осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду».
- (2) Приказ МВД РФ и Минздрава РФ № 1115/475 от 31 декабря 1999 г. «Об утверждении Инструкции о порядке медико-санитарного обеспечения лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания органов внутренних дел».
- (3) Региональный доклад. Республика Бурятия. 2002.
- (4) Из интервью с начальником объединенных учреждений СИЗО. Оренбургская область.
- (5) Из интервью с начальником учреждения. Ставропольский край.
- (6) *Савкин В.* В вопиющих условиях // Нижегородский рабочий. 2001. 11 апреля.
- (7) Интервью с бывшими заключенными. Алтайский край.
- (8) Региональный доклад. Республика Карелия. 2002.
- (9) Региональный доклад. Орловская область. 2002.
- (10) Региональный доклад. Оренбургская область. 2002.
- (11) Региональные доклады. Кемеровская область, Еврейская автономная область. 2002.
- (12) Из интервью с начальником санчасти колонии. Нижегородская область.
- (13) Отчет посещения СИЗО в Верхнем Чове. Республика Коми. 2002.
- (14) Региональный доклад. Ростовская область. 2002.
- (15) Из интервью с начальником областной больницы УИН С.А. Алексеевым. Нижегородская область.
- (16) Из интервью с начальником медсанчасти колонии. Нижегородская область.
- (17) Отчет посещения СИЗО г. Санкт-Петербурга. 2002.
- (18) Региональный доклад. Брянская область. 2002.
- (19) *Годлевская Е.* Лечение в условиях... пытки // Поколение. 2000. 28 ноября.
- (20) До зековской больницы очередь не дошла // Поколение. 2002. 16 июля.
- (21) Из интервью с бывшим заключенным. Воронежская область.
- (22) Региональный доклад. Астраханская область. 2002.
- (23) *Тюменева Т.* Мамочки за колючей проволокой // Смена. 2001. 27 февраля.
- (24) В соответствии с действующим законодательством осужденные направляются в ближайшие от места жительства колонии. Но поскольку женских колоний 37 на 89 регионов, понятно, что этот территориальный принцип не всегда выдерживается.
- (25) Отчет посещения СИЗО-4. Коми-Пермяцкий автономный округ.
- (26) Региональный доклад. Ненецкий автономный округ. 2002.
- (27) Ответ Прокуратуры Октябрьского административного округа г. Мурманск от 28 ноября 2002 г. № 1-81пр-02 на жалобу заключенного СИЗО-1 А.К.
- (28) Из интервью с бывшим заключенным. Нижегородская область.
- (29) Из интервью с бывшим заключенным. Орловская область.
- (30) Региональный доклад. Пермская область. 2002.
- (31) Осмотр ОЖ-118/1 (г. Семилуки), ИЗ-36/3 (г. Воронеж) сотрудниками Межрегиональной правозащитной группы. Воронежская область. 2002.
- (32) В частности, благодаря целевому финансированию федеральной программы «Предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера».
- (33) Из интервью с начальником ГУЧ УИН Тверской области А.М. Савихиным.
- (34) Решение оперативного совещания УИН по Хабаровскому краю от 1 августа 2002 г.
- (35) *Сидорова С.* Туберкулез в местах лишения свободы и меры борьбы с ним // Ведомости УИС. 2001. № 3. С. 11.
- (36) Основные итоги работы учреждений и органов УИС Минюста РФ за 2001 год // Ведомости УИС. 2002. № 2. С. 74—75; Ялунин В. Нормальное функционирование УИС будет обеспечено // Там же. С. 10.
- (37) Из интервью с начальником колонии. Республика Калмыкия.
- (38) Исправительная колония ИК-8 (п. Хохряки, Республика Мордовия) // Ступени. 2002. 20 августа.
- (39) *Ардышева Ю.* Сказка про Золушку за заборами с автоматчиками // АИФ-Удмуртии. 2002. 31 октября.

Дисциплина и наказания

27. Дисциплину и порядок следует поддерживать с твердостью, вводя, однако, только те ограничения, которые необходимы для обеспечения надежности надзора и соблюдения должных правил общежития в заведении.

28. 1) Заключенных не следует назначать в дисциплинарном порядке на работу по обслуживанию самого заведения.

2) Однако это правило не должно препятствовать должному функционированию системы самоуправления, при которой ответственность за определенные виды социальной, воспитательной или спортивной деятельности возлагается на самих заключенных, которые работают под надзором в составе групп, создаваемых в целях их перевоспитания.

29. Следующие факторы должны всегда определяться законом или же распоряжениями компетентных административных властей:

a) поведение, составляющее дисциплинарный проступок;

b) вид и продолжительность наказания, которому может быть подвержен заключенный;

c) орган, имеющий право налагать наказания.

30. 1) Наказания можно налагать только в соответствии с таким законом или такими распоряжениями, причем ни один заключенный не может подвергаться повторному наказанию за один и тот же проступок.

2) Ни один заключенный не может быть подвержен наказанию, не будучи предварительно информирован о проступке, который ему ставится в вину, и не получив должной возможности высказаться в свое оправдание. Компетентные власти должны подвергать каждое такого рода дело тщательному рассмотрению.

3) Там, где это необходимо и осуществимо, заключенному следует предоставлять возможность выступать в свою защиту через переводчика.

31. Телесные наказания, заключение в темной камере и жестокие, бесчеловечные или унижающие человеческое достоинство виды наказания следует запрещать в качестве наказаний за дисциплинарные проступки.

32. 1) Наказания, предусматривающие строгое заключение или сокращение питания, можно накладывать только после осмотра заключенного врачом, который должен письменно подтвердить, что заключенный способен перенести такое наказание.

2) Это же относится и к другим видам наказания, способным причинить наказуемому физический или психологический ущерб. Такие наказания не должны ни в коем случае находиться в противоречии с положениями правила 31 или же отклоняться от них.

3) Врач обязан навещать ежедневно заключенных, подверженных таким наказаниям, и доводить свое мнение до сведения директора, если он считает необходимым прервать или изменить наказание по причинам физического или психического состояния заключенного.

Утвержденные российским законодательством правила дисциплины в следственных изоляторах и исправительных учреждениях в основной своей части соответствуют целям и задачам, которые установлены Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными (МСП). Статья 36 закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»(1) (О содержании под стражей) и Приложение № 1 к Правилам внутреннего распорядка следственных изоляторов(2) (Правила СИЗО)

обязывают заключенных соблюдать требования гигиены и санитарии, придерживаться правил противопожарной безопасности и общежития, а также запрещают действия, которые могут нанести ущерб безопасности заключенных или нарушить установленный законом режим их изоляции. Законодательство, касающееся исправительных учреждений (ст. 1, 9 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК РФ)), в целом не содержит каких-либо противоречий МСП и устанавливает принцип, по которому применение мер взыскания ставится в зависимость от целей исправления осужденных (ст. 8 и ст. 117 п. 1 УИК РФ).

Однако законодательное определение дисциплинарного проступка в действующем российском законодательстве отсутствует. Вместо этого дана общая формулировка действий, которые могут стать основанием для применения мер взыскания по отношению к заключенным. Причем фактически речь идет не о перечне нарушений, а скорее о некоем критерии. Так, ст. 38 ФЗ «О содержании под стражей...» говорит о «невыполнении установленных обязанностей», а ст. 115 УИК РФ — о «нарушениях установленного порядка отбывания наказания». В нормативных документах закреплена также список обязанностей заключенных(3). Поэтому для квалификации их действий, как правило, соотносят совершенный поступок со списком обязанностей, пытаюсь выяснить, нарушает ли это утвержденные порядки в месте заключения или нет.

Исчерпывающий перечень поступков, за совершение которых к осужденному могут быть применены не только обычные меры взыскания, но и более строгие, такие как перевод в помещения камерного типа и одиночные камеры, перевод на более строгие условия содержания, предусмотрен только для «злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания» (ст. 116 УИК РФ)(4).

Отметим, что российское уголовно-исполнительное законодательство вместо термина «наказание» использует термин «взыскание». Исчерпывающие перечни взысканий перечислены в законе «О содержании под стражей» (ст. 38) и в УИК РФ (ст. 115). Что касается полномочий администраций исправительных учреждений и СИЗО, то применение дисциплинарных санкций законно только в том случае, если решение принято руководством. В соответствии с требованиями статьи 39 закона «О содержании под стражей» налагать взыскание может начальник СИЗО или его заместитель. Наказание в виде помещения в карцер может быть наложено только начальником СИЗО. Статья 117 УИК РФ устанавливает, что взыскания налагаются решением начальника учреждения или его заместителя. Также российское уголовно-исполнительное законодательство содержит запрет на наказание за один и тот же проступок дважды, что соответствует Правилу № 30 п. 1 МСП.

Как следствие того, что законодательство не классифицирует обычные нарушения, возникает правовая проблема — невозможно установить жесткой связи между тяжестью проступка и серьезностью налагаемого на заключенного наказания. В частности, из законов не совсем ясно, какие нарушения режима пребывания в колонии или СИЗО подразумевают водворение в ШИЗО (карцер), а какие — выговор. В связи с этим существует большой риск применения неоправданно жестких дисциплинарных мер к заключенным, несмотря на то, что и статья 117 УИК РФ, и статья 39 закона «О содержании под стражей» требуют от руководства мест заключения учитывать обстоятельства совершения проступка, особенности личности заключенного, его поведение и серьезность нарушения. Причем обязанности администрации в вопросе применения мер взыскания этим исчерпываются.

УИК не обязывает администрацию информировать заключенного о причине наказания, кодекс также не дает заключенному гарантированной возможности представить аргументы и объяснения в свою защиту при наложении дисциплинарного взыскания. Такое право распространяется только на тех, кто содержится в СИЗО. Статья 39 закона «О содержании под стражей» требует, чтобы до наложения на подозреваемого или обвиняемого дисциплинарных санкций администрация получала от него письменные объяснения о совершенном проступке.

Принимая во внимание то, что нормативные акты не устанавливают, какой тяжести нарушения влекут за собой наказание в виде выговора, а за какие заключенного следует поместить в штрафной изолятор, возникает и другая проблема. Согласно статье 116 УИК РФ заключенный может быть признан злостным нарушителем и подвергнут строгому наказанию, если в течение одного года он дважды будет помещен в штрафной изолятор. Причем статья 115 УИК РФ разрешает водворять в ШИЗО за обычное нарушение режима исправительного учреждения. Получается, что заключенный может быть отнесен к числу злостных нарушителей за совершение незначительных проступков, а, будучи причислен к злостным нарушителям, он уже не сможет рассчитывать на смягчение режима отбывания наказания (ст. 78, 113, 120, 1226, 124, 127, 130, 132 УИК РФ) или на условно-досрочное освобождение (ст. 175 УИК РФ).

В российском законодательстве заложены формальные возможности, которые на практике могут исказить назначение дисциплинарных мер в исправительных учреждениях, поскольку зачастую именно жесткие меры взыскания получают более широкое распространение. И в первую очередь потому, что отсутствие четких законодательных предписаний, какие проступки считать серьезным нарушением, приводит к субъективизму в принятии решений руководством колоний и таким образом существенно препятствует исправлению осужденных, которое является основной целью наказания (ст. 1 УИК РФ).

Наряду с поддержанием дисциплины, одним из важнейших средств исправления осужденных является привлечение их к труду (ст. 9 п. 2 УИК РФ). Законом трудовая деятельность вменяется в обязанность осужденному, а администрации исправительных учреждений должны обеспечить трудоустройство заключенных. Помимо обязательного труда законодательство разрешает привлекать заключенных к работам по благоустройству исправительных учреждений (ст. 106 УИК РФ). Они должны занимать не более двух часов в неделю и проходить в свободное от основной работы время. Скорее всего, предполагается, что подобные «субботники» имеют воспитательную нагрузку.

В то же время одним из видов трудоустройства осужденного является работа по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов, что предусмотрено статьей 74 УИК РФ и Положением о следственном изоляторе(5). Однако для того, чтобы оставить заключенного для отбывания наказания в СИЗО, необходимо его согласие. Что касается труда заключенных в СИЗО, то он может быть только на добровольной основе (ст. 27 Закона «О содержании под стражей...»).

Для того чтобы стимулировать положительную активность заключенных и тем самым улучшить условия общежития, УИК разрешает создавать самодеятельные организации заключенных (ст. 111 УИК РФ), участие в которых поощряется (ч. 2 ст. 111 УИК РФ).

Результаты мониторинга фактического положения в пенитенциарной системе России позволяют сделать выводы о наиболее распространенных практиках наказания заключенных. Как правило, наказания несоразмерны совершенным проступкам, что является следствием упомянутой правовой проблемы, а зачастую и запрещены законодательно, как, например, телесные наказания. Наиболее распространенным средством взыскания служит водворение в ШИЗО. Причем практику использования ШИЗО, нарушающую отечественные и международные принципы обращения с заключенными, можно условно разделить на два типа: первый — когда ШИЗО незаконно используется как средство морального и физического давления; второй — когда водворение в ШИЗО формально обоснованно, а на практике является чрезмерной формой наказания.

Так, в ходе мониторинга отмечены случаи использования администрацией некоторых исправительных учреждений дисциплинарных мер, в т. ч. и ШИЗО, для того, чтобы принудить заключенных к сотрудничеству (т.е. доносить на других заключенных и т. п.). По словам бывшего заключенного, отбывавшего наказание в Вологодской области, в исправительном учреждении, где он находился, все осужденные делились на две категории: те, кто сотрудничает с администрацией, и те, кто этого не делает. Вторая категория становилась уязвимым объектом для давления со стороны сотрудников учреждения. В частности, психической формой насилия для них часто являлась угроза помещения в штрафной изолятор(6). По информации из мест заключения, дисциплинарные меры в некоторых случаях используются и для морального подавления заключенных. Например, в Астраханской области в исправительных учреждениях каждый заключенный обязательно несколько раз помещается в штрафной изолятор без каких-либо причин(7), что прямо нарушает нормы российского законодательства и требования Правил №№ 29, 30 МСП. Свидетельства о случаях водворения в штрафной изолятор за незначительные провинности были зафиксированы в Ленинградской, Ростовской, Ивановской областях и др.(8) Так, один из руководителей исправительного учреждения в Архангельской области сказал, что причиной помещения заключенных в штрафной изолятор «чаще бывает нарушение санитарных норм: в туалет не там сходил, то есть в основном это не какие-то достаточно серьезные нарушения»(9). Мониторинг исправительных учреждений Курганской области установил, что водворение в штрафной изолятор на 15 суток применялось, в частности, за отсутствие бирки на одежде заключенного, за то, что верхняя одежда находилась на кровати(10). Такого рода решения администрации в колониях не вполне соответствуют требованиям МСП, которые рекомендуют устанавливать только те «ограничения, которые необходимы для обеспечения надежности надзора и соблюдения должных правил общежития в заведении».

В связи с проблемой жестоких наказаний необходимо отметить, что в некоторых случаях условия содержания в помещениях камерного типа и штрафных изоляторах невыносимы и далеки от приемлемых. Так, один из бывших заключенных в ходе интервью сообщил, что он «сидел в штрафном изоляторе, в Кривоборье, там не было ни воды, ни туалета, температура ближе к нулю. Я говорю, вы же лечите, вы же калечите, какой мне смысл принимать ваши лекарства. В штрафном изоляторе стена вся течет, вся в морозе. Температура минус, и еще администрация открывает дверь напротив, чтоб сквозняк шел, а чем щель меньше, тем сквозняк сильнее. Нара инеем вся полностью покрыта, ни лечь на нее, ни сесть. На нее страшно смотреть. Получается, ты можешь пять суток, сколько тебе дали, на ногах провести. Принесут поесть что-то теплое, похлебку, похлебал и дальше на ногах ходишь»(11). Как сообщил другой бывший заключенный, который отбывал наказание в колонии УЗ-62/7 Нижегородской области и был освобожден по амнистии как инвалид II группы, его в порядке наказания раздевали до нага и помещали на 7 суток в так называемую «шершавку» (камеру из бетона)(12). О невыносимых условиях содержания в штрафных изоляторах и карцерах также сообщали заключенные СИЗО-2 г. Бийска(13). По сообщениям бывших заключенных, в исправительных учреждениях Курганской области

осужденным, помещенным в штрафной изолятор, не давали никакой пищи, кроме хлеба(14).

Проблема усугубляется еще и тем, что не всегда соблюдается требование о врачебном контроле за заключенными, помещенными в ШИЗО. Наибольшее число нареканий у правозащитников вызвал медицинский персонал исправительных учреждений Ростовской и Астраханской областей, Приморского края(15). Многие бывшие заключенные отмечали, что «при помещении в ШИЗО заключенные врачами не осматриваются, и врачи в ШИЗО не заходили»(16). В Астраханской области в колонии № 8 был зафиксирован случай суицида. Заключенный, находящийся в состоянии психического истощения и депрессии, был избит и помещен в ШИЗО, где он повесился(17).

По свидетельствам бывших заключенных, требование о медицинском контроле выполняется в пенитенциарных учреждениях Читинской, Кемеровской и Кировской областей, Еврейской автономной области и Ханты-Мансийского автономного округа.

В ходе мониторинга стало известно о фактах, которые дают весьма серьезные основания говорить о том, что распространены не предусмотренные законом способы физического наказания заключенных и применение для этого специальных средств (наручники и дубинки), причем за действия, не определенные нормативными актами в качестве проступков(18). Как правило, это избиения, которые применяются вне связи с совершением заключенным какого-либо проступка или нарушения.

При интервьюировании лиц, отбывавших наказание в Ленинградской области, один из трех опрошенных бывших заключенных сообщил, что дисциплинарные взыскания часто применялись произвольно за то, что «не понравился дежурному или у него было плохое настроение», а в качестве мер воздействия на заключенных наиболее часто использовались штрафной изолятор, наручники, газ, избиения с применением или без применения резиновых палок(19). По словам бывшего заключенного, отбывавшего наказание в Алтайском крае, сотрудники СИЗО-2 г. Бийска периодически избивали заключенных, хотя он и другие заключенные соблюдали правила внутреннего распорядка. Он также рассказал о случае, когда «наклеветали на моего знакомого, что он сделал нож. За это его в камеру садили, били»(20). Заключенный, отбывавший наказание в Республике Мордовии, сообщил, что за употребление спиртных напитков и курение в неположенном месте надевали наручники и избивали дубинками. Об аналогичном наказании за курение в неположенном месте также упомянул заключенный, отбывавший наказание в Ленинградской области. Бывший заключенный из Ростовской области сообщил, что за нарушение распорядка дня его наказывали побоями. По сообщениям бывших заключенных, в колониях Орловской области применяются в качестве наказания так называемые «растяжки», когда ставят лицом к стенке, ноги шире плеч, руки подняты и время от времени подходят и избивают резиновыми палками(21).

Свидетельства об использовании телесных наказаний также поступили от бывших заключенных, отбывавших наказание в республиках Тыва, Северной Осетии, Бурятии, в Курской, Курганской, Воронежской, Нижегородской, Пермской, Томской и Тюменской областях, в Алтайском и Красноярском краях. Здесь необходимо отметить, что применение физической силы к заключенным, которое не было крайне необходимо из-за их поведения, по мнению Европейского Суда по правам человека, унижает человеческое достоинство заключенных(22).

Крайней формой необоснованного насилия является применение специализированных формирований в местах лишения свободы для устрашения заключенных или для тренировки бойцов(23).

Так, бывший заключенный, отбывавший наказание в ОЖ-118/6 (ЛИУ-6, п. Кривоборье, Воронежская область), сообщил: «В последние годы намного реже стали случаи применения ОМОНа со стороны администрации, но все еще бывают. Это делается для устрашения, для профилактики»(24). Сведения об использовании подобной практики были получены в ходе мониторинга из Томской, Тюменской, Ростовской, Пермской, Псковской, Воронежской, Курганской, Ленинградской областей, республик Бурятия и Адыгеи, а также из Алтайского и Красноярского краев.

Администрации исправительных учреждений используют спецназ не только для устрашения заключенных или проведения внезапных обысков, но и для периодических побоев тех, кто находится в штрафном изоляторе. Эксперты, осуществлявшие мониторинг в Ленинградской области, указали, что в данном регионе администрация исправительных учреждений считает использование спецназа совершенно необходимой мерой воздействия не только на проштрафившихся заключенных, но и на всех остальных. Каждое посещение ИК-3 (п. Форносово, Ленинградская область) спецназ заканчивал избиением заключенных в штрафном изоляторе. При этом вероятность частого использования спецназа выше, если база для тренировки спецназа расположена поблизости от колонии. Такая ситуация сложилась в ИК-5 (также Ленинградская область), поскольку в пос. Металлострой расположены одновременно и колония, и тренировочная база спецназа(25).

Иногда факты незаконного применения спецназа становятся предметом официальных разбирательств и

общественного обсуждения. Но зачастую дело заканчивается формальным объяснением со стороны администрации мест заключения, как, например, это произошло в Пермской области в 2001 г. Заключенными колонии АМ-244/9-11 было отправлено письмо правозащитникам с жалобой на избиения со стороны отряда спецназа. В официальном ответе администрации колонии сообщалось, что спецназ действительно был введен в колонию 17 апреля 2001 г., но «речь шла о плановых мероприятиях»(26).

Есть свидетельства о случаях чрезмерного насилия по отношению к заключенным со стороны администраций за проступки, совершенные другими лицами. Так, в СИЗО «Бутырка» (г. Москва) администрация подвергла заключенных массовому наказанию после того, как из следственного изолятора был совершен побег. По материалам расследования, проведенного журналистом «Новой газеты», заключенные подверглись обыскам и избиениям, при этом тех, кто протестовал против подобного обращения, помещали в карцер. Ночью в изолятор был введен ОМОН, сотрудники которого избивали заключенных. По мнению администрации, подобные меры были необходимы для профилактики побегов из следственного изолятора и усиления воспитательной работы(27). Об аналогичном факте рассказал в интервью бывший заключенный, отбывавший наказание в Алтайском крае. По его словам, после случая побега из исправительного учреждения, остальных заключенных, в качестве наказания за то, что они не предупредили побег, в течение четырех дней систематически избивал ОМОН.

Важно то, что практика необоснованного применения массовых наказаний и физической силы не только является полностью незаконной, но и препятствует исправлению заключенных. Противоправные действия администрации исправительных учреждений никак не могут способствовать тому, чтобы у заключенных сформировалось уважительное отношение к закону и стремление к правопослушному, гражданскому поведению.

Распространенными являются случаи наказания заключенных за их жалобы на неправомерные действия администрации. По словам бывшего заключенного, отбывавшего наказание в Пермской области, к нему дважды применялось наказание за то, что он высказал недовольство порядками, бытующими в исправительном учреждении(28). Его жалобы сотрудники администрации расценили как оскорбление. Сообщения о том, что заключенных наказывают за несогласие с действиями администрации или за попытки в установленном порядке обжаловать наказание, также поступили из Камчатской и Ростовской областей(29). По жалобам заключенных, в следственном изоляторе г. Бийска Алтайского края после массового избиения заключенных тех из них, кто требовал медицинского освидетельствования, наказывали помещением в карцер(30). Заключенный Александр, отбывавший наказание в Брянской области, сообщил, что несколько раз подвергался дисциплинарному наказанию в виде водворения в штрафной изолятор из-за спора с представителями администрации по поводу его прав и обязанностей. По свидетельству Александра, сотрудники администрации, объясняя причины помещения в изолятор, говорили ему: «Слишком грамотный. Мы тебя воспитаем»(31).

Распространение практики жестокого и унижающего обращения в местах заключения связано с безнаказанностью сотрудников пенитенциарной системы, которые применяют насилие к заключенным. Случаи привлечения таких сотрудников к ответственности крайне малочисленны. Сообщения о том, что на сотрудников исправительных учреждений, превысивших свои служебные полномочия, были наложены взыскания вплоть до увольнения, поступили только из Омской области и Республики Карелия(32). В Карелии в исправительном учреждении № 1 в сентябре 2000 г. был выявлен факт физической расправы над двумя осужденными. По результатам служебной проверки виновные сотрудники отдела безопасности были уволены из органов исполнения наказаний, прокуратурой республики было возбуждено уголовное дело, решается вопрос об их привлечении к уголовной ответственности за превышение служебных полномочий(33).

Большинство заключенных избегали жаловаться на незаконные действия сотрудников администрации. По словам бывших заключенных (Ростовская область), «жалобщика сначала били сотрудники администрации или стукачи, а если это не помогало, то тогда угрожали убийством, и заключенные переставали жаловаться»(34).

В целом, российская пенитенциарная система не предусматривает механизмов защиты заключенных, жалующихся на применение пыток и жестокого обращения, от преследований и мести, связанных с подачей жалобы. Заключенные, подавшие жалобы на незаконные действия администрации, в подавляющем большинстве случаев не переводятся в другое учреждение на время разбирательства. Оставаясь там же, заключенные подвергаются давлению со стороны администрации и, как правило, отказываются подтверждать свои жалобы и давать показания органам следствия.

Проблема произвольного использования дисциплинарных санкций также связана с тем, что зачастую контроль за применением специальных средств и физической силы в местах заключения осуществляется неэффективно. Важно отметить и то, что законность применения наказаний была бы выше, если бы заключенные могли надеяться на тщательное рассмотрение жалоб, что в целом предусмотрено законодательством, но в реальности, как правило, не выполняется. По словам бывших заключенных,

сотрудники администрации без установленных законом правил разбирательства, в так называемом «рабочем порядке», могли поместить нарушителей в штрафной изолятор(35).

По данным мониторинга в Приморском крае и в Республике Бурятия, требование о тщательности рассмотрения дисциплинарных дел и об обязательном информировании заключенных не всегда исполняется. В свою очередь, Нижегородское общество прав человека (НОПЧ) сообщило, что многократно получало жалобы от заключенных исправительных учреждений на незаконное применение взысканий. Однако только в одном случае (после проведения прокурорской проверки постановления о наложении дисциплинарных взысканий в отношении семи заключенных) были отменены(36).

В то же время в некоторых исправительных учреждениях ситуация более соответствует международным и национальным требованиям. Так, по данным мониторинга пенитенциарной системы в Омской области, все жалобы заключенных рассматриваются в обязательном порядке. На сотрудников исправительных учреждений, превысивших свои служебные полномочия, налагаются взыскания вплоть до увольнения(37). В Орловской области заключенные также на практике имеют возможность обращаться с жалобами. По рассказам бывших заключенных, обращения, тем более регулярные, дают результат: например, в ИК-5 (пос. Нарышкино, Орловская область) в результате жалоб заключенных был уволен начальник отряда(38). По результатам прокурорских проверок в Курганской области от незаконного водворения в изолятор и помещения камерного типа в 2000 г. было освобождено 11 осужденных, в 2001 г. — 13, а за 9 месяцев 2002 г. — 12 осужденных(39). О случаях эффективного обжалования дисциплинарных взысканий сообщили бывшие заключенные, отбывавшие наказание в исправительных учреждениях в Республике Мордовии, в Читинской, Кемеровской, Брянской, Кировской областях, в Еврейской автономной области и Ханты-Мансийском автономном округе. В тех же случаях, когда к заключенным применяются телесные наказания, запрещенные национальным законодательством, ни о каком тщательном разбирательстве дела и возможности заключенному высказаться в свою защиту по-прежнему речи быть не может.

При проведении мониторинга массовых или существенных нарушений запрета привлечения заключенных в дисциплинарном порядке к работе по обслуживанию учреждения не отмечено. Единичные факты отмечены в анкетах из Курганской области, Ставропольского и Приморского краев, республик Северной Осетии и Карелии. Так, один из бывших заключенных рассказал: «За нарушение кем-то из бригады правил внутреннего распорядка была наказана вся бригада: во время отдыха (до работы) заставили убирать снег на территории колонии, грузить на сани и отвозить»(40).

Результаты мониторинга показывают, что дальнейшее развитие позитивных тенденций, которые приближают дисциплинарную практику в российских пенитенциарных учреждениях к требованиям МСП(41), затрудняется чрезмерной жесткостью при поддержании порядка в местах заключения и широким применением физического насилия в качестве дисциплинарного наказания. Существование такого рода нарушений лишь отчасти может быть объяснено имеющимися недостатками нормативной базы. Гораздо большую роль играют закрытость пенитенциарной системы, отсутствие общественного контроля за соблюдением прав заключенных, недостаточная эффективность ведомственных и прокурорских контрольных механизмов. Здесь нельзя не сказать о том, что во многом такое положение вещей обусловлено до сих пор бытующим среди сотрудников уголовно-исполнительной системы и общества в целом представлением, что само по себе лишение свободы не является достаточным наказанием для преступников.

(1) Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (с изменениями от 21 июля 1998 г., 9 марта 2001 г.).

(2) Утв. приказом Минюста РФ от 12 мая 2000 г. № 148, с изменениями от 21 февраля 2002 г.

(3) Список обязанностей заключенных в СИЗО указан в законе «О содержании под стражей» (ст. 36) и в Приложении № 1 Правил СИЗО. Аналогичный список для осужденных содержится в ст. 11 УИК РФ и в ст. 3 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (Правила ИУ).

(4) Ст. 120, 122, 124, 127 УИК РФ. Также, согласно действующим нормативным актам, ограничение питания может быть применено к заключенным, помещаемым в дисциплинарном порядке в ШИЗО и ПКТ (ст. 118 УИК РФ).

(5) Утвержден приказом Минюста РФ № 20 от 25 января 1999 г.

(6) Из интервью с бывшим заключенным. Вологодская область.

(7) Из интервью с бывшими заключенными. Астраханская область.

(8) Из интервью с бывшими заключенными. 2002.

(9) Из интервью с исполняющим обязанности начальника колонии. Архангельская область.

(10) Из интервью с бывшим заключенным. Курганская область.

(11) Из интервью с бывшим заключенным. Воронежская область.

(12) Из интервью с бывшим заключенным. Нижегородская область.

(13) Материалы обращений заключенных СИЗО-2 г. Бийска в АКПОО «Бастион». 2002.

(14) Из интервью с бывшими заключенными. Курганская область.

(15) Региональные доклады. Ростовская и Астраханская области, Приморский край. 2002.

- (16) Из интервью с бывшими заключенными. Ростовская область.
- (17) Руднева И. Материалы журналистского расследования // Комсомолец Каспия. 2002. 23 октября.
- (18) Согласно ст. 86 УИК РФ применение к заключенным физической силы и специальных средств допустимо только в случае, если осужденные оказывают сопротивление персоналу исправительных учреждений, злостно не повинуются законным требованиям персонала, а также в случаях проявления буйства, участия в массовых беспорядках, захвата заложников, нападения на граждан или совершения иных общественно опасных действий, при побеге или для пресечения указанных противоправных действий и предотвращения причинения осужденными вреда окружающим или самим себе.
- (19) Из интервью с бывшим заключенным. Ленинградская область.
- (20) Из интервью с бывшим заключенным. Алтайский край.
- (21) Из интервью с бывшими заключенными. Орловская область.
- (22) См. решение по делу Томази от 27 августа 1992 г. и решение по делу Рибич от 4 декабря 1995 г.
- (23) Использование таких подразделений в отсутствие грубых массовых нарушений дисциплины, групповых неповиновений и массовых беспорядков широко практиковалось в первой половине 90-х гг. В течение последних лет число случаев применения спецподразделений в местах лишения свободы уменьшилось.
- (24) Из интервью с бывшим заключенным. Воронежская область.
- (25) Региональный доклад. Ленинградская область. 2002.
- (26) www.ntv.ru. 2001. 3 сентября.
- (27) www.novayagazeta.ru.
- (28) Из интервью с бывшим заключенным. Пермская область.
- (29) Из интервью с бывшими заключенными. Ростовская область, Камчатская область.
- (30) Материалы обращений заключенных СИЗО-2 г. Бийска в АКПОО «Бастيون». 2002.
- (31) Из интервью с бывшим заключенным. Брянская область.
- (32) Региональные доклады. Омская область, Республика Карелия. 2002.
- (33) Региональный доклад. Республика Карелия. 2002.
- (34) Из интервью с бывшим заключенным. Ростовская область.
- (35) Из интервью с бывшими заключенными. Курганская область.
- (36) Из ответа федерального управления Минюста РФ. Исх. № 09-01-728 от 20 сентября 2001 г. (Архив НОПЧ. 2001).
- (37) Региональный доклад. Омская область. 2002.
- (38) Из интервью с бывшим заключенным. Орловская область.
- (39) Региональный доклад. Курганская область. 2002.
- (40) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Карелия.
- (41) Мониторы (Республика Карелия) отметили произошедшие за последние годы «разительные перемены в сторону гуманизации пенитенциарной системы», в т. ч. практики применения наказаний. В ходе мониторинга в Читинской, Кемеровской, Новгородской, Омской, Оренбургской областях, а также в Еврейской автономной области, Республике Удмуртии и в Ханты-Мансийском автономном округе не выявлено серьезных нарушений требований МСП в области дисциплины в исправительных учреждениях и наказания заключенных.

Средства усмирения

33. В качестве наказания никогда не следует пользоваться такими средствами усмирения, как наручники, кандалы, смирительные рубашки или цепи. Кроме того, кандалами и цепями вообще нельзя пользоваться как средством усмирения. Другими средствами усмирения можно пользоваться только в следующих случаях:

- а) для предотвращения побегов во время транспорта, при условии, что заключенные освобождаются от пут, как только они предстают перед судебными или административными органами;*
- в) по причинам медицинского характера и по указанию врача;*
- с) по приказу директора, если другие меры оказываются недействительными, когда заключенному нужно помешать причинить вред себе самому или другим или же нанести материальный ущерб; в таких случаях директор обязан немедленно проконсультироваться с врачом и представить доклад вышестоящим административным органам.*

34. Методы и способы применения средств усмирения определяются центральным тюремным управлением.

Эти средства не следует применять дольше, чем это представляется строго необходимым.

Из упомянутых в МСП средств усмирения российское законодательство предусматривает лишь наручники. Пункты 2 и 4 статьи 30 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» содержат исчерпывающий, хотя и несколько иной, чем в МСП, перечень случаев их использования: пресечение массовых беспорядков; групповые нарушения общественного порядка осужденными и заключенными; задержание правонарушителей, оказывающих злостное неповиновение или сопротивление персоналу; конвоирование и охрана осужденных и заключенных, когда они своим поведением дают основание полагать, что могут совершить побег либо причинить вред окружающим или себе. При этом особое внимание обращается на то, что «применение специальных средств и газового оружия должно сводиться к минимальному причинению вреда осужденным, заключенным и иным лицам». Аналогичные положения содержит и федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»(1). Согласно пункту 1.8 «Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях»(2), «дежурная смена... свои обязанности по надзору... выполняет без оружия и обеспечивается специальными средствами индивидуальной защиты и активной обороны: специальным химическим средством типа «Сирень-10», палками резиновыми (ПР-73) и наручниками...»

По сообщениям из регионов, чаще всего наручники необоснованно используются при конвоировании заключенных из следственных изоляторов в суды. Обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений не освобождаются от наручников даже на время судебных заседаний(3). В СИЗО Коми-Пермяцкого автономного округа сотрудники надевают наручники на заключенных при переводе их из камеры в карцер(4).

Кроме наручников, к специальным средствам законодательные акты также относят резиновые палки, светозвуковые средства отвлекающего воздействия, средства разрушения преград, водометы и бронемашин, служебных собак. Из перечисленного чаще всего персонал учреждений УИС применяет резиновые палки. Со слов бывших заключенных, в местах лишения свободы одним из наиболее распространенных видов наказаний провинившихся, порой незначительно, является сковывание их наручниками и последующее избивание резиновыми палками (или, как их называют, дубинками). Зачастую и вовсе невинные, например, обратившиеся с жалобой заключенные, подвергаются избиваниям. Помимо разрешенных законом резиновых палок также могут использоваться железные прутья(5) и деревянные киянки(6). Подобная практика получила весьма широкое распространение, особенно в так называемых красных зонах(7). Яркой иллюстрацией произвольного применения дубинок служат сообщения бывших заключенных о случаях массовых избиваний, в частности, когда заключенные, по мнению персонала, недостаточно быстро выполняют построения(8).

Стало уже нормой встречать или отправлять на этап осужденных дубинками и служебными собаками. Вот, как это описывает бывший заключенный: «Идет этап. Выводят заключенных. Вначале переключка — и бегом. Если не добежишь до воронка, конвой избьет до полусмерти или собаки покусает. Тяжелее тому, кто впервые идет этапом, над ними конвой хорошо поиздевается: либо собаки покусает, либо избьют резиновыми дубинками. Новенький заключенный до воронка не доходит. Конвой его закидывает живым трупом»(9).

На Всероссийском совещании руководителей территориальных органов УИС, состоявшемся в конце января 2002 г., начальник Управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генпрокуратуры РФ генерал-лейтенант Ю. Яковлев в числе региональных Управлений исполнения наказаний (УИН), где наиболее часто сотрудники учреждений УИС допускают грубейшие нарушения законных прав заключенных, включая необоснованное применение спецсредств, назвал управления Тверской, Орловской, Оренбургской областей, республик Бурятия и Татарстана(10). Список этот можно было бы и продолжить, поскольку практически все бывшие заключенные, у которых в рамках мониторинга было взято интервью, сообщали об избиваниях дубинками, которым подвергались они сами либо их сокамерники или сокамерники.

Учитывая рекомендации Европейского комитета по предупреждению пыток, заместитель министра юстиции Ю. Калинин издал указание № 18/6/2-621т от 25 ноября 2002 г. начальникам территориальных органов УИС о порядке ношения специальных средств. Постоянное ношение «палки резиновой» сотрудниками дежурных смен отныне разрешается только по решению руководства с последующим докладом начальнику территориального органа УИС в случае осложнения оперативной обстановки в учреждении. Все остальное время указанное спецсредство должно храниться в помещениях дежурных.

Однако один только запрет на постоянное ношение дубинок не может изменить ситуации с укоренившейся незаконной практикой телесных наказаний(11). Проблема заключается в атмосфере полной безнаказанности, созданной попустительством надзорных органов, и отсутствием общественного контроля за учреждениями УИС России. И можно только согласиться с Ю. Яковлевым, который в своем выступлении на Всероссийском совещании подвел следующим образом итог: «Задача перед Генеральной прокуратурой и Главным управлением исполнения наказаний одна — исполнять приговоры судов, но исполнять при условии соблюдения требований закона. Поэтому еще раз хочу пожелать, чтобы мы вместе с вами соблюдали закон. В ходе совещания много говорилось о проделанной в уголовно-исполнительной системе работе. Действительно,

делается очень много. Но до тех пор, пока будет нарушаться закон, вряд ли можно в полной мере получать удовлетворение от всего сделанного»(12).

- (1) Ст. 43 и 45 закона «О содержании под стражей».
- (2) Утверждена приказом Минюста РФ № 83 от 7 марта 2000 г.
- (3) Региональный доклад. Карачаево-Черкесская республика. 2002.
- (4) Региональный доклад. Коми-Пермяцкий автономный округ. 2002.
- (5) Из интервью с бывшим заключенным. Томская область.
- (6) Из интервью с бывшими заключенными. Ростовская и Белгородская области.
- (7) «Красными» называют колонии, в которых администрация жестко пресекает попытки соблюдения заключенными традиций и обычаев тюремной субкультуры.
- (8) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Башкортостан.
- (9) Из интервью с бывшим заключенным. Ростовская область.
- (10) Яковлев Ю. Законы надо выполнять // Ведомости УИН. 2002. № 2. С. 26.
- (11) См. также главу «Дисциплина и наказания».
- (12) Яковлев Ю. Законы надо выполнять // Ведомости УИН. 2002. № 2 С. 27.

Информация заключенных и представление ими жалоб

35. 1) При принятии в тюрьму каждому заключенному следует предоставлять письменную информацию, касающуюся правил обращения с заключенными его категории, дисциплинарных требований данного заведения, а также дозволенных способов получения информации и подачи жалоб, равно как и всех других вопросов, позволяющих ему дать себе отчет в его правах и обязанностях и приспособиться к условиям жизни в данном заведении.

2) Неграмотных заключенных следует информировать в устном порядке.

Статья 12 УИК РФ «Правовое положение заключенных» в первой же части закрепляет за осужденными «право на получение информации о своих правах и обязанностях, о порядке и об условиях отбывания назначенного судом вида наказания» и требует от администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, предоставлять осужденным указанную информацию, а также знакомить их с изменениями порядка и условий отбывания наказания. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (Правила ИУ) содержат аналогичное положение. Однако ни тот, ни другой нормативный акт не оговаривают форму и порядок предоставления этой информации. В результате администрации мест лишения свободы по-разному организуют информирование осужденных об их правах и обязанностях, порядке и условиях отбывания наказания.

Сведения о том, что заключенных письменно и устно, даже под подписку, знакомят с их правами, обязанностями и условиями отбывания наказания в первые же дни после прибытия, во время так называемого карантина, поступают из разных регионов. Однако не меньше данных свидетельствует о том, что такой порядок не является общим правилом.

По словам бывшего заключенного колонии УЗ-62/4 (Нижегородская область), отдельно ему о правах никто из администрации не говорил: «Примерно через год после отбытия наказания со всеми осужденными об этом проводили лекцию».

В колониях информация о правах и обязанностях заключенных, порядке и условиях отбывания наказания представлена в письменном виде на стендах в доступных для чтения местах. Однако во многих колониях администрации не ставят об этом в известность осужденных, находящихся на карантине (например, исправительные колонии УС-20/4 и УС-20/5 в Ленинградской области, УМ-220/7 в Республике Карелии).

Некоторые из бывших заключенных говорят, что руководство колоний сообщало им только об обязанностях и ни слова о правах. Бывший заключенный колонии ОФ-73/2 в Курганской области вспоминал, что в первый же день представитель администрации сказал ему, что у «зеков» никаких прав нет. По словам бывшего

заклученного колонии УЗ-62/9 в Нижегородской области «сотрудник службы безопасности знакомит, собирает подписки о том, что все обязуются выполнять правила и требования, кто не подписывает — начинаются репрессии».

В Ростовской области почти все бывшие заключенные, у которых в рамках мониторинга были взяты интервью, показали, что, когда они поступили в колонию, администрация не только не информировала их о правах, а, наоборот, подчеркивала, что положение заключенного аналогично рабскому, абсолютно бесправно. Так, начальник колонии УИ-398/12 говорил прибывающим осужденным: «Это красная зона. <...> И у нас будет идти срок один год за три года. Если десять лет дали, то они покажутся тридцатью годами отсидки».

Многие из опрошенных бывших заключенных так и остались в неведении относительно прав, которыми обладают осужденные. Надо признать, что в силу отсутствия правовой культуры, заключенные весьма мало интересуются нормативными документами, регламентирующими их положение, и порой даже не знают о наличии в колониях стендов с выдержками из них.

Равнодушие к установленным правилам, правовой нигилизм в значительной степени порождаются и умножаются усилиями администраций исправительных учреждений. Ведь формальное ознакомление заключенных с положениями нормативных актов еще не означает, что администрация сама будет им неукоснительно следовать. Например, бывший заключенный колонии УС-20/7 в Ленинградской области так говорит о порядках в колонии: «Когда мы находились в карантине, нам сказали о наших правах, но на деле все выглядело совершенно иначе. <...> О, это никогда не забудется! Получили — так получили!» И таково положение дел во многих пенитенциарных учреждениях России.

Ситуация в следственных изоляторах схожа с той, что наблюдается в исправительных колониях.

Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» («О содержании под стражей...») в первой части статьи 17 наделяет подозреваемых и обвиняемых правом «получать информацию о своих правах и обязанностях, режиме содержания под стражей, дисциплинарных требованиях, порядке подачи предложений, заявлений и жалоб». Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Минюста РФ (Правила СИЗО) обязывают администрацию предоставлять принятым в СИЗО подозреваемым и обвиняемым информацию о правах и обязанностях, режиме содержания под стражей, дисциплинарных требованиях, порядке подачи предложений, заявлений и жалоб (ч. 13). В последующем, согласно Правилам СИЗО, такого рода информация должна регулярно предоставляться подозреваемым и обвиняемым «по радио, во время посещения камер сотрудниками, на личном приеме подозреваемых и обвиняемых начальником СИЗО и уполномоченными им лицами. Подозреваемым и обвиняемым по их просьбе из библиотеки СИЗО выдаются во временное пользование Федеральный закон и настоящие Правила. В каждой камере на стене вывешивается информация об основных правах и обязанностях подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО».

В реальности же весьма далеко до пунктуального следования требованиям законов и подзаконных актов. Более или менее соблюдается лишь самое простое, пожалуй, требование вывешивать в камерах информацию об основных правах и обязанностях подозреваемых и обвиняемых. Но, учитывая скудное освещение и переполненность камер в СИЗО, можно сказать, что этот способ знакомства заключенных с их правами и обязанностями — наименее эффективный.

Еще хуже ситуация с соблюдением важнейшего права заключенных на обращение с предложениями, заявлениями и жалобами.

36. 1) Каждый заключенный должен иметь возможность обращаться в будние дни к директору заведения или уполномоченному им сотруднику с заявлениями или жалобами.

2) Во время инспекции заключенные должны быть в состоянии обращаться, когда это возможно, с заявлениями или жалобами к тюремным инспекторам. Они должны иметь право говорить с инспектором или каким-либо другим сотрудником инспекции в отсутствие директора или других сотрудников заведения.

3) Каждый заключенный должен иметь возможность обращаться к органам центрального тюремного управления, судебным властям или другим компетентным органам с заявлениями или жалобами, которые не подвергаются цензуре с точки зрения содержания, но должны быть составлены в должной форме и передаваться по предписанным каналам.

4) За исключением случаев, когда такие заявления или жалобы имеют поверхностный или беспредметный характер, они подлежат срочному рассмотрению и на них следует отвечать без излишних промедлений..

Российские нормативные акты закрепляют за заключенными право обращаться с предложениями,

заявлениями и жалобами в различные инстанции и подробно регламентируют порядок пользования этим правом(1).

Однако при отсутствии общественного контроля за следственными изоляторами и исправительными учреждениями, а также халатном отношении прокуратуры к своим обязанностям по надзору «за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу»(2), реализация заключенными данного права весьма затруднена. Большинство опрошенных бывших заключенных никогда не жаловались, потому что уверены, что это бесполезно и, кроме того, чревато серьезными последствиями для жалобщика. Сказанное относится и к тем колониям и СИЗО, где администрация старается создавать «человеческие» условия содержания для заключенных. Например, в колонии УБ-14/13 в Алтайском крае, по словам отбывавшего в ней наказание бывшего заключенного, «беспредела не было никогда... и со стороны администрации нарушений не было», но в то же время «жалобы не уходят», только «если через кого-нибудь отправить... а так не доходят».

По мнению респондентов, подавляющее большинство жалоб, в основном направленных в прокуратуру, остаются без ответа, так как не выходят за пределы колонии. Может быть, изредка подобное и происходит, однако главная причина заключается в повсеместном нарушении надзорной инстанцией статьи 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», регламентирующей «рассмотрение и разрешение в органах прокуратуры заявлений, жалоб и иных обращений». По данным адвокатов, жалобы на условия содержания в местах лишения свободы зачастую возвращаются к начальникам тех учреждений, откуда они и исходят, что является вопиющим нарушением ч. 5 названной статьи, запрещающей подобные действия.

Некоторые бывшие заключенные приводили случаи, когда жалобщики подвергались избиениям и наказаниям, в т. ч. в виде помещения в штрафной изолятор (ШИЗО): «Жалобу написал — в изолятор». Бывший заключенный вышеупомянутой колонии УИ-398/12 в Ростовской области говорил о том, что возможности жаловаться не было, так как вся «зона» была запугана.

Со слов бывшего заключенного колонии УТ-289/10 в Пермской области, для того чтобы добиться решения по жалобе, нужно иметь твердый характер и быть готовым к длительному «прессованию». Другой вариант — подавать коллективные жалобы.

Летом 2001 г. в СИЗО-1 г. Иркутска заключенные вынуждены были прибегнуть к акции неповиновения в связи с тем, что жалобы в ГУИН Минюста РФ по Иркутской области, прокуратуру Иркутской области и главе областной администрации на многократные нарушения начальством СИЗО их прав, перечисленных в статье 18 Федерального закона «О содержании под стражей», остались без ответа. Введенный в изолятор ОМОН учинил массовое избиение заключенных. В ответ они объявили голодовку, а также написали коллективную жалобу в Московскую Хельсинкскую группу. Лишь после вмешательства общественности ГУИН Минюста РФ и Генеральная прокуратура РФ вынуждены были навести относительный порядок в иркутском СИЗО.

Малоэффективным способом решения проблем заключенных являются и инспекции мест лишения свободы. Надзирающие прокуроры регулярно посещают колонии, но, как и в случае с письменными обращениями, устные заявления большей частью остаются без ответа. Многое в этом вопросе также зависит и от места расположения колонии — чем дальше от регионального центра, тем меньше у заключенного шансов быть услышанным инспектирующим чиновником. Поэтому в отдаленных колониях заключенные гораздо реже обращаются с устными жалобами, чем в колониях, расположенных в крупных городах, где и проверки чаще, и процент положительного реагирования на жалобы выше(3).

Подводя итог, еще раз необходимо сказать о том, что исключительное значение для наведения порядка в местах лишения свободы, в т. ч. для кардинального улучшения ситуации с соблюдением прав заключенных, имеет введение системы общественного контроля за пенитенциарными учреждениями.

(1) Ст. 17 (ч. 3 и 7), 21, 39, 40 ФЗ «О содержании под стражей...»; ст. 12, 15, 91 УИК РФ; ч. 49, 94—103 (раздел IX) Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов...; разделы 3 (ч. 1), 13 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений.

(2) Из названия главы 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

(3) Из интервью с бывшими заключенными. 2002.

Контакты с внешним миром

37. Заключенным следует давать возможность обращаться через регулярные промежутки времени с их семьями или пользующимися незапятнанной репутацией друзьями, как в порядке переписки, так и в ходе посещений.

38. 1) Иностранным гражданам, находящимся в заключении, следует обеспечивать разумную возможность поддерживать связь с дипломатическими и консульскими представителями их страны.

2) Заключенные, являющиеся гражданами стран, которые не имеют дипломатического или консульского представительства в данном государстве, а также беженцы и лица, не имеющие гражданства, должны иметь возможность поддерживать связь с дипломатическими представителями государства, взявшего на себя охрану их интересов, или же с любым национальным или международным органом, занимающимся их защитой.

39. Для сведения заключенных следует регулярно доводить наиболее важные новости, позволяя им читать газеты, журналы или любые тюремные издания, слушать радио и присутствовать на лекциях, или же при помощи других средств, допускаемых и контролируемых органами администрации.

МСП исходят из того, что степень изоляции от общества должна ставиться в зависимость от совершенного преступления. При этом отдельно подчеркивается, что такой вид наказания как лишение свободы уже сам по себе достаточен в силу того, что человек неминуемо поражается в фундаментальных правах (Правило № 57 МСП). Поэтому в пенитенциарных системах принцип жесткой изоляции должен применяться не повсеместно, а при наличии обоснованных причин. В этом смысле периодические свидания с родственниками, возможность неограниченно вести переписку — те средства, которые не позволяют окончательно «исключить» заключенного из социальной среды вне исправительного учреждения. Большое значение для последующей быстрой адаптации также имеет организация информационного пространства, в котором живут заключенные. Для этого у заключенных должен быть доступ к СМИ, причем не только к специализированным источникам — ведомственным изданиям, а к общегражданским газетам, журналам, радиопрограммам, материалы которых могут сформировать более объективную картину внешнего мира.

Понимая возможные проблемы иностранцев, беженцев и лиц без гражданства, связанные с тем, что социальное окружение вне колонии не может быть в полной мере комфортным для них и остается в определенном смысле инородной, МСП отдельно подчеркивают необходимость и обязанность руководства исправительных учреждений устанавливать и поддерживать контакты с теми социальными институтами, которые и вне колонии являются посредниками между принимающим обществом и такого рода заключенными.

Российское законодательство, в частности УИК РФ и Правила ИУ, следуют рекомендациям международных стандартов и устанавливают дифференциацию основных средств исправительных учреждений в зависимости от строгости режима. Так, статья 8 УИК РФ подразумевает «...рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием», а статья 9 п. 3 УИК РФ предписывает учитывать «вид наказания, характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения».

Статья 89 УИК РФ (ст. 14 Правил ИУ) закрепляет за всеми категориями заключенных, находящихся в исправительных учреждениях, право на свидания с родственниками. Запрет на свидания с близкими касается только тех заключенных, кто приговорен к аресту (ст. 69 п. 2 УИК РФ) и отбывает наказание в арестном доме, не относящемся к исправительным учреждениям. За ними остается право на общение с адвокатом и на телефонный разговор с близкими в исключительных случаях. Здесь важно подчеркнуть, что арест предполагает более строгую изоляцию, чем все остальные виды наказания, которые, в зависимости от строгости режима, подразумевают четкое количество свиданий в год. При этом свидания делятся на три типа: краткосрочные, длительные в пределах колонии и длительные с проживанием вне пределов исправительного учреждения. Понятно, что с ужесточением режима отбывания наказания повышается изоляция заключенного, вводятся запреты на длительные и выездные свидания, сокращается число свиданий в год. Но вне зависимости от режима колонии продолжительность каждого типа свиданий остается фиксированной: краткосрочные длятся 4 часа, длительные в колонии — 3 суток, длительные с проживанием вне колонии — 5 суток.

Правила ИУ уточняют, что краткосрочные свидания проходят в присутствии представителя администрации, а при приезде родственника на длительное свидание его вещи и одежда могут быть досмотрены (ст. 14 Правил

ИУ).

Что касается права на переписку, то оно распространяется на все категории заключенных и число писем и телеграмм не ограничивается (ст. 91 УИК РФ). Но при этом закон подразумевает, что переписка осуществляется за счет средств заключенного и вся корреспонденция заключенных, как входящая, так и исходящая, подвергается цензуре. Эти формальные требования фактически становятся препятствием для ведения неограниченной переписки, т. к. не у всех заключенных есть достаточно средств, чтобы приобрести все необходимое для переписки, а цензоры задерживают отправку писем, когда объем корреспонденции в колонии становится очень большим. Тем более что Правила ИУ регламентируют порядок цензуры переписки заключенных, но не конкретизируют период, в течение которого проводится цензура (ст. 12). Единственное ограничение по времени предусмотрено в отношении телеграмм заключенных — не более суток (ст. 12 ч. 4 Правил ИУ). Цензуре не подлежат жалобы, предложения и заявления заключенных в вышестоящие органы, которые осуществляют контроль над положением в уголовно-исправительной системе (п. 4 ст. 15), а также переписка с адвокатом (ст. 12 Правил ИУ)(1).

За приговоренными к лишению свободы УИК РФ закрепляет право на установленное число телефонных разговоров в год (ст. 92 УИК РФ и ст. 15 Правил ИУ) продолжительностью 15 мин. каждый. В исключительных обстоятельствах телефонный разговор может быть предоставлен осужденным на строгий режим колонии и тем, кто нарушил режим исправительного учреждения. Телефонные разговоры контролируются администрацией исправительного учреждения (ст. 92 п. 5 УИК РФ и ст. 15 Правил ИУ).

В соответствии с рекомендациями МСП УИК РФ содержит отдельную статью (ст. 94 УИК РФ), которая регламентирует телепросмотр и порядок прослушивания радио. Все осужденные, не нарушающие режим пребывания в исправительном учреждении, имеют право в отведенное расписанием дня время смотреть телевизор, а в свободное от работы время слушать радио. Правом прослушивания радиопередач пользуются и те заключенные, которые находятся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа и т. п., причем радиоточки оборудуются за счет исправительного учреждения, в т. ч. в жилых помещениях колонии.

У заключенных — граждан России, как правило, есть возможности для реализации своих прав на свидания, переписку и телефонные разговоры, а также право на доступ к СМИ. Встречающиеся ограничения и нарушения во многих случаях связаны с причинами, прямо не зависящими от администрации колонии. Речь, в первую очередь, идет о праве на ведение переписки и на доступ к информации.

Право на переписку с родственниками соблюдается без каких-либо систематических нарушений. Единственное, что может ограничивать оборот корреспонденции — это режим работы почтового отделения и предусмотренная законом цензура переписки заключенных. Мониторингом были зафиксированы факты, когда из-за перебоев в работе цензоров письма долгое время не отправлялись за пределы колонии. Такая ситуация характерна для тех исправительных учреждений, которые рассчитаны на большое число заключенных. Как правило, в колонии работают 2—3 цензора, которые не успевают, а иногда намеренно не спешат вовремя цензурировать корреспонденцию. Но, в основном, бывшие заключенные не жаловались на работу почты в исправительных учреждениях.

Затруднения с доступом к оперативной новостной информации в первую очередь обусловлены финансовыми возможностями колонии. Как правило, если и выписываются газеты и журналы для библиотеки, то всего несколько изданий. Зачастую же не выписывается ничего; периодически в колонии поступают только специализированные издания уголовно-исполнительной системы. Со слов заключенных известно, что руководство колоний не препятствует подписке за счет самих осужденных. Этим, как правило, и исчерпывается участие администрации исправительных учреждений в обеспечении заключенных информацией. Хотя иногда администрации колоний уделяют больше внимания этим вопросам, организуя подписку на газеты и журналы, договариваясь с гуманитарными организациями о помощи или, наоборот, вводя запреты. Так, в одной колонии было ограничено право заключенных на доступ к информации: «...никакой литературы. А последнее время даже газет никаких... запретили их вообще передавать»(2).

В ходе мониторинга были получены данные, свидетельствующие, что наиболее популярным источником информации является телевизор, реже радио. В отрядах обычно есть телевизоры, но зачастую просмотр телепередач затруднен, потому что примерно на 180 человек приходится один телевизор. Такая же ситуация с радиопередачами, когда в отряде только один приемник. Очень часто бывшие заключенные говорили, что многое они узнают от родственников во время свиданий.

В результате информационное пространство в колонии остается фрагментированным и искаженным. И проблема часто в том, что не все заключенные могут реализовывать свои медийные предпочтения (подписываться на периодические издания из-за нехватки свободных средств на лицевом счете, смотреть телевизор, слушать радио), а постоянные централизованные каналы поступления внешней информации за редкими исключениями отсутствуют.

При реализации права на периодические свидания причиной нарушений и ограничений, как правило, становится несоблюдение заключенным порядка (режима) пребывания в колонии. Бывшие заключенные говорят, что необоснованных отказов в свидании не случалось, имея в виду, что при нарушении режима и перевода заключенного в штрафной изолятор запланированное свидание автоматически отменяется (переносится на период после нахождения в штрафном изоляторе). Об этом говорят и родственники заключенных: «Если в карцере сын, то свидание не дают»(3), «Свидание отменили — мой сын находился в ШИЗО»(4).

Другое дело, что обвинение в нарушении часто является надуманным со стороны администрации, никак не связанным с режимом пребывания в колонии: «Закрыли в изолятор его. Например, в прошлый раз его туда закрыли за то, что он отказался петь песни. Говорят, что их заставляют орать песни как в армии, маршировать». Проблема в том, что основным средством воздействия на заключенного, который тем или иным образом нарушает внутренний режим в колонии, является изолятор, намного реже применяется выговор. Многие заключенные в ходе интервью рассказывали, что помещение в ШИЗО является своего рода универсальным средством, наиболее часто применяемым в исправительных учреждениях вне зависимости от серьезности совершенного нарушения. Таким образом, водворение в ШИЗО — это также способ оказывать моральное давление на осужденных. Помимо того, что условия пребывания в штрафных изоляторах предполагают более жесткий режим содержания, а часто и сокращения питания(6), на практике заключенный не может получить передачу или посылку и лишается возможности встретиться с родственниками. А поскольку, по словам бывших заключенных, водворить в ШИЗО «не составляло труда» — нарушение всегда можно было найти, то, следовательно, возможности администрации лишить заключенного свидания фактически неограниченны.

По результатам опроса родственников заключенных можно сделать вывод, что о свидании, как правило, узнают заблаговременно. Обычно сами заключенные указывают в письмах дату очередного свидания. При этом отказы в свидании уже непосредственно по приезду в колонию происходят в том случае, если заключенного незадолго до даты свидания (или в этот же день) водворили в штрафной изолятор. Поэтому иногда случается так, что если родственник не позвонит в колонию и не узнает, находится ли заключенный в ШИЗО, то по приезду в исправительное учреждение ему отказывают в запланированном свидании. «...Информацию [о переносе свидания] можно получить на месте, но можно позвонить и по телефону, узнать о том, где сын». «Получали отказ. В том случае дежурный говорил, что он наказан за нарушение дисциплинарное или сидит в отстойнике до выяснения»(8). «Один раз отказывали [по приезду в колонию], когда брат находился в карцере»(9).

Другая проблема, приводящая на практике к ограничению права на свидания, заключается в том, что условия, в которых проходят свидания, могут затруднять общение или сводить его на нет. «Короткие [свидания] — это кошмар. Вот представьте. Одна типа барная стойка и здесь другая. С одной стороны осужденные, с другой — родственники. Все в куче. Кто что говорит — не поймешь, нужно кричать. А с другой стороны стойки — охранник. Часть вообще не слышит, что говорит твой родственник»(10). «Условия, конечно, неважные. Там в жару невозможно находиться. Там все душно, там все закрыто. Телефон иногда не работает...стекла затемненные, видимость плохая. Я раз телефон держала, даже проводки, чтоб разговаривать. А когда не работает телефон, кричим, чтоб через стекло»(11). В то же время родственники заключенных жалуются на беспричинно грубое отношение представителей администрации: «Да, что там может нравиться. Грубое отношение, ну мы-то тут причём. С нами разговаривают, с собакой лучше разговаривают»; «...Нам приходится терпеть хамство и грубость»(13).

В ходе мониторинга были получены не единичные свидетельства, что время краткосрочного свидания ограничивалось со стороны администрации колонии без видимых на то причин: «Ну, им что, укажешь что ли? Когда 40 минут, когда меньше»(14), «...свидание было очень коротким — всего 15 минут. О том, что краткосрочные свидания могут продолжаться четыре часа, мы не знали, а узнали об этом от знакомых лишь через год»(15); «Нам давали по полтора-два часа»(16). Из интервью с родственниками заключенных можно сделать вывод, что администрации исправительных учреждений злоупотребляет тем, что некоторые правила как, например, продолжительность краткосрочного свидания, родственникам не известны. Тем более что большинство опрошенных родственников заключенных говорили о том, что им не разъяснили их прав и установленных правил.

Мониторингом были выявлены случаи, когда реализация права на свидания с родственниками ставилась в зависимость от материального вознаграждения сотрудников администрации, что, безусловно, делает проблематичным достижение целей реформы УИС и доступно не для всех заключенных и их родственников. При этом практика неформальных возмездных договоренностей, будучи проблемой для пенитенциарной системы России, с другой стороны, представляет собой эффективно работающий способ, в некоторых случаях единственный, с помощью которого родственники заключенных могут добиться реализации своих прав: «Все и так ясно: если не заплатишь кому надо — свидания придется ждать неизвестно сколько»(17).

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ — ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ И ЛИЦА БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

УИК РФ гарантирует иностранным гражданам и лицам без гражданства соблюдение их прав в пределах, установленных федеральным законом о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства и законодательными и нормативными актами уголовно-исполнительной системы, в т. ч. Уголовно-исполнительным кодексом РФ (ст. 10 п. 3 УИК РФ). За заключенными иностранными гражданами и лицами без гражданства закрепляется право переписки на родном языке или на том, которым они владеют, также УИК предписывает предоставлять переводчика в том случае, если это необходимо заключенному (ст. 12 п. 5 УИК РФ и ст. 13 Правил ИУ).

Статья 12 п. 9 УИК РФ и статья 13 Правил ИУ фактически повторяет положение Минимальных стандартных правил в части предоставления права иностранцам поддерживать связь с официальными представительствами иностранных государств или с учреждениями, взявшими на себя их правовую защиту, в том случае, если в России нет дипломатического представительства страны гражданской принадлежности заключенного. Но в этих статьях не упоминаются права беженцев и лиц без гражданства, что не соответствует в точности смыслу статьи в МСП. Скорее всего, предполагается, что защитой их интересов занимаются уполномоченные государственные органы РФ, поскольку их положение в местах заключения регламентируется федеральным законом о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства и, видимо, законом о беженцах. Тем не менее какой-либо статьи или отдельного пункта, гарантирующих беженцам и лицам без гражданства право поддерживать связь с теми институтами, которые взяли на себя защиту их интересов, нет. Подчеркнем, что беженцы как субъект права вообще отсутствуют в УИК РФ и в Правилах ИУ.

Здесь также уместно отметить, что заключенные иностранные граждане и лица без гражданства не всегда могут рассчитывать на посещение места заключения сотрудниками дипломатических представительств и межгосударственных институтов, поскольку эти вопросы относятся к компетенции администрации колонии. Причем они попадают в категорию «иные» и тем самым приравниваются к СМИ и общественным организациям (ст. 24 п. 2 УИК РФ). Не возникает сомнений в обоснованности того, что в подобных случаях доступ в исправительные учреждения имеет ограниченный характер, но отсутствие предметной статьи или пункта может приводить к необоснованным сложностям.

Является важным, что российское законодательство предписывает содержать иностранных граждан и лиц без гражданства в специальных исправительных учреждениях (ст. 73 п. 3 УИК РФ), так называемых инозонах. Мониторинг такого рода колоний не проводился, поэтому информации о фактическом положении в инозонах нет.

- (1) Цензура корреспонденции заключенного с адвокатом допускается при наличии мотивированного постановления начальника исправительного учреждения (ст. 12 Правил ИУ).
- (2) Из интервью с родственником заключенного. Воронежская область.
- (3) Из интервью с родственником заключенного. Республика Коми.
- (4) Из интервью с родственником заключенного. Кировская область.
- (5) Из интервью с родственником заключенного. Республика Коми.
- (6) В случае, если заключенный не имеет работы или не работает в течение времени нахождения в ШИЗО, то нормы питания понижаются (ст. 118 п. 4 УИК РФ).
- (7) Из интервью с родственником заключенного. Республика Коми.
- (8) Из интервью с родственником заключенного. Астраханская область.
- (9) Из интервью с родственником заключенного. Кировская область.
- (10) Из интервью с родственником заключенного. Астраханская область.
- (11) Из интервью с родственником заключенного. Воронежская область.
- (12) Из интервью с родственником заключенного. Воронежская область.
- (13) Из интервью с родственником заключенного. Белгородская область.
- (14) Из интервью с родственником заключенного. Воронежская область.
- (15) Из интервью с родственником заключенного. Белгородская область.
- (16) Из интервью с родственником заключенного. Краснодарский край.
- (17) Из интервью с родственником заключенного. Краснодарский край.

Книги

40. Каждое заведение должно иметь библиотеку, доступную для всех категорий заключенных и содержащую книги как развлекательного, так и образовательного содержания. Всех заключенных следует поощрять к пользованию библиотекой.

Посещение библиотеки и чтение книг рассматриваются международным законодательством как один из институционализированных способов проведения досуга в исправительных учреждениях. МСП содержат отдельную статью, обязывающую исправительные учреждения оборудовать библиотеки и должным образом комплектовать фонды (Правило № 40 МСП). Также в этом правиле содержится призыв поощрять заключенных к чтению, которое рассматривается как один из значимых элементов процесса исправления. Из контекста других правил (№№ 56—61) становится ясно, что умственный досуг заключенных должен находить всяческую поддержку у руководства исправительных учреждений, поскольку формирует основу последующей реинтеграции заключенного в общество.

Российское законодательство в части права на посещение библиотек и чтения литературы в исправительных учреждениях соответствует международным нормам. Статья 95 УИК РФ, закрепляющая за всеми категориями заключенных право пользоваться книгами, регламентирует количество книг (не более 10 изданий, в т. ч. газет и журналов), которым можно пользоваться одновременно одному заключенному. Также она фиксирует принцип, лежащий в основе номенклатуры разрешенных книг. Согласно пункту 2 статьи 95 УИК, заключенные не могут пользоваться книгами, которые в той или иной степени содержат пропаганду войны, этнической и религиозной нетерпимости, культивируют насилие и являются порнографическими изданиями. Кроме того, в статье содержится право получать книги в посылках (передачах, бандеролях), которые не входят в установленное число посылок в год.

Отметим, что в российском УИК нет статьи, обязывающей администрацию исправительного учреждения оборудовать библиотеку и регламентирующей порядок функционирования библиотеки (читального зала). Также УИК не содержит законодательно закрепляющих за исправительными учреждениями обязательств следить за состоянием и содержанием библиотек. Не упоминаются библиотеки и в главе 15 статей 109—110 «Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы», в которой декларируются цели повысить образовательный и культурный уровень заключенных, и в статье 112 «Общее образование осужденных к лишению свободы». Таким образом, посещение библиотеки и чтение книг не запрещено и относится к досугу заключенных, к так называемому личному времени. В то же время в законодательстве нет прямого указания на поощрение тех заключенных, которые активно пользуются библиотекой, в свободное время читают книги (ст. 113 п. 1), видимо потому, что посещение библиотек, чтение литературы не входит в перечень основных средств исправления осужденных (ст. 9 п. 2). Своего рода законодательное игнорирование библиотек в местах заключения не согласуется в полной мере с принципами МСП, изложенными в правилах №№ 40 и 78. Последнее правило говорит о необходимости «во всех учреждениях <...> обеспечивать возможности отдыха и культурной деятельности в интересах их [заключенных] физического и психического здоровья».

Правила ИУ фактически не содержат конкретных указаний относительно библиотеки и литературы, что соответствует логике статьи 1 Правил ИУ, устанавливающей соразмерность Правил и УИК. Упомянутое отсутствие отдельной статьи или пункта о библиотеке в УИК обусловило то, что Правила ИУ не получили предмета для конкретизации и регламентации. Правила ИУ повторяют норму о праве заключенных (вне зависимости от строгости наказания) пользоваться библиотекой и обладать личным временем (ст. 3 и ст. 5 соответственно). Учитывая, что в примерном расписании дня (Приложение 3 к Правилам ИУ) нет выделенного времени на посещение библиотеки, то эти занятия относятся к личному времени.

Как уже было отмечено выше, все категории заключенных имеют право на посещение библиотеки и на чтение книг, полученных ими в установленном Правилами ИУ порядке. Тем не менее в статье 23 Правил ИУ, посвященной особенностям содержания заключенных в ШИЗО, ПКТ и т. п., четко оговаривается перечень разрешенных вещей, и в списке, касающемся ШИЗО, отсутствует разрешение на книги или учебники, хотя в аналогичном списке для ПКТ прямо указывается право иметь при себе учебники и пользоваться библиотекой.

За несколькими исключениями Правила ИУ не конкретизируют, какие книги запрещены. В Приложении 1 к Правилам ИУ «Перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать» речь идет только о книгах по топографии, единоборствам, служебному собаководству, устройству оружия и топографических картах, порнографических материалах. Таким образом, основанием для запрета той или иной литературы является статья 95 УИК общего содержания, о которой говорилось выше.

Отсутствие отдельных регламентирующих статей является одной из причин того, что участие администрации исправительных учреждений в поддержании библиотек сводится к формальному. Практически во всех колониях предусмотрены те или иные помещения для библиотек(1), но из большинства интервью с бывшими заключенными становится известно, что библиотечные фонды крайне малы и не отличаются разнообразием: «Читать там нечего было. Какие-то книги, которые как на свалку к нам направляли, чтобы не выбрасывать»(2). В целом, оценка ассортимента книг в библиотеке часто зависит от того, какие формы досуга предпочитает заключенный. Редко встречающиеся положительные отзывы, как правило, принадлежат респондентам с заниженными потребностями в литературе и текущей информации, а иногда и тем из них, кто не посещал библиотеку во время нахождения в колонии.

На практике свои потребности в литературе заключенные реализуют с помощью права получать книги от родственников. Во многих интервью заключенные отмечали, что пользуются книгами, которые им присылают, либо теми, которые они покупают в магазине(3). Во многих случаях при отрядах создаются неформальные библиотеки. Заключенные формируют своего рода «фонды» из собственных книг, обмениваясь ими между собой. «Я там выписывал пару газет, из дому книги передавали. Потом между собой книгами менялись. А когда освобождался, книги оставил — не с собой же зачитанные брать»(4), «По отрядам ходишь и найдешь книги»(5).

Правомерно сделать вывод, что администрации исправительных учреждений не озабочены пополнением библиотечных фондов, тем более что многие заключенные передают книги в библиотеку после окончания срока наказания или в ситуациях, когда у них на руках оказывается больше положенных 10 наименований изданий.

Состояние библиотечных фондов исправительных учреждений приводит к информационной и культурной изоляции заключенных. За редкими исключениями в библиотеках все же бывают свежие газеты, но, как правило, либо специализированного содержания, либо в одном наименовании: «Была одна сучка уиновская — «Новые рубежи»(6). Удовлетворение потребности в информации, как это отмечалось в большинстве интервью, остается задачей самих заключенных. «Газеты, если выпишешь, то будешь читать. Так газет не дают. Деньги есть — выписывай»(7). Другой способ получения информации — газеты и журналы, которые родственники принесли на свидание. Что касается электронных СМИ, то в большинстве интервью бывшие заключенные рассказывали, что они могли свободно смотреть информационные телепередачи в положенное по распорядку дня время, но только в том случае, если в отряде был телевизор. В этом случае участие администрации заключается только в том, что она не устанавливает запретов на телепросмотр, но сама техника закупалась заключенными из собственных средств либо привозилась родственниками.

В основном, бывшие заключенные говорят, что библиотекой можно было пользоваться в свободное от работы время беспрепятственно. Но в ряде случаев бывшие заключенные отмечали, что доступ в библиотеку был ограничен либо местными правилами внутреннего распорядка («На каждый отряд выделяется особый день — это раз в неделю примерно»)(8), либо сложной бюрократической процедурой («Библиотекой не пользовался из-за сложной системы оформления пропуска (сбор нескольких подписей у работников колонии и начальника колонии»)(9).

По информации региональных организаций, проводивших мониторинг колоний, помещения для библиотек, как правило, не имеют приемлемых условий для чтения, и по этой причине посещение библиотеки также не является предпочитаемым видом досуга.

Для большинства колоний обновление фондов остается проблемным. Источники пополнения библиотек — это, в основном, книги, переданные гуманитарными организациями или полученные в результате сокращения областных и районных библиотек. В большей части интервью начальники исправительных учреждений именно как проблему обозначали нерегулярность централизованных поступлений книг из ГУИН, отсутствие иных, кроме названных, возможностей получения книг для библиотеки.

Тем не менее необходимо сказать, что в некоторых колониях библиотечное дело организовано очень продуманно (колонии г. Читы, Нижнего Новгорода, Брянской и Тамбовской областей). В них составлены книжные каталоги, созданы читальные залы, библиотеки получают свежие газеты и журналы, проводятся литературные вечера. В некоторых случаях фонды достигают 14 тысяч книг и 10 наименований периодических изданий.

В заключение подчеркнем, что руководство колоний, как правило, не ограничивает право заключенных пользоваться библиотекой или читать собственные книги. Но это право в ряде случаев оказывается труднореализуемым, поскольку состояние библиотек и величина библиотечного фонда не могут быть признаны удовлетворительными. Подобная ситуация обусловлена тем, что поддержание функционального состояния библиотек исправительных учреждений не имеет прямого законодательного предписания.

- (1) Бывший заключенный колонии в Камчатской области отметил, что библиотеки не было.
- (2) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Адыгея.
- (3) Из интервью с бывшим заключенным. Нижегородская область.
- (4) Из интервью с бывшим заключенным. Тверская область.
- (5) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Тыва.
- (6) Из интервью с бывшим заключенным. Брянская область.
- (7) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Башкортостан.
- (8) Из интервью с бывшим заключенным. Пермская область.
- (9) Из интервью с бывшим заключенным. Томская область.

Религия

41. 1) В заведениях, в которых находится достаточное число заключенных, принадлежащих к одному и тому же вероисповеданию, следует назначать квалифицированного служителя данного культа или разрешать ему отправлять там соответствующие обряды. Если число таких заключенных достаточно велико и имеются соответствующие возможности, такого служителя следует назначать на полное время.

2) Квалифицированный служитель культа, назначаемый или допускаемый в заведение на основе пункта 1, должен иметь возможность регулярно отправлять религиозные обряды и в отведенное для этого время периодически посещать наедине заключенных, принадлежащих к его вероисповеданию, для бесед на религиозные темы.

3) Заключенных нельзя лишать возможности доступа к квалифицированным представителям любого вероисповедания. С другой стороны, если заключенный протестует против его посещения служителем культа, к его пожеланиям следует относиться с полным уважением.

42. В пределах осуществимого каждый заключенный должен иметь возможность удовлетворять свои религиозные потребности, участвуя в религиозных обрядах в стенах его заведения и имея в своем распоряжении религиозные писания, свойственные его вероисповеданию.

Одной из основополагающих идей МСП, которая зафиксирована в «Основном принципе» (п. 1, Правило № 6), является беспристрастное отношение к заключенным вне зависимости от их партикуляристской принадлежности. В особенности подчеркивается запрет на двойной стандарт в практике обращения с заключенными, недопустимость дискриминации по какому-либо основанию. В то же время нельзя рассматривать этот принцип как принцип нейтральности и безразличия, речь идет о политике толерантности по отношению к различным, в нашем случае религиозным, предпочтениям, о рекомендации уважать религиозный выбор заключенного (п. 2 Правила № 6)(1).

Соблюдению принципов свободы совести и вероисповедания посвящено отдельное правило МСП (№ 41). Свобода вероисповедания (индивидуального религиозного выбора и молитвенной практики) закрепляется за всеми заключенными, а степень реализации принципа свободы совести ставится в зависимость от численности заключенных, принадлежащих к тому или иному вероисповеданию. Конкретно, осуществление прав на публичное выражение своих религиозных убеждений, на совместные обряды отправления культа с участием квалифицированного представителя религиозной организации возможно при наличии достаточного большого числа приверженцев одной религии (п. 1, 2 Правила № 41). В таких ситуациях МСП предписывает принимать священнослужителя в штат исправительного учреждения, чтобы он мог регулярно совершать необходимые обряды, вести беседы с верующими, когда им это необходимо. В случае же, если число верующих одного вероисповедания незначительное, то руководство колонии (тюрьмы) не должно создавать необоснованных причин, чтобы не приглашать священнослужителя этого вероисповедания (п. 3 Правила № 41)(2). Отметим, что в статье отсутствует критерий для определения многочисленности религиозной общины в местах заключения, а Правило № 42 за всеми верующими закрепляет право участвовать в религиозных обрядах в пределах места заключения, иметь религиозную литературу. Причем в данном случае специально не оговаривается присутствие религиозного служителя, скорее всего, подразумевается и самостоятельное

отправление обрядов(3).

Регламентируя принципы реализации свободы совести и вероисповедания, правила МСП подчеркивают, что участие заключенных может быть только добровольным. «Если заключенный протестует против его посещения служителем культа, к его пожеланиям следует относиться с полным уважением» (п. 3 Правила № 6). МСП не содержат гарантий права на атеизм, поскольку он также рассматривается как самостоятельный религиозный выбор.

Российские законодательные нормы по вопросу свободы совести и вероисповедания заключенных изложены в статье 14 УИК РФ. В основной своей части статья не содержит каких-либо противоречий МСП. В статье представлены основные гарантии свободы совести, право на свободный религиозный выбор, в т. ч. на атеизм (п. 1, 2).

Нормы этой статьи распространяются на все категории заключенных, так же как и право на общение со священнослужителем и совершение религиозных обрядов. УИК не упоминает права заключенного на общение со священником именно наедине, что может быть признано несоответствующим международным принципам. Статья также никак не регламентирует вопросы приглашения священнослужителей на полную ставку в случаях, когда в местах заключения фиксируется религиозное большинство, но конкретизирует обязанности администрации в части предоставления отдельного помещения для «совершения религиозных обрядов, пользования предметами культа и религиозной литературы» (п. 4 ст. 14 УИК РФ).

Право осужденного на свободу совести может быть ограничено только соображениями безопасности священнослужителя (п. 5 ст. 14 УИК РФ) или объективными обстоятельствами, внешними по отношению к колонии. Последнее не может рассматриваться как нарушение или несоответствие Минимальным стандартам правилам в силу действия пункта 4 статьи 3 УИК РФ, который говорит о том, что «Рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве РФ при наличии необходимых экономических и социальных условий», что, в свою очередь, не противоречит Правилу № 2 МСП(4).

В Правилах ИУ, ведомственном документе, конкретизирующем положения УИК РФ, повторяются гарантии свободы совести и вероисповедания, отдельно говорится о недопустимости принуждения в вопросах свободы совести (§ 3 «Основные права и обязанности осужденных в ИУ»). Каких-либо еще статей и положений, регламентирующих вопросы оборудования помещений для совершения религиозных обрядов, хранения религиозной атрибутики, принадлежащей заключенным, и т. п. (см. УИК РФ) нет. Есть основания полагать, что администрации исправительных учреждений при обеспечении религиозной жизни в местах заключения руководствуются нормами УИК РФ и другими внутренними документами и инструкциями.

Минюстом РФ практики религиозной жизни относятся к воспитательным средствам исправления, что призвано развивать положения, изложенные в «Принципах уголовно-исполнительного законодательства РФ» (ст. 8 УИК РФ) — «...стимулирование их [заключенных] правопослушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием». Так, например, в статье В. Давыденко, старшего инспектора по особым поручениям УВРО ГУИН Минюста РФ, опубликованной в «Ведомостях УИС»(5), придается исключительное значение религиозному воспитанию заключенных, которое рассматривается как важнейший элемент в реализации положений Концепции воспитательной работы с осужденными в УИС.

«Ведомости УИС» являются официальным журналом Минюста РФ, и в силу этого рекомендации, содержащиеся в статьях чиновников министерства, приобретают характер инструктивных документов для сотрудников УИС. В этой связи содержащиеся в упомянутой статье критерии отбора религиозных организаций, которые могут быть допущены в колонии и тюрьмы, скорее всего, имеют практическое применение в повседневной работе администраций исправительных учреждений. Такой вывод возможен, так как из мониторинга стало известно, что религиозное разнообразие в колониях, как правило, сводится к православию и к какой-либо религии, национальной для региона мониторинга. Например, редко встречаются факты присутствия в местах заключения протестантских деноминаций. Что касается самих критериев отбора, то они настолько сложны, что требуют религиозоведческой подготовки от руководства исправительных учреждений. Поэтому очевидно, что, принимая то или иное решение относительно допуска в колонию священнослужителей, они действуют по принципу известности и «традиционности» религиозной организации и из соображений «безопасности».

Так, в одной из колоний г. Санкт-Петербурга было запрещено распространение учения «Свидетелями Иеговы» во избежание конфликтов на религиозной почве(6). В то же время евангельские христиане и адвентисты седьмого дня работают в исправительных учреждениях Орловской области(7). В Астраханской области в ИК-2 действуют православный и исламский дома молитвы, молитвенная комната христиан-баптистов(8); баптизм наряду с православием также распространен в исправительных учреждениях Брянской области.

Тем не менее правомерен вывод о доминировании в местах заключения Русской православной церкви (РПЦ). Исходя из положений МСП (см. выше), ставящих степень реализации свободы совести в зависимости от численности верующих одной конфессии, такое положение не может рассматриваться как ограничивающее права других заключенных, не принадлежащих к РПЦ. Заключенных, не относящих себя к РПЦ, а также тех, кто на вопрос «Кем вы себя считаете, говоря о религии?» ответил: «ником», «атеист», «неправославный», «верующий» и т. п. примерно половина (данные из интервью с бывшими заключенными). Другая половина идентифицирует себя с РПЦ, что может являться формальным основанием для приоритета РПЦ в местах заключения.

При этом здесь уместно отметить, что религиозные предпочтения заключенных нечетко оформлены и не всегда бывшие заключенные стремились в период отбывания наказания реализовывать свои религиозные убеждения. Это не значит, что они относят себя к нерелигиозным людям, но зачастую обрядовые практики и общение со священнослужителем не имеют принципиального значения для этой части заключенных или у них нет желания участвовать в религиозной жизни.

Исходя из данных мониторинга, основная группа, придерживающаяся религиозных практик, — это заключенные старших возрастов. У остальных групп заключенных уровень религиозных потребностей не является стабильно высоким. Последнее косвенно подтверждают данные из анкет родственников заключенных, многие из которых говорили о том, что их родственник, будучи в колонии или в СИЗО, не просил передать что-либо из религиозных предметов или литературы. Хотя многие религиозные и гуманитарные организации, работающие в тюрьмах и колониях, раздают заключенным в т. ч. религиозную литературу, но при высоком уровне религиозных потребностей их помощи было бы явно недостаточно.

Тем не менее религиозная жизнь в местах заключения ведется достаточно активно — действуют храмы, оборудованы молитвенные комнаты, регулярно проводятся религиозные праздники. За заключенными закреплено право иметь при себе религиозные предметы и литературу, за исключением икон. Запрет на хранение икон в пределах помещения отряда связан с тем, что «...без разрешения администрации вывешивать фотографии, репродукции, открытки, вырезки из газет и журналов и иные предметы на стенах, тумбочках и кроватях... запрещено» (ст. 3 Правил ИУ в части обязанностей заключенных). По всей видимости, иконы относятся к «иным предметам», запрещенным без санкции администрации в жилом помещении. Запрет не действует в том случае, если вся религиозная атрибутика хранится в специально отведенной для этого комнате (п. 4 ст. 14 УИК РФ). Также, по информации из анкет бывших заключенных, в ряде случаев администрации колоний разрешали иметь при себе небольшие картонные иконки.

Не всегда право заключенных общаться наедине со священнослужителем соблюдается, иногда общение происходит в присутствии надзирателя. Но, как было сказано выше, ни УИК, ни Правила ИУ не подразумевают сохранения такого права за заключенным, и в этой связи нарушения как минимум российского законодательства не происходит.

В результате проведенного мониторинга стало известно, что представители основных религиозных организаций в местах лишения свободы пользуются правом на свободу вероисповедания, а возможностей для реализации принципов свободы совести больше у православных. Мусульмане, буддисты имеют молельные комнаты, но встречи со священнослужителем случаются гораздо реже. Даже в мусульманских регионах муллы посещают колонии нечасто, видимо, еще и потому, что многие заключенные, признающие себя мусульманами, не стремятся к религиозному общению⁽⁹⁾. Нарушения, как правило, не имеют системного характера и связаны с отсутствием детальных нормативных статей, а также с необоснованными решениями руководства исправительных учреждений, как, например, запрет на ношение католического крестика из-за того, что он был незнаком начальнику одной из колоний.

- (1) «С другой стороны, нужно уважать религиозные убеждения и моральные установки заключенных, принадлежащих к тем или иным группам населения».
- (2) «Заключенных нельзя лишать возможности доступа к квалифицированным представителям любого вероисповедания».
- (3) «В пределах осуществимого каждый заключенный должен иметь возможность удовлетворять свои религиозные потребности, участвуя в религиозных обрядах в стенах его заведения и имея в своем распоряжении религиозные писания, свойственные его вероисповеданию».
- (4) См.: Минимальные стандартные правила. Предварительные замечания. Ст. 2. «Принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно».
- (5) *Давыденко В.* Свобода совести и вероисповедания в уголовно-исполнительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2002. № 5.
- (6) *Терентьев Д.* В зоне любви // Вечерний Петербург. 2002. 14 февраля. № 27.
- (7) Региональный доклад. Орловская область. 2002.

- (8) «Двойка» сейчас // Остров. Специальное приложение к газете «Новый день». 2002. 14 ноября.
 (9) Из интервью с бывшими заключенными. Республики Дагестан, Адыгея, Башкортостан.

Хранение имущества заключенных

43. 1) Деньги, ценные предметы, одежда и другое имущество, которое согласно действующим в данном учреждении правилами заключенный не имеет права держать при себе, сдаются при его принятии на хранение. Перечень этого имущества подписывается заключенным. Следует принимать меры к тому, чтобы оно хранилось в надежных условиях.

2) При освобождении заключенного из данного заведения все принадлежащее ему имущество и деньги подлежат возвращению, за исключением сумм, которые ему было разрешено потратить, вещей, которые ему было позволено отправить за пределы заведений, или же одежды, которую было сочтено необходимым уничтожить по санитарным соображениям. Заключенный расписывается в получении принадлежащих ему денег и вещей.

3) Это же относится и ко всем денежным средствам и вещам, получаемым заключенным во время его пребывания в данном заведении.

4) Если заключенный имеет при себе лекарства или медикаменты, решение о том, как с ними поступать, принимается врачом.

Режим мест заключений предполагает, что хранение и использование некоторых личных вещей, денег, ценных предметов заключенного в ИУ и СИЗО запрещено. Однако заключенные ограничиваются в праве пользования ими только на время отбывания наказания, в праве же собственности и распоряжения ими они не поражаются. Данное положение МСП предписывает администрации места заключения все вещи, которые заключенный не может иметь при себе, принимать на хранение. При этом «перечень этого имущества подписывается заключенным».

Отдельно оговариваются условия хранения и пользования заключенным имеющимися при нем медикаментами («Если заключенный имеет при себе лекарства или медикаменты, решение о том, как с ними поступать, принимается врачом»).

Предоставление возможности владеть личным имуществом помогает осознанию осужденным себя как личности. После освобождения заключенного все принадлежащее ему имущество подлежит возвращению, «за исключением сумм, которые ему было разрешено потратить, вещей, которые ему было позволено отправить за пределы заведений, или же одежды, которую было сочтено необходимым уничтожить по санитарным соображениям. Заключенный расписывается в получении принадлежащих ему денег и вещей».

Оценить выполнение этого положения МСП довольно трудно, хотя оно в полной мере находит отражение в российском законодательстве(1).

Соответствующие статьи УИК РФ при этом носят отсылочный характер. Порядок приема осужденных, порядок изъятия у осужденных запрещенных к использованию в ИУ вещей, перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, а также порядок приобретения и хранения осужденными к лишению свободы литературы и письменных принадлежностей регламентируются Правилами ИУ.

Правила изъятия и хранения запрещенных к использованию в СИЗО вещей содержатся в Правилах СИЗО.

Однако в интервью бывшие заключенные нередко жалуются, что правила не соблюдаются. При сдаче вещей на хранение зачастую происходит нарушение порядка оформления процедуры сдачи вещей, запрещенных к хранению и использованию на территории мест заключения.

В соответствии с Правилами внутреннего распорядка (ИУ и СИЗО), «запрещенные вещи, а также вещи, имеющиеся у осужденных сверх установленного веса, изымаются в момент обнаружения, о чем составляется рапорт или акт, затем проводится проверка и принимается решение начальника ИУ.

Изыятые у осужденных деньги не позднее чем в суточный срок (исключая выходные и праздничные дни) сдаются в финансовую часть либо в бухгалтерию, где зачисляются на лицевой счет осужденного без права пользования и распоряжения ими во время отбывания наказания.

Изыятые ценные бумаги и иные ценности хранятся в бухгалтерии или на складе ИУ, о чем владельцу выдается квитанция»(2).

«На поступившие на хранение от подозреваемых и обвиняемых деньги и ценности составляются акты по установленной форме в трех экземплярах. Первый экземпляр выдается на руки подозреваемому или обвиняемому, второй экземпляр передается в финансовую часть, а третий экземпляр хранится в личном деле»(3).

Но большинство заключенных и не рассчитывают на то, что хранение их личного имущества в местах заключения будет осуществляться в соответствии с правилами, декларируемыми российским законодательством. Например, как отмечают правозащитники из Ненецкого автономного округа, «сами бывшие заключенные считают, что соблюдение их [правил] просто невозможно в учреждениях системы УИН. Если не отберут сокамерники, отберут надзиратели. При каждой поездке из Нарьян-Мара в Архангельск или из Архангельска в Нарьян-Мар подследственный, осужденный понятия не имеет, что будет с ним дальше — никаких вещей он не берет с собой, считая это бессмысленным, все равно хранить негде. Вещи, которые остаются после приговора суда в милиции, часто теряются. Даже паспорта теряются, не говоря о часах, одежде»(4).

Акт о приеме на хранение личных вещей заключенных иногда не составляется вовсе: «Официально [с составлением акта о сдаче на хранение вещей] у меня никто ничего не брал. Вещи все бросали в углу [запрещенные к хранению на территории СИЗО], а потом их увозили. Так что кто взял — я могу лишь догадываться. Сам я оделся после освобождения в то, что мне досталось. Кто что дал»(5).

Иногда заключенному не сообщают о том, что один экземпляр подписанного им акта должен остаться у него (а он его не требует, поскольку не ознакомлен с правилами): «Я, когда приехал на зону, не знал, что надо взять квитанцию на сданные вещи, поэтому, когда освобождался, ничего из вещей, в которых меня привезли, мне не вернули»(6).

Часто звучат жалобы на то, что имущество, которое было сдано на хранение, освобождающемуся заключенному вернули не в полном объеме, что также связано с нарушением процедуры составления соответствующего акта. По данным правозащитных организаций, иногда в данный перечень не попадают многие ценные предметы. Вопросы осужденного по данному поводу сотрудниками администрации игнорируются. Ему настоятельно рекомендуется подписать опись. При освобождении заключенного ему выдается под роспись его имущество, согласно ранее подписанной им описи. Иногда выдаче не подлежат некоторые вещи, которые якобы пришлось уничтожить ввиду санитарных соображений (как правило, ценные вещи)(7).

Описанный выше факт свидетельствует еще об одном нарушении. Персонал исправительного заведения, пользуясь некомпетентностью заключенного, вольно трактует одно из Правил внутреннего распорядка: «Уничтожению подлежат вещи и предметы, изъятые из гражданского оборота, а также продукты, которые не подлежат длительному хранению»(8). При этом они «уничтожаются по решению начальника ИУ, о чем составляется соответствующий акт, с ознакомлением осужденного под роспись»(9).

Положение МСП, касающееся хранения имущества заключенных, предписывает поступать с вещами и денежными средствами, получаемыми заключенным во время его пребывания в данном заведении так же, как и с деньгами, ценными предметами и другим имуществом, которые согласно действующим в данном учреждении правилам заключенный не имеет права держать при себе (то есть, сдает на хранение)(10).

В Правилах ИУ в отношении того, как поступать с этими вещами, есть существенное дополнение: «Обнаруженные на территории ИУ деньги, а также деньги, полученные после реализации через магазины комиссионной торговли иных ценностей и вещей, принадлежность которых установить не представляется возможным, в установленном порядке обращаются в доход государства»(11).

В Правилах ИУ приводится список вещей, хранение которых заключенными запрещено (соответственный список и относительно СИЗО). Но этот нормативный документ до сведения заключенных, как правило, не доводится. Это приводит ко всякого рода злоупотреблениям со стороны персонала мест заключения.

«У меня, например, отняли спортивный костюм. Сказать трудно, что из вещей положено иметь, чего нет. Поэтому и не знаю, правомерно ли отняли»(12).

На вопрос, вернули ли им после освобождения вещи, бывшие заключенные дают зачастую однотипные ответы: «стоящих вещей не было», «не помню», «не было вещей». Случаи, когда у человека на момент заключения оказывались при себе ценные личные вещи, касаются только СИЗО («не вернули сотовый телефон и другие вещи»(13), «вернули все, кроме перчаток на меху»(14), «вещи не были возвращены (ремень, деньги в сумме 5000 рублей, кроссовки)»(15).

Наученные опытом СИЗО (либо предыдущего заключения), заключенные предпочитают не брать с собой в исправительные учреждения имущество, представляющего какую-либо ценность. Этим же принципом руководствуются родственники при передаче заключенным тех или иных вещей.

Деньги, которые получают заключенные, находясь в исправительном учреждении, поступают на их личные счета. Они могут тратить определенные суммы (для каждой категории заключенных в УИК предусмотрены свои ограничения).

Возможность пользоваться теми или иными лекарственными препаратами для заключенного сопряжена с преодолением сложностей в передаче их ему родственниками. Все без исключения лекарства, которые передаются заключенному, сдаются в медпункт. Решение о том, как с ними поступить, по словам родственников заключенных, не всегда принимает врач.

«Медикаменты работники СИЗО отбирали, смотря что можно, а что нельзя передавать... Отбирал работник администрации в милицмейской форме»(16).

«Мне с трудом удалось добиться, чтобы сыну передали ингалятор и лекарства от астмы, он у меня астматик. Говорят, мы это лекарство не знаем, может, это наркотик. Я еле упростила администрацию поверить мне, что это необходимое для его здоровья лекарство. Правда, ему позволили пользоваться ими после разрешения врача»(17).

Строгого порядка, в соответствии с которым родственники могли бы передавать необходимые медикаменты, администрация не придерживается, в связи с чем в ходе проведения мониторинга были зафиксированы случаи различного отношения руководства к этому вопросу.

Иногда родственникам не дают никаких разъяснений по поводу того, что можно передавать, а что нет (при этом встретиться с врачом нет возможности): «Медикаменты принимают плохо. Витамины не принимают вообще — не положено. Нужно разрешение врача, а встретиться с врачом практически не возможно»(18).

«Витамины разрешено, передавала. У него зубы болели, не дали передать лекарство, сказали — врач должен назначить»(19).

Вследствие этого заключенный иногда не получает никаких медикаментов: «Не приняли медикаменты никакие. Сказали — не положено. У брата была астма, и он просил ингалятор. Даже таблетки от кашля не приняли. Чье это распоряжение, я не спрашивала»(20).

В некоторых местах заключения, напротив, принимают все медикаменты (вопрос в том, достаются ли они адресату) и даже обязывают родственников передавать какие-то медикаменты «в нагрузку»: «Если, допустим, нужно передать лекарство какое-то, то обязательно нужно оплатить еще какое-то лекарство...»(21)

(1) Ст. 79, 82. Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

(2) Правила ИУ (п. 11 «Порядок изъятия у осужденных запрещенных к использованию в ИУ вещей»).

(3) Правила СИЗО (п. 4 «Изъятие у подозреваемых и обвиняемых предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию»).

(4) Региональный доклад. Ненецкий автономный округ. 2002.

(5) Из интервью с бывшим заключенным. Белгородская область.

(6) Из интервью с бывшим заключенным. Нижегородская область.

(7) Региональный доклад. Тамбовская область. 2002.

(8) Порядок приема осужденных в ИУ (п. 2 Правил ИУ).

(9) Порядок изъятия у осужденных запрещенных к использованию в ИУ вещей (п. 11 Правил ИУ).

(10) Правило № 43, п. 3 МСП.

(11) Там же.

(12) Из интервью с бывшим заключенным. Нижегородская область.

- (13) Из интервью с бывшим заключенным. Камчатская область.
- (14) Из интервью с бывшим заключенным. Тверская область.
- (15) Из интервью с бывшим заключенным. Томская область.
- (16) Из интервью с родственником заключенного. Свердловская область.
- (17) Из интервью с родственником заключенного. Краснодарский край.
- (18) Из интервью с родственником заключенного. Мурманская область.
- (19) Из интервью с родственником заключенного. Ненецкий автономный округ.
- (20) Из интервью с родственником заключенного. Ненецкий автономный округ.
- (21) Из интервью с родственником заключенного. Воронежская область.

Уведомление о смерти, болезни, переводе и т.д.

44. 1) В случае смерти, серьезного заболевания или же серьезного ранения заключенного, или же в случае его перевода в заведение для психически больных директор немедленно уведомляет об этом его супруга или супругу, если таковые имеются, его ближайшего родственника и во всяком случае лицо, указанное ранее самим заключенным.

2) Заключенным следует сообщать без промедления о смерти или серьезном заболевании любого из их близких родственников. В случае критического заболевания близкого родственника заключенному следует разрешать, когда это позволяют обстоятельства, посещать его либо под охраной, либо самостоятельно.

3) Каждый заключенный должен иметь право немедленно информировать членов своей семьи о своем заключении или переводе в другое заведение.

МСП оценивают изоляцию от общества как серьезное и в силу этого уже достаточное наказание (Правило № 57). В связи с этим ужесточение режима отбывания наказания без достаточных на то оснований как, например, лишение возможности дисциплинированного заключенного поехать на похороны родственника противоречит целям исправительных учреждений. Положения Правила № 44 рассматриваются как принципиальные с точки зрения содержания заключенных и соблюдения их неотъемлемых прав. Здесь важно также то, что своевременное информирование и возможность при исключительных обстоятельствах посетить родственников связаны с внешним миром, постоянные контакты с которым имеют исключительное значение для социализации заключенного после освобождения (Правила №№ 37—39 МСП).

Ни в УИК РФ (ст. 97), ни в Правилах ИУ (ст. 18) нет положения, обязывающего администрацию исправительных учреждений в максимально короткий срок информировать заключенного о тяжелой болезни родственника или его смерти. Это позволяет нам говорить о несоответствии данных документов стандартам, изложенным в МСП.

Тем не менее по результатам проведенного региональными мониторами интервьюирования бывших заключенных можно сделать вывод о существующей практике информирования заключенных и, как правило, своевременного. По всей видимости, руководство исправительных учреждений действует в соответствии со статьей 3 (ч. 1, 2) УИК РФ(1), устанавливающей принцип приоритета международного права над национальным, либо придерживается внутренних инструкций. Так, по словам одного из бывших заключенных, он был вызван для беседы с руководством колонии, ему было сообщено о смерти матери, «все очень официально... спросили, хочу ли я поехать проститься»(2).

Согласно статье 97 (п. 5) УИК РФ, заявление заключенного, по которому администрация принимает решение разрешать отпуск или нет, должно быть рассмотрено в течение суток. Однако очень часто администрация исправительных учреждений освобождает себя от выполнения этой нормы, сообщая о смерти родственника не сразу как получена информация, а через неделю, через месяц, когда у заключенного уже нет возможности присутствовать на похоронах. Подобные действия администрации обусловлены рядом причин. Как правило, это связано с режимом работы почты, когда телеграмма фактически приравнивается к письму. Такой порядок обусловлен отдаленностью исправительного учреждения от почтового отделения, в связи с чем почту в колонию привозят раз в неделю.

Но достаточно часто причиной несвоевременного сообщения о смерти или тяжелой болезни родственника становится желание администрации колонии исключить возможность побега заключенного. В одном из интервью бывший заключенный рассказал о случае, когда отпущенный на похороны заключенный убил конвойного и «совершил побег»(3).

Необходимо отметить, что норма УИК РФ, касающаяся выезда за пределы колонии, прописана не как обязанность администрации исправительного учреждения в отношении заключенного, а как необязательная мера: «Осужденным к лишению свободы, содержащимся в исправительных колониях... могут быть разрешены выезды за пределы исправительных учреждений...» в случае смерти или тяжелой болезни близкого родственника(4).

Содержащаяся в Правиле № 44 (ч. 2) МСП формулировка «...в зависимости от обстоятельств разрешать заключенному ... посещать критически больного родственника» позволяет администрации исправительных учреждений наряду с объективными причинами для отказа (удаленность колонии от места проживания больного родственника или места похорон родственника заключенного и т. п.) иногда ссылаться на любые другие причины, не всегда обоснованные, или не объяснять причин отказа вовсе. «Бывало, что узнавали и через месяц, если кто далеко живет»(5). Другой бывший заключенный на вопрос интервьюера «Были ли случаи, когда отказывали в праве посещать... родственника?» ответил: «Были частенько случаи, причину могли найти любую, прямо в тот же день»(6).

В целом, реализация права заключенного на отпуск «в связи с исключительными личными обстоятельствами»(7) на практике рассматривается руководством колонии не отдельно, а в ряду мер поощрения за соблюдение правил внутреннего распорядка. Согласно мониторингу, значительная часть отказов со стороны администрации в предоставлении отпусков для посещения больных родственников или присутствия заключенных на похоронах мотивируется нарушениями со стороны осужденного правил исправительного учреждения, наличием большого количества судимостей, нахождением осужденного в штрафном изоляторе: «...одного москвича, а он как раз сидел в ШИЗО, на похороны... отца непустили»(8).

Выводы, которые можно сделать на основе интервью с бывшими заключенными, следующие. Во-первых, незначительное количество случаев, когда осужденным не сообщали о смерти родственников. Несмотря на отсутствие в УИК РФ и Правилах ИУ отдельной статьи, касающейся обозначенного принципа, администрации колоний, как правило, сообщают заключенным о смерти их родных. Второй вывод — существуют факты умышленного умалчивания информации на некоторое время, что прямо нарушает Правило № 44 п. 2 МСП. Часто причиной упомянутой выше практики является нежелание администрации колоний рассматривать вопросы краткосрочных отпусков. И в-третьих — предоставление заключенным отпуска по личным обстоятельствам тесно увязывается с соблюдением внутреннего режима учреждения и рассматривается в качестве поощрения, что, по нашему мнению, не вполне соответствует смыслу Правило № 44 п. 2.

Что касается права заключенных сообщить о своем нахождении (Правило № 44 п. 3 МСП), то УИК РФ подразумевает, что заключенному может быть предоставлен внеочередной телефонный разговор с родственником или краткосрочное свидание сразу по прибытии в колонию (ст. 92 п. 2 УИК РФ). А также, вне зависимости от того, будет ли заключенному предоставлена такая возможность, администрация колонии должна в 10-дневный срок официальным письмом уведомить родственника заключенного о месте его нахождения (ст. 17 УИК РФ) и о том, какие права имеет родственник на свидания, переписку и т. п. (ст. 2 Правил ИУ).

Не обладая достаточной информацией о реализации заключенными права на уведомление родственников (п. 1, 3 Правила № 44 МСП), мы, Тем не менее на основе данных из интервью с родственниками заключенных можем сделать вывод о том, что нарушения имеют место. Из контекста ответов родственников становится понятным, что администрация колоний за редкими исключениями не выполняет требование УИК об официальном уведомлении. Только в четырех случаях из всех интервью с родственниками заключенных есть сведения о том, что родственниками была получена официальная информация от администрации исправительных учреждений(9). Встречаются и вопиющие факты, когда родственникам заключенного не сообщают о месте отбывания наказания: «Меня даже не оповестили о том, в какую колонию отправили моего сына. Я слышала, что кому-то из родственников осужденных выслали почтой информацию о правах. О своих правах я никакой информации не получала»(10).

В большинстве случаев родственники получают необходимую информацию устным порядком. Причем подобные способы можно условно разделить на три вида: информация, размещенная на стендах в исправительном учреждении («В основном со стендов»)(11); информация, полученная от родственников других заключенных (интервью из Астраханской, Белгородской, Воронежской областей); информация, предоставленная представителями администрации колонии устно (Краснодарский край, Костромская область, Республика Коми). Иногда встречаются случаи, когда руководство колонии проводит лекции среди

родственников только что прибывших в колонию заключенных: «Нам рассказали в колонии, во время свидания. В комнате для свиданий собрали всех родственников и объяснили: что можно, а что нельзя передавать, а также, на каком основании могут отказать в свидании»(12).

(1) Ст. 3 ч. 1 УИК РФ: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации учитывает международные договоры Российской Федерации...» Ст. 3 ч. 2 УИК РФ: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора».

(2) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Алтай.

(3) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Алтай.

(4) Ст. 97 ч. 1 п. а. УИК РФ.

(5) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Адыгея.

(6) Из интервью с бывшим заключенным. Пермская область.

(7) Ст. 97 ч. 1 п. а. УИК РФ.

(8) Из интервью с бывшим заключенным. Тверская область.

(9) Из интервью с родственниками заключенных. Республика Алтай и Башкортостан.

(10) Из интервью с родственником заключенного. Кировская область.

(11) Из интервью с родственником заключенного. Республика Коми.

(12) Из интервью с родственником заключенного. Краснодарский край.

Перемещение заключенных

5. 1) Когда заключенные направляются в место их заключения или переводятся из одного места заключения в другое, их следует в максимальной степени укрывать от посторонних взглядов и принимать все меры для того, чтобы защитить их от оскорблений, проявлений любопытства и любых видов огласки.

2) Перевозка заключенных в условиях недостаточной вентиляции или освещения или же в любых других физически излишне тяжелых условиях подлежит запрещению.

3) Заключенные перевозятся за счет управления, причем их транспорт должен осуществляться в одинаковых для всех условиях.

По сообщениям бывших заключенных можно сделать вывод, что условия этапирования не соответствуют требованиям МСП. При этом нарушаются не только международные стандарты, но и российское законодательство, положения которого соответствуют МСП (ст. 73 УИК РФ «Места отбывания лишения свободы»). Статья оговаривает принципы распределения заключенных по исправительным учреждениям, а статья 76 УИК РФ «Перемещение осужденных к местам лишения свободы» регламентирует порядок и условия перемещения.

Нарушения требований МСП в части перемещения заключенных в значительной мере вызваны отсутствием необходимых экономических возможностей и, как следствие не хватает средств на перевозку, питание, существует недостаток спецмашин. В соответствии со статьей 73 (п. 1) УИК РФ «осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены». Введение в действие этого положения позволяет уменьшить влияние обозначенных факторов, поскольку расстояния, на которые перемещаются заключенные, сокращаются.

Применение этого положения также означает, что длительность этапа для большинства заключенных заметно сократилась, но его условия не изменились. Характерно, что в представлении заключенных сокращение времени пути искупает тяжелые условия перевозки — заключенные считают их «терпимыми». «Расстояние небольшое, поэтому говорить об условиях перевозки нет смысла»(1). «Везли в автозаке. Тесно, душно, противно, но недолго»(2). «...Везли на «воронке». Конечно, тесно, душно. Но весь путь с погрузкой, разгрузкой занял часа два. Так что можно было потерпеть»(3). «...Ехать недолго. Час везли нас... помню

только как тесно было»(4).

При этом российское законодательство позволяет «при отсутствии по месту жительства или по месту осуждения исправительного учреждения соответствующего вида или невозможности размещения осужденных в имеющихся исправительных учреждениях осужденные направляются в ближайшие исправительные учреждения, расположенные на территории данного субъекта Российской Федерации, либо по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы в исправительные учреждения, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации»(5). Но поскольку колонии зачастую переполнены, женские колонии, колонии строго режима и колонии для отбывающих пожизненное заключение есть далеко не в каждом регионе РФ, значительное число заключенных продолжает этапироваться на большие расстояния (до 1000 км и более). Условия перевозки при этом не меняются, фактически являясь пыточными.

Переполненность следственных изоляторов и недостаточное количество специального транспорта (так, по данным ГУИН, «на 1 января 2000 г. для организации и обеспечения перевозок заключенных под стражу, в оперативном использовании УИС находится 190 спецвагонов при норме 211 единиц и 473 специальных автомобиля при норме 735 единиц»)(6), приводят к тому, что служба конвоирования превышает лимит загруженности транспорта в два, три и более раз.

Поэтому перевозка заключенных в РФ практически всегда осуществляется в условиях недостаточной вентиляции («если стекла выбиты — есть вентиляция»), освещения («лампочка в отсеке охранников») и тесноты («Конечно, тесно. Он рассчитан на 6 человек, у нас везли 12, еще нормально. А бывает, и по 40 везут»)(7).

Кроме того, как отмечают бывшие заключенные, служба конвоя не только не стремится улучшить условия перевозки заключенных, но иногда сознательно ухудшает их. Так, о систематических избиениях на всем пути следования вспоминают практически все бывшие заключенные: «Во время встречи на станции их ударами резиновых дубинок уложили между путей, затем таким же способом выстроили в колонну и бегом, с сумками, держа руки за спиной, загнали в машину»(8).

Перечень чрезмерно тяжелых условий перевозки заключенных разнообразен. В докладе по Ростовской области (при этом отметим, что именно из этого региона получены данные о наиболее жестоких условиях конвоирования заключенных) представлена наиболее полная картина всех встречающихся нарушений(9).

Так, вне зависимости от времени года конвой может отказать заключенным в просьбе открыть люк для притока свежего воздуха («...дышать нечем, задыхаешься, а сопровождающий конвой курит и дышать становится еще хуже»(10), «...летом в воронке было очень душно, как в «микроволновой» печи, так как верхние люки не открывали, заключенные падали в обморок»)(11). Если же заключенные настаивают на этом, их избивают. Избивают и тех заключенных, которые теряют сознание из-за духоты в транспорте.

Самым частым нарушением является то, что заключенных не выводят в туалет и не дают возможности отправлять естественные потребности (при этом «если обмочишься — сразу избиение конвоем»)(12). Заключенные пытаются выйти из этой униженной ситуации самостоятельно — берут с собой в отстойник полиэтиленовые кульки для собственных испражнений, которые потом носят с собой, пока не придут на место назначения. В других случаях конвой выводит заключенных в туалет очень редко («В туалет не отпускали, вели в туалет тогда, когда вся посинеешь»)(13). «В туалет выпроситься — целая проблема... Если просились сильно, то пускали»(14). «В туалет долго не пускали, пока блатные не договорились, давали самый минимум времени на это дело»(15). «Выводили за сутки один раз»)(16)

Питьевую воду этапиремым заключенным зачастую дают в недостаточном количестве или не дают вовсе. Вне зависимости от того, сколько длится этап, заключенных часто не кормят или кормят плохо («не кормили»(17), «Выдавался паек (полбулки хлеба, ложка сахара и вода), все это выдавалось вне зависимости от расстояния»(18), «Ехали больше трех суток... С тюрьмы нам дали сухой паек. Хлеб — полбулки на сутки. Вот ели его всю дорогу»(19), «Питания не было»(20), «Питание плохое — хлеб и вода»(21), «Дали в СИЗО паек на 2 суток, начиная от «отстойника»: 1 буханка хлеба и банка консервов то ли на 2-х, то ли на 3-х, забыл уже»)(22).

Из анкет бывших заключенных были получены не единичные свидетельства того, что женщины-заключенные во время этапирования подвергаются насилию со стороны конвоиров («если кто из осужденных понравился, то конвой насильно их, а если кто не нравился — получал дубинкой по голове или по частям тела. Все зависело от желания конвоя»)(23).

Не в полной мере соблюдается требование отдельного содержания различных категорий заключенных в ходе этапирования: «в воронке едешь вместе с инфекционными больными, спидовскими, бомжами,

несовершеннолетними»(24), «после СИЗО юных осужденных везут этапом к месту отбывания наказания... Особенно тяжело приходится на пересылках, где царит беспредел. И со стороны конвоя, и со стороны блатных»(25).

Положение МСП, которое предписывает «в максимальной степени укрывать [заключенных] от посторонних взглядов и принимать все меры для того, чтобы защитить их от оскорблений, проявлений любопытства и любых видов огласки»(26), представлено в соответствующих нормативных правовых актах Управления исполнения наказаний (УИН)(27), оговаривающих порядок перемещения заключенных в спецавтомобилях и спецвагонах, обустроенных таким образом, что заключенные максимально укрыты от посторонних взглядов. В случае, когда возникает необходимость этапировать заключенного самолетом, это правило не всегда выполняется. Выделение средств на организацию особого рейса руководителями ГУИН признается нерациональным: «имеется ряд примеров, когда... даются указания на места о назначении особых караулов для авиационной перевозки одного осужденного по таким длинным маршрутам, как Магадан — Москва — Санкт-Петербург... необходимо всем службам более тщательно планировать организацию перевозок спецконтингента, сквозные и особые караулы должны планироваться только в экстренных случаях, так как их назначение ведет к нерациональному расходованию денежных средств»(28). Поэтому перевозка заключенных самолетом зачастую осуществляется обычным рейсом. В частности, автор регионального доклада (Ненецкий автономный округ) описывает свои собственные наблюдения: «По причине отсутствия средств у УВД НАО перевозить осужденных и подследственных специальным рейсом (а это только самолет) не представляется возможным. Мне самой приходилось несколько раз лететь в одном самолете с конвоем, сопровождающим подследственных и осужденных. Это происходит так: идет регистрация пассажиров на рейс, посадка в самолет, потом привозят прямо к самолету в наручниках осужденных под надзором сотрудников милиции. И уже в салоне самолета устанавливается атмосфера напряженности и страха. Город очень маленький, как правило, все друг друга знают, и вероятность встречи со знакомыми лицами очень велика»(29).

Последний пункт положения МСП, касающегося перевозки заключенных, рекомендует перевозить заключенных за счет управления, причем их транспорт должен осуществляться в одинаковых для всех условиях. В Российской Федерации этот пункт положения соблюдается неукоснительно. Проблема в том, что условия перемещения заключенных в большинстве случаев противоречат как российскому, так и международному законодательству.

- (1) Из интервью с бывшим заключенным №1. Санкт-Петербург.
- (2) Из интервью с бывшим заключенным №2. Санкт-Петербург.
- (3) Из интервью с бывшим заключенным №3. Санкт-Петербург.
- (4) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Тыва.
- (5) Ст. 73 п. 2 УИК РФ «Места отбывания лишения свободы».
- (6) *Жуков В.* (начальник Управления конвоирования и спецперевозок ГУИН Минюста России). Служба конвоирования: перевезено более двух миллионов осужденных и заключенных под стражу // Ведомости УИС. 2000. № 2.
- (7) Региональный доклад. Республика Бурятия. 2002.
- (8) Региональный доклад. Еврейская автономная область. 2002.
- (9) Региональный доклад. Ростовская область. 2002.
- (10) Из интервью с бывшим заключенным. Ростовская область.
- (11) Из интервью с бывшей заключенной. Ростовская область.
- (12) Из интервью с бывшим заключенным. Ростовская область.
- (13) Из интервью с бывшей заключенной. Ростовская область.
- (14) Из интервью с бывшим заключенным. Белгородская область.
- (15) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Коми.
- (16) Из интервью с бывшим заключенным. Нижегородская область.
- (17) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Адыгея.
- (18) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Башкортостан.
- (19) Из интервью с бывшим заключенным. Белгородская область.
- (20) Из интервью с бывшим заключенным. Брянская область.
- (21) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Мордовия.
- (22) Из интервью с бывшим заключенным. Нижегородская область.
- (23) Из интервью с бывшей заключенной. Ростовская область.
- (24) Из интервью с бывшим заключенным. Ростовская область.
- (25) *Александров Ю., Целмс Г.* Нас здесь хоть кормят досыта // Новые известия. 2002. 2 марта.
- (26) Правило № 45. п. 1 МСП.
- (27) Инструкция по охране исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, конвоированию и розыску лиц, осужденных к лишению свободы, утв. 16 июля 1997 г. приказом МВД РФ № 444.
- (28) *Жуков В.* Служба конвоирования: перевезено более двух миллионов осужденных и заключенных под стражу // Ведомости УИС. 2000. № 2.
- (29) Региональный доклад. Ненецкий автономный округ. 2002.

Персонал заведений

46. 1) Органы тюремного управления должны заботиться о тщательном отборе персонала всех категорий, ибо хорошая работа тюремных заведений зависит от добросовестности, гуманности, компетентности и личных качеств этих сотрудников.

2) Тюремная администрация должна неустанно прививать своим сотрудникам и общественности в целом убеждение в том, что она выполняет работу большого общественного значения. Для укрепления этого убеждения она должна использовать возможности общественной информации.

3) Для достижения вышеуказанных целей сотрудников тюремной администрации следует назначать на полное рабочее время в качестве специализированных работников тюремного управления, пользующихся статусом государственных служащих и имеющих уверенность в сохранении их в должности при условии их хорошего поведения, эффективности их работы и физической способности выполнять возлагаемые на них задачи. Их заработная плата должна устанавливаться с таким расчетом, чтобы привлекать и удерживать на этой работе способных заниматься ею мужчин и женщин. Принимая во внимание исключительно трудные условия данной работы, этим людям следует обеспечивать соответствующие льготы и условия труда.

47. 1) Этот персонал должен быть достаточно образованным и развитым.

2) Перед поступлением на работу его нужно готовить к выполнению его общих и конкретных обязанностей, после чего от него нужно требовать сдачи экзаменов в теоретическом и практическом планах.

3) После поступления на работу и в ходе всей дальнейшей деятельности эти сотрудники должны поддерживать и повышать свою квалификацию, проходя курсы подготовки без отрыва от работы, организуемые в подходящие промежутки времени.

48. Все сотрудники мест заключения всегда должны вести себя и выполнять свои обязанности так, чтобы служить примером для заключенных и завоевать их уважение.

49. 1) По мере возможности эти штаты должны включать достаточное число специалистов, таких как психиатры, психологи, социальные работники, учителя и преподаватели ремесленных дисциплин.

2) Социальных работников, учителей и преподавателей ремесленных дисциплин следует назначать в качестве постоянных сотрудников, не пренебрегая, однако, и работой лиц, работающих неполный рабочий день, или же добровольных сотрудников.

50. 1) На должность директоров заведений следует назначать лиц, достаточно квалифицированных в силу их характера, административных способностей, подготовки и опыта.

2) Директор должен посвящать все свое время выполнению возложенных на него обязанностей, работая на полной рабочей ставке.

3) Он должен проживать либо на территории вверенного ему заведения, либо в непосредственной близости от него.

4) Когда на одного и того же директора возлагается управление двумя или несколькими заведениями, он обязан посещать каждое из них в достаточно короткие промежутки времени. Руководство над каждым из этих заведений следует возлагать на проживающего на месте ответственного сотрудника.

51. 1) Директор, его заместитель и большинство сотрудников данного заведения должны знать язык, на котором говорит большинство заключенных, или же язык, понятный для большинства из них.

2) Там, где это необходимо, следует пользоваться услугами переводчика.

52. 1) В заведениях, размеры которых оправдывают присутствие одного или нескольких работающих на полной ставке врачей, по крайней мере один из этих последних должен проживать либо в самом заведении, либо в непосредственной близости от него.

2) Другие заведения должны посещаться врачом ежедневно, причем врач должен проживать на достаточно близком расстоянии, чтобы его можно было немедленно вызывать в критических случаях.

53. 1) В заведениях, где содержатся как мужчины, так и женщины, женское отделение должно находиться в ведении ответственного сотрудника женского пола, в руках которого должны находиться ключи, открывающие доступ к данному отделению.

2) Сотрудники мужского пола допускаются в женское отделение только в сопровождении сотрудников женского пола.

3) Заботу о находящихся в заключении женщинах и надзор над ними следует возлагать только на сотрудников женского пола. Это не должно, однако, мешать сотрудникам мужского пола, в частности врачам и учителям, выполнять свои профессиональные обязанности в женских заведениях или отведенных для женщин отделениях других заведений.

54. 1) В своих отношениях с заключенными персонал заведений имеет право прибегать к насилию только в случае самозащиты или в случае попыток к бегству, равно как и в случаях активного или пассивного противодействия приказам, основанным на действующих законах или правилах. Прибегая к насилию, сотрудники обязаны оставаться в пределах необходимого и немедленно сообщать о такого рода инцидентах директору заведения.

2) Сотрудникам тюрем следует обеспечивать особую физическую подготовку, позволяющую им укрощать проявляющих агрессивные намерения заключенных.

3) Сотрудники, находящиеся при выполнении их функций в непосредственном контакте с заключенными, должны носить оружие только в исключительных случаях. Кроме того, право носить оружие должны иметь только сотрудники, получившие соответствующую подготовку.

Сотрудники администраций мест лишения свободы являются государственными служащими Российской Федерации. Их правовой статус, а также условия работы определяются УИК РФ, ФЗ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». В связи с тем, что УИС до передачи в ведение Минюста относилась к МВД, то на них также распространяются некоторые нормативные акты МВД.

В настоящее время действует Инструкция о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел РФ в учреждениях и органах УИС Минюста РФ (Инструкция)(1), которая лишь отчасти разрешает вопросы организации работы персонала в УИС. Наряду с этим действуют множество иных нормативных актов Президента РФ, Правительства РФ и Минюста РФ. Но до сих пор Минюстом РФ не был подготовлен и принят документ, который бы конкретизировал и регламентировал правовой статус сотрудников УИС, что многими из них(2), а также представителями правозащитных организаций расценивается как негативный фактор.

Тем не менее действующие нормы российского законодательства создают возможности для того, чтобы сотрудники УИС чувствовали «уверенность в сохранении их в должности», как того требует п. 3 Правила № 46 МСП. Гарантии занятости, регламентированные ст. 17.2 Инструкции и ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел РФ(4), наличие возможностей для дальнейшего трудоустройства в рамках УИС сотрудников расформированных учреждений или увольняемых в связи с сокращением штатов, — формируют основу системы социальных гарантий.

Законодательство стремится защитить персонал учреждений УИС от субъективизма и возможного произвола руководства, как, например, в случаях увольнения из-за непригодности к дальнейшей работе. Непригодность сотрудника предписывается устанавливать военно-врачебной комиссии, а не администрации(5). В случаях же, если сотрудников УИС увольняют из-за нарушений в работе, дисциплины, ненадлежащего поведения, и они не согласны с решением администрации, то они могут воспользоваться возможностями судебной защиты(6).

Помимо гарантий занятости, государством была разработана система надбавок к заработной плате сотрудников УИС. Ее размер устанавливается в зависимости от сложности исполняемых функций и особенностей условий труда(7), учитывается также стаж и выслуга лет. Действует система защиты и льгот в отношении сотрудников УИС и членов их семей. В частности, законодательно охраняются их жизнь, здоровье, честь и достоинство, предусматриваются меры по обеспечению безопасности, осуществляются государственное страхование и возмещение ущерба в случае смерти (гибели) или увечья(8). Персонал УИС

имеет право на получение от государства жилой площади(9).

Понимая сложности и специфику труда сотрудников УИС, для них установлен более ранний, чем общегражданский, срок наступления пенсионного возраста(10). Законодательно предусмотрен также ряд других льгот(11), что можно признать соответствующим п. 3 правила № 46 МСП.

Действующие нормативные акты предписывают осуществлять тщательный отбор при приеме на работу в учреждения УИС. Независимо от того, каким образом осуществляется прием на службу, нормативные акты требуют проводить предварительное изучение личности кандидата(12). При этом выясняется состояние его здоровья, соответствие имеющегося у него образования и специальной подготовки требованиям, предъявляемым к конкретной должности, а также его деловые, личные и нравственные качества. Лицо, принятое на службу, проходит испытательный срок(14). Таким образом, на законодательном уровне заложены нормы для проверки профессионализма и адекватности сотрудника той должности, на которую он претендует, что отвечает требованию п. 1 Правила № 46 МСП.

Существующие правила позволяют через регулярные промежутки времени верифицировать профессиональный уровень персонала УИС, для этого законодательство предусматривает проведение систематического контроля подготовленности сотрудников. Аттестации, являющиеся обязательной процедурой для сотрудников УИС, призваны подтвердить или опровергнуть профессионализм и соответствие занимаемой должности(15). Аттестационная комиссия дает рекомендации по улучшению служебной деятельности сотрудника, устранению имеющихся у него недостатков.

Учебные программы по подготовке сотрудников УИС реализуются в учебных заведениях Минюста РФ. Обучение подразумевает прохождение практики, трудоустройство (при поступлении каждый заключает контракт на пятилетний срок службы в УИС после завершения обучения, ст. 5 Инструкции), индивидуальное обучение по месту службы под руководством наставника — опытного работника УИС (ст. 6 Инструкции). В то же время продумана система поощрений для тех, кто решил самостоятельно продолжить обучение (ст. 15 Инструкции). В целом, действующие нормативные документы предусматривают первичное обучение сотрудников УИС и создают условия для дальнейшего повышения квалификации, что можно рассматривать как соответствие требованиям Правила № 47 МСП.

Следует отметить, что российские нормативные акты не требуют от начальника и персонала мест лишения свободы знания языка, на котором говорит большинство заключенных, на что, в свою очередь, указывает Правило № 51 п. 1 МСП. На практике это не приводит к сколько-нибудь существенным трудностям, связанным с языковым барьером. Ситуации, когда администрация не владеет преобладающим среди заключенных языком, фактически не встречается, а иностранные граждане и лица без гражданства заключаются в так называемые «инозоны», где предусмотрены переводчики.

Штаты учреждений УИС формируются не только за счет кадровых ресурсов Минюста и МВД, но и привлекая сотрудников учреждений Министерства образования РФ (Минобрнауки РФ) и Министерства здравоохранения РФ (Минздрав РФ), которые должны обеспечивать образовательный и врачебный процесс в исправительных учреждениях(16). Формирование штата педагогов и врачей осуществляется местными подразделениями соответствующих министерств. Преподавателям, привлеченным к образованию осужденных, повышаются должностные оклады за особые условия труда(17).

Что касается медицинской помощи заключенным, то ни законодательство, ни нормативные акты Минюста, МВД и Минздрава, регулирующие порядок обеспечения заключенных медицинской помощью, не требуют обязательного проживания части медицинского персонала на территории исправительного учреждения или в непосредственной близости от него. Однако Правило № 52 МСП предписывает, чтобы врач проживал в непосредственной близости от исправительного учреждения, что направлено на обеспечение заключенных круглосуточным доступом к медицинской помощи. Эта задача в какой-то степени решается системой дежурств младшего медицинского персонала в учреждении.

Гораздо более серьезным отступлением от МСП является отсутствие в российском уголовно-исполнительном законодательстве норм, регулирующих участие сотрудников мужского пола в надзоре за заключенными женского пола и работе с ними. Правило № 53 МСП достаточно категорично требует преимущественное участие женского персонала в работе с заключенными-женщинами. Однако российское законодательство ограничивается лишь требованием проводить личный обыск заключенного только лицом одного с ним пола.

В соответствии с целями исправления осужденных, в местах лишения свободы воспитательная работа(18) должна проводиться теми служащими, которые обладают правовыми и педагогическими знаниями(19). Действующие нормативные акты также предусматривают формирование штата профессиональных психологов в воспитательных колониях(20) и иных исправительных учреждениях и СИЗО(21). С 2002 г. в исправительных учреждениях ГУИН формируется служба социальных работников, что соответствует Правилу № 49 МСП о

включении социальных работников в штат персонала мест лишения свободы(22).

Имея в виду, что в местах заключения возможны проявления агрессии со стороны заключенных, законодательство содержит нормы, дающие право сотрудникам УИС применять физическую силу и предусмотренные законом специальные средства усмирения. О каждом случае применения спецсредств должно быть поставлено в известность руководство учреждения(23). Главное, что регламентирует порядок физического воздействия на заключенных, это принцип достаточности и необходимости (ст. 86 УИК РФ, ст. 42 ФЗ «О содержании под стражей...», ст. 28 ФЗ «Об учреждениях и органах...»). Физическое воздействие возможно только в тех случаях, когда другие способы исправить ситуацию неэффективны. В то же время, применяя спецсредства, сотрудники УИС должны руководствоваться тем, что вред, причиненный заключенным, должен быть наименьшим. Кроме того, пострадавшим заключенным должна быть оказана первая медицинская помощь самими сотрудниками УИС.

Персонал УИС обязан проходить специальную подготовку и периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и оружия, а также на умение оказывать доврачебную помощь пострадавшим(24). Эти требования закона соответствуют Правилу № 54 п. 1, 2 МСП. Вместе с тем требование п. 3 Правила № 54 МСП, предписывающее, чтобы сотрудники мест лишения свободы, находящиеся в непосредственном контакте с заключенными, носили оружие только в исключительных случаях, не нашло отражения в нормах российского законодательства. В соответствии со ст. 31 ФЗ «Об учреждениях и органах...», порядок ношения оружия на территориях учреждений, исполняющих наказания, следственных изоляторов и предприятий учреждений, исполняющих наказания, устанавливается территориальными органами УИС.

Если законодательство, определяющее условия службы персонала мест лишения свободы, по большей части соответствует требованиям МСП, то существующая в российской уголовно-исполнительной системе практика часто далека от международных стандартов. Как отметили исследователи, осуществлявшие мониторинг мест лишения свободы в Карелии: «Самое большое несоответствие действительности требованиям МСП составляет на сегодняшний день персонал учреждений УИН»(25). Наличие острых проблем с надлежащим кадровым обеспечением было выявлено при мониторинге в Ленинградской, Орловской, Астраханской и Ростовской областях, Республике Северной Осетии, в Хабаровском крае и Ненецком автономном округе(26).

Несмотря на действие упомянутой выше системы надбавок к заработной плате, уровень оплаты труда сотрудников УИС остается низким. Например, в Псковской области работник исправительного учреждения в должности инспектора (прапорщик) получает зарплату 2500 руб., тогда как труд неквалифицированного рабочего оценивается в среднем 3000 руб. В то же время эти виды занятости не могут быть сопоставимы по степени ответственности и напряженности условий труда(27).

Общей для многих исправительных учреждений проблемой является уменьшение количества сотрудников, охраняющих учреждения УИС. Так, начальник колонии строгого режима ОЯ-22/7 в Новгородской области считает причиной такого положения дел то, что заработная плата составляет всего 1500 руб.(28)

Другой важной проблемой, также связанной с оплатой труда, являются задержки со стороны государства в расчетах с сотрудниками УИС. В некоторых регионах задерживают выдачу заработной платы, компенсаций и иных установленных выплат. В частности, задолженности существуют перед Астраханской, Архангельской, Нижегородской, Саратовской, Свердловской, Тверской областями и Республикой Бурятией(29).

Трудное материальное положение персонала УИС усугубляется отменой некоторых ранее предоставлявшихся льгот. Начальник СИЗО ИЗ-3/1 Республики Башкортостан отметил: «Нам сняли пенсионную надбавку, которую платили дополнительно к зарплате. Она доходила у меня до 800—900 руб. в месяц. Сняли льготы по подоходному налогу и квартплате. С тех, кто работает с ВИЧ-инфицированными, благодаря Минздраву, снята доплата». Отмена льгот произошла одновременно с повышением заработной платы персонала. Однако рост оплаты труда не мог компенсировать утрату льгот и повлиять на улучшение благосостояния сотрудников УИС и их семей.

Кроме того, реализация льгот, которые сохранились за сотрудниками УИС, существенно затруднена. Наиболее острой проблемой в этой области является обеспечение сотрудников мест лишения свободы жильем. Например, в Республике Мордовии в ИЗ-18/1 около 30% сотрудников не обеспечены жильем и вынуждены арендовать жилье при заработной плате около 3000 руб.(31) В Астраханской области большинство сотрудников исправительных учреждений проживают в ветхом жилье или в общежитиях(32). Сведения о нерешенности вопросов предоставления жилья для сотрудников УИС, затруднениях в реализации этого права получены также из Нижегородской, Пермской, Псковской, Саратовской, Свердловской, Томской, Тульской областей, республик Башкортостан, Карелии и Коми, Хабаровского края(33). Кроме того, из-за трудностей с обеспечением жильем, не все начальники учреждений мест лишения свободы проживают в непосредственной близости от учреждения, которое они возглавляют. Аналогичная ситуация в ряде регионов наблюдается и с

врачами уголовно-исполнительных учреждений(34).

Возникают ситуации, когда сотрудникам пенитенциарных учреждений отказывают в бесплатной медицинской помощи из-за того, что у них не оформлены медицинские полисы. Наиболее острая ситуация там, где они проживают в отдалении от ведомственной медсанчасти(35). Подобные проблемы возникли, поскольку, в соответствии с «Планом поэтапного перехода УИН к Минюсту РФ», действие договоренности о предоставлении медицинской помощи в больницах МВД прекращается. Сотрудники УИС вынуждены обращаться в общегражданские учреждения здравоохранения(36). Но, как сообщил начальник колонии общего режима ЯЛ-61/5 в Псковской области, у сотрудников учреждения отсутствуют медицинские полисы, что не позволяет получать медицинское обслуживание за пределами г. Пскова.

Для того чтобы решить такого рода проблемы, необходимо достичь соглашения с региональным комитетом здравоохранения, который бы предоставил право на бесплатную медицинскую помощь. Но наличие распоряжений комитетов здравоохранения не всегда способно исправить ситуацию. При отсутствии финансирования на эти цели медицинская помощь оказывается недоступной. В связи с этим крайне необходимо включить персонал УИС в систему страхования.

В ходе мониторинга были получены сведения о том, что некоторые сотрудники УИС лишены предусмотренных по закону социальных льгот. Например, в Республике Бурятия не реализуются установленные нормы социальной защиты сотрудников УИС, в т. ч., право на бесплатный проезд в муниципальном транспорте(37). Начальник СИЗО № 2 г. Новокузнецка указал на проблемы с компенсацией проезда сотрудников к месту отдыха: «За проезд-то надо сначала уплатить, по возвращении он возмещается, но это же после приезда. А у людей запасов финансовых нет больших при небольшой зарплате. Это проблема»(38).

Положение сотрудников уголовно-исполнительных учреждений еще более осложняется крайне тяжелыми условиями труда, которые обусловлены катастрофическим недофинансированием УИС в целом. Например, начальник СИЗО г. Киров сообщил: «У нас очень маленькое здание, поэтому сотрудники работают на 5 кв. м по несколько человек, как следствие — в кабинетах очень душно, особенно летом. Не так давно хотели сделать пристройку к зданию СИЗО, но из-за отсутствия финансирования пришлось отказаться от этих планов»(39). В СИЗО № 1 г. Астрахани «в здании 1822 г. постройки отсутствует горячая вода, капитальный ремонт проводится только режимных корпусов. Телефонные аппараты и телефонная проводка пришли в негодность, невозможно приобрести электронно-вычислительную и копировальную технику. Не выделяются средства на канцтовары, электролампочки. Зачастую сотрудники за счет собственных средств улучшают условия своей работы в кабинетах СИЗО»(40). Начальник СИЗО ИЗ-66/1 Свердловской области сообщил, что «коммуникации (канализационный коллектор) СИЗО не соответствует принятым нормам, а финансирование на эти цели не предусмотрено. За 2002 г. ГУИН перечислил 300 тыс. руб., этого недостаточно, да и это финансирование поступает не в полном объеме»(41). Такие условия труда сотрудников СИЗО не могут быть признаны соответствующими требованиям Правила № 46 МСП.

В 2002 г. финансирование УИС было увеличено, но этих средств недостаточно для решения проблем. Персонал учреждений вынужден самостоятельно решать многие вопросы материально-технического обеспечения и организации работы производства. Так, начальник колонии УМ-220/7 в Республике Карелии в интервью отметил: «Государство у нас обязано обеспечить заключенных всем необходимым. А сегодня государство многие свои функции переложило на колонии. И мы вынуждены разводить кроликов, выращивать овощи, содержать крупный рогатый скот и свиней»(42). В Астраханской области исправительные учреждения также во многом существуют за счет самостоятельного обеспечения большей части питания и обмундирования. При этом администрация колоний вынуждена искать заказчиков на производимую колониями продукцию(43). Значительную часть проблем (по обеспечению одеждой и продуктами питания) удалось разрешить через организацию собственных производств. Таким образом, персонал исправительных учреждений, помимо возложенных на него обязанностей по охране и перевоспитанию заключенных, вынужден заниматься хозяйственной деятельностью.

Кроме того, сотрудники УИС привлекаются к разного рода деятельности, не связанной с их прямыми обязанностями. Наиболее спорным является их участие в контртеррористической операции в Чечне(44). УИС, хотя и располагает силовыми подразделениями, Тем не менее является сугубо гражданской структурой. Осуществление боевых задач сотрудниками УИС недопустимо, поскольку участие в масштабной контртеррористической операции негативно сказывается на дальнейшей работе такого персонала с заключенными(45).

Нельзя не сказать о наличии в обществе негативного отношения к профессии сотрудников исправительных учреждений и СИЗО. В определенной степени это обуславливает их изоляцию от общества вне мест заключения. «В обществе бытует несколько презрительное и брезгливое отношение к профессии «тюремщик». Безусловно, это пережиток прошлого в сознании людей и отсутствие достаточной информации о сегодняшнем положении пенитенциарной системы в России»(46).

Действительно, меры, предпринимаемые для информирования общественности о работе уголовно-исполнительной системы и повышения престижа ее сотрудников, неэффективны. В некоторых регионах существуют печатные издания УИН, где публикуются статьи о деятельности исправительных учреждений(47). Однако эти издания практически не распространяются среди основной части населения, что приводит к тому, что в обществе отсутствуют источники информации о ситуации в УИС. В связи с этим работа со СМИ должна проводиться более активно и целенаправленно. Возможно, следует разработать комплексную программу по повышению уровня информированности о деятельности УИС. Помощь в этом могут оказать и правозащитные организации. Так, начальник исправительного учреждения Нижегородской области предложил правозащитникам: «Представляется, что назрела необходимость разработки и реализации целого комплекса мер, в целом направленных на повышение престижа нашей профессии в обществе. За последние годы столько плохого было о нас сказано, что в обществе сложился некий стереотип тюремщика. Но есть ведь и в нашей системе хорошее. И об этом надо больше говорить и писать. Только одной критикой ситуацию к лучшему не изменишь. И в этом плане, я думаю, общественные организации могут оказать нам реальную помощь. Давайте с вашей помощью соответствовать международным нормам»(48).

Однако на данный момент социальный статус сотрудников УИС остается низким, и не в последнюю очередь из-за невысокого уровня оплаты труда. В результате, штаты учреждений УИС укомплектованы не в полной мере. Такая ситуация зафиксирована в Ленинградской(49) и Брянской областях(50). В СИЗО г. Перми при установленном штате в 444 сотрудника имеется 44 вакансии(51), в СИЗО № 1 Хабаровского края не хватает 100 сотрудников(52). В Тульской области старший и средний начальствующий состав исправительных учреждений не укомплектован на 5,2%, а младший — на 12%(53). Особенно сложная ситуация сложилась в следственных изоляторах г. Москвы. Администрация учреждений для того, чтобы хоть как-то компенсировать недостаток младшего надзирающего состава, вынуждена привлекать сотрудников из близлежащих к Москве регионов вахтовым методом.

Помимо недостатка положенного по штату числа сотрудников, для учреждений УИС характерна большая текучесть кадров. В частности, в исправительных учреждениях Орловской области из-за текучести кадров не успевает сформироваться профессиональное ядро коллектива; в СИЗО г. Орла «немногие сотрудники работают более 5 лет, даже из заместителей начальника ни один не работает в этой должности более 3 лет»(54). Начальник ИК-13 Хабаровского края в интервью сообщил: «У нас огромный отток личного состава. Люди увольняются. И это процесс усиливающийся и необратимый. У нас 190 сотрудников по штату. И мы не то, что доукомплектоваться не можем, мы удержать оставшихся не можем. Контракт заканчивается, и люди не хотят его продлевать»(55).

В сложившейся ситуации, при наличии значительного числа вакансий и большой текучести кадров администрация учреждений вынуждена отступать от принципа тщательного отбора кадров при приеме на работу. В частности, были получены сведения о нарушении этого принципа в Кировской области(56). В Ростовской области на работу надзирателей часто берут случайных и малопригодных для этого людей, поскольку «нормальные люди не идут на такую мизерную зарплату, которую государство установило для надзирателя»(57). Схожее мнение высказывают руководители других учреждений УИС: «На должности младших инспекторов идут люди, имеющие среднее образование, низкую подготовку, невысокий интеллектуальный уровень»(58); «Сейчас кто идет? Ветеринар, летчик, учитель. Пока он вникнет...»(59)

Пренебрежение требованием тщательного отбора кадров приводит к тому, что поведение служащих УИС не соответствует Правилу № 48 МСП — «служить примером для заключенных и заслуживать их уважение». Много нареканий вызывает персонал мест лишения свободы, в частности Ленинградской области(60). По словам бывших заключенных, сотрудники УИС часто занимаются вымогательством, а некоторые из них склонны к неоправданному применению насилия к заключенным(61). Аналогичным образом отзывались о персонале бывшие заключенные, отбывавшие наказание в Астраханской, Кировской, Нижегородской, Орловской, Ростовской областях, республиках Северной Осетии и Карелии, в Ненецком автономном округе(62).

Вопросы качественного отбора персонала связаны не только с экономической ситуацией, но и с удаленностью значительного числа учреждений УИС от крупных населенных пунктов. Администрации колоний стараются принимать на работу людей, живущих недалеко от учреждений. В данных условиях вопрос о тщательном отборе персонала и поиске высококвалифицированных кадров не ставится. В частности, в ходе мониторинга в Тамбовской области было обследовано находящееся в сельской местности исправительное учреждение: «В поселке, в котором находится учреждение, высокий уровень безработицы. Фактически единственным местом, где можно найти работу, является колония. На работу в колонию берут всех желающих, жесткого отбора нет. При приеме сдаются экзамены, которые носят скорее символический характер, отсеивается незначительная часть экзаменуемых. Существует возможность попасть на работу в учреждение и без сдачи экзаменов»(63).

Нельзя не отметить, что в некоторых регионах персонал стараются отбирать более тщательно. Такие

сведения поступили из Воронежской, Кировской, Курганской, Оренбургской, Читинской областей, Еврейской автономной области, Республики Бурятия. В Курганской и Оренбургской областях при приеме на работу учитываются рекомендации психологов. Руководство УИН Курганской области, понимая высокий уровень психологической нагрузки сотрудников, поддерживает работу штата психологов, обеспечивает работу комнаты психологической помощи. Комнаты психологической разгрузки сотрудников также есть в некоторых исправительных учреждениях Брянской области(64). Очевидно, что ГУИН должно способствовать дальнейшему развитию психологических служб в уголовно-исполнительных учреждениях. Причем, служб, ориентированных не только на психокоррекцию заключенных, но и на психологическую реабилитацию сотрудников.

Требование МСП о комплектовании штатов исправительных учреждений психологами, психиатрами и педагогами в целом выполняется, но не повсеместно. В Ленинградской области и Приморском крае места лишения свободы таким персоналом укомплектованы недостаточно(65). Другая проблема состоит в том, что не везде должности психолога или педагога занимают специалисты, компетентные и подготовленные для работы с заключенными. В частности, в исправительных учреждениях Тамбовской области, расположенных в сельской местности, должности психологов и педагогов в основном занимают молодые выпускники вузов, которым необходим стаж работы для последующего профессионального роста в других сферах(66).

Вместе с тем в некоторых регионах и учреждениях удалось создать сильные психологические службы. Например, психологическая служба УИН Республики Бурятия, в которой также действует психологическая лаборатория, создан координационно-методический совет с привлечением психологов Бурятского государственного университета и Восточно-Сибирского технологического университета(67). В Шаховской ИК-6 Орловской области созданы центры психолого-педагогической и социальной работы с осужденными. Работающие в центрах психологи, социальные работники обеспечивают психологическое сопровождение осужденных. Опыт Орловского УИН был признан уникальным, в 2002 г. в Орловской области был проведен ряд семинаров, в которых принимали участие руководители учреждений УИС всей России(68). Такого рода опыт должен поддерживаться и по возможности распространяться на другие регионы.

- (1) Утв. приказом Минюста РФ от 26 апреля 2002 г. № 117.
- (2) Из интервью с начальником колонии. Псковская область.
- (3) Региональный доклад. Республика Мордовия. 2002.
- (4) Сотрудник может быть уволен по собственному желанию, по достижении предельного возраста, по выслуге срока службы, дающего право на пенсию, по окончании срока службы, предусмотренного контрактом. Сотрудник может быть также уволен по медицинским показаниям, если состояние здоровья сотрудника препятствует ему (ей) осуществлять свои функции надлежащим образом.
- (5) Ст. 17.3 Инструкции.
- (6) Ст. 17.20 Инструкции.
- (7) Постановление Правительства РФ от 6 мая 1994 г. № 477 «Об утверждении размеров увеличения должностных окладов (тарифных ставок) персоналу учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы с особыми условиями хозяйственной деятельности, в зависимости от вида учреждений, характера и сложности выполняемых работ, а также следственных изоляторов Министерства внутренних дел РФ».
- (8) Ст. 32—34 ФЗ «Об учреждениях и органах...».
- (9) Там же, ст. 35.
- (10) Там же, ст. 36.
- (11) Подробнее см. ст. 36 ФЗ «Об учреждениях и органах...», ст. 16 Инструкции, а также приказ Минюста РФ от 12 мая 2000 г. № 150 «О мерах по социальной защите личного состава уголовно-исполнительной системы Минюста РФ» (с изменениями от 20 сентября 2001 г., 14 января, 19 апреля 2002 г.).
- (12) Прием на службу в УИС осуществляется на основании назначения на должность, заключения контракта или по конкурсу.
- (13) Ст. 4 Инструкции.
- (14) Ст. 6 Инструкции.
- (15) Аттестация сотрудников, заключивших контракт на определенный срок, проводится при его продлении, а сотрудников, заключивших контракт на неопределенный срок, — каждые пять лет службы. Аттестацию сотрудники проходят также при представлении к назначению на вышестоящую должность, перемещении на нижестоящую должность или в другое учреждение или орган УИС (ст. 9 Инструкции).
- (16) Ст. 9 УИК РФ, Положение о порядке организации получения основного общего и среднего (полного) общего образования лицами, отбывающими наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях и тюрьмах (утверждено приказом Минюста РФ и Минобразования РФ от 9 февраля 1999 г. № 31/321), Инструкция о порядке организации начального профессионального образования осужденных в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы (утв. приказом Минобразования РФ и МВД РФ от 22 ноября 1995 г. № 592 (446)).
- (17) Ст. 16 ФЗ «Об учреждениях и органах...».

- (18) Ст. 9 УИК РФ.
- (19) Приложение к Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях МВД РФ, утв. приказом МВД РФ от 2 апреля 1997 г. № 201.
- (20) Там же.
- (21) Приложение 1 к приказу МВД РФ от 7 июня 1995 г. № 214 «Перечень должностей старшего и среднего начальствующего состава, соответствующих им специальных званий подразделений уголовно-исполнительной системы».
- (22) Приказ ГУИН МЮ РФ от 28 марта 2002 г. «Об утверждении Положения о группе социальной защиты и учета трудового стажа осужденных исправительной колонии, лечебного исправительного учреждения».
- (23) Ст. 28 ФЗ «Об учреждениях и органах...».
- (24) Там же.
- (25) Региональный доклад. Республика Карелия. 2002.
- (26) Данные региональных докладов. 2002.
- (27) Из интервью с начальником колонии.. Псковская область.
- (28) Из интервью с начальником учреждения колонии. Новгородская область.
- (29) Данные из региональных докладов и интервью с начальниками исправительных учреждений и СИЗО.
- (30) Из интервью с начальником СИЗО. Республика Башкортостан.
- (31) Региональный доклад. Республика Мордовия. 2002.
- (32) Региональный доклад. Астраханская область. 2002.
- (33) Данные из региональных докладов, а также из интервью с начальниками исправительных учреждений и СИЗО.
- (34) Данные из региональных докладов. Астраханская область и Республика Бурятия.
- (35) Региональный доклад. Брянская область. 2002.
- (36) Региональный доклад. Республика Мордовия. 2002.
- (37) Региональный доклад. Республика Бурятия. 2002.
- (38) Из интервью с начальником СИЗО. Кемеровская область.
- (39) Из интервью с начальником СИЗО. Кировская область.
- (40) Региональный доклад. Астраханская область. 2002.
- (41) Из интервью с начальником СИЗО. Свердловская область.
- (42) Из интервью с начальником колонии. Республика Карелия.
- (43) Региональный доклад. Астраханская область. 2002.
- (44) Региональный доклад. Республика Бурятия. 2002.
- (45) Альтернативный доклад в Комитет против пыток ООН. Май 2002. С. 34.
- (46) Региональный доклад. Республика Карелия. 2002.
- (47) Данные из региональных докладов. Астраханская область и Республика Бурятия.
- (48) Из интервью с начальником колонии. Нижегородская область.
- (49) Региональный доклад. Ленинградская область. 2002.
- (50) Региональный доклад. Брянская область. 2002.
- (51) Региональный доклад. Пермская область. 2002.
- (52) Региональный доклад. Хабаровская край. 2002.
- (53) Региональный доклад. Тульская область. 2002.
- (54) Региональный доклад. Орловская область. 2002.
- (55) Из интервью с начальником колонии. Хабаровский край.
- (56) Региональный доклад. Кировская область. 2002.
- (57) Региональный доклад. Ростовская область. 2002.
- (58) Из интервью с начальником СИЗО. Оренбургская область.
- (59) Из интервью с начальником СИЗО. Республика Коми.
- (60) Региональный доклад. Ленинградская область. 2002.
- (61) Из интервью с бывшими заключенными. Ленинградская область.
- (62) Из интервью с бывшими заключенными. 2002.
- (63) Региональный доклад. Тамбовская область. 2002.
- (64) Региональный доклад. Брянская область. 2002.
- (65) Данные региональных докладов. Ленинградская область и Приморский край.
- (66) Региональный доклад. Тамбовская область. 2002.
- (67) Региональный доклад. Республика Бурятия. 2002.
- (68) Региональный доклад. Орловская область. 2002.

55. Пенитенциарные учреждения и службы должны подвергаться регулярной инспекции со стороны квалифицированных и опытных инспекторов, назначаемых компетентными властями. Инспектора должны, в частности, удостоверяться в том, что места заключения управляются в соответствии с действующими законами и предписаниями и что их работа соответствует задачам, поставленным перед пенитенциарными и исправительными службами.

61. В обращении с заключенными следует подчеркивать не их исключение из общества, а то обстоятельство, что они продолжают оставаться его членами, общественные организации следует поэтому привлекать всюду там, где это, возможно, к сотрудничеству с персоналом заведений в целях возвращения заключенных к жизни в обществе <...>.

Регулярные инспекции, осуществляемые компетентными органами, являются необходимым условием соблюдения международных, а также российских стандартов обращения с заключенными. Эффективность контроля обеспечивается официальным статусом и полномочиями инспекций и подразумевает обстоятельный и независимый характер проверок, принятие по итогам работы надлежащих мер.

В соответствии со статьей 122 УИК РФ «Прокурорский надзор за соблюдением законов администрацией учреждений и органов, исполняющих наказания, осуществляется Генеральным прокурором Российской Федерации и подчиненными ему прокурорами в соответствии с ФЗ «О прокуратуре РФ». В регионах созданы специализированные прокуратуры «по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях». Это сделано для того, чтобы специализировать контроль, вести уголовные расследования, а также более часто проводить проверки, что становится возможным из-за близкого расположения надзорного органа к исправительным учреждениям.

Как правило, проверки прокуратурой мест заключения проводятся регулярно по графику, а в чрезвычайных ситуациях, например, в случаях массовых жалоб осужденных, осуществляются внеочередные, срочные проверки. Прокуратура по надзору — единственный существующий в России контрольный орган, отвечающий критериям регулярной инспекции.

Согласно статье 33 «О прокуратуре РФ» прокуратуре представлены широкие полномочия: посещать исправительные учреждения в любое время, опрашивать осужденных, знакомиться с документами и требовать объяснения от должностных лиц. Прокурор также вправе отменять дисциплинарные взыскания и освобождать заключенных от наказаний. Постановления, протесты и представления прокурора, как правило, исполняются администрацией учреждений неукоснительно. В случаях грубого нарушения законодательства (прежде всего, в организации работы исправительных учреждений) сотрудники могут быть наказаны как в уголовном, так и административном порядке, но на практике чаще всего привлекаются к дисциплинарной ответственности.

Заключенные знают о своем праве обратиться непосредственно к прокурору и в некоторых случаях прибегают к такой возможности, но, как правило, безрезультатно. Так, например, в июле 2001 г. в исправительную колонию УЭ-148/2 Республики Татарстан после серии побегов был введен спецназ ГУИН. Спецназ стал систематически избивать осужденных, содержащихся за различные нарушения в ПКТ. В ответ осужденные потребовали вызова прокурора, а после невыполнения их требования 54 осужденных объявили голодовку(1). Следует отметить, что подавляющее большинство опрошенных респондентов (освободившихся из мест лишения свободы) считает, что обращаться в прокуратуру с жалобами бесполезно(2). Вот несколько типичных высказываний: «Никто не жаловался, потому что все знают, что толку не будет»(3), «Надзирающий прокурор — раз в два месяца. Мы жаловались на большие удержания из пенсии (я инвалид III группы, и весь отряд у нас инвалиды), но результата не было»(4).

К сожалению, сводных итоговых данных по работе спецпрокуратур в России Генеральная прокуратура не предоставляла(5). Авторы доклада имели только отдельные данные по регионам, которые, Тем не менее могут быть показательными. Действительно, обращает на себя внимание то обстоятельство, что только 10% официально зарегистрированных обращений и жалоб осужденных в прокуратуру признаются обоснованными. В Республике Карелия «За 10 месяцев 2002 г. прокуратурой было проведено 90 проверок. При инспектировании учреждений было принято 708 осужденных, рассмотрено 348 жалоб и заявлений, из них удовлетворено всего 13». В Курганской области работа прокуратуры по надзору имеет примерно такое же соотношение рассмотренных и удовлетворенных жалоб — 246 к 8(7).

Информация о работе прокуратуры, получаемая как из жалоб заключенных и их родственников, так и от общественных организаций, позволяет сделать категоричный вывод о том, что прокуратуры по надзору не справляются с поставленными перед ними задачами по контролю за местами лишения свободы. Достоверным

является тот факт, что по жалобам осужденных о нарушениях их прав не проводится должного, беспристрастного расследования. В большинстве случаев проверки прокуратурой обоснованности предварительного задержания или дисциплинарных взысканий сводятся к оценке правильности оформления административных документов. Во время разбирательства случаев наказания осужденного и конфликтов с администрацией, несмотря на обязанность и возможность у прокурора проводить расследование, практически никогда не предпринимаются меры по сбору, расследованию и сохранению доказательств, выявлению и защите свидетелей. В тех случаях, когда показания сотрудников администрации противоречат показаниям осужденных, прокурор безоговорочно принимает версию сотрудников. Кроме того, в конфликтных ситуациях в исправительных учреждениях прокурор, как правило, не предпринимает никаких мер по обеспечению безопасности потерпевших и защиты от давления и преследования свидетелей.

Охарактеризовать практику надзора может следующая ситуация. В СИЗО г. Оренбург в сентябре 2002 г. заключенные объявили голодовку. Они требовали отменить ограничения в передачах, застеклить выставленные на лето окна, регулярно проводить прогулки, улучшить качество питания. Итоги разбирательства руководством УИН и прокуратуры были представлены на пресс-конференции: «...Мы привлекли врачей центра Госсанэпиднадзора области, чтобы специалисты посмотрели, насколько качество, так сказать, «предоставляемых услуг» соответствует требованиям закона. Врачи установили, что питание арестантов соответствует норме <...>, что касается прогулок, то заключенным разъяснили: в прошедшее воскресенье (именно в этот день их не выпускали на прогулку) прогулочный дворик подвергался санитарной обработке, поэтому им пришлось посидеть в камерах. А камеры, с окон которых на летний период сняли стекла, будут застеклены, когда наступит установленный законом срок... так что требования голодающих были необоснованными»(8).

Следствие по поводу насильственных смертей осужденных в большинстве случаев не ведется должным образом и закрывается по формальным причинам. Например, три года велось расследование по факту смерти 24 апреля 1999 г. осужденного В. Обухова в областной больнице ГУИН Нижегородской области. Несмотря на очевидность факта насильственной смерти, уголовное дело прокуратурой трижды открывалось и затем прекращалось. За период проверки так и не было проведено расследование по установлению круга лиц, виновных в его смерти. В 2002 г. областной прокуратурой уголовное дело было приостановлено «ввиду отсутствия согласия родственников на проведение эксгумации трупа»(9).

Низкая эффективность работы прокуратуры обусловлена несколькими причинами. Прежде всего тем, что полномочия прокуратуры подразумевают уголовное преследование и осуществление надзора одновременно. Причем первая задача является традиционной и приоритетной. Так, в исправительных учреждениях имеются отделы оперативной работы, в задачу которых входит выявление и раскрытие ранее совершенных преступлений. Прокуратура эту работу контролирует и поддерживает. Подобные расследования, основанные на «добровольных признаниях» осужденных, нагнетают недоверие к персоналу администрации, что, в свою очередь, разрушает социальную работу с осужденными.

По мнению заключенных, большое значение в работе прокуратуры имеет личность проверяющего. В прокуратурах по надзору за исправительными учреждениями есть квалифицированные и независимые сотрудники, но, судя по итогам проведенных интервью, таких меньшинство. «Чем дальше лагерь, тем реже приезжают. У меня не было прецедентов, у других редко, но были положительные результаты. Все зависит от того, кто приезжает. Если новый человек, то он может найти нарушения и наказать кого-то из начальников. Но в целом это общий фон не меняет»(10).

Пагубно влияет на работу прокуратуры и то обстоятельство, что бездействие по защите прав осужденных и задержанных является актуальной проблемой и для судебной системы. В тех редких случаях, когда осужденные обращаются в суд за защитой нарушенных прав, судебное решение, как правило, не выносится в пользу потерпевших. Для проведения судебных процессов по жалобам заключенных обычно проводятся выездные заседания. Процесс в колонии проходит в закрытом режиме, тем самым нарушаются принципы справедливого судебного разбирательства. Зачастую судебное заседание становится формальной процедурой.

Значительное число инспекций исправительных учреждений проводится в рамках ведомственных проверок, в т. ч., по жалобам осужденных. К примеру, только в ГУИН Приморского края в 2001 г. обратилось с жалобами на условия содержания и неправомерные действия сотрудников ИУ более 1000 осужденных(11). Исправительные учреждения посещают сотрудники ГУИН и специально создаваемые комиссии. С начала 2000 г. проверки стали регулярно проводиться представителями вновь созданных окружных управлений юстиций, в каждом из которых предусмотрен специальный отдел по контролю за исправительными учреждениями. По информации из мониторинга, эффективность работы стала выше, но большинство разрешаемых вопросов касались только проблем организации работы и управления самих мест лишения свободы.

Улучшить качество работы контролирующих органов может развитие иных форм инспекций и института общественного контроля. В ст. 19 УИК РФ в числе субъектов, имеющих полномочия осуществлять контроль за

местами заключения, перечислены органы исполнительной и законодательной власти России и регионов. Но такого рода проверки, как правило, не проводятся. Это связано с тем, что региональные органы власти не заинтересованы заниматься разрешением проблем ИУ. (Кроме того, вопросы управления УИС относятся исключительно к федеральной компетенции — ст. 71 п. «о» Конституции РФ).

С принятием в 1997 г. Закона «Об Уполномоченном по правам человека» получил развитие новый институт контроля. В частности, в статье 23 упомянутого закона Уполномоченному по правам человека дается право при проверке жалоб беспрепятственно посещать учреждения УИС, в т. ч., места лишения свободы. В 23 регионах России также введены должности уполномоченных, хотя их возможности по контролю существенно ограничены(12).

В настоящее время влияние уполномоченных по правам человека на ситуацию в местах лишения свободы незначительное. Проверки жалоб заключенных с выездом на место чрезвычайно редки. Можно отметить активную работу лишь уполномоченных по правам человека в Самарской и Пермской областях. По нашему мнению, пассивность работы аппарата уполномоченных в местах лишения свободы связана не только с ограничением их компетенции, но и с кадровой проблемой. Многие из утвержденных в этой должности не имеют должного профессионализма и не отличаются стремлением к правозащитной деятельности.

Отдельно необходимо сказать о международных механизмах контроля мест заключения. В первую очередь, речь идет о работе международных комиссий, направленной против применения пыток.

Посещение учреждений УИС входит в круг задач специальных докладчиков по правам человека ООН. С 1998 г., после подписания Россией Европейской Конвенции против пыток, визиты в Россию представителей Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее — ЕКПП) стали постоянными. Свои замечания комиссия представляет в исполнительные органы России. Так, ЕКПП обратил внимание российской стороны на необоснованно широкое использование дубинок, в т. ч. на факт их постоянного ношения в исправительных учреждениях(13). После чего в 2002 г. вышло указание заместителя министра юстиции Ю. Калинина, запрещающее постоянное ношение резиновых палок (дубинок)(14). Отметим вместе с тем, что Россия отказывается давать согласие Комитету на публикацию этих докладов, что противоречит общепринятой международной практике.

К сожалению, визиты международных комиссий не оказывают существенного влияния на ситуацию в местах заключения, т. к. малозаметны в масштабах России. Тем не менее в результате одного лишь фактора — посещения делегации ЕКПП Чечни число случаев массовых истязаний в СИЗО пос. Чернокозово стало уменьшаться.

В декабре 2002 г. Генеральной Ассамблеей ООН был принят факультативный протокол к Конвенции против пыток ООН, подразумевающий, в т. ч., организацию посещений мест содержания под стражей. Этот протокол также включал в себя вопросы развития национальной системы контроля и инспекций. Россия, в числе немногих государств, при принятии этого протокола от голосования воздержалась.

Для развития механизмов общественного контроля необходимо принять специальный федеральный закон, регламентирующий порядок общественного контроля. Он должен включать в себя не только возможность посещений ИУ представителями общественных организаций, но и порядок участия в разрешении проблем УИС региональных органов власти и местного самоуправления.

Проект такого закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии общественных организаций их деятельности» уже принимался Государственной Думой РФ в 2000 г., но был отклонен Советом Федерации, а после согласования обеими палатами российского парламента не был принят из-за отрицательного отзыва правительства. Несмотря на компромиссный характер проекта, согласованного с правоохранительными ведомствами и поддержанного ими, правительство посчитало недопустимым «осуществление контроля государственных учреждений общественными организациями»(15). Таким образом, в России из-за противодействия правительства общественный контроль в местах лишения свободы отсутствует.

Следует отметить, что ГУИН Минюста РФ и региональные УИН в большинстве случаев разрешают представителям правозащитных организаций посещать исправительные учреждения. Благодаря содействию ГУИН Минюста России, в частности, были собраны материалы для подготовки настоящего Доклада.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о фактическом неисполнении правил организации инспекций, установленных МСП. Система контроля не сформирована, а существующий прокурорский надзор нуждается в преобразовании. По заключению Комитета против пыток ООН, который в 2002 г. рассматривал ситуацию в России, следует «создать программу внезапных проверок мест предварительного содержания и иных мест заключения независимыми инспекторами, достойными доверия, результаты работы которых

должны предаваться гласности»(16).

- (1) Новая вечерка. Казань. 2001. 18 июня.
- (2) См. подробнее главу «Информация заключенных и представление ими жалоб».
- (3) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Адыгея.
- (4) Из интервью с бывшим заключенным. Республика Мордовия.
- (5) Запрос МХГ от 8 сентября 2002 Генеральному прокурору РФ В. Устинову.
- (6) Региональный доклад. Республика Карелия. 2002.
- (7) Данные за январь-сентябрь 2002 г. Региональный доклад. Курская область. 2002.
- (8) Оренбургский курьер. 2002. 26 сентября.
- (9) Письмо прокуратуры Нижегородской области от 8 февраля 2002 г. исх. № 17-01 // Доклад о состоянии с правами человека в Нижегородской области в 2001 г. 2002.
- (10) Из интервью с бывшим заключенным. Нижегородская область.
- (11) Доклад Приморского отделения секции Международного общества прав человека. 2001.
- (12) В частности, они не наделены правом беспрепятственного посещения мест лишения свободы.
- (13) Рекомендации Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Правительству Российской Федерации // Ведомости УИС. 2002. № 8. С. 81—96.
- (14) Указание Минюста РФ от 25 ноября 2002 г. № 18/6/2-621т.
- (15) Отзыв Правительства России от 16 августа 2001 г. № 4943п-П4 за подписью заместителя председателя Правительства РФ В. Христенко в Государственную Думу РФ на представленный проект.
- (16) Пункт «д» Рекомендаций. «Заключения и рекомендации Комитета против пыток» по Российской Федерации, CAT/C/XXVIII/Concl.5 от 16 мая 2002 г.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Сокращение численности тюремного населения России. Возможности и пределы

В. Абрамкин, Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия

ПОСЛЕДНИЕ ДАННЫЕ ТЮРЕМНОЙ СТАТИСТИКИ

На 1 января 2003 г. в учреждениях ГУИН Минюста РФ содержалось 877 тыс. человек, из них 145 тыс. человек в СИЗО. Относительное количество заключенных (ОКЗ) на 100 тыс. человек — 600. В соответствии с предварительной оценкой на начало 2003 г. по учреждениям всех типов (включая ИВС и т. д.) — 640—650. В США, по прогнозным оценкам, — 710.

Отдельные группы тюремного населения в учреждениях ГУИН. Данные на 1 января 2003 г.:

- женщины — 50 тыс. человек, из них 9,4 тыс. в СИЗО;
- дети в возрасте до 3 лет, содержащиеся в домах ребенка в женских колониях, — 528 человек;
- несовершеннолетние — 19 тыс. человек, из них 8 тыс. в СИЗО;
- больные туберкулезом — 86,1 тыс. человек, из них 10,8 тыс. в СИЗО;
- ВИЧ-инфицированные и больные СПИД — 37,2 тыс. человек, из них 6,7 тыс. в СИЗО.

На учете в уголовно-исполнительных инспекциях ГУИН состояло 641 тыс. человек приговоренных к наказанию, не связанным с лишением свободы, из них 32 тыс. несовершеннолетних.

ТЮРЕМНОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ СОКРАТИЛОСЬ НА 20%

Осенью 2002 г. многие СМИ сообщали о сокращении тюремного населения России на 20%. Для миллионного количества заключенных — это 200 тыс. человек. При этом, как правило, не говорилось ничего о том, за какой период времени произошло столь значительное сокращение количества заключенных. А 200 тыс. — это больше, чем все тюремное население Великобритании, Франции и Германии вместе взятых.

Из журналистских сообщений оставалась неясной оценка этого события. С одной стороны, СМИ писали, что в связи с таким сокращением проблема переполненности СИЗО будет решена, с другой — традиционно высказывались опасения повтора «лета 53 г.» и роста преступности.

Ведомственные (МВД) СМИ в настоящее время довольно оперативно публикуют криминальную статистику. Из нее можно узнать, что «в январе-ноябре 2002 г. зарегистрировано 2316,8 тыс. преступлений. Это на 15,4% меньше, чем за аналогичный период прошлого года <...>. Темпы снижения количества зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений (21,6%) превысили темпы снижения общей преступности, а удельный вес в числе зарегистрированных преступлений снизился с 59,5% в январе-ноябре 2001 г. до 55,1% в январе-ноябре 2002 г. Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем-ноябрем прошлого года несколько снизилось (14,2%)...»(1)

Судя по цифрам, которые сообщил в середине января 2003 г. глава МВД Б. Грызлов(2), общая тенденция улучшения криминальной ситуации отмечается и по показателям ежегодной статистики. В 2002 г. количество зарегистрированных преступлений сократилось на 14%, совершенных несовершеннолетними — на 22,7%.

Но на официальную статистику влияет множество факторов, и что она отражает в реальности, иногда непонятно не только министрам, но и криминологам. Только один пример. В течение всего нескольких месяцев 2002 г. на количестве и структуре регистрируемых преступлений неизбежно должны были сказаться неоднократные законодательные изменения, которые относятся к самой массовой 158-й статье УК РФ (кража). Напомню, что кражи в России составляют 40 — 50% всех регистрируемых преступлений. Одно и то же преступление, например, кража 2 тыс. руб. из кармана пенсионерки, до 30 июня 2002 г считалось тяжким преступлением (максимальное наказание — 6 лет лишения свободы)(3) .С 1 июля по 31 октября 2002 г. подобная кража перешла в разряд административных правонарушений. Самое большее, что за нее могли назначить — штраф в размере до трехкратной стоимости украденного(4) .С 31 октября 2002 г. та же кража снова становится уголовным преступлением, но теперь уже средней тяжести. Максимальное наказание за нее — 5 лет лишения свободы (п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ)(5). Квалификация и учет большинства остальных краж претерпевали подобные же изменения.

Сокращение численности тюремного населения журналисты связывали исключительно с действием нового УПК РФ, вступившим в силу в июле 2002 г. По новому УПК отправить задержанного за решетку следователям стало сложнее, чем раньше. Наверное, поэтому раньше всех затревожилось законодательными новшествами МВД. Но и руководство Минюста выразило некоторую обеспокоенность. Так, министр юстиции Ю. Чайка сказал, что «гуманизация хороша до определенных моментов, поэтому необходимо проанализировать ситуацию, которая сложилась после введения в действие УПК». А заместитель министра Ю. Калинин заявил, что «поручение Президента» выполнено, «количество заключенных в России сократилось до оптимального уровня».

Сложно сказать, насколько пресса точна в передаче точки зрения представителей власти — публикации на тюремную тематику грешат массой ошибок и нелепостей. Но то, что сотрудники СИЗО и воспитательных колоний (ВК) встревожены (в СИЗО, например, перестали платить надбавку «за переполненность»), было заметно и журналистам, и правозащитникам, которые часто бывают в местах заключения. Именно в этих типах учреждений произошло самое заметное уменьшение количества заключенных. Сотрудники СИЗО и ВК вполне могли предположить, что вслед за сокращением тюремного населения начнется и сокращение тюремного персонала.

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ ТЮРЕМНОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1991—1996 ГГ.

Ситуация с тюремной статистикой на первый взгляд проще(6), чем с криминальной.

Таблица 1. Численность заключенных в учреждениях ГУИН в 1993—2003 гг.(7)

.	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Общее число з/к, тыс. чел.	772	876	929	1017	1052	1010	1014	1060	924	961	877

В т. ч. В СИЗО, тыс. чел.	200	234	253	295	285	279	275	282	236	212	145
ОКЗ на 100 тыс. чел	520	590	630	690	710	690	690	730	640	670	600
ОКЗ муж. > 18 лет на 100 тыс. чел. этой возрастной группы	1448	1677	1765	1959	2000	1930	1934	2000	1765	-	-
Число н/с з/к, тыс. чел. (СИЗО +ВК)	32.1	36	36.6	40.5	38.2	33.7	34	40	30	30	19
% н/с от общего числа з/к	4.3	4.3	3.9	4.0	3.6	3.3	3.4	3.8	3.2	3.1	2.2
ОКЗ н/с з/к муж. на 100 тыс. чел. этой же возрастной группы	543	593	587	635	584	502	498	582	567	-	-
Больные ТБ на 1000 з/к	-	-	48	53	71	82	97	91	91	90	98
ВИЧ-инфицир. на 1000 з/к	-	-	0,008	0,013	0,23	1,44	2,3	3,9	16,3	33,6	42,4

В табл. 1 представлены подробные сведения о заключенных России за последние 10 лет. Проводить сравнение с советским периодом было бы некорректным(8), поскольку количество заключенных определялось не только судебной практикой и уголовной политикой в той или иной республике, но и степенью ее насыщенности лагерным производством. Россия и Казахстан были регионами, куда стекались потоки бесплатной рабочей силы из других республик СССР. К 1993 г. количество «чужих» заключенных в России было уже не столь значительным.

Почему и когда возник вопрос о необходимости сокращения численности тюремного населения

Ситуация в УИС была критической уже накануне распада СССР(9). В 1990—1991 гг. по российским СИЗО и колониям прокатилась волна массовых забастовок, голодовок и даже бунтов, вызванных бесчеловечными условиями содержания. Кризис в УИС был связан как с не отвечающим времени законодательством, так и с новой экономической ситуацией.

В советский период количество заключенных никак не было связано ни с состоянием преступности, ни с необходимостью обеспечить безопасность населения, а определялось лишь потребностями и возможностями производственной базы лагерей. В 60—70-х гг. XX в. произошла экономическая реформа исправительно-трудовых учреждений (ИТУ): лагерные производства были сориентированы на кооперацию с крупными государственными предприятиями. Это требовало создания колоний с большой (1500—3000) численностью заключенных. Значительная часть ИТУ с тех пор стала огромным производственным комплексом с промышленными коммуникациями, складами и т. д. К «промзоне» примыкала небольшая жилая зона с бараками, набитыми подневольной рабочей силой.

С началом экономических реформ в СССР лагерная промышленность стала приходить в упадок, поскольку функционировать успешно она могла только в условиях плановой экономики и государственного монополизма. Принудительный труд не может быть конкурентоспособным в условиях рыночного хозяйства, в обществе с достаточным уровнем развития производительных сил. Во всяком случае, примеры, опровергающие этот вывод, нам не известны.

Эти соображения легли в основу программы, разработанной Общественным центром содействия реформе уголовного правосудия (Центром) в 1991 г. Программа содержала предложения по приведению

законодательства в соответствии с международными стандартами и перечень мер, направленных на сокращение численности тюремного населения до 350—400 тыс. человек (в СИЗО — до 80 тыс.). Речь идет не об оптимальном, а о предельном количестве заключенных. Оно зависит от ресурсов, которые государство может выделить на содержание УИС при готовности обеспечить условия содержания заключенных, отвечающие хотя бы требованиям российского законодательства. Более подробно эти вопросы освещены в прежних публикациях Центра(10). Здесь только отмечу, что законодательная часть предложений во многом совпадала с предложениями ученых НИИ МВД РФ и отвечала требованиям, выдвинутым заключенными во время массовых акций протеста осенью 1991 г. В окончательном варианте закона(11) были сохранены (и даже расширены) почти все рекомендации Центра, предусматривающие смягчение режима содержания. Зато почти полностью были исключены предложения, направленные на сокращение численности заключенных, ограничение ведомственного нормотворчества и введение механизмов действенного контроля за соблюдением прав заключенных.

С 1993 по 1996 гг. общее количество заключенных выросло примерно на треть, а заключенных в СИЗО фактически наполовину (см. табл. 1, график 1). Рост численности тюремного населения в условиях экономического спада усугубил ситуацию. Особенно тяжелым было положение в СИЗО. Из-за жуткой переполненности камер арестантам приходилось спать в две-три смены. Для того чтобы зажечь спичку, надо было подходить к окну или двери. В жару температура в камерах поднималась до 40—50° С, из-за чего случались массовые обмороки, а иногда и смерти от кислородного голодания. Один из таких случаев, получивший широкую огласку, произошел в июле 1995 г. Тогда в СИЗО г. Новокузнецка погибло сразу 11 человек, несколько десятков заключенных были доставлены в больницу в тяжелом состоянии. Сотни заключенных в знак протеста против невыносимых условий содержания вскрыли себе вены.

Эксперты ООН и СЕ, посетившие Россию в 1994 г., признали условия содержания заключенных в учреждениях этого типа пыточными. ГУИН и высшее политическое руководство страны согласились с выводами экспертов, что получило вполне логичное ведомственное продолжение. В 1995 г. ГУИН МВД РФ была разработана, а правительством и Президентом одобрена и подписана «Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 г.)». Главной причиной сложившегося положения вещей было названо «недостаточное бюджетное финансирование».

Концепция предусматривала реализацию целого ряда дорогостоящих проектов, в т. ч., программы строительства новых и реконструкции старых СИЗО. По этой программе предполагалось к 2000 г. увеличить количество мест в учреждениях этого типа до 180 тыс. Между тем численность заключенных в СИЗО к концу 1995 г. достигла 290 тыс. человек. При этом реальное финансирование программ за все прошедшие годы составило 3% от утвержденных средств(12).

О необходимости сокращения численности заключенных в России в Концепции ничего не значилось. Но руководство МВД, в чьем ведении находилось тогда ГУИН, выступая за борьбу с преступностью, говорило о необходимости ужесточения наказания и тем самым способствовало дальнейшему росту тюремного населения. П. Мищенков, заместитель министра МВД, курировавший ГУИН, заявил в октябре 1995 г., что нужно пересмотреть сроки лишения свободы за тяжкие преступления в сторону их увеличения. «В колониях места у нас есть», — сказал П. Мищенков(13), хотя он должен был знать, что уже в начале 1995 г. в колониях не хватало 25 тыс. мест. Кроме того, из-за «недостаточного бюджетного финансирования» в бедственном положении оказались сотрудники пенитенциарных учреждений, не получавшие зарплату по 3—4 месяца и даже денег на форму. В 1995 г. имели место неоднократные случаи самоубийств среди сотрудников пенитенциарных учреждений из-за отсутствия средств на содержание семьи и полуголодного существования.

РОССИЙСКИЕ ТЮРЬМЫ СТАНОВЯТСЯ УГРОЗОЙ ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ: 1997—1999 ГГ.

В 1997—2000 гг. численность населения в СИЗО и ИУ стабилизировалась, колеблясь в пределах 5—6% в год (см. табл. 1 и график 1).

Рекордным за прошедшее десятилетие по числу заключенных в СИЗО остался 1996 г. — около 300 тыс. человек. Однако эта «стабилизация» не улучшила положение в тюремной системе. Ресурсы, имевшиеся в распоряжении государства, не позволяли обеспечить условия для физического выживания миллиона заключенных, не говоря уже о соблюдении, по крайней мере, норм отечественного законодательства. Недостаток ощущался во всем, в т. ч., в питании, медицинском обслуживании, санитарно-гигиенических средствах. Это привело к дальнейшему развитию эпидемии туберкулеза (ТБ) в местах лишения свободы (см. график 2). Остановить рост численности больных ТБ (на уровне 9—10%) удалось только в 1999 г. Но уже в 1998 г. западные фонды и организации, помогающие России в борьбе с тюремным ТБ, обнаружили еще одну катастрофическую проблему. Недостаток средств, а также постоянное перемещение заключенных из учреждения в учреждение, прерывающее начатое лечение, привели к появлению лекарственно-устойчивых форм ТБ к препаратам первого ряда (МЛУ-ТБ-1). Эта форма сейчас выявляется у 25—30% больных ТБ в УИС.

График 1. Численность заключенных в СИЗО и ИУ за последние 10 лет, % к 1993 г..

«Новый туберкулез» — практически неизлечимая болезнь, против нее бессильны прежде эффективные противотуберкулезные препараты. Всемирная организация здравоохранения ООН объявила МЛУ-ТБ самым опасным инфекционным заболеванием XXI в., а Россию — одним из основных источников его возникновения и распространения в мире. И эта проблема действительно очень серьезная: один бацилловыделитель, оказавшись в самолете, «привьет» лекарственно-устойчивую форму чахотки всем пассажирам, а приземлится такой самолет может в любой стране мира. В отличие от радиационного излучения или взрывчатки выявить источник болезни — палочку Коха — невозможно. Из мест лишения свободы освобождаются ежегодно 250—300 тыс. человек. Среди них 30 тыс. человек больны туберкулезом (ТБ). Каждый четвертый — носитель неизлечимой формы. В год он может передать смертельную инфекцию десяткам людей.

Официальная информация о ситуации с ТБ в пенитенциарных учреждениях России впервые появилась в 1991 г.: заболеваемость ТБ в местах лишения свободы в 17 раз, а смертность в 8 раз превышала аналогичные показатели за ее пределами. Эти шокирующие цифры не вызвали особого беспокойства ни у руководства страны, ни в обществе. Возможно потому, что к туберкулезу привыкли относиться как к болезни пусть и опасной, но излечимой, а к тюрьме — как к чему-то надежно от общества отгороженному. В федеральные программы по борьбе с туберкулезом тюрьмы и колонии поначалу вообще не включались.

Число заключенных больных ТБ в 1993 г. — 35 тыс. человек (45 на 1000 человек), первые сообщения о единичных случаях выявления ВИЧ-инфекции в пенитенциарных учреждениях России появились в 1993 г.

График 2. Число больных ТБ и ВИЧ на 1000 заключенных в учреждениях УИС РФ в 1995—2003 гг.

К 1999 г. численность больных туберкулезом в УИС достигла рекордного уровня — 9,7%, заболеваемость ТБ стала в 58 раз, а смертность в 28 раз выше, чем за пределами мест заключения. Ситуация с тюремным ТБ была следствием бесчеловечных условий, в которых содержались российские заключенные, и, одновременно, самым явным и ярким отражением бесчеловечности общества. Но по-прежнему считалось, что справиться с «белой чумой» (так раньше называли чахотку) хоть и сложно, но возможно. Для этого необходимы лекарства и эффективные методы лечения. Один из таких методов был разработан еще в начале 90-х гг. и получил известность как программа DOTS. Шестимесячный курс лечения по этой программе стоит менее 50 долл. США, даже в самых бедных странах процент выздоровевших больных составлял порядка 85%.

Иллюзии в отношении тюремного туберкулеза были развеяны в 1997—1998 гг., когда международные организации провели масштабные микробиологические исследования в наших тюрьмах и колониях. Оказалось, что 20—25% больны практически неизлечимой множественно лекарственно-устойчивой формой туберкулеза — МЛУ-ТБ-I. Против этой формы ТБ недорогие и прежде эффективные препараты бессильны. Размах эпидемии обычного и нового ТБ в немалой степени был связан с условиями содержания заключенных: недостаток питания, лекарств, высокая скученность людей (особенно в СИЗО), прерывание начатого лечения и т. п.

По оценке экспертов (1999 г.), если эпидемию старого и нового туберкулеза в местах лишения свободы не остановить, к 2010 г. два миллиона российских граждан станут носителями смертоносной инфекции.

ПОЛОЖЕНИЕ В УИС ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА В МИНЮСТ РФ

Одновременно с передачей УИС из МВД в Минюст появилась первая государственная программа по сокращению численности заключенных. В 1998 г. Минюстом был подготовлен законопроект, который в случае его вступления в силу создавал возможности для постепенного (в течение двух лет) сокращения количества заключенных примерно на треть. Но правительство, по существу, блокировало передачу законопроекта в Государственную думу. Явными противниками законопроекта были МВД и Генпрокуратура России. Количество заключенных продолжало постепенно расти и в июне 2000 г. достигло своего максимального уровня — 1 млн 90 тыс. человек. Отметим, забегая немного вперед, что в сообщениях для СМИ о сокращении количества заключенных на 200 тыс. человек за точку отсчета руководством Минюста РФ берется именно май-июнь 2000 г.

После перехода ГУИН в Минюст РФ средства, выделяемые из федерального бюджета на УИС, непрерывно росли. За последние годы их объем увеличился в расчете на одного заключенного с \$700 (1996—1997 гг.) до \$1100 (2002 г.). Кардинально улучшилась ситуация с обеспечением тюрем и колоний противотуберкулезными

препаратами и питанием. На питание одного заключенного ежедневно выделялось в 2001—2002 гг. от 17 до 25 руб. (осенью 1998 г. — 70 коп.). Активно участвовали в борьбе с тюремным туберкулезом западные фонды и организации. Только в 2001 г. ими было истрчено на эти цели 450 млн долларов (т. е. более чем по \$400 на одного заключенного). Эти совместные усилия и позволили добиться определенных успехов в снижении количества больных ТБ в местах лишения свободы: с 97 — в 1999 г. до 90 — в 2002 г. (данные на 1000 человек, см. табл. 1 и график 2).

С 2000 г. в пенитенциарных учреждениях проводится программа DOTS-plus, рассчитанная на использование препаратов II ряда(14) против МЛУ-ТБ-I. Но, поскольку причины, которые приводят к прерыванию начатого курса лечения сохранились, применение препаратов II ряда в ближайшие годы, по мнению экспертов(15), может привести к возникновению МЛУ-ТБ-II(16), устойчивого ко всем разработанным фармацевтами препаратами. И тогда в УИС, а потом и в обществе появится форма туберкулеза, против которой бессильны все известные способы лечения. Ситуация также осложняется из-за ВИЧ-«взрыва»: ВИЧ-инфекция провоцирует ускоренное развитие резистентных форм ТБ (МЛУ-ТБ-I и МЛУ-ТБ-II). Более того, у ВИЧ-инфицированных больных открытая форма туберкулеза довольно часто развивается без проявления каких-либо симптомов, она не всегда выявляется даже с помощью рентгена, тем более флюорографии, которая до сих пор считалась самым надежным способом диагностики ТБ. Возможно, это и привело к росту относительного количества заключенных — больных ТБ, в 2002 г до 99 на 1000 человек.

НОВЫЙ УПК И ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА (2000—2002 ГГ.). РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ ТЮРЕМНЫХ МЛАДЕНЦЕВ

Остается невыясненным вопрос: когда, в каких типах учреждений и насколько сократилась численность заключенных, о которой так много писали СМИ осенью прошлого года. Хорошо бы понять, действительно ли это сокращение связано только с введением нового УПК или причина — в смягчении уголовной политики государства.

Прежде всего надо сказать, что законопроект Минюста, о котором шла речь выше, несмотря на сопротивление правительства, попал в Госдуму(17). В мае 2000 г. он был одобрен в первом чтении, принят в третьем в январе 2001 г. Но из-за сопротивления Генпрокуратуры закон был возвращен Советом Федерации в нижнюю палату парламента, а затем урезан настолько, что в своем окончательном виде уже не смог бы привести к сокращению количества заключенных на треть. Тем не менее этот закон(18) (далее Ф3-25), вступивший в силу в марте 2001 г., оказал видимое влияние на сокращение численности тюремного населения в последние два года. Еще большую (правда, временную) роль сыграла широкомасштабная амнистия, объявленная в мае 2000 г.

Сокращение численности тюремного населения будет выглядеть не столь значительным, если сравнить показатели ноября 2002 г. не с серединой 2000 г. (как это делает руководство Минюста), а с началом 2001 г. Общее количество заключенных сократилось за это время на 47 тыс. человек, но отдельно в исправительных колониях для взрослых осужденных увеличилось почти на 50 тыс. человек.

Безусловным достижением прошлого года следует признать сокращение количества заключенных в СИЗО и воспитательных колониях. Но общее количество заключенных в 2002 г. уменьшилось не на 200 тыс. человек, а на 104 тыс., лагерное население в колониях для взрослых сократилось всего на 28 тыс. человек.

Таблица 2. Численность заключенных в учреждениях УИС РФ в 2000—2003 гг.

	1.01.00	1.06.00	1.09.00	1.12.00	1.01.01	1.09.01	1.01.02	1.07.02	1.11.02	1.01.03	%к 1.06.00
Общее число з/к, тыс. чел.	1060	1092	948	912	924	991	981	953	891	877	80
ОКЗ на 100 тыс. нас.	730	750	650	630	640	690	670	640	610	600	80

Число з/к в СИЗО, тюрьма х и ПФРСИ , тыс. чел.	281,7	282,5	226,4	228,5	235,5	244,8	211,9	184,4	140,1	145,4	51
Число з/к в ИК, тыс. чел.	756,4	787,8	703,6	666,1	671	727,3	749,2	759,4	740,6	720,8	91
Число з/к в ВК, тыс. чел.	22	21,7	18	17,4	17,2	18,9	18,6	9,0	10,6	10,9	50

Амнистия-2000, действовала с 28.05 по 28.11.00	С 14.03.01 вступил в силу ФЗ-25	До 1.05.02 действовала амнистия для женщин	Вступил в силу новый УПК РФ	Вступил в силу ФЗ- 133
--	---------------------------------------	---	-----------------------------------	------------------------------

Как мы видим из данных, приведенных в табл. 2, самое значительное сокращение численности заключенных — на 136 тыс. человек (на 46 тыс. человек в СИЗО) произошло в 2000 г. с июня по сентябрь. Это результат амнистии, объявленной в мае 2000 г. Но по амнистии из мест лишения свободы было освобождено в общей сложности 222 тыс. человек, 43 тыс. человек снизили срок наказания. Таким образом, амнистия позволила лишь в какой-то степени компенсировать влияние причин, из-за которых растет тюремное население. После амнистии количество заключенных, особенно в исправительных учреждениях, продолжало увеличиваться.

На изменение численности в 2001—2002 гг. оказал влияние и ФЗ-25(19), вступивший в силу в марте 2001 г. Предполагалось, что он приведет к сокращению численности заключенных и в СИЗО, и в ИУ. Что касается СИЗО, то эти ожидания в некоторой степени начали оправдываться осенью 2001 г. В сентябре-декабре заключенных в СИЗО стало меньше на 32 тыс. человек, в первые шесть месяцев 2002 г. — еще на 39 тыс. человек. Здесь, по-видимому, сыграли роль нормы ФЗ-25, которые предусматривали введение ограничений на срок содержания обвиняемых под стражей в период судебного следствия (они вступили в силу в июне 2001 г.) и сокращение сроков содержания под стражей во время предварительного следствия (вступили в силу в январе 2002 г.). С июля 2002 г., после вступления в силу нового УПК, сокращение численности тюремного населения СИЗО становится более заметным: к ноябрю количество заключенных снизилось до самого низкого уровня за последние 10 лет и стало чуть меньшим (на 0,9%) общего количества мест в СИЗО (141,4 тыс.). Но в последние два месяца прошлого года количество заключенных СИЗО снова начало увеличиваться. Прирост небольшой — всего 5 тыс. человек (чуть более 3%), тревожна тенденция.

ФЗ-25 значительно расширил возможности применения условно-досрочного освобождения (УДО) для осужденных. Были снижены сроки отбытой части наказания для представления к УДО, право на досрочное освобождение получили все осужденные(20). ГУИН активно использовал появившиеся возможности для разгрузки колоний(21). в 2001 г. на основании УДО освобонилось около 55% (130 тыс. человек) из общего количества вышедших на свободу(22). И, Тем не менее снизить количество заключенных в колониях за счет

амнистий и более активного использования досрочного освобождения не удалось. Хотя после вступления в силу нового УПК поток людей, отправляемых в места лишения свободы, уменьшился, это лишь к концу 2002 г. сказалось на численности заключенных в исправительных учреждениях: за первые полгода действия нового УПК оно сократилось на 28,4 тыс. человек.

По мнению некоторых экспертов, на снижение численности заключенных в СИЗО в июле-октябре 2002 г. повлиял не только новый УПК РФ, но и порядок определения размера мелкой кражи, действовавший с 1 июля до 31 октября 2002 г. Значительная часть краж, с ущербом ниже 5 МРОТ (2250 руб.), переходили в разряд административных правонарушений. Из-за этого поток «мелких воришек» в СИЗО и ИУ сильно сократился. Снижение размера мелкой кражи до одного МРОТ (450 руб.), предусмотренное вступившим в силу 31 октября 2002 г. законом (ФЗ № 133), скорее всего, приведет к увеличению численности заключенных, в т. ч. и несовершеннолетних. В то же время, законом (ФЗ № 133) предусмотрено снижение предельных санкций по статье 158 (ч. 1) с 3 до 2 лет (это переводит мелкие кражи в разряд преступлений незначительной тяжести), а по статье 158 (ч. 2). с 6 до 5 лет (это переводит некоторые виды краж из разряда тяжких преступлений в преступления средней тяжести). Эти инновации, безусловно, приведут к сокращению потока людей в места лишения свободы и увеличению его на выходе из УИС, поскольку некоторым осужденным по статье 158 УК снизят срок наказания, освободят досрочно и т. п.

В воспитательных колониях (ВК) за первые шесть месяцев 2002 г. количество заключенных уменьшилось вдвое (см. табл. 2). И здесь основную роль сыграла амнистия для женщин и подростков, закончившаяся в мае 2002 г. Всего было освобождено 14 тыс. человек, из них 9 тыс. человек — подростки. После этого в ВК осталось 9 тыс. человек. В январе 2003 г. количество несовершеннолетних заключенных выросло почти до 11 тыс. человек. Прирост составил почти 20%. По-прежнему высокой остается относительная доля несовершеннолетних в СИЗО: 6,0—6,8%(23) (данные на 1 октября 2002 г.). Тот же показатель на 1 октября 2001 г. составлял 3,9%. Для сравнения: относительная доля воспитанников ВК в общем количестве осужденных всех исправительных учреждений на начало 2003 г. не превышала 1,5%.

Анализ этих и других данных позволяет предположить, что особенного влияния на численность несовершеннолетних заключенных новый УПК не оказал. По-видимому, уже в этом году количество несовершеннолетних в учреждениях ГУИН (ВК и СИЗО) будет увеличиваться. Но остается надеяться, что к прежнему уровню (более 30 тыс. несовершеннолетних заключенных) мы не вернемся.

Смягчение уголовной политики прежде всего должно быть заметно по числу тюремных младенцев: само их пребывание в месте, предназначенном для преступников, противоестественно. Но в последние два года количество детей, содержащихся в Домах ребенка в женских колониях(24), выросло. В 2001 г. с 407 до 493 человек, и в 2002 г. продолжало увеличиваться, несмотря на все попытки Президента РФ проявить к детям и их мамам-заключенным особую милость. В конце 2002 г. тюремных младенцев было уже 526(25).

На численности женской части тюремного населения законодательные новшества и амнистии практически не сказались. В начале 2003 г. женщин в местах лишения свободы было 50 тыс. человек, всего на 4 тыс. меньше, чем в 2001 г. Значительная часть женских колоний переполнена(26).

* * *

Как мы видим, на изменение численности заключенных в 2000—2002 гг. влияло довольно много факторов. Можно определенно утверждать, что главное препятствие для радикального сокращения численности тюремного населения: избыточность, неразборчивость и крайняя жестокость проводимой уголовной политики. Наказание в виде лишения свободы используется неоправданно широко, крайне велики сроки этого вида наказания. Средний срок пребывания заключенных в УИС заметно вырос после вступления в силу в 1997 г. нового УК РФ. Без смягчения уголовного законодательства и практики назначения уголовных наказаний трудно рассчитывать на то, что начавшийся процесс снижения численности тюремного населения будет продолжаться и приведет Россию к адекватному для ее возможностей уровню заключенных в 300—350 тыс. человек. А без этого трудно рассчитывать на то, что мы сможем предотвратить глобальную катастрофу, связанную с эпидемией нового туберкулеза. Определенные надежды возлагались на пакет законодательных предложений, направленных на смягчение УК. Он был подготовлен по поручению Президента РФ группой под руководством Д. Козака, заместителя главы Администрации Президента, еще в прошлом году. Но, насколько известно, на начало 2003 г. передача этих предложений в Государственную Думу тормозится правительством.

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ — «УДОБНЫЕ ВРАГИ»

Криминологическая наука позднейшего времени приходит к выводу о «кризисе наказания»(27). «Человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов», — констатирует известный криминолог Я.И. Гилинский(28). Система уголовного правосудия, сложившаяся под влиянием идей Чезаре Беккариа в XVIII—XX вв., к исходу прошлого столетия себя исчерпала. Она становится

все более разорительной для общества. И по прямым расходам на свое функционирование, и по тем ресурсам, которые приходится тратить на преодоление последствий от традиционных способов борьбы с преступностью, прежде всего, тех, которые широко используют наказания в виде лишения свободы. Один английский тюремщик как-то сказал, что тюрьма — это самый дорогой способ превратить пусть и не очень хорошего человека в исчадие ада.

Количество заключенных в той или иной стране не зависит от уровня преступности. Это блестяще показал Нильс Кристи, (норвежский криминолог, профессор криминологии юридического факультета университета Осло), проанализировав криминальную и тюремную статистику различных стран и периодов времени.

Представление о том, что жестокость или неотвратимость наказания может сдерживать преступность, также не подтверждается результатами многочисленных криминологических исследований последнего времени(29) .

В места лишения свободы попадают люди, более беспомощные, более уязвимые, «удобные» для правоохранительных и судебных органов в качестве объекта демонстрации эффективности борьбы с преступностью. Причем, чем беззащитнее (в правовом, социальном, экономическом и др. аспектах) социальная группа или человек, тем более суровые уголовные санкции в отношении них используются. Например, более жестоким наказаниям относительно чаще подвергаются женщины (по сравнению с мужчинами) и подростки (по сравнению с взрослыми). Об этом можно судить по данным, приведенным в табл. 3.

Количество заключенных зависит, прежде всего, от того, насколько активно в политической игре используется «карта» с тем или иным «удобным врагом»(30) (преступником, наркоманом и т. п.). В России в качестве «удобного врага», безусловно, выбраны люди, страдающие наркоманией. Об этом говорит ВИЧ-взрыв в местах лишения свободы, последствия которого уже сейчас страшнее наркопреступности.

Анализ информации по социально-демографической, уголовно-правовой и др. характеристикам тюремного населения России(31) позволяет утверждать, что подавляющее большинство наших заключенных не криминальнее и не маргинальнее остального населения.

Только 0,2% заключенных, содержащихся в местах лишения свободы (это примерно 1,5 тыс. человек), совершили преступление с квалифицирующим признаком — «преступное сообщество». Вместе с теми, кто входил в состав «организованной группы» это составит 3% (22 тыс. человек). Есть еще 11 тыс. человек, осужденных за преступления, совершенные с использованием боевого оружия или взрывчатки. На фоне этих цифр не такой уж странной покажется оценка заместителя министра юстиции Ю.И. Калинина: «Из всего тюремного населения только 12—16% — люди действительно опасные, с соответствующими моральными установками...»

Таблица 3. Криминальная характеристика осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях ГУИН Минюста РФ, и сроки наказания(32)

	Показатели	Все осужденные ИУ	Все мужские ИК	Мужские ИК общего режима	Женские ИК общего режима	ВК
1.0	Преступления, за которые осуждены заключенные, в % от общего количества заключенных в учреждениях данного типа					
1.1	Против жизни и здоровья, сексуальные	29,7	31	25,7	26,6	20,1

1.2	Умышленные убийства	14,5	14,5	10,5	16,2	8,1
1.3	Разбой	9,4	9,8	7,3	6,4	8,9
1.4	Особо тяжкие преступления	8,6	8,8	5,5	10,6	5,3
1.5	В организованной группе или группе, относящейся к преступному сообществу	3,0	3,0	3,0	3,0	1,9
1.6	С применением оружия(33)	22,9	23,5	18,6	19,8	14
1.7	Против собственности	59	58,7	60,4	54,8	72
2.0	Судимости(34)					
2.1	Среднее число судимостей	1,8	1,9	1,4	1,5	1,5
2.2	Имеющие более двух судимостей %	18,5	19,7	6,3	10,8	6,3
3.0	Наказание (в годах)					
3.1	Средний срок наказания	5,2	5,2	4,8	4,6	4,1(35)
3.2	Назначено наказание свыше пятой части максимального срока(36)	74,9 (до 3 лет)	75,5 (до 3 лет)	69,5	69,7	90,9
3.4	До 1 года	1,3	1,3	1,8	1,2	1,5
3.5	1—2 года	7,1	7,1	9,0	9,9	8,4
3.6	2—3 года	16,7	16,1	19,7	19,2	25,2
4.0	Туберкулез, в % от общего количества осужденных в учр. данного типа					
4.1	Открытая	3	3,4	2,4	0,8	1,2

	форма(37)					
4.2	Закрытая форма	9	10	7,2	2,3	4,1
4.3	Состоят на учете (недавно заболевшие)	4	4,4	2,4	1,8	1,3

Более 56% заключенных, отбывающих наказание в ИУ, — это люди, относящиеся к группе «лиц, не имеющих определенных занятий»(38) (в 1994 г. их было 35%). По большей части, это не профессиональные преступники, а люди, выпавшие из легальной сферы деятельности. Причем значительная часть «удобных врагов» не относится к маргиналам или к тем, кто полностью утратил социально-полезные связи. Средний уровень образования сегодняшних заключенных — более 9 классов средней школы, 70% заключенных имеют профессию, только 10% заключенных не имеют жилья, только 30% освобождающихся считают, что у них будут проблемы с устройством на работу. Но средний срок наказания осужденных к лишению свободы, содержащихся в ИУ ГУИН Минюста РФ, — 5,2 года(39). Выйдя на свободу после столь долгого срока, бывшие заключенные попадают в совершенно непривычный, непонятный для них мир, устроиться и интегрироваться в который им теперь гораздо сложнее, чем до ареста. Особенно, если учесть произошедшие перемены. Это одна из главных причин фантастического роста той части населения России, которая оказывается за пределами легальной экономики. В результате, количество людей трудоспособного возраста, выпавших из этой сферы, по данным официальной статистики, увеличилось с 20% (1992 г.) до 40% (2001 г.).

Российские места лишения свободы стали своеобразными «фабриками» призонизации(40) и маргинализации населения: каждый четвертый взрослый мужчина в России — бывший заключенный. Мы оказались в безвыходной ситуации: чем больше людей попадает в тюрьму, тем выше уровень криминализации населения, тем больше становится людей, нуждающихся в помощи, тем многочисленнее группы тюремного риска.

(1) Краткий анализ состояния преступности в Российской Федерации за январь-ноябрь 2002 г. Сводка криминальной статистики за 11 месяцев 2002 г. // www.mvdinform.ru.

(2) www.lenta.ru. 13 января 2003.

(3) В соответствии с п. «г» ч. 2. ст. 158 УК РФ.

(4) Статья 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

(5) Старый пункт «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ имел квалифицирующий признак: «с причинением значительного ущерба». Квалифицирующий признак нового п. «г»: кража «из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем». С 1 июля 2002 г. до 31 октября 2002 г. данная кража была административным правонарушением, поскольку не превышала 5 размеров МРОТ — 2250 руб. С 31 октября 2002 г. «мелкой» стала кража в 1 МРОТ — 450 руб. Кроме того, рассматриваемая кража переходит теперь в уголовное преступление из-за новой редакции п. «г» ст. 158. Но теперь она становится преступлением средней тяжести из-за снижения верхнего предела санкции по ч. 2 ст. 158 УК РФ с шести до пяти лет.

(6) На самом деле и в официальной статистике ГУИН разобраться не так просто. Цифры, которые даются «по горячим следам», через некоторое время могут измениться на 5—10%. Особенно трудно с информацией о СИЗО. В население СИЗО то включают заключенных, которые заняты на хозяйственном обслуживании учреждения, то исключают. Добавляют тех, кто содержится в ПФРСИ (помещение, функционирующее в режиме СИЗО) колоний, то опять исключают, всего ПФРСИ в России — 157. Рассчитаны они на 18,5 тыс. человек, на начало 2003 г. в них содержалось 6,5 тыс. заключенных.

(7) Цифры приводятся на начало года по учреждениям ГУИН. Следует учесть, что в официальную статистику попадают только заключенные учреждений ГУИН Минюста РФ. Это 92—94% всех заключенных России, остальные содержатся: в ИВС и спецприемниках (МВД), спецшколах и спецПТУ (Министерство образования), спецсирхбольницах (Министерство здравоохранения), дисциплинарных батальонах (Министерство обороны) и т. п. При расчете ОКЗ использовались сведения о численности населения по данным Госкомстата России («Российский статистический ежегодник»). Результаты переписи населения 2002 г., возможно, несколько изменят ОКЗ за последние годы.

(8) В учреждениях ГУИН МВД РСФСР содержалось: на 1 января 1991 г. 745 тыс. чел., из них 163 тыс. в СИЗО; ОКЗ — 502. На 1 января 1993 г. — 772 тыс. человек, из них 200 тыс. в СИЗО; ОКЗ — 520.

(9) *Абрамкин В.* Поиски выхода. М., 1996.

(10) См. подробнее: *Абрамкин В.* Ук. соч.; Человек и тюрьма: Сб. инф. мат-лов. М., 1999.

(11) Закон «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР». Принят Верховным Советом РСФСР 12 июня 1992 г.

(12) Интернет-конференция министра юстиции РФ Ю. Чайки. 22 января 2003 г. на сайте www.garweb.ru/conf/minust.

(13) Золотое кольцо. Ярославль. 1995. 5 сентября.

(14) Курс лечения этими препаратами продолжается 2 года. Его стоимость во много раз дороже, чем в случае обычного ТБ, а вероятность излечения больного значительно ниже.

(15) *Славуцкий А.* Лекарственно-устойчивый туберкулез в России. Развитие и распространение «Супер микобактерии». Рукопись. Архив Центра.

(16) Эта форма получила название «супержучок» (superbug), она устойчива к препаратам II ряда.

(17) Этому способствовала активная поддержка законопроекта НПО и бывшего министра юстиции П. Крашенинникова. По инициативе Комитета по законодательству, возглавляемого им, законопроект был в срочном порядке включен в план работы Госдумы.

(18) Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в УК РФ, УПК РСФСР, УИК РФ и другие законодательные акты РФ».

(19) Там же.

(20) Ранее его имели только заключенные, переведенные на облегченные условия (для воспитательных колоний — на льготные) отбывания наказания.

(21) Институт УДО использовался ГУИН и ранее для сокращения избыточного (с точки зрения лучшей управляемости) населения ИУ. Вместе с ростом численности осужденных пропорционально росло и количество заключенных, освобождаемых по УДО. В 1993—1995 гг. оно составляло 26—35 тыс. человек, в 1998—1999 гг. — 84—93 тыс. человек.

(22) Право на отсрочку от наказания получили женщины, имеющие детей до 14 лет (по ранее действующей норме УК РФ — до 8 лет). К сожалению, статистикой по женщинам, которые получили отсрочку, мы не располагаем.

(23) Первая цифра (6%) — оценка автора, вторая (6,8%) — данные Комиссариата СГБМ (Стран — государств Балтийского моря) со ссылкой на Минюст РФ. Цифра на 1 января 2001 г. рассчитана по официальной статистике ГУИН.

(24) Статистикой по младенцам в СИЗО мы не располагаем. По разным оценкам, их в 2—3 раза меньше, чем в женских ИК.

(25) Из 182 заключенных, помилованных Президентом в 2002 г., 52 женщины (из них 48 с малолетними детьми) и один несовершеннолетний. Без помилованных природ численности тюремных младенцев составил бы в 2002 г. 12—14%.

(26) На начало 2001 г. женских колоний — 38, мест — 34 тыс., наполняемость — 117%; на начало 2002 г.: колоний — 40, мест — 36 тыс., наполняемость — 132%.

(27) *Гилинский Я.И.* Криминология. СПб.: Питер, 2002. 384 с.; *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. 2-е изд. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. 224 с.; *Кристи Н.* Ответ насилию. Милиция. 2002. № 8.; *Кристи Н.* В поиске чудовищ. Милиция. 2002. № 9.

(28) *Гилинский Я.И.* Криминология. СПб.: Питер, 2002. 384 с.

(29) Подробнее см.: *Гилинский Я.И.* Криминология. СПб.: Питер, 2002. 384 с.; *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. 2-е изд. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. 224 с.; «Криминальная мифология». В кн.: *В.Ф. Абрамкин.* Поиски выхода. М.: «Права человека», 1996. 240 с.

(30) Эта тема подробно развита в работах Н. Кристи, который и ввел термин «удобный враг» в работе «Об опасностях сверхкриминализации» (Архив Центра).

(31) Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г./ Под ред. проф. А.С. Михлина. М. 2001. 464 с.

(32) Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г. М.: Юриспруденция, 2001. 454 с. Женщин (4 столбец) корректнее сравнивать с мужчинами ИК всех режимов (2 столбец), воспитанников ВК (5 столбец) с мужчинами ИК общего режима (3 столбец).

(33) Следует учесть, что несовершеннолетние и женщины при совершении этого вида преступления использовали по большей части «предметы, не являющиеся оружием» (у юристов есть такое определение), например, сковородки, вилки и кухонные ножи.

(34) Учитываются приговоры к любому наказанию, например, к условному, к исправительно-трудовым работам и т. п.

(35) В 1994 г. для несовершеннолетних этот показатель (средний срок наказания) был 3,4 года. Доля осужденных к лишению свободы в возрасте младше 16 лет выросла с 0,3% (1989, 1994 гг.) до 1,1, т.е. почти в четыре раза.

(36) Для взрослых от 15 лет (т.е. 3 года), для несовершеннолетних от 10 лет (2 года). В 1994 г. для несовершеннолетних этот показатель был 83,7%. Напомню, что по действующему УК РФ максимальный срок наказания для совершеннолетних, если не считать пожизненного лишения свободы, может достигать 30 лет.

(37) Больных открытой формой туберкулеза среди мужчин возрастной группы старше 18 лет — 0,16%. В ИК для мужчин старше 18 лет — в 21 раз выше. Но необходимо иметь в виду, что в ИУ выявляемость ТБ выше, чем за пределами колонии.

(38) В СИЗО относительная доля таких лиц составляет более 60%.

(39) Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г./ Под ред. проф. А.С. Михлина. М. 2001. 464 с.

(40) *Призонизация* — внедрение тюремной субкультуры в жизнь вольного населения.

Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации

В. Сергеева, «Международная тюремная реформа»

(1)

ВСТУПЛЕНИЕ

Сталкиваясь с возрастающим числом правонарушений, государства склонны реагировать на это ужесточением уголовной политики и, прежде всего, расширением применения тюремного заключения к возможно большему числу своих сограждан, преступивших закон. Эти меры приводят к увеличению численности заключенных, которая в настоящее время составляет во всем мире приблизительно 8,7 млн человек.

Наказание в виде тюремного заключения основано на презумпции того, что лицо, совершившее преступление, ценит личную свободу превыше всего и угроза помещения в тюрьму является фактором, сдерживающим преступность. На практике же подобный сдерживающий эффект достаточно минимален. Более того, опыт показывает, что тюремное заключение оказывает огромное воздействие как на лиц, совершивших преступление, так и на общество в целом. Для осужденных тюрьмы являются «школой преступности», недостаточно развитая система реабилитации и адаптации после освобождения (или ее фактическое отсутствие, как в странах бывшего Советского Союза) также не способствует возвращению в общество.

Страдает также и общество. Во-первых, потому, что тюремное заключение стоит не дешево — например, стоимость годичного содержания одного осужденного в Нью-Йоркской тюрьме эквивалентна стоимости годичного обучения в престижном Оксфордском университете в Англии. Кроме того, зачастую получается так, что общество должно нести бремя по поддержанию семьи осужденного, пока тот находится в тюрьме. Потерпевший от преступления против собственности, которым может быть любой член общества, как правило, не получает выгоды от тюремного заключения обидчика. Хотя это, возможно, и удовлетворяет его желание отомстить, но не приносит ничего ни в материальном, ни, по большому счету, в моральном плане.

Начиная с 70-х гг. некоторые государства стали осознавать вышеназванные проблемы и искать пути их разрешения, в частности, через распространение применения наказаний, не связанных с лишением свободы. Совет Европы и ООН со своей стороны стали разрабатывать и принимать документы, направленные на внедрение подобной практики во всем мире. Так, в 1981 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы рекомендовала государствам-участникам «заменять <...> наказания, в виде лишения свободы, предусматривающие непродолжительное содержание под стражей, другими мерами, которые были бы более эффективны и не противоречили принципу наказания»(2). В 1986 г. Комитет Министров Совета Европы принял Резолюцию под названием «Некоторые меры, альтернативные тюремному заключению»(3). В этой Резолюции Комитет рекомендовал правительствам государств-участников вводить различные альтернативные наказания и рассмотреть возможности по включению их в Уголовный кодекс. Комитет особо указывал государствам-участникам развивать три направления, и в частности, рассмотреть программы общественных работ, которые обеспечивали бы возможность для активной ресоциализации лица, совершившего преступление.

В 1985 г. на Седьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в г. Милане, государства-участники приняли Резолюцию № 16, которая акцентировала внимание на сокращении численности заключенных, предпочтении альтернативных мер наказания и социальной реинтеграции правонарушителей.

Основным международным документом, определяющим исполнение наказаний, альтернативных лишению свободы, стали так называемые Токийские правила, принятые Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1990 г. Они содержат набор минимальных требований, обеспечивающих, чтобы альтернативные меры применялись и исполнялись в рамках закона и без нарушения прав лиц, осужденных к таким мерам.

Аналогом таких правил для европейских государств стала "Рекомендация № R (92) 16 Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания"(4). Эта Рекомендация была принята Советом Европы в 1992 г. и содержит 90 правил, которые дополняют Европейские тюремные правила. Рекомендация настоятельно просит государства-члены достичь соответствующего баланса между защитой общества и интересами потерпевшего, ресоциализацией преступника и приверженностью международным стандартам.

Деятельность ООН и Совета Европы, рекомендующих и пропагандирующих широкое использование альтернатив тюремному заключению, постепенно помогла снизить удельный вес тюремного заключения во многих странах мира. Так, например, к середине 1990-х годов в Бельгии только 26% вынесенных приговоров предусматривали тюремное заключение, а в Финляндии 90% приговоров предполагали ту или иную форму альтернативных санкций. В то же время в Португалии лишение свободы назначалось в 45% случаев, что говорит о неоднородности этого процесса.

В настоящее время наказания, не связанные с лишением свободы, продолжают развиваться во всем мире. Среди них наибольшее распространение получают общественные работы. И если страны Запада имеют уже достаточно большой опыт в применении таких наказаний, то многие страны Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии только еще начинают вводить их в практику. Что касается стран бывшего Советского Союза, то наиболее успешных результатов по применению общественных работ добилась Латвия — в последние три года доля назначения этого вида наказаний в стране выросла с 1,4% до 10% и наблюдается тенденция к увеличению.

Для России, занимающей второе место в мире по числу заключенных и развивающейся в условиях сложной экономической ситуации, развитие альтернативных санкций представляется особенно актуальным.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ НАКАЗАНИЯ В РОССИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Гуманизация уголовного законодательства

Основные направления современной уголовной политики Российской Федерации получили наиболее полное и концентрированное отражение в Уголовном Кодексе (УК), вступившем в силу 1 января 1997 г., и в Уголовно-исполнительном кодексе (УИК), вступившем в силу 1 июля 1997 г. Суть этих направлений состоит в усилении борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, при одновременном смягчении условий применения мер уголовной ответственности к лицам, впервые совершившим преступления небольшой и средней тяжести.

В плане гуманизации ответственности это проявилось, прежде всего, в увеличении предусмотренных УК РФ видов наказаний, призванных служить альтернативой изоляции осужденного от общества, расширении круга оснований их применения, совершенствовании правовой регламентации порядка исполнения этих уголовно-правовых мер. При этом учтены рекомендации, содержащиеся в международных документах, касающихся мер и санкций, альтернативных тюремному заключению. Статья 44 УК РФ предусматривает 10 видов наказаний, не связанных с лишением свободы. Одни из них применялись в России в той или иной степени и раньше (например, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы), другие являются новыми для российского уголовного законодательства (обязательные работы — аналог общественных работ, ограничение по военной службе, ограничение свободы, арест(5)). Самой распространенной санкцией (54,9% в 2001 г.), не связанной с лишением свободы и широко применявшейся и по старому законодательству, является условное лишение свободы (ст. 73 УК РФ), которое, однако, не считается уголовным наказанием как таковым, а представляет собой один из видов освобождения от наказания.

Соответственно в УИК РФ предусмотрены нормы, регламентирующие порядок и условия исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, а также осуществление контроля за условно осужденными.

Судебная практика

В период обсуждения и принятия этих кодексов было очевидно, что введение в действие таких наказаний как обязательные работы, ограничение свободы и арест потребует значительных расходов из государственного бюджета. Поэтому отдельными федеральными законами о введении в действие Уголовного кодекса и Уголовно-исполнительного кодекса РФ было предусмотрено, что данные виды наказаний должны быть введены в действие по мере создания необходимых условий, но не позднее 2001 г. Однако этот срок был определен произвольно, без какого-либо социально-экономического обоснования, разработанных предварительных планов, программ и т. п., поэтому ввести в действие новые виды наказаний в установленный законом срок не удалось.

13 декабря 2001 г. Государственной Думой РФ был принят Федеральный закон № 4-ФЗ, согласно которому наказание в виде обязательных работ должно быть введено в действие не позднее 2004 г., ограничение свободы — не позднее 2005 г., арест — не позднее 2006 г.

Промедление с введением в действие наказаний в виде обязательных работ и ограничения свободы негативно сказывается на уголовной политике в целом. Это обусловлено, во-первых, тем, что изначально система уголовных наказаний строилась в расчете на то, что все входящие в нее виды наказаний будут применяться на практике. В условиях отсутствия некоторых из них она не может эффективно работать. Например, нормы УК РФ (ст. 46, 50) предусматривают, что в случае злостного уклонения осужденного от уплаты штрафа он может быть заменен обязательными работами или арестом, а в случае злостного уклонения от отбывания исправительных работ не отбывшая их часть может быть заменена ограничением свободы. Отсутствие возможности такой замены оказывает сдерживающее влияние на применение штрафа и исправительных работ, вынуждает суд при вынесении приговора обращаться к наказанию в виде лишения свободы. Во-вторых, в расчете на применение наказаний в виде обязательных работ, ограничения свободы и ареста в значительной мере построена система санкций статей Особенной части УК РФ. Названные наказания, прежде всего такой вид как ограничение свободы, призваны служить основной альтернативой лишению свободы. Поэтому их отсутствие объективно приводит к увеличению числа осужденных, направляемых в исправительные учреждения.

Содержание такого большого количества граждан в исправительных учреждениях тяжким бременем ложится на бюджет государства, сдерживает решение многих социальных задач, способствует распространению обычаев и традиций криминальной среды среди населения. Озабоченность федеральной власти этой проблемой нашла отражение в Послании Президента РФ Федеральному собранию от 18 апреля 2002 г., в котором В. Путин, в частности, отметил: «Сегодня за преступления небольшой и средней тяжести фактически следуют те же самые санкции, что и за тяжкие. Преступность от этого не уменьшается, а люди — только ожесточаются. Между тем уже по действующему законодательству у судов есть возможность вместо лишения свободы применять штрафы и другие, более гуманные, меры наказания. Считаю, что применение наказаний, не связанных с лишением свободы — там, где, конечно, это обосновано... — должно стать широкой судебной практикой»(6).

К сожалению, анализ судебной практики последних пяти лет под этим углом зрения демонстрирует прямо противоположные тенденции. В 1997—2000 г. происходило последовательное снижение удельного веса приговоров к мерам уголовно-правового воздействия, не связанным с лишением свободы (1997 г. — 59,4%, 1998 г. — 56,5%, 1999 г. — 58,3%, 2000 г. — 51,3%). Лишь в 2001 г. произошел некоторый их рост — до 59,9%, что всего на 0,5% больше, чем в 1997 г.

Как уже говорилось выше, в структуре этих мер преобладает условное осуждение (в 2001 г. оно составило 54,9%). Собственно же наказания (альтернативные лишению свободы) составляют всего лишь 5%, причем удельный вес каждого из них имеет устойчивую тенденцию к снижению. Так, в 1997 г. к наказанию в виде исправительных работ было осуждено 69,6 тыс. человек (6,9% всех осужденных без лишения свободы), а в 2001 г. — только 61,1 тыс. человек (5%). В качестве дополнительного наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в 1997 г. было назначено 3 тыс. человек (0,3%) и в качестве основного наказания — 80-ти осужденным, что составило 0,008% всего количества осужденных. В 2001 г. данный вид наказания в качестве дополнительного был применен лишь к 200 осужденным (0,01%), а в качестве основного наказания вообще не применялся. К наказанию в виде штрафа в 1997 г. было осуждено 79,8 тыс. человек (7,9% всех осужденных), а в 2001 г. — 73,2 тыс. человек (5,9%).

В результате за пять лет, прошедших с момента вступления в силу УК РФ объем применения наказания в виде лишения свободы, как показывает анализ судебной практики, остается практически неизменным. Так, если в 1997 г. к лишению свободы было приговорено 32,7% всех осужденных, то в 2001 г. — 29,6%, т.е. снижение составило лишь около 3%. Однако, с учетом роста общего числа всех осужденных за совершение преступлений (с 1 млн 13,4 тыс. человек в 1997 г. до 1 млн 233,7 тыс. человек в 2001 г.) абсолютное число осужденных к лишению свободы не только не снизилось, но даже возросло (почти на 34 тыс. человек — с 331 тыс. в 1997 г. до 364,9 тыс. в 2001 г.).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в основном лиц, осужденных за совершение преступлений, приговаривают либо к реальному, либо к условному лишению свободы. К альтернативным наказаниям как таковым, как было показано выше, в среднем приговариваются лишь 5% осужденных, причем в ряде случаев эти наказания назначаются в качестве дополнительного к основному — лишению свободы.

В чем причины такого положения? Почему наказания, применявшиеся достаточно широко в рамках советской системы уголовного правосудия, используются все реже? Может быть, наше законодательство несовершенно и не отвечает изменившимся социально-экономическим условиям? Или это обусловлено правосознанием

наших судей, отдающих предпочтение изоляции осужденного от общества? Или здесь сказывается общий уровень правосознания части российских граждан, считающих лишение свободы и смертную казнь панацеей от всех преступлений? К сожалению, в научных исследованиях последних лет отсутствуют четкие ответы на эти вопросы, а также предложения и рекомендации по совершенствованию применения наказаний, не связанных с лишением свободы. Более того, интенсивность научных исследований по этой проблематике заметно снизилась.

Одно очевидно — положение необходимо исправлять, и добиться этого можно только совместными усилиями широкого круга представителей общественности, правозащитных организаций, судов, правоохранительных органов, адвокатов, органов законодательной и исполнительной власти.

Законодательные инициативы Министерства юстиции

Министерство юстиции РФ как никакое другое ведомство понимает опасность дальнейшей криминализации населения при сохранении существующей численности заключенных, тем более при ее росте. Будучи непосредственно заинтересованным в распространении альтернативных наказаний, Министерство юстиции предпринимает в последние годы законодательные инициативы, направленные на расширение практики их применения и совершенствование системы исполнения таких наказаний.

Так, например, принятый 9 марта 2001 г. Федеральный закон № 25 расширил возможность замены не отбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ). В частности, предусмотрена возможность такой замены при осуждении за преступление любой категории после отбытия осужденным определенной части срока наказания, в то время как ранее такая замена допускалась лишь при осуждении за преступления небольшой и средней тяжести.

Одновременно с этим проводилась значительная работа по реформированию уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), которые были переданы в Минюст из МВД в июне 1999 г. и непосредственно занимаются исполнением уголовных наказаний и других мер, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Внесены изменения в действующее законодательство, позволившие перевести их на финансирование за счет федерального бюджета (ранее УИИ финансировались исключительно за счет отчисления части заработной платы осужденных к исправительным работам). В результате значительно укрепились система и кадровый состав уголовно-исполнительных инспекций, повысилась эффективность их работы.

Эффективность деятельности уголовно-исправительных инспекций

Сегодня в Российской Федерации действует 1879 уголовно-исполнительных инспекций, штатная численность которых составляет 3453 человек. Ежегодно по учетным документам инспекций проходит свыше миллиона осужденных, а на конец 2002 г. на учете состояло более 700 тыс. человек. О высокой эффективности альтернативных мер свидетельствует низкий уровень преступности среди этой категории осужденных, который за последние годы последовательно сокращается.

В 1999 г. рецидив составлял 1,5% от общего числа лиц, прошедших по учетам инспекций, в 2001 г. этот показатель снизился до 0,7%. Для сравнения, рецидив среди тех, кто отбыл наказание в виде лишения свободы, многие годы стабилен и в среднем составляет около 35%.

Проблемы, требующие скорейшего решения

Вместе с тем многие вопросы еще требуют своего решения. Прежде всего, это касается кадровых и финансовых проблем, вопросов размещения уголовно-исполнительных инспекций, обеспечения их оборудованием и транспортом, подготовки кадров, выработки специальных методик по работе с отдельными категориями осужденных, совершенствования нормативно-правовой базы.

Кроме того, в деятельности других структур, участвующих в исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, таких как предприятия и организации, обеспечивающие рабочие места для осужденных, службы занятости населения и службы социальной защиты, имеются многочисленные нарушения закона, другие серьезные недостатки и нерешенные проблемы, мешающие эффективному исполнению приговоров. Например, одной из основных проблем исполнения требований закона, касающихся наказания в виде исправительных работ, является трудоустройство лиц, не работающих к моменту совершения преступлений. Очень часто до половины осужденных к исправительным работам к моменту осуждения не имеют никакой работы. Эти люди длительное время либо уклоняются от трудоустройства, либо не могут найти работу, либо не имеют специальности. Работодатели в них не заинтересованы, службы занятости не могут их трудоустроить из-за отсутствия вакансий.

Решение всех этих проблем потребует долгосрочной и кропотливой работы и усилий как со стороны

Министерства юстиции и Главного управления исполнения наказаний, так и со стороны региональных органов УИС и местных властей, при активном участии всех заинтересованных учреждений и организаций гражданского общества.

Строительство новой системы исполнения альтернативных наказаний в России

С целью способствовать реформированию деятельности уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), сокращению применения наказания в виде лишения свободы за счет расширения и более эффективного использования альтернативных и других мер уголовно-правового характера, а также для создания условий введения в действие обязательных (общественных) работ международная общественная организация «Международная тюремная реформа» (Penal Reform International) с сентября 2000 г. руководит экспериментальным проектом «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации».

Проект осуществляется совместно с Главным управлением исполнения наказаний (ГУИН) Минюста РФ, рядом учебных заведений, региональными управлениями исполнения наказаний (УИН) и общественными организациями. Финансовую поддержку оказывает Управление по Восточной Европе и Центральной Азии Департамента международного развития Великобритании.

«Опытными полигонами» с начала проекта являлись Томская, Рязанская и Самарская области, а с сентября 2002 г. к ним присоединились еще шесть регионов — Новосибирская, Кемеровская, Саратовская, Нижегородская, Орловская и Калужская области.

Совместная деятельность развивалась по следующим направлениям:

- организационно-правовое — укрепление правовой базы, внесение изменений и дополнений в законодательные и нормативные акты, изменение статуса УИИ и нормативной основы их деятельности;
- образовательно-экспериментальное — создание механизмов исполнения наказания в виде обязательных работ на основе организации работы базовых УИИ в регионах, повышение образовательного и профессионального уровня сотрудников УИИ через организацию тренингов и семинаров, разработка учебно-методических пособий для специального курса подготовки инспекторов на базе Академии права и управления в Рязани;
- информационно-просветительское — пропаганда через средства массовой информации с целью формирования общественного мнения в пользу альтернатив, организация специальных семинаров для журналистов с целью разъяснения целей и задач проекта и представления результатов, работа по информированности судейского и прокурорского корпуса;
- привлечение общественности — использование возможностей НПО в регионах для их более широкого участия в проекте в части предоставления рабочих мест и осуществления контроля за осужденными, а также для роли общественных инспекторов.

Работа в организационно-правовой сфере

В конце 2000 г. — начале 2001 г., в рамках ГУИН МЮ РФ, УИИ регионов совместно с учебными заведениями (Академией права и управления в Рязани, Юридическим институтом Томского государственного университета, Самарским юридическим институтом) провели исследования нормативной, организационной и психологической базы, регулирующей деятельность уголовно-исполнительных инспекций. Были внесены изменения в нормативные акты, предложены принципиально новые механизмы работы, касающиеся как функционирования УИИ, так и психологических аспектов деятельности сотрудников. Результатом первых девяти месяцев работы явились два сборника, в одном из которых собраны все действующие нормативные документы, а в другом — результаты исследований и новаторские идеи. Книги были разосланы по всем УИИ России.

После тщательного изучения законодательной базы стало ясно, что обязательные (общественные) работы возможно применять, даже используя потенциальные возможности действующих УК и УИК РФ (ч. 5 ст. 73 УК РФ), при условном осуждении, «если их выполнение будет способствовать исправлению» осужденного. В этом случае, они называются бесплатные общественно-полезные работы и являются обязанностью, а не наказанием. В результате, в Томской и Саратовской областях, где был начат эксперимент, который продолжается и по сегодняшний день, по описанной выше схеме уже исполняются несколько десятков приговоров. Работы, которыми занимаются осужденные, связаны с уборкой территории, ремонтом, строительством и т. п. и выполняются на предприятиях муниципальной собственности. Местные власти, предоставившие рабочие места, увидели реальную выгоду и заявили о своей готовности помогать в трудоустройстве подобных правонарушителей. Положительный эффект был также отражен в СМИ. Однако отношение судей и прокуроров к этому эксперименту пока неоднозначное.

Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций Томской и Саратовской областей накопили определенный

практический опыт по осуществлению контроля над выполнением общественных работ, который может быть использован в деятельности инспекций как при исполнении обязательных работ в будущем, так и расширении применения общественных работ. Помимо этого, проводимый эксперимент позволил кардинально изменить принципы деятельности уголовно-исполнительных инспекций, скорректировать направленность профилактической работы и обеспечить профессиональную подготовленность сотрудников. Немаловажным является и тот факт, что выполнение бесплатных общественных работ условно осужденными позволяет повысить реальность воспитательно-предупредительного воздействия условного осуждения, максимально полно отработать механизм исполнения обязательных работ как вида наказания, вводимого в действие с 2004 г. на всей территории России, а при более широком применении создаст дополнительные резервы рабочей силы для выполнения работ в интересах органов местного самоуправления.

Вместе с тем имеется и ряд проблем, которые довольно остро стоят перед уголовно-исполнительными инспекциями, а в связи с введением наказания в виде обязательных работ будут только обостряться:

- из числа учебных заведений уголовно-исполнительной системы нет ни одного, занимающегося подготовкой специалистов непосредственно для УИИ;
- существующая в настоящее время нагрузка на одного сотрудника превышает «допустимую» как минимум в два раза, что отрицательно сказывается на результатах работы;
- недостаточна и материально-техническая обеспеченность уголовно-исполнительных инспекций, в т. ч. транспортом, помещениями.

Образовательная деятельность

Параллельно в рамках проекта начата подготовка кадров для УИИ и проводятся образовательные программы для действующих сотрудников. Изданы и распространены сборники организационно-методических документов для сотрудников УИИ. Подготовлены три специальных учебника. В Томском филиале Рязанской Академии права и управления проводится повышение квалификации инспекторов Сибирского региона. Такое усиление внимания позитивно сказывается не только на квалификации сотрудников, но и на их морально-психологическом состоянии (поскольку ранее эти службы традиционно считались «периферийными» для уголовно-исполнительной системы). С сентября 2002 г. в Рязанской Академии права и управления МЮ РФ была введена специальность «инспектор УИИ», набрана группа студентов для обучения по этой специальности. Академией разработаны специальные учебно-методические пособия для этой категории студентов и широкий спектр программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации инспекторов УИИ.

За два года выполнения проекта во всех экспериментальных регионах были проведены тренинги для сотрудников УИИ по различным аспектам альтернативных наказаний, начиная с международных стандартов в этой области и заканчивая вопросами разрешения конфликтов между персоналом внутри УИИ и между персоналом и осужденным. Структура программы тренингов составлялась с опорой на функции, непосредственно связанные с работой инспектора.

Информационно-просветительская деятельность

Партнерами «Международной тюремной реформы» в этой работе являются Фонд независимого радиовещания (ФНР) и Агентство социальной информации (АСИ). Ежедневно АСИ размещает в своих новостных лентах, которые рассылаются по всем центральным и региональным печатным изданиям, информацию о ходе проекта. На Радио России через ФНР выходят передачи о пользе и выгоде мер, не связанных с лишением свободы, транслируются интервью с участниками проекта, судьями, прокурорами, инспекторами и осужденными. Во время поездок в регионы проводятся пресс-конференции, круглые столы с представителями органов местного самоуправления, судейского корпуса, общественности. Информация по проекту также размещена на трех сайтах в Интернете.

Для журналистов в регионах, пишущих на правовые темы, с целью более широкого вовлечения местных СМИ в процесс пропаганды идей наказаний, не связанных с лишением свободы, организуются семинары. Их цель — более углубленно изучить терминологию и суть альтернативных мер наказания, в частности, обязательных (общественных) работ, проанализировать уже изданные материалы. С начала проекта было организовано две международные конференции, несколько рабочих встреч партнеров, поездки в регионы.

Привлечение неправительственных общественных организаций

Один из способов вовлечения общества в работу по проекту «Международной тюремной реформы» является более широкое привлечение НПО и отдельных активистов на местах. Так, например, тренинги для сотрудников УИИ организуются и проводятся представителями НПО и учебных заведений. Большие возможности для использования сил НПО существуют также в их работе в качестве общественных

инспекторов. В ноябре прошлого года вступил в силу приказ ГУИН Минюста России, утверждающий «Положение об общественных инспекторах уголовно-исполнительных инспекций». По этому Положению общественным инспектором может быть любой гражданин, достигший совершеннолетия и прошедший необходимую подготовку.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

При дальнейшем развитии системы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, необходимо учитывать следующее:

1. Наказание в виде обязательных работ, которое планируется ввести повсеместно не позднее 2004 г., потребует практического внедрения полученных ранее результатов и обобщения опыта его применения, разработки ведомственной нормативной базы и типовых организационных документов.
2. Необходимо выделение финансовых средств из государственного бюджета. По предварительным прогнозам, число осужденных к этому виду наказания в Российской Федерации может составить 75—80 тыс. человек ежегодно. Поэтому введение в действие данного наказания потребует определенных затрат из государственного бюджета, связанных с необходимостью укрепления уголовно-исполнительных инспекций Минюста России. Наряду с этим, очевидно, потребуются увеличение расходов на содержание органов местного самоуправления, которые в соответствии с ч. 1 ст. 25 УИК РФ должны обеспечивать работой осужденных к обязательным работам. Для того, чтобы предусмотреть в государственном бюджете на 2004 г. выделение необходимых финансовых средств, на эти цели потребуются разработка соответствующей федеральной целевой программы.
3. При введении в действие наказания в виде обязательных работ представляется необходимым внесение определенных изменений и дополнений в ст. 28 УИК РФ с целью стимулирования потенциальных работодателей к использованию труда осужденных, конкретизации порядка оплаты за выполненную ими работу, порядка возмещения ущерба осужденному в случае причинения вреда его здоровью при выполнении обязательных работ.
4. Согласно ч. 3 ст. 49 УК РФ, в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются ограничением свободы или арестом. Поэтому наказание в виде обязательных работ целесообразно вводить в действие одновременно с вышеназванными наказаниями или хотя бы одним из них.
5. Необходимы дальнейшие модернизация и укрепление уголовно-исполнительных инспекций как прообраза российских служб пробации. В частности, — практические меры по усилению профилактической работы инспекций в отношении несовершеннолетних, по оптимальному распределению функций внутри инспекций:
 - изменение уголовного законодательства в направлении гуманизации (ожидаемое в результате работы президентской комиссии) повлечет рост применения альтернативных мер наказания;
 - сохраняется необходимость сопровождения в органах законодательной власти ранее внесенных законопроектов в части изменений УК и УИК РФ;
 - повышается заинтересованность Минюста РФ и местных органов власти в развитии альтернативных мер наказания (и прежде всего обязательных работ);
 - интерес, проявленный органами управления УИС и сотрудниками УИИ к проведенным тренингам, позволяет расширять систему тренингов с распространением ее на новые регионы;
 - внимание общественности к реализации проекта в девяти регионах РФ (сформированное в немалой степени благодаря успешной деятельности СМИ) предполагает расширение кампании по формированию общественного мнения;
 - имеется явно выраженная готовность к сотрудничеству со стороны ряда влиятельных НПО;
 - есть необходимость продолжения мониторинга обеспечения прав и свобод осужденных к альтернативным мерам в целях выработки эффективных контрольных механизмов.

Особого внимания требует вопрос о введении в действие новых видов альтернативных наказаний (а именно — ограничение свободы и арест).

Одной из важных задач является движение «от тюрем к открытым пенитенциарным учреждениям». Такой подход позволит использовать всю систему альтернативных мер в их органическом единстве, создав значительный «противовес» тюремному уклону в уголовной политике.

Главной социальной задачей дальнейшей работы могло бы быть существенное сокращение применения лишения свободы в РФ на основе использования альтернативных санкций. В современных условиях это требует полноценного использования не только наказания в виде обязательных работ, но и других, и прежде всего — ограничения свободы, как «промежуточного» между «свободой» и «несвободой» и лишённого многих

отрицательных свойств поселения.

Внедрение ограничения свободы как меры наказания в России отсрочено введением в действие «не позднее 2005 г.». Есть основания ввести эту меру ранее, одновременно с обязательными работами. Однако это потребует масштабной исследовательской и организационной деятельности. В то же время реализация этой меры позволит сократить уровень тюремного населения не менее чем на 30 — 40 тыс. человек. В этом плане «исправительные центры» как открытые пенитенциарные учреждения имеют большое будущее.

В связи с этим необходимы разработка и экспериментальное апробирование оптимальной модели «исправительного центра», что возможно на базе одной или нескольких колоний-поселений. Одним из вариантов организации Центров может быть преобразование в них колоний-поселений. В настоящее время в России в них отбывает наказание свыше 30 тыс. осужденных.

Сравнительный анализ норм УИК РФ, регулирующих порядок и условия исполнения и отбывания лишения свободы в колониях-поселениях и наказания в виде ограничения свободы, по всем основным параметрам (т.е. в части обеспечения режима содержания и охраны, в раздельном содержании определенных категорий осужденных, в организации труда осужденных, их обучения и т. д.) показывает, что по своему содержанию эти нормы либо полностью совпадают, либо очень близки. Фактически колонии-поселения уже сейчас не являются местами отбывания лишения свободы в полном смысле этого слова. Охрана и изоляция от общества в них не осуществляются. Поэтому имеется возможность практически без дополнительных капиталовложений организовать исполнение наказания в виде ограничения свободы. Для этого необходимо колонии-поселения как вид исправительных учреждений упразднить, реорганизовав их в исправительные центры. Перевод осужденных из исправительных колоний общего и строгого режимов в исправительные центры осуществлять в порядке замены лишения свободы более мягким наказанием (ст. 80 УК РФ).

Безусловно, такое решение потребует серьезной корректировки действующего законодательства, однако это представляется оправданным не только экономически, но и с точки зрения целей, задач и принципов исполнения наказаний, а также полностью соответствует положениям послания Президента России Федеральному Собранию РФ на 2002 г.

Арест, как вид наказания, вряд ли имеет перспективу развития.

Согласно расчетам, численность осужденных к аресту в Российской Федерации может составить примерно 60—70 тыс. человек в год. Для их размещения необходимо построить в субъектах РФ не менее 140 арестных домов общей сметной стоимостью свыше 50 млрд руб. Причем построить эти учреждения необходимо до 2006 г., т.е. одновременно с реализацией утвержденной Правительством РФ Федеральной целевой программы реформирования УИС Минюста России, предусматривающей строительство следственных изоляторов на 46 тыс. человек. Одновременное решение двух таких масштабных задач, как и изыскание средств на их реализацию, представляется нереальным. Дело, однако, не только в материальных трудностях. Наказание в виде ареста по российскому законодательству является не вполне удачным аналогом шокового ареста с суровыми условиями содержания, ранее широко применявшегося за рубежом. Однако в большинстве зарубежных стран срок такого ареста составляет от 7 суток до одного месяца. У нас же предусмотрен срок ареста от одного до шести месяцев в условиях строгой изоляции. По закону осужденные должны содержаться в запираемых камерах, им запрещены свидания, посылки, передачи, они не привлекаются к оплачиваемому труду, не получают общего и профессионального образования. Право приобретать продукты питания и предметы первой необходимости в связи с отсутствием заработанных средств превращается в пустую формальность. По мнению специалистов, подавляющее большинство отбывших этот вид наказания может приобрести серьезные психические заболевания. С учетом экономической ситуации, названных негативных моментов и сомнительной эффективности этого вида наказания представляется целесообразным рассмотреть вопрос об исключении его из законодательства Российской Федерации.

Принятие предлагаемых решений на законодательном уровне в отношении ограничения свободы и ареста позволит с большей обоснованностью ставить в Правительстве РФ вопрос о дальнейшем развитии уголовно-исполнительных инспекций, недостаточность которого является одним из основных препятствий на пути расширения сферы применения наказаний, альтернативных лишению свободы.

Таким образом, основываясь на приведенных выше выводах и рекомендациях, полученных в результате реализации экспериментального проекта по реформированию системы уголовно-исполнительных инспекций и внедрению модели исполнения наказаний в виде обязательных работ, стратегический план дальнейшей работы по развитию альтернатив тюремному заключению в России должен включать следующие направления:

В политической области:

- формирование устойчивой тенденции в органах власти, судебно-прокурорских органах к признанию ценности и эффективности альтернативных мер, к преодолению «карательного менталитета» населения;
- поддержка политических решений и законопроектов, направленных на гуманизацию уголовной политики.

В правотворческой области:

- разработка и внесение изменений в УК, УПК и УИК РФ, направленных на полноценное использование альтернативных мер, в т. ч. наказания в виде ограничения свободы;
- совершенствование законодательной и подзаконной нормативной правовой базы, регулирующей деятельность по исполнению наказаний без изоляции от общества;
- разработка проектов постановлений Правительства и приказов Министра юстиции относительно статуса уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров, их сотрудников и их взаимодействия с местными органами власти и общественностью.

В организационной области:

- дальнейшее совершенствование структуры УИИ, направленное на создание институтов воспитателей, психологов, службы взаимодействия с общественными инспекторами, муниципальными органами занятости населения, образовательными учреждениями и иными заинтересованными ведомствами;
- повышение социального статуса сотрудников УИИ;
- разработка и экспериментальное внедрение в ряде регионов типовой модели исправительного центра с последующим использованием ее по всей России;
- отработка механизма взаимодействия исправительных центров с работодателями, местными органами власти, органами милиции;
- внедрение общественного контроля за деятельностью исправительных центров и участия добровольцев в их работе;
- организация системы рейтинга исправительных центров;
- разработка и внедрение системы мониторинга обеспечения прав и свобод личности осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах и стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

В учебно-методической области:

- разработка и реализация учебных программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников исправительных центров;
- введение специализации для работы в исправительных центрах в высших учебных заведениях Минюста России;
- подготовка методических рекомендаций по работе с осужденными, стоящими на учете в инспекциях, и осужденными в исправительных центрах.

В области общественного мнения:

- формирование с помощью СМИ позитивного отношения к гуманизации системы наказаний, к альтернативным мерам наказания;
- формирование в общественном мнении «психологии сотрудничества» в отношениях с администрацией и работниками УИИ и исправительных центров.

(1) При подготовке данного материала были использованы: доклады заместителя министра юстиции Ю.И. Калинина и заместителя начальника ГУИН МЮ РФ О.В. Филимонова; статьи В.А. Уткина (Томский государственный университет. Юридический институт) и др. материалы, подготовленные в рамках проекта «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации».

(2) См.: United Nations Secretariat: "Alternatives to Imprisonment". International Review of Criminal Policy. 1080. № 36. P. 9.

(3) Резолюция СЕ (76), март 1986.

(4) Рекомендация № R (92) 16 была одобрена Комитетом Министров 19 октября 1992 г. на 482-м заседании Заместителей министров.

(5) Здесь и далее под арестом подразумевается предусмотренная ст. 44 и 54 УК РФ мера наказания, которая заключается в содержании заключенного в строгой изоляции от общества сроком не более 6 месяцев, и в соответствии со ст. 68—69 УИК РФ осужденные содержатся отдельно от других категорий осужденных в специальных арестных домах.

(6) Российская газета. 2002. 19 апреля.

Бездомность: продолжение наказания бывших заключенных

Международная медицинская гуманитарная организация «Врачи без границ»

Почти четверть всех бездомных в России — бывшие заключенные. Люди, которые освобождаются из мест заключения, практически не получают никакой социальной поддержки, а многие из них оказываются без работы и жилья. Это способствует росту рецидивной преступности, а также заставляет вести связанный с повышенной подверженностью заболеваниям образ жизни в условиях, когда доступ к медицинскому обслуживанию затруднен или невозможен.

Бездомность представляет гигантскую проблему для России. Только на улицах г. Москвы, по официальным оценкам, живет 100 000 человек. Эти люди не получают какой-либо помощи и значительную часть года вынуждены существовать на улице при минусовой температуре(1). С октября 2002 г. в Москве от гипотермии погибли 356 человек(2).

«Врачи без границ» оказывают медицинскую и социальную помощь бездомным в Москве на протяжении 11 лет, и на сегодня более 80 000 человек ее получили. Программы «Врачей без границ» также направлены на оказание помощи людям в их реинтеграции в общество.

Законодательство, предусматривающее подготовку заключенных к освобождению, в большинстве случаев не выполняется, а государственная программа по реинтеграции заключенных в общество отсутствует. Лишь немногие из них могут рассчитывать на поддержку семьи или друзей и тем самым избежать участи бездомных и той среды, которая способствует совершению новых преступлений и, как следствие, повторному заключению. Многие же страдают от различных заболеваний, однако их возможности получить должную медико-сани-тарную помощь крайне ограничены.

Таблица 1. Причины бездомности (%) (3)

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Бывшие заключенные	25	25	26	22.3	18.7	30.3	26.6
Утрата жилья	21	20	19	19	21.8	24.5	26
Семейные проблемы	15	16	15	15.7	13	14.5	12.1
Потеря работы	16	19	16	23.7	11.5	13.9	15.5
Личный выбор	3	6	6	4.7	7.1	4.2	7.2
Беженец (мигрант)	5	3	3	2.9	1.9	0.8	1.9
Психологические проблемы	1	0	0	0.9	1.2	1.6	4.8
Прочие	12	9	11	3.4	6.4	5.5	4.1
Не бездомные(4)	2	2	3	7.4	18.4	4.7	1.8

ОБРЕЧЕННЫЕ НА БЕЗДОМНОСТЬ

Многие проблемы бездомных — бывших заключенных обусловлены халатностью сотрудников пенитенциарной системы. В период, предшествующий освобождению, заключенных не ставят в известность об их правах и обязанностях, как это предусмотрено законом(5). Заключенные не знают, что им необходимо обратиться, например, за восстановлением необходимых документов, таких как паспорт, трудовая книжка, справка о ежемесячном доходе, пенсионное свидетельство или свидетельство о нетрудоспособности. Даже если

заклученные получают соответствующую информацию, это не гарантирует, что документы будут выданы в момент освобождения. Например, один бездомный, отбывавший срок заключения в период 2000—2002 гг. и в настоящее время получающий медицинскую помощь от «Врачей без границ», подал девять заявлений на новый паспорт, но в итоге получил лишь справку об освобождении. Заклученные также часто не ставят в известность о том, что они обязаны сообщить о своем предполагаемом месте жительства после освобождения.

Заклученные с физическими недостатками, заклученные-мужчины в возрасте более 60 лет и заклученные-женщины в возрасте более 55 лет могут после освобождения помещаться органами социальной защиты в дома-интернаты(6). Для этого сначала должны написать заявление. Без заявления заклученного администрация не должна сама обращаться в социальные службы с просьбой о помещении освобождающегося в учреждение социальной помощи. В большинстве же случаев больные и престарелые заклученные обречены на дополнительные трудности после освобождения. Например, один 68-летний бывший заклученный, инвалид по зрению(7), неоднократно просил администрацию помочь ему устроиться в интернат, однако его просьбы остались без ответа. Теперь, будучи нетрудоспособным и бездомным человеком, он пытается решать свои проблемы самостоятельно.

В соответствии с законом(8) администрации исправительных учреждений обязаны за шесть месяцев до окончания срока заключения ставить в известность местные власти и федеральную службу занятости о предстоящем освобождении осужденного. Задача администрации — выяснить нуждается ли заклученный в жилье, каковы возможности его будущего трудоустройства. Но эти законодательные требования часто не исполняются.

Наиболее важной проблемой для любого гражданина России является наличие правильно оформленных документов. Со своей стороны администрации исправительных учреждений обязаны(9) заранее подготовить освобождаемому документы (паспорт, трудовую книжку, пенсионное свидетельство или в случае необходимости свидетельство о нетрудоспособности), однако зачатую этого не делается. После временного улучшения (2001 — начало 2002 гг.) ситуация стала ухудшаться и, в основном, из-за вступления в силу нового закона «О гражданстве РФ»(10). По данным «Врачей без границ», паспорта не выдаются во многих исправительных учреждениях, в т. ч.: в Воронежской, Ростовской, Кировской, Ярославской, Нижегородской, Пермской, Белгородской, Костромской, Кемеровской, Новгородской и Калужской областях, а также в республиках Мордовии и Коми.

В соответствии со статьей 181 УИК РФ освобождаемым заклученным должен быть оплачен проезд до места жительства, а также выданы денежные средства и питание на время переезда(11). Без такой помощи заклученные с самого момента освобождения вынуждены искать средства к существованию любыми доступными способами. Не имея паспорта и официальной работы, многие люди видят единственный способ выжить, совершая преступления.

ОТТОРЖЕНИЕ ОТ ОБЩЕСТВА

По существующим правилам статус бывшего заклученного действует только в течение шести месяцев с момента освобождения(12). Но из-за отсутствия государственной программы реинтеграции в общество и разрушения системы социальной поддержки люди во многих случаях не могут вернуться к нормальной жизни многие годы. За время работы «Врачей без границ» было установлено, что до 42% бездомных, обращающихся за помощью, не могли вернуться к нормальной жизни в течение первых пять лет после освобождения; для каждого пятого (21,5%) этот период растянулся до 10 лет (см. таблицу 2).

Таблица 2. Продолжительность бездомности (%)

.	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
< 1 месяца	5	18	26	30,9	8,7	4,7	3,1
1—6 месяцев	42	50	24	17,6	14,1	12	7,5
7—12 месяцев	13	7	10	9	9,5	7,9	10,5
1—5 лет	30	20	30	26,7	36,1	42	38,4
6—10 лет	5	3	5	6	10,5	21,5	20,6
11—20 лет	2	1	1	1,9	2,3	5,3	4,6
> 20 лет	1	0	0	0,3	0,6	1,8	2

не бездомные (субъективная оценка)	2	1	4	7,6	18,2	4,8	13,4
------------------------------------	---	---	---	-----	------	-----	------

Как уже было сказано выше, сложности с получением новых паспортов и других документов представляют существенное препятствие на пути реинтеграции в общество. По правилам МВД РФ(13) те, кто не имеет регистрации по месту жительства или месту пребывания могут оформить новые паспорта в паспортно-визовых отделах ОВД «по месту фактического проживания». Однако такого понятия в действующем законодательстве нет(14), что и дает работникам паспортных отделов формальные основания для того, чтобы не выдавать паспорта по месту фактического проживания. В результате большинство обратившихся (69% в 2001 г.) в медико-социальный центр «Врачей без границ» не смогли оформить необходимые документы.

После принятия нового закона «О российском гражданстве» получение паспорта для многих бывших заключенных стало абсолютно невозможным. Они не только не могут доказать свое российское гражданство, которое определяется(15) как наличие постоянной регистрации на территории страны на 6 февраля 1992 г., но для них также невозможно восстановить гражданство, поскольку такого рода заявления принимают только по месту жительства(16), т.е. при наличии регистрации по месту жительства на момент обращения. А эту регистрацию получить невозможно из-за отсутствия паспорта. Новое законодательство в тех случаях, когда гражданская принадлежность не ясна, требует от людей в судебном порядке доказывать свое право на гражданство России, но заявление в суд принимается только от лиц, личность которых установлена. Таким образом, формируется порочный круг: документ, удостоверяющий личность (паспорт), выдан быть не может из-за неясности гражданской принадлежности бездомного, принадлежность к гражданству РФ не может быть установлена из-за отсутствия документа, подтверждающего факт проживания на территории РФ на 6 февраля 1992 г., факт проживания на территории РФ не может быть установлен судом из-за отсутствия документа, удостоверяющего личность.

Двое бездомных, обратившихся к «Врачам без границ», были освобождены в конце 1991 г. и практически сразу попали в больницу (один с сердечным приступом, другой с обморожением). Они выписались из больницы следующей весной, потерявшие трудоспособность и без документов. С тех пор они живут на улицах, либо в негосударственных приютах. Несмотря на их попытки, им не удалось получить паспорт, поскольку в феврале 1992 г. у них не было прописки (регистрации по месту жительства).

Другой бездомный, тщетно пытающийся восстановить свои документы, родился в г. Туле и всю свою жизнь прожил в этом городе. По семейным обстоятельствам он выписался по месту проживания в конце 1991 г. С 1991 г. по 2000 г. он территории России не покидал, но регистрации по месту жительства не имел, т. к. негде было зарегистрироваться. В 2000 г. он был осужден на год тюрьмы и после освобождения получил паспорт — другими словами, был признан российским гражданином, но впоследствии паспорт был утерян или украден. С помощью «Врачей без границ» он пытался восстановить свой паспорт, но по сей день этого сделать не удалось, поскольку он не может доказать свое российское гражданство. Когда «Врачи без границ» обратилось с запросом в МВД РФ, был получен следующий ответ: «В соответствии с действующим законодательством... в случае, если у лица отсутствуют документы, удостоверяющие личность, которые подтверждают факт постоянного проживания граждан в Российской Федерации по состоянию на 6 февраля 1992 г., необходимо решение суда. Бремя доказательства наличия российского гражданства лежит на самих гражданах»(17).

Существуют также трудности в получении регистрации по месту жительства. В отсутствие паспорта или временного удостоверения личности, подтверждающего российское гражданство, регистрация абсолютно невозможна. Однако даже если бывший заключенный имеет эти документы, невозможно получить регистрацию, если заявитель не имеет родственников или друзей с жильем.

Противоречия действующему законодательству(18), незарегистрированный россиянин попадает в положение незаконного мигранта в собственной стране, поскольку все конституционные права — на жилье, работу, медицинское и социальное обеспечение, образование, приобретение и подтверждение гражданства, участие в выборах, а также обязанности по уплате налогов, защите Родины и т. д. возникают в России только с момента регистрации по месту жительства.

Положение бездомных — бывших заключенных усугубляется также подверженностью различным заболеваниям и отсутствием доступа к медицинскому обслуживанию. Болезни, которые в основном поражают бездомных, вызваны нечеловеческими условиями жизни, при этом многие бывшие заключенные, которые составляют до четверти московских бездомных, страдают от туберкулеза, приобретенного в заключении (табл. 3). Этим смертельным заболеванием страдает каждый десятый из числа бездомных.

Таблица 3. Заболеваемость среди бездомных (%)

.	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Трофические язвы, инфекция в ранах	21,6	26,9	27,3	20,2	23,3	20,5	26,8
Увечья, ожоги, обморожение	13,0	13,0	10,3	11,6	13,5	13,7	13,4
Кожные заболевания	10,8	8,5	6,1	5,5	5,8	6,5	6,1
Респираторные заболевания	11,8	13,3	11,6	9,9	13,7	9,1	8,0
Педикулез, чесотка	7,7	3,8	2,4	3,0	2,8	5,8	5,9
Подозрения на туберкулез(19)	9,7	7,4	8,0	14,6	11,0	14,5	10,9
Желудочно-кишечные заболевания	7,6	7,2	3,0	2,2	4,3	4,5	4,6
Сердечно-сосудистые заболевания	2,5	3,8	5,3	3,3	4,2	3,1	2,3
Почечные и урологические заболевания	0,9	1,2	1,4	1,7	1,8	1,1	1,4
Заболевания, передающиеся половым путем	2,6	3,1	3,3	4,3	5,2	3,9	4,3
Умственные расстройства	1,1	0,8	1,1	2,0	3,4	2,7	2,2
Неврологические заболевания	_*	_*	_*	_****	1,4	1,6	1,7
Офтальмологические нарушения	_*	_*	_*	_****	1,1	1,1	1,3
Иные инфекционные заболевания	_**	_**	_***	0,8	0,9	1,1	0,9
Заболевания опорно-двигательного аппарата	_*	_*	_*	_****	1,4	1,4	1,1
Прочее	10,7	11	20,2	20,9	6,2	9,4	9,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100

* — отдельно не регистрировались

** — отдельно фиксировалась только дифтерия

*** — отдельно фиксировались только острые кишечные инфекции

**** — данные фиксировались только в период с сентября по декабрь

Бездомные, зарегистрированные в ночных приютах, а также те, которые обратились в организации социальной помощи, могут рассчитывать на лечение. А в целом бездомные не имеют доступа к амбулаторному лечению в государственных медицинских учреждениях. Существуют некоторые исключения. В 1999 г. в г. Санкт-Петербург был открыт медицинский центр для бездомных, работает также поликлиника в г. Новосибирск, которая принимает бездомных. Но возможности этих учреждений ограничены. Как правило, максимум, на что может рассчитывать больной бездомный — это срочная госпитализация в случае, если человек находится в критическом состоянии. Это означает, что если бездомный поступает в больницу, то его заболевание уже находится на поздней стадии, которое требует продолжительного и дорогостоящего лечения (один день пребывания в московской больнице обходится государству в 2,5 тыс. руб.(20)), и, возможно, оперативного вмешательства. Впоследствии многие становятся инвалидами и, если позволяют обстоятельства, они живут в домах-интернатах, финансируемых из госбюджета. В случае инфекционных заболеваний, таких как туберкулез, отсутствие должного лечения приводит к дальнейшему распространению заболевания среди населения.

Психологическая и социальная помощь в местах заключения практически отсутствует, если не считать нескольких проектов неправительственных организаций. Поэтому заключенным, которые оказались на несколько лет изолированы от динамично меняющегося современного российского общества, вновь приходится искать точку опоры и выживать самостоятельно.

Несмотря на существование законодательного запрета(21) на любое ограничение прав не имеющих регистрации граждан в отношении трудоустройства, найти официальную работу без регистрации по месту жительства практически невозможно. Получить работу также невозможно без свидетельства о налоговой регистрации и свидетельства государственного пенсионного страхования, которые могут быть получены только по месту жительства.

Возможности найти временное или постоянное жилье сильно ограничены. В соответствии с постановлением Конституционного суда РФ(22), осужденные граждане сохраняют за собой право на жилье. На практике на то,

чтобы получить жилье, уходят месяцы и годы. И поскольку ночные приюты и социальные гостиницы в России не могут удовлетворить потребности всех нуждающихся, многие становятся бездомными.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Отсутствие государственной программы реинтеграции российских граждан, освобождаемых из исправительных учреждений, а также частое несоблюдение требований законодательства, касающихся социальной помощи, действующие правила регистрации будут только способствовать росту числа бездомных. Отсутствие социальной поддержки делает положение бездомных безысходным, что провоцирует их на совершении новых преступлений и приводит к повторному заключению.

Бездомные особо подвержены болезням, однако в наибольшей степени лишены доступа к медицинскому обеспечению. Бездомность и тюремная среда создают в России проблемы в сфере медицины и здравоохранения, которые требуют неотложного решения.

Властям необходимо обращать больше внимания на эту неимущую, уязвимую часть населения и предпринять срочные меры для того, чтобы российские бездомные получили необходимую помощь, которая позволит им пользоваться теми же правами, что и другие члены общества. Без этой базовой помощи жизнь бездомных связана с повышенной вероятностью заболевания и смерти, а также с риском совершения преступлений и повторного заключения.

- (1) За предыдущие четыре зимы (1998—2002 гг.), по данным Комитета здравоохранения г. Москвы, в столице России погибли от переохлаждения 1667 человек.
- (2) Сообщение агентства Интерфакс. 2003. 18 февраля.
- (3) Формы систематической социальной и медицинской отчетности, разработанные в 1995 г. «Врачами без границ».
- (4) Подсчёт не бездомных проводился для того, чтобы оценить влияние изменений экономической ситуации в стране на малоимущие слои населения. Так, например, после кризиса 1998 г. значительно увеличился поток людей, не являющихся бездомными, но для которых лечение даже в поликлинике стало недоступным. Кроме того, «бездомный» или «не бездомный» — это часто субъективная оценка, т. к. регистрация «Врачами без границ» не проверяется.
- (5) Ст. 180, ч. 2 УИК РФ.
- (6) Ст. 180, ч. 3 УИК РФ.
- (7) В настоящее время он получает помощь от «Врачей без границ».
- (8) Ст. 180, ч. 1 УИК РФ.
- (9) Ст. 173, ч. 4 УИК РФ.
- (10) Федеральный закон «О гражданстве РФ» от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ. Вступил в силу 1 июля 2002 г.
- (11) Ст. 181, ч. 1 УИК РФ.
- (12) *Егоров М., Карлинский И.* Пособие для тех, кто готовится к освобождению. СПб., 2002.
- (13) Приказы МВД от 15 сентября 1997 г. № 605 и от 26 июля 1999 г. № 554.
- (14) Из письма Минюста РФ от 5 сентября 2002 г. № 02-1523.
- (15) Указ Президента РФ от 14 ноября 2002 г. № 1325.
- (16) Федеральный закон «О гражданстве РФ» и Указ Президента РФ «Об утверждении порядка рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» от 14 ноября 2002 г. № 1325.
- (17) Из письма МВД РФ от 23 октября 2002 г. № 16/ж-6787.
- (18) Федеральный закон «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в РФ» от 25 июня 1993 г.
- (19) Не менее чем в 95—97% случаев диагноз подтверждается.
- (20) Письмо Комитета здравоохранения г. Москвы от 14 августа 2000 г. № 23-20-2285.
- (21) Ст. 64 Трудового кодекса РФ.
- (22) Постановление Конституционного суда РФ от 23 июня 1995 г. № 8-П.

Туберкулез в российских тюрьмах

Международная медицинская гуманитарная организация «Врачи без границ»

Российские тюрьмы являются основным источником распространения туберкулёза. Последствия этого смертельно опасного заразного заболевания усугубляются распространением лекарственно устойчивых форм туберкулеза и резким ростом числа ВИЧ-инфицированных людей. Российским властям необходимо продолжить реформирование пенитенциарной системы, которое должно рассматриваться, в т. ч., как неотложное мероприятие в области общественного здравоохранения. Это подразумевает радикальное улучшение условий содержания в местах заключения и сокращение применения такого вида наказания, как лишение свободы в пользу других, не предполагающих заключения. Должны быть расширены возможности доступа бывших заключенных к гражданской системе здравоохранения. Необходимо также улучшить общий уровень медицинской помощи больным туберкулезом в России.

ТУБЕРКУЛЕЗ В РОССИИ

Туберкулез (ТБ) — это высокозаразное бактериальное заболевание, от которого во всем мире ежегодно умирает около 2 млн человек. Эпидемия разрастается вследствие ухудшения социально-экономических условий, а также разрушения или отсутствия системы здравоохранения. Последствия эпидемии туберкулеза усугубляются появлением штаммов, устойчивых к известным противотуберкулезным препаратам. Такие формы ТБ значительно труднее поддаются лечению и часто приводят к смертельным исходам. Кроме того, взрыв ВИЧ-инфицированности и СПИДа обуславливает еще больший рост количества больных ТБ и повышает риск распространения туберкулеза.

Россия занимает десятое место в мировом списке стран с наихудшей ситуацией по ТБ(1), что вызвано, главным образом, социально-экономическими потрясениями и связанными с ними бедностью, ростом числа бездомных. Значительную роль сыграло общее уменьшение расходов на здравоохранение, в результате чего эффективность мероприятий по контролю над туберкулезом(2) понизилась, и за последнее десятилетие отмечен опасный рост заболеваемости. При этом только в 2000 г. было зарегистрировано более 130 000 новых случаев(3). Уровень смертности за указанный период утроился, и в 2000 г. достиг 20 на 100 000 населения.

Очевидно, что тюрьмы являются эпицентром распространения туберкулеза в России, ведь более половины новых случаев ТБ приходится на заключенных и бывших заключенных(4). Согласно официальной статистике, более 84 000 заключенных больны туберкулезом(5), из них большую часть составляют молодые мужчины(6).

Условия содержания в тюрьмах, и в особенности их переполненность, плохое питание, отсутствие естественного освещения и должной вентиляции способствуют распространению туберкулеза. Поэтому уровень смертности среди заключенных во много раз выше, чем среди населения в целом; а уровень заболеваемости туберкулезом составил 3118 случаев на 100 000 заключённых в 2000 г.(7)

Растет число случаев заболевания лекарственно-устойчивыми формами туберкулеза. Это серьезная проблема как для тюрем, так и для общества в целом. Организация «Врачи без границ» (MSF) оказывает содействие в лечении больных ТБ в исправительных учреждениях Кемеровской области с 1996 г., предоставляет медицинскую и материальную помощь для лечения и контроля над туберкулезом. Был снижен уровень заболеваемости и смертности в пенитенциарной системе области. И хотя удалось добиться положительных результатов, MSF отдает себе отчет в том, что осуществляемая работа — это борьба с последствиями. Очевидно, что решение проблемы туберкулеза в России лежит не в медицинской плоскости, а скорее в политической, поскольку врачи в лучшем случае способны лечить само заболевание, но не могут устранить один из основных факторов риска — недопустимые условия содержания в пенитенциарной системе. Одним из наиболее эффективных способов ограничить распространение туберкулеза в тюрьмах является сокращение числа заключенных и улучшение условий содержания. Но действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство допускает наказания в виде лишения свободы даже за незначительные правонарушения, а перечень мер наказаний альтернативных тюремному заключению весьма ограничен. В связи с этим Россия занимает второе после США место в мире по числу заключенных: в мае 2002 г. в местах лишения свободы находилось 666 человек на каждые 100 000 населения, что составляет 960 000 заключенных(8).

Реформа системы исполнения наказаний является основополагающим мероприятием для установления контроля над распространением заразных заболеваний таких как туберкулез в местах лишения свободы, и реформа должна осуществляться в приоритетном порядке(9). Каждый служащий российской системы правосудия должен, прежде всего, понимать, что лишённые свободы люди направляются в среду с повышенным риском заражения смертельно опасной болезнью.

ШЕСТЬ ЛЕТ РАБОТЫ ПО ЛЕЧЕНИЮ ТУБЕРКУЛЕЗА В РОССИЙСКИХ ТЮРЬМАХ

Организация «Врачи без границ» (MSF) — это медицинская организация, оказывающая экстренную помощь

жертвам войны, голода, природных катаклизмов в более чем 80 странах по всему миру. На настоящий момент MSF осуществляет лечение около 14 000 больных туберкулезом в рамках специальных программ в 19 странах.

MSF начала свою работу в Сибири (Кемеровская область, Западная Сибирь) шесть лет назад. В Кемеровской области в колониях и изоляторах временного содержания на настоящий момент содержится около 30 тыс. человек — каждый сотый житель области является заключенным. В 2001 г. заболеваемость туберкулезом в Кемеровской области составила 140 случаев на 100 тыс. населения, что значительно выше среднего уровня по стране(10). В области примерно 30 тыс. заключенных содержатся в 24 колониях и 3 СИЗО, в т. ч., в двух специализированных противотуберкулезных колониях (лечебно-исправительном учреждении (ЛИУ) № 33 в г. Мариинска и ЛИУ № 16 в г. Новокузнецка). Кроме того, заключенные-женщины проходят лечение от ТБ в исправительной колонии (ИК) № 35. Тот факт, что почти треть новых случаев туберкулеза, выявленных среди населения, приходится на бывших заключенных, с полной ясностью свидетельствует о том, что тюрьмы являются основным источником этого заболевания в обществе(11).

Деятельность MSF началась в июне 1996 г. в колонии № 33 в г. Мариинска по приглашению главного врача. Необходимо было решить проблему высокой смертности от туберкулеза среди заключенных. В 90-х гг. распространение туберкулеза в исправительных учреждениях Кемеровской области носило катастрофический характер. В условиях усугубляющегося экономического кризиса врачи не могли предоставлять необходимую медицинскую помощь. На момент начала работы MSF ежедневно от туберкулеза умирало в среднем двое заключенных и уровень заболеваемости среди заключенных в 50 раз превышал таковой среди гражданского населения(12).

В сотрудничестве с администрацией MSF приступила к лечению больных заключенных в ЛИУ № 33. Программа лечения осуществлялась в соответствии с рекомендациями Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) по лечению туберкулеза. Через два года смертность снизилась: от 1—2 человек в день до 1—2 человек в месяц, а показатели излечения в ЛИУ № 33 практически удвоились(13).

В последующие годы MSF расширила свои программы, распространив их на ЛИУ № 16 (с февраля 1999 г.) и ИК № 35 (с июля 1998 г.), а также на три областных СИЗО (с начала 2000 г.). Для оперативного выявления новых случаев заражения, улучшения системы снабжения лекарствами и повышения эффективности лечебных мероприятий MSF содействовала переподготовке медицинского персонала, помогала в реконструкции больничных корпусов колоний и создании сети лабораторий. В последнее время много внимания уделяется реализации программы по лечению больных ТБ с множественной лекарственной устойчивостью (МЛУ ТБ) в ЛИУ № 33.

Помимо помощи заключенным, MSF проводит программу, направленную на борьбу с туберкулезом среди гражданского населения в одном из районов г. Кемерово, включая социальную помощь бывшим заключенным.

За последние шесть лет в рамках программы курс лечения прошли около 9500 пациентов. Совершенствование системы ранней диагностики позволило сократить период между постановкой диагноза и началом лечения с 6 месяцев до 2 недель, что способствовало снижению уровня распространения заболевания и улучшению эпидемической обстановки в пенитенциарной системе области.

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СПОСОБСТВУЮТ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ТУБЕРКУЛЕЗА

Бывший заключенный, госпитализированный с лекарственно-устойчивой формой туберкулеза, рассказывал, что «камеры были переполнены. В камере, примерно 16 кв. м на 5 кв. м, находилось около 60 человек. Это была колония по заражению туберкулезом...приходили здоровые люди, а уходили из колонии пачками с туберкулезом. Было страшно смотреть на то, сколько людей вокруг меня заразились туберкулезом»(14). Еще более выразителен следующий отрывок из письма заключенного (июль 2002 г.): «В данный момент в камере № 8 находится больной туберкулезом вместе со всеми. Он постоянно кашляет... риск заразиться туберкулезом — это часть твоего приговора».

Международные нормы, регламентирующие условия содержания в тюрьмах, требуют, чтобы «все помещения, предоставляемые для использования заключенными, и в особенности помещения для сна, отвечали всем требованиям по охране здоровья, при этом учитывались климатические условия, и, в частности, нормы объема воздуха, минимальной площади и освещения, отопления и вентиляции»(15). Один из заключенных, который провел половину своей жизни в тюрьмах, описывал условия содержания следующим образом: «Переполненность, спертый сырой воздух и плохая пища — все это является нормальными тюремными условиями»(16). Это «идеальные» условия для распространения заболевания — они образуют так называемую чашку Петри, в которой легко выживают и развиваются бактерии туберкулеза, дополнительным фактором является увеличение в последние годы числа ВИЧ-инфицированных заключенных.

Серьезной проблемой в российских пенитенциарных учреждениях остается переполненность и скученность в камерах. Средняя площадь на одного заключенного зачастую существенно меньше минимально установленной международными требованиями нормы (4 м²); в некоторых случаях она составляет менее 1 м², в результате чего заключенным приходится спать по очереди.

Многие из заключенных долгое время находятся на открытом воздухе при низких температурах. Один бывший заключенный рассказывал, что «...людям приходилось находиться на улице весь день. Теплые вещи были запрещены и люди сидели на холоде, в снегу в одних хлопчатобумажных рубашках. Зимой было минус двадцать. А иногда и минус сорок. Здесь тепло три месяца в году, а остальное время года очень холодно. В Сибири две зимы — зеленая и белая»(17).

Заключенные часто жалуются на бетонные полы, из-за которых воздух в камере становится влажным. Зимой окна из-за холода закрывают или заделывают, а в СИЗО окна в целях безопасности часто защищены металлическими жалюзи, они не пропускают в камеру свежий воздух и солнечный свет. Известны случаи, когда летом люди умирали от удушья из-за жары в переполненных камерах.

«В тюрьме было явно слишком много народу, поскольку люди спали на полу или где придется. Иногда люди спали на бетонном полу в душевой комнате. Я находилась в двухэтажном здании, разделенном на два отделения. В каждом отделении было по 60 коек, но всегда там находилось до 400 заключенных. Бетонный пол мыли дважды в день, и воздух был всегда влажным и холодным. Было очень холодно. Поэтому люди и получали туберкулез»(18), — бывшая заключенная, 25 лет, осужденная за кражу, которой после года пребывания в тюрьме был поставлен диагноз ТБ с МЛУ.

По словам бывших заключенных, пища в местах лишения свободы плохого качества и часто её недостаточно. Заключенные, больные туберкулезом, нуждаются в дополнительном питании, но и здесь фактическое обеспечение питанием не всегда отвечает требованиям(19). Одна бывшая заключенная рассказывала, что одной из причин ее заболевания туберкулезом было недоедание: «Я едва передвигала ноги из-за потери веса, но меня выгоняли на улицу подметать землю... Они заставляют вас подметать землю целый день — в колонии есть поговорка, что снег никогда не касается земли»(20). Другой заключенный из той же колонии рассказывал, что «было много вшей и других инфекций. Через пять месяцев я сначала стал страдать недоеданием и потом заболел туберкулезом»(21). По словам другого бывшего заключенного, «заключенных, страдающих туберкулезом, заставляют работать, даже тех, кто серьезно болен»(22).

В условиях перенаселенности в камерах заключенные, больные заразной формой туберкулеза, контактируют с незараженными людьми и распространяют болезнь. По словам одного заключенного, его «все время держали с другими больными, и существовал громадный риск распространения заболевания. Когда люди прибывают в тюрьму, их всех помещают в один приемник, где никого не спрашивают, есть у тебя туберкулез или нет, и люди заражаются друг от друга. Это неизбежно»(23). Риск заразиться туберкулезом известен многим заключенным и, по всей видимости, может служить причиной нервных расстройств у некоторых из них. Один из заключенных говорил: «Я знаю наверняка, что если бы меня не посадили в тюрьму, то я не заразился бы туберкулезом. Ты сидишь в камере со многими другими людьми и никогда не знаешь [есть ли у кого-либо туберкулез]. Туберкулез — дополнительное наказание, которого быть не должно»(24).

По сравнению с условиями содержания в колониях, которые в целом считаются плохими, условия содержания в СИЗО являются просто ужасающими. В СИЗО особенно высок риск заболевания туберкулезом. По мнению международной правозащитной организации «Международная Амнистия»: «Перенаселенность и антисанитарные условия в следственных изоляторах... в основном носят настолько крайние формы, что равносильны жестокому, антигуманному или унижительному отношению или наказанию»(25).

Двадцатисемилетний мужчина, больной ТБ с МЛУ, который находился пять месяцев в СИЗО, описывал условия следующим образом: «СИЗО был постоянно переполнен. А летом было так жарко, что все ходили только в нижнем белье. В камере площадью около 40 кв. м было до 60 человек. Окна не открывались совсем. Дверь открывалась только, когда кого-то вводили или выводили. Нас выпускали на прогулку по полчаса каждый день. Раз в неделю разрешался душ. Свою одежду и постельное белье мы стирали прямо в камере, из-за чего воздух был очень влажным. Нам приходилось спать по очереди, и были случаи, когда трем людям приходилось по очереди спать на одной кровати»(26).

В СИЗО трудно достичь высоких показателей эффективности лечения из-за постоянных выездов заключенных на следствие, переводов в другие учреждения пенитенциарной системы и т. п. Если заключенного освобождают, то не существует гарантии, что он захочет лечиться дальше или сможет продолжить лечение. По данным MSF многие люди не продолжают лечение после освобождения из мест заключения.

Исследование, проведенное MSF в трех СИЗО Кемеровской области, показало, что условия содержания там весьма плохие: заключенные содержались в темных, холодных и переполненных камерах, зачастую очень

длительные сроки. В течение года с апреля 2000 г. по апрель 2001 г. из числа больных туберкулезом более половины (56,6%) имели заразную форму ТБ, при этом заразные и незаразные больные содержались вместе. Почти треть заключенных освобождается менее чем через 6 месяцев после помещения в СИЗО. Многие люди, находящиеся в СИЗО и подвергающиеся риску заболеть туберкулезом, впоследствии признаются невиновными и выходят на свободу.

Перемещения подследственных из СИЗО на следственные мероприятия приводят к длительным перерывам в лечении, распространению заболевания, а также развитию и распространению его лекарственно-устойчивых форм. MSF установила, что число людей, не завершивших курс лечения от туберкулеза, в СИЗО достаточно велик и составляет в среднем 17%, что, прежде всего, связано с выходом подследственных на свободу. И, как уже было отмечено выше, многие не продолжают курса лечения.

Условия содержания в исправительных учреждениях зависят от строгости наказания. Режимы особого/строгого содержания в колониях создают дополнительные условия для заражения туберкулезом. После посещения ПКТ (помещение камерного типа) в одной из колоний медсестра MSF описывала условия следующим образом. «Ситуация внутри здания была очень плохой ... некоторым заключенным приходилось спать на бетоне или на столах. Здание было в ужасном состоянии. Влажность, отсутствие достаточной вентиляции и, конечно, скученность». Заключенный, который провел шесть месяцев в ПКТ, говорил, что «условия были очень похожи на СИЗО. ПКТ составляет примерно 20 кв. м площади, с бетонным полом, поэтому воздух всегда очень влажный. В камере находилось семь или восемь человек, хотя иногда бывало двенадцать и больше. Окна не открывались. В одну из зим окно было разбито в течение трех месяцев. Было так холодно, даже под одеялами в одежде, но администрация игнорировала наши просьбы»(28). Условия содержания в колониях особого и строгого режимов создают дополнительные предпосылки для распространения этой смертельной болезни. Заключенные, страдающие туберкулезом, не освобождаются от внутри режимных взысканий, таких как нахождение часами на ногах без возможности лечь или ограничение в рационе питания, что в итоге может привести к дальнейшему ухудшению состояния их здоровья. Такое обращение может рассматриваться по международным нормам о правах человека как пытка, либо преднамеренно жестокое обращение.

ЛЕЧЕНИЕ ТУБЕРКУЛЕЗА В РОССИЙСКИХ ТЮРЬМАХ

«Переполненные тюрьмы с инфицированными больными заключенными и плохими санитарно-гигиеническими условиями представляют главную угрозу в области распространения заболеваний, передающихся контактным путем, в регионе. Защита здоровья в тюрьмах должна быть приоритетом».

Из Заявления глав государств на 4-м Балтийском саммите по угрозе заболеваний, передающихся контактным путем, Санкт-Петербург, 10 июня 2002 г.

«Меня не лечили. Я был болен и меня лихорадило, и на момент освобождения мое состояние ухудшилось. У меня были боли в легких, и я не мог встать с постели. Я хотел лечиться, но медицинские работники сказали, что я смогу лечиться, только после того, как меня выпустят».

Из недавнего интервью с больным туберкулезом (в 1999 г.), проведшим один год в СИЗО № 1 Кемеровской области(29)

Туберкулез можно предотвратить и излечить. Эффективность лечения туберкулеза имеет значение для общества в целом, поскольку позволяет снизить уровень заболеваемости и смертности, а также темпы распространения устойчивых форм ТБ. Если не лечить больного с активной формой туберкулеза, он может каждый год заражать в среднем от 10 до 15 человек.

Рекомендованная Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) методика лечения — краткий курс химиотерапии под непосредственным наблюдением, или Directly Observed Treatment Short-Course (DOTS) использует комбинацию из пяти противотуберкулезных препаратов, принимаемых ежедневно под непосредственным наблюдением медицинского работника в течение 6—8 месяцев. Методика DOTS зарекомендовала себя более высокими показателями излечения по сравнению с традиционными способами лечения туберкулеза, а стоимость курса на одного излечившегося составляет менее 50% от стоимости курса лечения, распространенного в России(30).

Тем не менее даже по методике DOTS потребуется более 2 млн долл. на приобретение лекарств для всех больных туберкулезом, содержащихся в российских тюрьмах, без учета тех тысяч больных лекарственно-устойчивыми формами туберкулеза, стоимость лечения которых существенно дороже.

Одна из проблем в том, что охрана здоровья никогда не рассматривалась как приоритетная задача

пенитенциарной системы, которая финансируется за счет средств Минюста, а не Минздрава. Но для того чтобы завершить лечение необходимо обеспечить непрерывную поставку соответствующих препаратов на весь период лечения, наблюдать за пациентами и работать с ними, оказывать клиническую и лабораторную поддержку. Эти базовые требования далеко не всегда выполнимы в тюрьмах с их ограниченными бюджетами на охрану здоровья. Более того, свыше половины зданий исправительных учреждений изношены и нуждаются в ремонте, а более четверти всех СИЗО и тюрем непригодны для эксплуатации. Немаловажно учитывать и низкий уровень оплаты труда сотрудников исправительных учреждений, при котором мотивация многих из них к должному выполнению своих обязанностей понижается. В итоге, зачастую неэффективность медицинских служб ИУ и СИЗО часто приводит к задержкам в постановке диагноза и в проведении лечения. А строгое медицинское разделение пациентов на незаразных, заразных и хронических — принципиально важное условие для предотвращения перекрестного заражения и распространения МЛУ ТБ — не всегда обеспечивается из-за требований режима отбывания наказания и кастовой системы среди заключенных.

Некоторые принципы функционирования системы правосудия также становятся основными причинами, из-за которых прерывается курс лечения туберкулеза. Часто возможность контроля над распространением туберкулеза затрудняется постоянным перемещением заключенных внутри пенитенциарной системы, а также между тюрьмой и свободой(31). В тюрьмах, в которых работала MSF, один из десяти заключенных выходил на свободу до завершения курса лечения(32).

Соблюдение основных прав человека, таких как право на освобождение, в т. ч. условное, на судебное разбирательство или на рассмотрение апелляции, не может быть отложено из-за установленного диагноза ТБ или проводимого курса лечения. Но необходимо признать существующую ТБ-проблему и предпринять все меры для того, чтобы обеспечить пациентам возможность продолжать лечение и снизить риск передачи ТБ до минимума. Для этого потребуются увеличение ресурсов, предназначенных для лечения ТБ в гражданском секторе, а также усиление взаимодействия между пенитенциарными и гражданскими медицинскими службами.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННО-УСТОЙЧИВЫХ ФОРМ ТУБЕРКУЛЕЗА УСУГУБЛЯЕТ КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

«Человек не может жить без цели в жизни. Моя — остаться в живых».

Большой полирезистентной формой туберкулеза, областной ТБ диспансер, пос. Ягуновский, Кемерово

Сочетание поздней диагностики, недостаточного и прерывающегося лечения приводит к возникновению устойчивости к лекарствам и высокой смертности. Множественная лекарственная устойчивость (МЛУ) возникает в результате образования штаммов бактерий, устойчивых по крайней мере к изониазиду и рифампицину — двум наиболее мощным противотуберкулезным препаратам первого ряда. Наличие МЛУ ТБ снижает показатели излечения и ставит под угрозу эффективность борьбы с туберкулезом(33). Исследование, проводившееся в 35 странах, включая Россию, показало, что МЛУ ТБ является основным фактором, препятствующим контролю над распространением туберкулеза(34).

На начальном этапе работы программы MSF в ЛИУ № 33 в 1997 г. показатели излечения оставались неприемлемо низкими, несмотря на значительные усилия со стороны MSF и медицинского персонала колонии. Предварительное исследование, проведенное в конце 1996 г., показало, что доля больных МЛУ ТБ составляла 22% и более чем у половины всех больных, приступавших к лечению, была установлена устойчивость к двум наиболее широко применяемым медицинским препаратам — стрептомицину и изониазиду.

По сравнению с «обычным» туберкулезом, МЛУ ТБ сложнее диагностировать, а для лечения используются более токсичные препараты, вызывающие ряд побочных эффектов. Помимо этого, высокая стоимость лекарств делает лечение МЛУ ТБ практически недоступным в большинстве регионов из-за низкого уровня доходов населения(35). Даже по ценам с почти 95% скидками, о которых удалось договориться MSF и ВОЗ, стоимость одних только медикаментов для лечения одного пациента составляет порядка 3500 долларов(36).

Представители MSF были свидетелями смерти многих больных ТБ с МЛУ. В ЛИУ № 33 в г. Мариинск в 2001 г. от ТБ умерли 57 пациентов с устойчивостью к 4 препаратам, 8 человек — 3 препаратам, 4 — к 2 препаратам и 2 пациента — к 1 препарату. До ноября 2002 г. в колонии № 33 умерли 34 пациента из тех, кто был устойчив к 4 препаратам, 4 с лекарственной устойчивостью — к 3 препаратам, 1 — к 2 препаратам и 1 — к 1 препарату. Кроме того, в первой половине 2002 г. один врач и одна медсестра из колонии № 33 заболели МЛУ-ТБ.

МЛУ ТБ распространяется как в пенитенциарных учреждениях, так и в обществе в целом. По последним данным, полученным MSF, уровень распространения МЛУ ТБ по Кемеровской области достиг 25% в пенитенциарном секторе и до 15% среди гражданского населения. Это и является основной причиной неудачного лечения в 13% случаях, о чем свидетельствуют данные из 10 регионов России, полученные в

первой половине 2002 г.

Вследствие нехватки ресурсов для эффективного лечения устойчивые к противотуберкулёзным препаратам штаммы бактерий распространяются среди заключённых высокими темпами, превращая излечимое заболевание в такие его формы, которые в большинстве случаев неизлечимы. По результатам одного исследования, проведенного в колонии № 33 (г. Мариинск), каждый 13-й больной был реинфицирован бактериями МЛУ-ТБ от других пациентов во время лечения.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ТЮРЬМАХ

Исследование, проведенное совместно Институтом тропической медицины (Антверпен), MSF и Минюстом РФ, показало высокие уровни распространения лекарственно-устойчивых форм ТБ в колонии № 33 в г. Мариинск(38). В рамках исследования 300 вновь поступивших пациентов находились под наблюдением в период с декабря 1997 г. по октябрь 1999 г. Результаты были получены у 234 из числа пациентов. В начале лечения у 129 (55,1%) пациентов были выявлены штаммы бактерий, чувствительных ко всем препаратам, или устойчивых только к одному; 61 пациент (26,1%) являлись носителями полирезистентных штаммов и 44 пациента (18,8%) имели МЛУ ТБ. Двое больных умерли в период лечения и 16 не продолжили лечение из-за освобождения или перевода в другие колонии.

Из 120 пациентов, первоначально инфицированных штаммами бактерий, чувствительных ко всем препаратам, или устойчивых только к одному, и завершивших курс лечения, 9 (7,5%) не излечились, у 8 человек был выявлен МЛУ ТБ и еще 1 пациент был заражен полирезистентной формой туберкулеза. Молекулярный анализ показал, что эти больные заразились лекарственно-устойчивыми бактериями от других больных в период лечения. Помимо этого, 17,9% (5 из 28) пациентов с первичной устойчивостью к нескольким препаратам, но чувствительных к рифампицину, приобрели устойчивость к рифампицину к концу лечения. Каждый пятый пациент, прошедший курс лечения (45 из 216), не излечился. Показатель излечения пациентов, инфицированных штаммами бактерий, чувствительных ко всем препаратам или устойчивых только к одному, которые завершили лечение и не приобрели дополнительной устойчивости, составил 100%. Показатель излечения пациентов, изначально больных МЛУ ТБ, составил 37,1%.

По результатам исследования был сделан вывод, что «перенаселенные, плохо вентилируемые помещения в сибирских тюрьмах создают оптимальные условия для передачи микобактерий туберкулеза, а плохое состояние здоровья заключённых объясняет быстрое прогрессирование заболевания в активную форму».

По мнению ВОЗ, самым лучшим способом борьбы с МЛУ ТБ является эффективное лечение простых форм туберкулеза в рамках программы DOTS с тем, чтобы не допустить эволюции заболевания в лекарственно-устойчивую форму. Однако это не поможет тысячам уже имеющих МЛУ ТБ людей, которым недоступно соответствующее лечение и которые будут распространять заболевание в обществе. Российские медики не имеют средств для правильного лечения больных, что представляет серьезную проблему медицинского и гуманитарного характера. Это создает дилемму врачебно-этического характера для тех, кто работает в тюрьмах и руководствуется Принципами врачебной этики ООН, обязывающей охранять физическое и душевное здоровье заключённых(39). На решение проблемы МЛУ ТБ необходимо направить больший объем ресурсов как на национальном, так и на международном уровне.

ТЮРЕМНЫЕ СТЕНЫ НЕ ПРЕГРАДА ДЛЯ БАКТЕРИЙ

«Заболев туберкулезом, вы приобретаете множество других проблем — для меня было сложно найти жилье, поскольку люди видят, что вы больны и не хотят сдавать вам комнату. Я многие годы пытался найти себе жилье и зарегистрироваться... никого не волнует, умрешь ли ты завтра, послезавтра или через пятнадцать минут. Помощи абсолютно никакой. Я получаю пенсию 700 рублей в месяц. Кило сосисок стоит 120 рублей. Я могу завтра оказаться на улице, а это Сибирь и это зима. У меня нет никого, кто может мне помочь. У меня нет родственников, и все мои друзья либо уехали, либо такие же, как я — без денег и больные. Я не знаю, что со мной произойдет завтра».

Бывший заключённый, 51 год, в настоящее время проходит лечение МЛУ ТБ в областном противотуберкулезном диспансере, пос. Ягуновский, Кемерово

Тюремные стены не ограждают общество от туберкулеза. Каждый год через тюремную систему проходят около 5 млн человек(40), а более 30% всех новых случаев туберкулеза среди населения приходится на бывших заключённых. Значительная часть из них являются рецидивистами и неоднократно перемещались между тюрьмой и волей.

Согласно данным MSF, которая на протяжении более 10 лет оказывает медицинскую и социальную помощь

московским бездомным, четверть из них — бывшие заключенные. Помимо социальной неустроенности и различных проблем, связанных со здоровьем, более чем у одного из каждых десяти бездомных, получивших помощь в рамках программы MSF, был выявлен туберкулез(42).

Заключенные зачастую являются выходцами из наиболее неблагополучных слоев населения, которые имеют ограниченный доступ к медицинской помощи и неудовлетворительные условия жизни. В этой социальной среде также наиболее распространены алкоголизм и наркомания. Картина социального состава больных туберкулезом, проходивших лечение в областном ТБ диспансере (пос. Ягуновский, Кемерово), показывает, что половина из них бывшие заключенные, 61% имеют инвалидность (но лишь 29% получают пособие по инвалидности), около четверти не имеют постоянной регистрации, менее чем один из десяти имеют работу и большинство страдают алкоголизмом(43). Эти данные практически совпали с результатами обследования 100 хронически больных туберкулезом в больнице № 19 г. Новокузнецка. В соответствии с этими данными, 81% страдали алкоголизмом, 72% отбывали срок в тюрьме, 60% имели заработок менее 1000 руб. в месяц, 37% не имели никаких источников дохода, а 44% были бездомными. Кроме того, основная часть обследованных не завершили полного курса лечения(44).

Подобные условия существования одновременно способствуют распространению туберкулеза и осложняют его последовательное лечение. Как указывает доктор Ш. Дюбуа, консультант MSF по социальным проблемам: «Трудно думать о своем здоровье и следовать режиму лечения, который требует частого посещения медицинских учреждений, когда у вас нет жилья, работы, не хватает питания, одежды и нет даже документов, которые разрешают вам легально находиться в городе ... даже те деньги, которые необходимы на автобус, чтобы добраться до поликлиники для частого приема лекарств могут представлять непреодолимую проблему»(45). По оценкам, только один из десяти человек, не имеющих жилья и страдающих алкоголизмом, в состоянии завершить курс лечения(46). У остальных 90% более низкие шансы на излечение и более высокие — на развитие и распространение лекарственно-устойчивого туберкулеза.

Социальная помощь должна рассматриваться как один из основных элементов борьбы с туберкулезом в России. Отсутствие должной социальной поддержки бывших заключенных является дополнительным осложняющим фактором. Помощь в поисках жилья, в вопросах транспорта и питания, юридическая помощь являются принципиально важной частью борьбы с туберкулезом в обществе. Специальная поощрительная программа, организованная в Ивановской области, которая подразумевала еженедельные продуктовые наборы, лечение на дому и систему отслеживания тех, кто прервал лечение, позволила снизить процент пациентов, прерывающих лечение с 21% до менее чем 5%(47).

Факторы, усугубляющие проблему туберкулеза в российских тюрьмах и среди населения

ОБЩЕСТВО

Задача эффективного снижения уровня заболеваемости туберкулезом в тюрьмах и в обществе требует взаимодействия между тюремными медицинскими структурами и гражданскими. Необходимо обеспечить непрерывность лечения. Охрана здоровья в российских тюрьмах входит в компетенцию медицинских служб Минюста, которые полностью отделены от органов, отвечающих за гражданскую систему здравоохранения (во главе с Минздравом). Взаимодействие между гражданскими и тюремными противотуберкулезными службами необходимо именно для того, чтобы дать возможность заключенным завершить лечение и, кроме того, этого требуют Минимальные стандартные правила обращения с заключенными ООН (МСП), в которых говорится, что «работа тюремных медицинских служб должна быть организована в тесном сотрудничестве с местными органами управления здравоохранения»(48).

Однако должным образом не отлажен даже механизм передачи медицинских данных из пенитенциарных учреждений в органы общего здравоохранения. Как рассказывал один из заключенных: «Мне сказали, что данные моей истории болезни будут направлены в больницу, но они их так и не получили. Все, что я получил из тюрьмы, была справка об освобождении. Они обещали сделать паспорт, даже сделали фото, но я его не получил. Поэтому мне придется ходить, заражать людей, пытаюсь получить паспорт, потому что его необходимо иметь. Паспорт мне также понадобится для предоставления его комиссии по нетрудоспособности»(49). Отметим, что почти половина бывших заключенных в приюте для бездомных в Кемерово не имеет паспортов(50).

Обстоятельства, которые ограничивают доступ к медицинской помощи в тюрьмах — это, в первую очередь, хроническое недофинансирование медицинских служб, недостаток лекарств, диагностических и иных медицинских средств, отсутствие необходимой подготовки медицинского персонала, плохое взаимодействие между различными учреждениями и низкий уровень жизни — все это стало также «нормой» и для гражданских больниц. Поэтому для гарантированного качества лечения туберкулеза необходимо улучшить положение в системе здравоохранения в целом.

ЭПИДЕМИЯ ВИЧ: ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ КАТАСТРОФА

«Промежуток времени, остающийся до того, как эпидемии ВИЧ и туберкулеза сольются, должен быть использован с максимальной эффективностью».

Доктор А. Славуцкий, медицинский координатор MSF

Заражение вирусом иммунодефицита является одним из самых серьезных факторов риска для развития ТБ инфекции в активный туберкулез. Шансы на развитие инфекции в активную форму заболевания ТБ среди людей, инфицированных и микобактерией туберкулеза, и вирусом иммунодефицита в 10 раз выше, чем у людей, инфицированных только микобактерией туберкулеза. Во всем мире туберкулез является основной причиной смерти людей, зараженных вирусом иммунодефицита. ВИЧ-инфекция также ускоряет развитие заразной формы туберкулеза, повышая опасность его передачи(51).

Согласно последним данным в России 38 000 заключенных заражены вирусом иммунодефицита. Рост числа ВИЧ-инфицированных в тюрьмах, по всей видимости, окажет резкое негативное влияние на степень распространения туберкулеза.

Особую озабоченность вызывает потенциальная опасность массового распространения туберкулеза среди ВИЧ-инфицированных в тюрьмах, где показатели заболеваемости туберкулезом, в т. ч. МЛУ ТБ, наиболее высоки(52). Необходимы новые подходы к контролю над распространением ВИЧ-инфекции, включая образовательные программы и мероприятия по снижению риска заражения, снабжение мест заключения стерильными внутривенными шприцами(53) и бесплатными, анонимно доступными презервативами(54).

Наряду с этим, возникают проблемы этического и правозащитного характера. В настоящий момент законом установлено обязательное обследование на ВИЧ всех поступающих в учреждения пенитенциарной системы. Аргументы, которые приводятся в обоснование, сводятся к необходимости контролировать распространение заболевания. Вместе с тем ВИЧ-инфицированные заключенные сталкиваются со значительной стигматизацией, их часто избегают окружающие(55). В рекомендациях ВОЗ в отношении проблемы ВИЧ и СПИД в тюрьмах(56), которые были также одобрены Комитетом Министров Совета Европы(57), говорится, что обязательное обследование заключенных на наличие у них вируса иммунодефицита является неэтичным и неэффективным и должно быть запрещено. В других странах пришли к выводу, что в целях борьбы с туберкулезом нецелесообразно вводить обязательное обследование на наличие вируса иммунодефицита(58). ВОЗ рекомендует проводить обследование с согласия заключенного, а также консультировать обследуемых перед и после теста. Обязательное обследование, которое проводится в настоящее время, в большей степени направлено на защиту персонала от возможного риска заражения, а не служит интересам здоровья заключенных.

Как и в случае с МЛУ ТБ, лечение для большинства больных СПИДом будет недоступным из-за технических и финансовых ограничений до тех пор, пока не появится достаточная политическая воля для решения этой проблемы. Одновременный рост заболеваемости МЛУ ТБ и ВИЧ-инфекции является катастрофой для здравоохранения и общества.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВОСУДИЯ: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ТЮРЬМЫ

«Каждый имеет право на уровень жизни, достаточный для поддержания своего здоровья и благосостояния, равно как и его семьи, включая пищу, одежду, жилье, а также медицинскую помощь и необходимые социальные услуги».

Статья 25, Всеобщая Декларация прав человека

«Со всеми лицами, лишенными свободы, должны обращаться с гуманностью и уважением к присущему человеку чувству достоинства».

Статья 10, Международный пакт о гражданских и политических правах

«Мы должны остановить туберкулез. Если я виновен, то наказывайте меня за это, но не заражайте меня туберкулезом».

Пациент, страдающий МЛУ ТБ, находившийся в СИЗО-1 в течение года. Кемеровская область

Проблема туберкулеза затрагивает важные аспекты этики и соблюдения прав человека, включая доступ к необходимому лечению в российских тюрьмах. Поскольку туберкулез является смертельно-опасным заболеванием, но поддается лечению и излечению, отсутствие должного лечения, в т. ч. в силу

несоответствующих условий содержания в тюрьмах, может рассматриваться как нарушение прав человека, в т. ч. как нарушение самого фундаментального права — права на жизнь(60).

Наличие туберкулеза влечет за собой целый спектр проблем, связанных с правами человека — от ограничения в передвижении, изоляции до стигматизации, болезни и смерти. Но, с другой стороны, заключенные могут сами пытаться заболеть туберкулезом, что связано с воображаемыми или реальными выгодами в виде менее строгих условий содержания, дополнительного питания и возможности сокращения срока заключения.

Все больные туберкулезом должны иметь одинаковый доступ к ранней и полной диагностике, правильному лечению как в самих тюрьмах, так и за их пределами. Точно также, все заключенные должны иметь одинаковый доступ к медицинскому обслуживанию независимо от пола, тяжести преступления и режима содержания(61). Обеспечение полноценной защиты здоровья заключенных, оказание неотложной медицинской помощи является обязанностью служащих СИЗО и исправительной системы(62). Совет Европы определил, что «уважение фундаментальных прав заключенных влечет за собой предоставление заключенным профилактического лечения и медицинской помощи, равноценных тем, которые предоставляются населению в целом»(53).

Медицинская помощь в тюрьмах не всегда доступна в силу того, что к большинству заключенных, страдающих туберкулезом и иными заболеваниями, относятся, прежде всего, как к заключенным, а не как к пациентам. По словам одного заключенного: «В таких местах как тюрьмы и СИЗО всегда есть необходимость в медицинской помощи. Но вы не сможете увидеть врача, когда вам нужно. Люди больны и просят посетить врача, но это не всегда происходит. Были случаи, когда люди настолько плохо себя чувствовали, что их приходилось выносить из камеры, чтобы отнести в больницу»(64). Другой заключенный более красноречиво охарактеризовал медицинскую помощь в тюрьмах: «Я просил провести лечение несколько раз, но ответ врача был всегда: нам лучше знать... Единственное лечение, которое мы получали от администрации, была большая деревянная палка по спине, и неважно, харкаете вы кровью или нет»(65).

Здоровье и права человека неразрывно связаны. Улучшение условий содержания жизни заключенных и, прежде всего, в СИЗО и местах содержания особого режима, а также доступ к медицинскому обслуживанию является неотложным и принципиальным условием снижения заболеваемости и смертности от туберкулеза в России.

РЕФОРМА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ПОЗВОЛИТ СПАСТИ ЖИЗНИ

В палате для больных хронической формой туберкулеза (пос. Ягуновский, Кемерово) находились пациенты, ранее отбывавшие сроки наказания в виде лишения свободы за мелкую кражу: шапки, мяса, бутылки водки, и которые теперь больны МЛУ ТБ. Они не получают надлежащего лечения, поскольку у больницы нет средств на лекарства. Для этих людей непродолжительный срок заключения может оказаться смертным приговором. Такое происходит повсюду в России.

Незначительность их преступлений демонстрирует вопиющую несправедливость, однако главное не то, в каком преступлении они признаны виновными, а то, что туберкулез не должен становиться частью приговора ни для кого(66). Как сказал бывший главный инспектор тюрем, в то время сотрудник ГУИН при МВД РФ (1998 г.), И. Симонов: «Просто пребывание в тюрьме является самым большим фактором риска для заболевания ТБ в России»(57).

Эффективная борьба с туберкулезом в тюрьмах требует улучшения условий содержания, питания и гигиены, а также гарантированного доступа к медицинскому обслуживанию. Хотя в тех пенитенциарных учреждениях, в которых в последние годы работала MSF, условия содержания улучшились, например в СИЗО Кемеровской области, однако, в целом по России изменения в условиях содержания незначительны(58). Российскому правительству необходимо признать тот факт, что тюремное заключение в настоящее время сопряжено со значительным риском для здоровья и высокими показателями смертности. Очевидно, существует серьезная проблема ограниченности ресурсов в пенитенциарной системе. Однако это в какой-то степени обусловлено тем, что имеющиеся ресурсы расходуются на столь значительное число заключенных.

Сокращение применения мер наказания в виде лишения свободы в рамках пенитенциарной реформы — неотъемлемое условие для успеха в контроле над туберкулезом в России. Лишение свободы должно быть крайней мерой, и следует развивать альтернативные формы наказания, в т. ч. не предполагающие заключения под стражу, в особенности, в отношении тех правонарушителей, которые не представляют опасности для населения. Проблема большого числа арестов также должна решаться теми представителями российских властных структур, которые отвечают за контроль над этой сферой — милицией, судьями и прокурорами. В последние годы в России были приняты законы, призванные уменьшить число арестов и заключений под стражу. Эти законодательные акты следует претворять в жизнь и далее.

Туберкулез является социальной болезнью, отражающей общее состояние общества. Врачи и другие работники здравоохранения не могут решить эту проблему в одиночку. Для успешной борьбы с эпидемией туберкулеза в России необходимо межведомственное взаимодействие на всех уровнях.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Как медицинская благотворительная организация, которая многие годы борется с туберкулезом в российских тюрьмах и в обществе, MSF призывает российские власти предпринять ряд неотложных мер. В их числе:

- улучшить условия содержания в пенитенциарных учреждениях, в частности это касается размера жилой площади на человека, вентиляции, солнечного освещения и питания;
- уделить должное внимание физическому благополучию людей, страдающих туберкулезом и другими заболеваниями;
- содержать отдельно заразных больных ТБ от незаразных, а также, больных с простыми или лекарственно-чувствительными формами ТБ от больных с лекарственно-устойчивыми формами туберкулеза;
- обеспечить должный доступ заключенных к соответствующей медико-санитарной помощи;
- выделить большой объем ресурсов на адекватный контроль над туберкулезом в пенитенциарной системе, в т. ч., для лечения лекарственно-устойчивых форм ТБ;
- расширить медицинскую помощь растущему числу ВИЧ-инфицированных заключенных, соблюдая основные принципы врачебной этики. Внедрить принцип добровольности обследования и консультирования;
- повысить взаимодействие между органами гражданского здравоохранения и органами здравоохранения пенитенциарной системы, ставя цель перевести тюремное медицинское обеспечение под контроль Министерства здравоохранения;
- выделить большой объем ресурсов на систему гражданского здравоохранения с тем, чтобы поставить под контроль распространение туберкулеза в гражданском обществе;
- обеспечить внедрение механизмов социальной реабилитации для освобождаемых из мест заключения.

В качестве первоочередной меры для снижения риска заражения туберкулезом российские власти должны уменьшить число заключенных за счет:

- рассмотрения и осуществления мер по снижению числа людей, помещаемых под стражу;
- применения мер наказания, альтернативных заключению, для правонарушителей, которые не представляют опасности для общества;
- применения мер альтернативных содержанию под стражей для людей, ожидающих суда.

Нет никаких сомнений, что туберкулезом заражается недопустимо большое число людей, которые передают эту болезнь другим, тем самым, способствуя развитию эпидемии туберкулеза в России. У многих развивается заболевание, и часть из них умирает. В ближайшие годы ситуация усугубится значительным ростом количества ВИЧ-инфицированных и увеличением числа больных лекарственно-устойчивыми формами туберкулеза. Последствия той несправедливости, которая встроена в пенитенциарную систему, являются угрозой для всех россиян. Слишком большое число заключенных, содержащихся в антисанитарных условиях, при недостаточной медико-санитарной помощи выступают генератором заболевания для всего общества. Именно, исходя из этой перспективы, российским властям следует продолжать реформирование пенитенциарной системы в России и рассматривать его, в т. ч., как приоритетное направление общественного здравоохранения.

- (1) Global Tuberculosis control. World Health Organisation, Geneva, 2002.
- (2) Barr DA, Field MG. The current state of health care in the former Soviet Union: implications for health care policy and reform. *Am J Public Health* 1996; 86: 307-12.
- (3) Рост с 34 на 100 000 населения в 1990 г. до 90,4 на 100 000 в 2000 г. (официальная статистика Минздрава РФ).
- (4) Coninx R, Maher D, Reyes H, Grzemska M. Tuberculosis in prisons in countries with high prevalence. *BMJ* 2000; 320: 440-442.
- (5) Официальная статистика ГУИН, май 2002 г.
- (6) Farmer PE, Kononets AS, Borisov SE, Goldfarb A, Healing T, McKee M. Recrudescence tuberculosis in the Russian Federation. In: Farmer PE, Reichman LB, Iseman MD, eds. The global impact of drug resistant tuberculosis. Boston: Harvard Medical School/Open Society Institute, 1999.
- (7) Global Tuberculosis control. World Health Organisation, Geneva, 2002.
- (8) Официальная статистика ГУИН, май 2002 г.
- (9) Bone A, Aertts A, Grzemska M, et al. Tuberculosis Control in Prisons. A manual for programme managers. WHO/CDS/TB/2000.281. WHO, Geneva, 2001. p33.
- (10) Кемеровский региональный туберкулезный диспансер, главный врач Николай Медников.
- (11) Бездомность: продолжение наказания для бывших заключенных. М.: Врачи без границ, 2002.

- (12) 7 000 на 100 000: Отчет MSF, Кемерово, 2001 г.
- (13) Статистические данные MSF и ГУИН за четвертый квартал, 1999.
- (14) Из интервью (ноябрь, 2002) с ТБ-больным, бывшим заключенным колонии №29.
- (15) Свод Минимальных Стандартов по обращению с заключенными, Правило №10 (1957). Cited in: Coyle A. A Human Rights Approach to Prison Management: Handbook for Prison Staff. International Centre for Prison Studies, Лондон, 2002.. P. 53
- (16) Из интервью (ноябрь 2002) с ТБ больным, который провел год в СИЗО № 1, г. Мариинск. 1999.
- (17) Из интервью (ноябрь 2002) с ТБ больным, бывшим заключенным колонии №43 Кемеровской области, 2000.
- (18) Из интервью (ноябрь 2002) с ТБ больной, бывшей заключенной колонии №35 Кемеровской области, 2001.
- (19) Из интервью (ноябрь, 2002) с ТБ больным, бывшим заключенным колонии №33 Кемеровской области, 2000.
- (20) Из интервью (ноябрь, 2002) с ТБ больной, бывшей заключенной колонии № 35 Кемеровской области, 2001.
- (21) Из интервью (ноябрь, 2002) с ТБ больным, бывшим заключенным колонии №43 Кемеровской области, 2000.
- (22) Из интервью (ноябрь, 2002) с ТБ больным, бывшим заключенным колонии №33 Кемеровской области, 2000.
- (23) Из интервью (ноябрь, 2002) с ТБ больным, бывшим заключенным колонии №33 Кемеровской области, 2000.
- (24) Из интервью (ноябрь, 2002) с ТБ больным, который провел год в СИЗО №1 Кемеровской области, 1999.
- (25) "The Russian Federation: Denial of Justice." Amnesty International, London, 2002, P. 18
- (26) Из интервью (ноябрь, 2002) с ТБ больным, бывшим заключенным СИЗО №1 Кемеровской области, 1999.
- (27) Посещение Ингер-Мэри Толлесфен ИУ № 31, ноябрь 2001 г., MSF, г. Мариинск.
- (28) Из интервью (ноябрь 2002) с ТБ больным, бывшим заключенным колонии №44 Кемеровской области, который провел 6 месяцев в ПКТ.
- (29) Из интервью (ноябрь 2002) с ТБ больным, бывшим заключенным колонии №43 Кемеровской области, 2000.
- (30) *Jacobs B, Clowes C, Wares F, Polivakho V, Lyagoshina T, Peremitin G, Banatvala N.* Cost-effectiveness analysis of the Russian treatment scheme for tuberculosis versus short-course chemotherapy: results from Tomsk, Siberia. *Int J Tuberc Lung Dis* 2002;6:396-405.
- (31) *Kimerling ME, Kluge H, Vezhnini N et al.* Inadequacy of the current WHO recommended treatment regimen in a central Siberian Prison: treatment failure and MDR-TB. *Int J Tuberc Lung Dis* 1999. 3;5: 451-3; *Coninx R, Mathieu C, Debacker M, et al.* First-line tuberculosis therapy and drug-resistant Mycobacterium tuberculosis in prisons. *Lancet* 1999. 353; 9157: 969-73.
- (32) Data for all three prison hospitals up to end of June 2000. Cited in VS report.
- (33) Espinal MA et al. Global trends in resistance to antituberculosis drugs. *NEJM* 2001. 344: 1294-1303.
- (34) *Pablos-Mendez A, Raviglione MC, Laszlo A, et al.* Global surveillance for antituberculosis-drug resistances, 1994-1997. *N Engl J Med* 1998; 338: 1641-49.
- (35) Proceeding from a meeting for the procurement of second-line anti-TB drugs for DOTS-Plus Pilot Projects. Gupta R. et al (eds). Cambridge, MA, July 1999 (WHO, Geneva, 2000).
- (36) Proceeding from a meeting for the procurement of second-line anti-TB drugs for DOTS-Plus Pilot Projects. Gupta R. et al (eds). Cambridge, MA, July 1999 (WHO, Geneva, 2000).
- (37) Global Tuberculosis control. World Health Organisation, Geneva, 2002.
- (38) *Rigouts L, Matthys F, Lecoq M, Golubeva V, Vezhnina N, Bastian I, Iragena J, Fissette V, Kluge H, Portaels F.* Incidence of re-infection and resistance amplification after short-course chemotherapy in a prison population with high prevalence of drug-resistant tuberculosis, *in press*.
- (39) UN Principles of Medical Ethics Relevant to the Role of Health Personnel, Particularly Physicians, in the Protection of Prisoners and Detainees Against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, adopted by the UN General Assembly in 1982. Cited in: The Medical Profession and Human Rights, : Handbook for a Changing Agenda. BMA, London, 2001. p 102.
- (40) По словам Ю. Калинина, заместителя министра юстиции РФ.
- (41) Статистика Кемеровского регионального туберкулезного диспансера, 1999.
- (42) Бездомность: продолжение наказания заключенных, Москва: Врачи без границ, 2002.
- (43) По словам главврача отделения хронических больных противотуберкулезного диспансера, Кемерово. Цит. по Ш. Дюбуа. Социальная поддержка программы МЛУ-ТБ. Кемерово: MSF. 2002.
- (44) *Ханин А.Л., Жидецкая Д., Недяк Н.А.* Медицинско-социальный портрет больного хроническим туберкулезом легких, Новокузнецк, 2002.
- (45) *Дюбуа Ш.* Туберкулез как социальная болезнь, Кемерово, Врачи без границ, апрель 2002.
- (46) *Kazionny B, Wells CD, Kluge H, Gusseyanova N, Molotilov V.* Implications of the growing HIV-1 epidemic for tuberculosis control in Russia. *Lancet* 2001; 358: 1513-14.
- (47) *Kazionny B, Wells CD, Kluge H, Gusseyanova N, Molotilov V.* Implications of the growing HIV-1 epidemic for tuberculosis control in Russia. *Lancet* 2001; 358: 1513-14.

- (48) Правило 22 МСП «Медицинское обслуживание».
- (49) Из интервью (ноябрь 2002) с ТБ больным, который провел год (1999) в СИЗО-1 Кемеровской области.
- (50) Из интервью с директором дома ночного пребывания для бездомных. Цит. по Дюбуа. Ш. Социальная помощь для больных МЛУ ТБ. Кемерово: MSF. сентябрь 2002.
- (51) *Harries AD, Maher D.* TB/HIV: A clinical manual. WHO/TB/96.200. WHO, Geneva, 1996.
- (52) *Kazionny B, Wells CD, Kluge H, Gusseyanova N, Molotilov V.* Implications of the growing HIV-1 epidemic for tuberculosis control in Russia. *Lancet* 2001; 358: 1513-14.
- (53) *Nelles J, Fuhrer A, Hirsbrunner H et al.* Provision of syringes: the cutting edge of harm reduction in prisons? *BMJ* 1998. 317;7153: 270-3.
- (54) *Dunn J.* Transmission of HIV in prison. Prisoners need condoms and clear needles. *BMJ* 1993. 307: 622.
- (55) См. интервью с бывшими заключенными. 2002.
- (56) WHO Guidelines on HIV infection and AIDS in prisons. WHO/GPA/DIR/93.3. Geneva, WHO, 1993.
- (57) Recommendations No. R(93) 6 of the Committee of Ministers of Member States concerning prison and criminological aspects of the control of transmissible diseases including AIDS and related health problems in prison. Council of Europe, 1993.
- (58) *Bayer R, Dubler N, Landesman S.* The dual epidemic of tuberculosis and AIDS: ethical and policy issues in screening and treatment. *Am J Pub Health*, 1993. 83: 649-54.
- (59) *Levy M, Reyes H, Coninx R.* Overwhelming consumption in prisons: human rights and tuberculosis control. *Health and Human Rights*, 1999, 4(1): 166-191.
- (60) Статья 6 Международной Конвенции о гражданских и политических правах.
- (61) Tuberculosis Control in Prisons. A manual for programme managers. WHO/CDS/TB/2000.281. WHO, Geneva, 2000. p33; Principle 9 of the UN Basic Principles for the Treatment of Prisoners.
- (62) Article 6 of the Code of Conduct for Law Enforcement Officials, adopted by the UN General Assembly in December 1979.
- (63) Recommendation No R(98)7 of the Committee of Ministers of the Council of Europe.
- (64) World Health Organization, Global Tuberculosis Programme. Treatment of Tuberculosis: Guidelines for National Programmes. 2nd ed., World Health Organization 1997.
- (65) Из интервью (ноябрь 2002) с ТБ больным, бывшим заключенным в течение 2 лет в колонии № 41 в Кемеровской области.
- (66) *Reyes H, Coninx R.* Pitfalls of tuberculosis programmes in prisons. *BMJ* 1997. 315:1447-50.
- (67) *Farmer P.* Cruel and unusual: drug resistant tuberculosis as punishment, In: *Sentenced to Die? The problem of TB in prisons in Eastern Europe and Central Asia.* Vivien Stern (ed.). Kings College, London, 1999, p. 77.
- (68) Доклад Генерального прокурора Президенту России и Федеральному собранию 29 апреля 2002 года — по сообщению Би-би-си от 5 мая 2002 года.

Профилактика ВИЧ-инфекции и СПИДа в пенитенциарных учреждениях России

Автор: Г. Рощупкин, Управление ООН по наркотикам и преступности, Представительство в России и Белоруссии

«Планирование как процесс сбора информации (ведь это и форма получения информации) может повысить неуверенность вместо ее снижения».

Дитрих Дёрнер(1)

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

В данной статье рассматривается вопрос профилактики в пенитенциарной системе России ВИЧ-инфекции, а также СПИДа как наиболее негативного результата этой болезни. Так как и распространение заболевания, а, следовательно, и возможности профилактики обусловлены существующими в обществе моделями социальных связей (коммуникативными паттернами), именно обзор и анализ внутренних и внешних коммуникативных процессов взят здесь как основной «рабочий инструмент» для описания и анализа.

СПЕЦИФИКА УИС

«В условиях, когда общество осознало свою беспомощность и неспособность найти эффективные методики профилактики или хотя бы удержания роста преступности, правоохранительная система в своей деятельности становится самодостаточной. По сути дела, возникает индустрия борьбы с преступностью, где человек отчуждается от ситуации, где процесс обеспечения безопасности общества становится процессом обогащения или самообеспечения той системы, которая этим занимается. И эта функция для правоохранительной системы становится главной. Причем в России, с ее тоталитарным карательно-репрессивным историческим наследием, это проявляется достаточно ярко».

Ю. Рыбаков,
депутат Государственной Думы РФ,
председатель подкомитета по правам человека(2)

Уголовно-исполнительная система (УИС) является неотъемлемой частью общества. При этом современная пенитенциарная система России имеет свои особенности, значительно отличающие ее от других общественных институтов страны.

Наблюдается явное несоответствие между формально декларируемым назначением УИС и реальным функционированием этого института. Формально, основная функция УИС — наказание за совершенное преступление и другая — коррекционная работа, что, по идее политиков и законодателей, должно способствовать защите прав каждого члена общества, особенно, при социальных взаимодействиях. В реальности, УИС используется как резервация для тех, чье поведение вызывает дискомфорт большинства в обществе, и в отношении которых пока не выработаны эффективные методы коррекции. Ярким примером этого может служить практика наказания за употребление психоактивных веществ (ПВ) или другое поведение, связанное с их употреблением.

Значительная часть заключенных — это люди с низким уровнем социальных навыков, «лузеры», а не преступники, осознанно воюющие с доминирующими в существующем обществе нормами поведения. Другими словами, большинство заключенных — это люди, не умеющие построить эффективного взаимодействия с другими членами общества, что серьезно ограничивает коммуникацию между ними и остальным обществом.

Тюремная изоляция «лузера» лишь усиливает и без того его оторванность от общества, тем самым еще более усложняется его последующая социализация. С другой стороны, в местах лишения свободы создается «среда равных», исключенных обществом людей, что позволяет заключенным сформировать структурированную группу, свое эрзац-общество. Эрзац-общество заключенных копирует основополагающие элементы структуры «большого общества», но не может реконструировать модели поведения, более основанные на культуре, чем на инстинктах. Поэтому эрзац-общество УИС получается, с одной стороны, более жестким, но менее эффективным и стабильным, с другой стороны.

У большей части сотрудников УИС в результате длительного общения с заключенными возникают эмоциональные связи с ними, что, в итоге, приводит к эффекту «профессиональной деформации». Это выражается в том, что сотрудники начинают разделять некоторые установки и подходы, присущие эрзац-обществу заключенных. Как итог, социальные взаимодействия сотрудников и общества вне пределов места заключения становятся менее продуктивными, сокращаются.

Таким образом, внешние по отношению к колонии коммуникации бывших заключенных и части сотрудников УИС значительно ограничены.

Из-за ограниченности коммуникации с внешним обществом функции и значения некоторых базовых социальных взаимодействий в УИС изменены. Так сексуальный контакт (особенно среди мужчин-заключенных) служит в большей степени для наказания, подавления или в качестве товара для обмена на продукты питания, вещи или, реже, на деньги, чем как способ продолжения рода, выражения близости между людьми, или получения взаимного удовольствия. Функция труда также деформирована — здесь это больше принуждение, наказание, чем средство обмена знаний и навыков на другие ресурсы, необходимые для жизни человека. Интересен факт, что сотрудники УИС называют свою работу «службой», они «служат», а не «работают», что создает иллюзию с военными или священниками, но никак не с педагогами или социальными работниками.

Пенитенциарное эрзац-общество делится на две большие четко обозначенные группы людей — заключенные и сотрудники УИС. Каждая из этих групп, в свою очередь, делится на более мелкие подгруппы на основе вертикальной иерархии. Горизонтальное группирование почти полностью отсутствует. Оно представлено, разве что, объединениями заключенных по национальному признаку. Учитывая крайнюю ограниченность доступных для эрзац-общества материальных и информационных ресурсов, вертикальная иерархия

сопровождается сосредоточением у «верхушки» властных полномочий по их использованию, при минимальной ответственности перед всем сообществом за рациональное распределение этих скудных ресурсов.

В силу существования именно такого вертикального иерархического группирования коммуникация (межличностное общение, обмен ресурсами, в т. ч. информацией) между людьми, находящимися в разных группах и подгруппах, жестко ограничена по объему и вариабельности. Примером этого ограничения могут служить тактильные контакты и право на выражение своего мнения в общении между представителями разных иерархических групп.

ОГРАНИЧЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

«Нужно хорошо понимать, что члены группы видят внешнюю среду не такой, какой она кажется постороннему наблюдателю, а такой, какой ее представляет моральный аппарат. Если членам сообщают, что среда не угрожает, они будут вести нормальную деятельность. Если сообщают, что среда угрожающая, — предполагается, что они поведут себя соответственно».

Эрик Берн(3)

Пенитенциарную систему можно сравнить с «кривым зеркалом» общества, в нем гипертрофировано отражаются все существующие в обществе проблемы. Наиболее ярким примером, подтверждающим правильность этого сравнения, является механизм построения коммуникации между различными людьми, находящимися в УИС.

Тюремное эрзац-общество можно сравнить с кастами древней Индии, с той лишь разницей, что в Индии принадлежность к касте, и связанные с этим обязанности и права, длилась всю жизнь человека и передавалась по наследству, а в УИС она чаще всего ограничена сроком пребывания в заключении.

Также как и в кастовой системе, в эрзац-обществе есть группы, которым принадлежит почти вся власть. Это очень малочисленная группа заключенных, обычно называемая «ворами в законе». Эта «тюремная элита» формирует политику и основные направления развития УИС со стороны заключенных. Следующей, расположенной ниже по иерархической лестнице, идет большая группа так называемых «мужиков». Это те заключенные, которые работают в промышленной зоне, в библиотеках, в медпунктах, выполняют достойную точки зрения тюремной этики работу. Находящиеся на низшей ступени заключенные подвергаются нещадной эксплуатации и насилию — они выполняют самую унижительную работу в учреждении, а часть из них используется для удовлетворения сексуальных потребностей других заключенных. Эта группа живет в самых плохих в отношении бытовых и санитарных условий помещениях учреждения. Сюда, на «дно» эрзац-общества заключенных попадают люди, имеющие какие-либо психические и/или другие заболевания, ослабляющие их физически и/или интеллектуально, выраженную или приобретенную гомосексуальность, или не имеющие в достаточности простейших социальных навыков, в первую очередь, гигиенических, чтобы адаптироваться и жить в жестких условиях УИС(4). Показательно название одной из подгрупп из нижней «касты» — «чушки» или «черти», что должно подчеркнуть их нечистоплотность.

Данные отношения в значительной части регулируются внутренними законами тюремного мира, хотя, безусловно, влияние оказывает и формализованное законодательство страны. В первую очередь это не федеральные законы, а приказы и другие регулирующие акты, издаваемые внутри Министерства юстиции.

Примерно так же, но не столь жестко, строятся отношения между разного уровня сотрудниками УИС. Административная верхушка формирует политику и «снимает сливки» с экономической деятельности системы, средний персонал выполняет «чистую» работу — руководство непосредственными исполнителями и другие функции по информационному обороту в системе, а низшее звено — начальники отрядов (воспитатели), медицинский персонал, сотрудники службы безопасности и психологи — воплощают сформированную «верхушкой» политику, работая непосредственно с заключенными.

Как отмечено ранее, эрзац-общество не оригинально, а лишь отражает процессы, идущие во «внешнем» обществе. В связи с этим, важно отметить, что в эрзац-обществе аналогичные внешним явления возникают с опозданием до нескольких лет. Эта задержка чаще всего равна тому периоду времени, которое требуется для помещения в пенитенциарную систему значимого количества заключенных, связанных с новым явлением, либо сроку перехода тенденции в качество глобального явления во «внешнем» обществе. Так крушение советской экономики в начале восьмидесятых годов «отразилось» в «зеркале» УИС к концу того десятилетия крушением имевшегося там производства, которое потеряло государственные заказы. Распространение употребления ПВ в обществе, которое началось с введения «сухого закона» в марте 1985 г., привело наркотики в УИС к началу девяностых годов.

Отметим, что ограниченность внутренних коммуникаций и временный характер принадлежности к кастам среди заключенных приводит к нестабильности существующих в пенитенциарном эрзац-обществе поведенческих норм. Особенно ярко эта особенность проявилась сегодня, когда, по данным Общественного центра содействия реформе уголовного правосудия (г. Москва), количество заключенных с длительными сроками снизилось. Существовавшее в Советском Союзе «криминальное сообщество» претерпело серьезные изменения, приведшие к смене его внутренних законов и структуры, а существующая в стране коррупция привела к тому, что «криминальные авторитеты» попадают в заключение значительно реже, чем во времена СССР. Соответственно, «школа криминала» из мест лишения свободы, как это было в СССР, переместилась в большей степени на улицы городов.

На основе этого можно с высокой долей вероятности предположить, что сегодня нормы взаимоотношений между заключенными (особенно несовершеннолетними и впервые попавшими в заключение) в значительной степени формируются и сохраняются под воздействием сотрудников УИС, остающихся там более длительное время, и имеющих стабильную специальную систему подготовки новых кадров, а значит и передачи опыта и традиций.

ДЕФОРМИРОВАННАЯ ФУНКЦИЯ ТРУДА

«...социальное поведение людей диктуется отнюдь не только разумом и культурной традицией, но по-прежнему подчиняется еще и тем закономерностям, которые присущи любому филогенетически возникшему поведению...»

Конрад Лоренц(5)

Деформация функции труда — одна из наиболее важных особенностей УИС. Наряду с ограниченностью коммуникаций она оказывает значительное лимитирующее влияние на любые когнитивные и обучающие процессы внутри системы. Это касается в первую очередь заключенных, но элементы принуждения и работа за «натуральное вознаграждение» (труд за продукты питания или за вещи) есть и в среде сотрудников УИС.

Как отмечает известный норвежский криминолог Нильс Кристи, пенитенциарная система в России, как и во многих других странах, является индустрией(6), где есть все присущие индустрии компоненты: внешний и внутренний спрос на продукцию и услуги, рабочие, менеджеры, производство, товар и система его реализации (в т. ч. натуральный обмен).

Во всех местах лишения свободы предусмотрена «трудотерапия». В колониях это «промышленные зоны», а в СИЗО и тюрьмах — отряды по коммунальному обслуживанию учреждения. По преимуществу, товар, который производит система — это либо коммунальные услуги для самого учреждения, либо недорогие вещи среднего и низкого качества. И то и другое не требует для своего производства значительных профессиональных навыков. Доходность может быть обеспечена только постоянным ростом объема производства и сбыта. По оценке Н. Кристи, особенностью такого рода индустрии является то, что распределение прибыли идет неадекватно участию в процессе производства. Наибольшую часть получает менеджмент (сотрудники УИС), в то время как производители (заключенные) работают в рабских условиях за продукты питания и послабления в режиме содержания и лишь в малой части — за денежное вознаграждение. Очевидно, что построенное таким образом производство не может быть конкурентоспособным в обществе, где экономика структурирована и развивается по рыночным принципам. И основная причина низкой рентабельности тюремного производства — низкая мотивация к труду у заключенных(7).

Как уже отмечалось, в некоторых случаях сотрудники УИС так же вынуждены обменивать свой труд не на деньги (заработную плату), а на продукты, производимые учреждением, где они работают. Одним из последствий этого является значительная текучесть кадров и постоянная «недоукомплектованность личным составом» практически во всех частях УИС, кроме топ-менеджмента. Положение усугубляется тем, что, по словам заместителя Минюста РФ Ю.И. Калинина, средняя зарплата простого сотрудника в УИС составляет 2200—2400 руб.(8)

И последнее, что важно отметить, говоря о современной пенитенциарной системе в России. Несмотря на то что в 1998 г. она была передана под управление Минюста РФ, как того требовали обязательства перед вступлением страны в Европейский Союз(9), система в ее современном виде была сформирована во времена советской диктатуры(10). Также и подавляющая часть руководства УИС является воспитанниками жестко авторитарной системы и в силу возраста и опыта не столь гибки как бывает нужно, чтобы развивать гражданские связи между пенитенциарной системой и остальными частями общества.

ВИЧ В УИС

«СПИД в колониях, хотя и не принял такого размаха как туберкулез, но все же в прошлом 1998 году

зарегистрированы уже несколько случаев. ... В кузбасских, да и в российских колониях нет условий для содержания таких больных, и поэтому руководители учреждений наказания трубят о создании специализированной колонии для ВИЧ-инфицированных. Однако денег нет не только для специального строительства, но и для элементарного латания дыр в старых постройках...»

генерал-майор В. Семенюк,
начальник УИН МЮ РФ по Кемеровской области

Прежде чем говорить о распространении ВИЧ-инфекции в УИС России необходимо констатировать, что статистика по заболеваемости и распространенности различных заболеваний в УИС России носит фрагментарный и ограниченный во времени характер и доступ к ней часто ограничен.

ВИЧ-ситуация в УИС, безусловно, взаимосвязана с общей эпидемической ситуацией с данной инфекцией в стране. Простой статистический факт ясно показывает, насколько эта связь тесна: на сегодняшний день, почти каждый седьмой ВИЧ-инфицированный в России находится в местах лишения свободы(11).

Станет ли в ближайшем будущем УИС основным «резервуаром» ВИЧ-инфекции в стране или нет зависит от нескольких факторов: в первую очередь, от оценки законодателями и обществом как криминального и требующего наказания в виде лишения свободы поведения, наиболее рискованного в отношении заражения ВИЧ. Следующий по значимости фактор — это поведенческие практики, связанные с высоким риском заражения ВИЧ и распространенные в местах лишения свободы. И лишь на последнем месте можно назвать такой фактор, как общий уровень развития медицины, в т. ч. и профилактической, в обществе в целом и в пенитенциарной системе в частности (см. раздел «Базовая статистика об УИС»).

Вот как выглядит развитие эпидемической ситуации по ВИЧ в пенитенциарной системе России к началу 2002 г. (данные на 1 января каждого года):

.	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Кол-во заключенных, тыс. чел.	929	1017	1052	1010	1014	1060	924	965
Численность ВИЧ-инфицированных, тыс. чел.	0,007	0,013	0,24	1,46	2,3	4,1	15,1	33
ВИЧ-инфицированных на 1000 заключенных	0,008	0,013	0,23	1,44	2,3	3,9	16,3	34,2

Как видно из таблицы, значительный рост числа ВИЧ-инфицированных заключенных начался в 1997 г., лишь на год позже начала развернутой эпидемии ВИЧ в России в целом.

По словам Главного санитарного врача ГУИН С.Б. Селиванова, подавляющая часть случаев ВИЧ среди заключенных связана с заражением до попадания в УИС. Но лишь менее половины находящихся сегодня в УИС ВИЧ-инфицированных пришли туда, уже зная свой диагноз. Большинство же было диагностировано после попадания в СИЗО или колонию. До сегодняшнего дня тестирование крови на ВИЧ проводится всем, попадающим в СИЗО. Кроме того, многие осужденные проходят повторные тесты по истечению полугода их пребывания в колонии. Данная практика, по словам главного специалиста отдела профилактики ВИЧ и СПИДа Минздрава РФ Л.А. Деметьевой, скоро закончится, так как будет значительно сокращен список тех, кого министерство будет рекомендовать (и, соответственно, оплачивать) к обязательному обследованию в добавление к тем группам, которые указаны в Федеральном законе о профилактике ВИЧ от 1995 г.

Федеральный закон от 9 марта 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» отменил изоляцию ВИЧ-инфицированных заключенных в отдельных «локальных участках». Несмотря на это до сих пор в разных регионах страны по-разному решают вопрос об изолированном содержании ВИЧ-инфицированных в местах лишения свободы. Лишь немногие руководители областных Управлений исполнения наказания считают совместное содержание безопасной практикой. Большинство же старается полностью или частично ограничить общение между ВИЧ-инфицированными и остальными заключенными.

Вероятнее всего, указанные выше планы Минздрава по сокращению количества проводимых в стране тестов

на ВИЧ являются основой для сокращения числа случаев изоляции заключенных с ВИЧ в местах заключения. В ближайшие несколько лет «локальные участки» и отдельные камеры для ВИЧ-инфицированных могут уйти в прошлое. И чем быстрее это произойдет, тем общий процесс профилактики ВИЧ в стране станет эффективнее. Хотя, по мнению С. Селиванова, раздельное содержание (изоляция) ВИЧ-инфицированных в первую очередь соответствует именно интересам ВИЧ-инфицированных, так как защищает их и от риска заражения разными другими инфекциями, и от дискриминации со стороны неинфицированных заключенных.

ОЦЕНКА ЗАКОНОДАТЕЛЯМИ И ОБЩЕСТВОМ НАИБОЛЕЕ РИСКОВАННОГО В ОТНОШЕНИИ ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ ПОВЕДЕНИЯ КАК КРИМИНАЛЬНОГО, ТРЕБУЮЩЕГО НАКАЗАНИЯ ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

«Прогрессирующий рост наркомании в обществе ведет к естественному увеличению количества больных наркоманией, поступающих в пенитенциарные учреждения, так как многие из них совершают уголовно наказуемые деяния».

Ю. Калинин,
заместитель министра юстиции Российской Федерации(12)

На сегодня есть как минимум одна поведенческая практика, которая одновременно приводит и к риску заражения ВИЧ, и к риску быть лишенным свободы — употребление ПВ через инъекции.

Несмотря на то, что сам факт употребления ПВ не является уголовно наказуемым, в соответствии с УК РФ лишением свободы наказываются приобретение, хранение и перевозка ПВ. При этом дозы этих веществ, которые расцениваются судом как средние и крупные и за наличие которых у человека суд может назначить наказание в виде лишения свободы, часто не превышают или значительно ниже дозы для однократного приема ПВ. Соответственно, любой человек, употребляющий ПВ, получает вещество через руки наркодилера и автоматически совершает преступление при каждом употреблении ПВ. А это значит, что он может быть лишен свободы.

Еще одно поведение косвенно, но значительно влияющее на риск заражения ВИЧ — это кражи, совершаемые подростками. По данным Общественного центра содействия реформе уголовного правосудия более трети всех подростков, находящихся в воспитательных колониях, попали туда за кражи. При этом любой более или грамотный детский психолог с уверенностью скажет, что кражи у детей и подростков — это почти всегда протестное компенсаторное поведение, которое не может считаться криминальным и требует немедленного вмешательства психолога и педагога, а не изоляции от общества. Помещение подростков в заключение опасно в смысле заражения ВИЧ не столько во время самого заключения, сколько сразу после него, когда в течение короткого, в несколько дней периода, подросток пытается реализовать все желания, которые возникли у него за время изоляции. В т. ч. употребление алкоголя, ПВ, и секс. Большая часть этих желаний бывают не столько объективной потребностью, сколько обусловлено инерцией тех норм и ценностей, в рамках которых подросток жил в заключении.

ПОВЕДЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ, ПРИВОДЯЩЕЕ К РИСКУ ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ

«Прогрессирующий рост наркомании в обществе привел к естественному увеличению количества потребителей внутривенных наркотиков в исправительных учреждениях России. В настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы потребители внутривенных наркотиков составляют более 90% от числа всех ВИЧ-инфицированных».

С. Селиванов,
главный санитарный врач ГУИН МЮ РФ

Среди заключенных в России распространены четыре типа поведения, связанных с риском заражения ВИЧ:

- сексуальные контакты без предохранения,
- инъекции психоактивных веществ,
- конфликтные ситуации, связанные с нанесением повреждений кожным и слизистым покровам,
- низкий уровень соблюдения норм личной и медицинской гигиены.

Наиболее показательный пример того, что заключенные практикуют опасное в плане заражения ВИЧ поведение в местах лишения свободы — массовое заражение заключенных колонии № 4 в г. Нижнекамске (Республика Татарстан). Там в течение двух месяцев было выявлено 246 случаев ВИЧ-инфицирования.

Вероятность того, что в одну колонию в течение года могли поступить столько ВИЧ-инфицированных с заболеванием в «периоде окна»(13), крайне мала. Поэтому было проведено эпидемиологическое расследование, которое, по словам специалиста Государственного санитарно-эпидемиологического надзора

Республики Татарстан Л. Бадриевой, показало, что, возможно, инфекционная цепочка началась с одного заключенного, который использовался в качестве пассивного сексуального партнера рядом других заключенных. Последние, в свою очередь, употребляли ПВ инъекционно одним и тем же шприцем с другими заключенными. Таким образом, за очень короткий срок ВИЧ заразились почти 14% от числа всех заключенных, находившихся в то время в колонии.

Похожую картину получили эпидемиологи Международной гуманитарной организации «Врачи без границ» (Голландия). Исследование, проведенное ими в рамках «Программы профилактики ВИЧ в пенитенциарной системе России» в 2000 г. ставило своей целью выяснить наличие у заключенных в России поведения, рискованного в отношении заражения ВИЧ. Было опрошено несколько тысяч заключенных в различных колониях Омской и Пензенской областей, Краснодарского края. Вот каковы результаты:

- почти 10% заключенных хотя бы раз делали инъекции ПВ в заключении, причем:
- из них каждый четвертый (т.е. около 2% от всех заключенных) делает это регулярно,
- каждый шестой (т.е. примерно 1% от всех заключенных) впервые сделал инъекцию ПВ, именно находясь в заключении,
- более половины из всех употреблявших ПВ путем инъекций часто или всегда использовали один шприц совместно с другими заключенными без предварительной дезинфекции;
- 9,5% заявили, что имели сексуальные отношения, предполагающие проникновение в тело партнера, с другими заключенными в колонии, где находятся в данный момент.

Причем если среди мужчин о сексе друг с другом заявили 8,2%, то среди женщин — почти 20%. Другие подобные исследования, проведенные в Нижегородской области, Республике Калмыкия, Смоленской области, Челябинской области, Приморском крае, дали аналогичные результаты.

Здесь стоит отметить, что употребление ПВ, как и сексуальные контакты между заключенными, являются противозаконными. Если администрация исправительного учреждения узнает о том, что кто-то из заключенных употреблял ПВ или между ними были сексуальные отношения, то эти заключенные будут наказаны за нарушение режима нахождения в исправительном учреждении. Конечно, очень часто администрация игнорирует факты сексуальных контактов между заключенными, но за употреблением ПВ стараются сохранить строгий контроль.

Именно эти законодательные запреты обычно указываются Минюстом и администрациями учреждений как основные препятствия для доступа заключенных к презервативам и стерильным шприцам.

Отсутствие института ювенальной юстиции оказывает влияние на поведенческие практики несовершеннолетних заключенных. Ежегодно несколько тысяч подростков приобретают в УИС деструктивные социальные установки такие, как чрезмерная оценка роли физической силы, обмана в разрешении конфликтов, неадекватное отношение к ПВ, искаженное представление о роли сексуальных отношений в межличностной и социальной коммуникации. И самая опасная и разрушительная по своим последствиям установка — возможность получения высокого социального статуса и внимания со стороны значимых людей с помощью публичных антисоциальных действий (социальный инфантилизм или неоинфантилизм). Также возможен вариант, когда подростки выходят из мест лишения свободы с теми же социальными навыками, с которыми туда пришли. Это приводит их к практике опасного в плане заражения ВИЧ-поведения сразу после освобождения. Часть этих подростков через краткий промежуток времени после освобождения опять совершает противозаконные поступки и вновь попадает в места лишения свободы, возможно уже с ВИЧ-инфекцией, и в учреждения для взрослых.

ОБЩИЙ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНЫ, В Т. Ч. И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ, В ОБЩЕСТВЕ В ЦЕЛОМ И В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ В ЧАСТНОСТИ

«...для пенитенциарной системы России сложными остаются вопросы размещения наркоманов и ВИЧ-инфицированных в учреждениях и вопросы организации лечения из-за слабости материально-технической базы, острого дефицита медицинского оборудования и лекарственных средств.

По-прежнему остро стоит проблема подростковой наркомании, данная категория практически выпадает из поля деятельности врачей психиатров-наркологов, притом, что из 9,6 тыс. подростков содержащихся в воспитательных колониях, каждый седьмой ранее потреблял наркотические вещества...

В этой связи мы надеемся на сотрудничество с врачами Европы и США, уже имеющими богатый опыт борьбы с наркоманией и СПИДом в своих и некоторых развивающихся странах, а также государствах с переходной экономикой».

Ю. Калинин,

заместитель министра юстиции Российской Федерации(14)

ПРОВОДИМЫЕ ПРОГРАММЫ

«Если исследователь хоть чуточку сфальсифицирует результаты в плане своих политических убеждений — это может быть сделано бессознательно и с совершенно чистой совестью, — действительность скажет на это «нет»: попытка практического применения таких результатов будет безуспешна».

Конрад Лоренц(15)

В России проводится значительное количество различных программ, которые могут напрямую или косвенно влиять на ВИЧ-ситуацию в УИС. Можно выделить семь основных подходов, используемых этими программами отдельно или в комплексе:

прямое влияние на ВИЧ-ситуацию в обществе и в УИС:

- профилактика употребления наркотиков среди подростков и молодежи вне пенитенциарной системы, в т. ч. терапия химических зависимостей, включая реабилитацию;
- первичная и вторичная профилактика ВИЧ среди молодежи и подростков вне пенитенциарной системы, включая программы по сексуальному образованию, программы по «снижения вреда», терапию инфекций, передаваемых половым путем, терапию СПИДа, и ресоциализацию ВИЧ-инфицированных;
- ювенальная юстиция, когда дети и подростки, совершившие правонарушения, направляются не в места лишения свободы, а в социальные корректирующие программы(16);
- профилактика ВИЧ среди заключенных, включая информирование, консультирование, распространение презервативов и дезинфекцию, реже обмен инъекционного оборудования;

опосредованное влияние на ВИЧ-ситуацию в УИС:

- профилактика ВИЧ среди сотрудников УИС, включая информирование, консультирование, распространение средств личной безопасности, в т. ч. презервативов;
- программы, направленные на ресоциализацию бывших осужденных после освобождения;
- профилактика преступности среди подростков и молодежи.

Те или иные программы, включая рутинную практику самих учреждений УИС, проводятся практически во всех регионах России.

В России первичной профилактикой ВИЧ и употребления психоактивных веществ среди подростков и молодежи занимаются сотни международных и российских организаций. Среди наиболее эффективных можно отметить сетевые проекты ЮНИСЕФ (программа «Здоровье и развитие молодежи») и Управления ООН по наркотикам и преступности совместно со ВОЗ (программа «Глобальная инициатива»). Эти две программы охватывают более половины территории России и вовлекли в свою работу многих известных ученых и общественных деятелей страны. Также значительные средства на работу по первичной профилактике выделяют федеральный и местные бюджеты.

В стране насчитывается до 100 международных, региональных и локальных бюджетных и НПО, проводящих активную профилактику ВИЧ среди заключенных, в т. ч., снабжают презервативами (в основном, пока, при сексуальных контактах заключенных с приехавшими навестить их сексуальными партнерами). Также ими начинаются проекты по организации обмена использованных шприцев на новые для заключенных, употребляющих наркотики. К сожалению, это возможно в значительной степени благодаря финансовой поддержке со стороны Института «Открытое общество (Фонд Сороса)» и Министерства Великобритании по международному развитию (DFID). Если финансовая поддержка со стороны этих международных и иностранных организаций будет прекращена, то, вероятнее всего 9/10 этой работы будет прекращено в течение следующих 3—4 месяцев.

Исключение составляют лишь крупные международные организации, такие как «СПИД Фонд Восток-Запад» и немногие высокопрофессиональные в социальной работе российские НПО, например, «Право на жизнь» (Нижний Новгород) или «Фонд Анти-СПИД» (Пенза).

Отдельно следует сказать о работе, проводимой российскими СПИД-центрами. Почти все из них проводят лекции и семинары, направленные на информирование заключенных о мерах профилактики ВИЧ. Но зачастую дальше предоставления информации ничего не делается. Лишь у единичных СПИД-центров есть программы, направленные на развитие у заключенных навыков безопасного поведения (в Пскове, Воронеже, Омске, Казани).

Используя грубый подсчет, можно сказать, что до 70% всех, отбывающих срок наказания в колониях, имеют доступ к более или менее корректной информации о профилактике заражения ВИЧ, но не более 15% охвачены программами по передаче навыков безопасного поведения, еще меньший процент имеют доступ к презервативам и почти никто — к стерильным шприцам. В СИЗО, в соответствии с правилами содержания там подследственных, никакой сколько-нибудь значимой работы по профилактике ВИЧ не проводится вообще. Хотя, как было выяснено в ходе работы в рамках тюремной программы «СПИД Фонда Восток-Запад», там вполне может быть организовано как минимум проводимое в малых группах консультирование до и после теста на ВИЧ.

Около 10 НПО поддерживают и активно лоббируют внедрение ювенальной юстиции (Фонд «Нет алкоголизму и наркомании» — ведущий среди них) и более сотни больших и маленьких организаций, защищающих права заключенных и способствующих ресоциализации освободившихся из заключения. Несмотря на то, что данная деятельность активно поддерживается федеральными и местными властями, значительное развитие эта работа получила также благодаря финансовой поддержке крупных международных организаций, таких как «Международная тюремная реформа» (PRI) и Агентство международного развития США (USAID).

В заключение этого раздела стоит отметить, что до сих пор нет эффективного механизма (объединенного информационного центра, или ассоциации) для координации и/или взаимной поддержки между организациями, проводящими работу по охране здоровья заключенных и сотрудников УИС.

ВОЗМОЖНОЕ РАЗВИТИЕ ВИЧ-СИТУАЦИИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

«...благодаря принятию в марте прошлого года разработанных Минюстом 59 поправок к Уголовному, Уголовно-процессуальному и Уголовно-исполнительному кодексам ... за год удалось снизить численность заключенных на 100 тысяч человек. По состоянию на 1 января 2002 года у нас в колониях и СИЗО содержится 979 тысяч, что на 8 тысяч меньше, чем было в декабре. Всего же мы хотели бы добиться сокращения на 200—250 тысяч человек. ...Мы сейчас готовим целый пакет изменений в Уголовном кодексе... предусматривающие снижение санкций определенных статей УК. Ведь не разовые амнистии должны влиять на судьбу человека, а постоянно действующее законодательство».

Ю. Калинин,
заместитель министра юстиции России(17)

В совместной со специалистами Всемирного банка работе академик РАН В. Покровский предположил, что к 2010 г. в России может насчитываться от 2,3 до 5,2 млн ВИЧ-инфицированных, а к 2020 г. их число может вырасти до 14,5 млн человек(18).

Как бы то ни было, в 2002 г., по данным Минздрава России, в стране наблюдалось снижение темпов роста новых случаев заражения. По мнению различных специалистов, это, в первую очередь, связано с уменьшением передачи ВИЧ при инъекциях ПВ. Распространение же ВИЧ при сексуальных контактах, хотя доля этой причины среди новых случаев заражения постоянно растет, идет не столь быстро.

Снижение темпов прироста новых случаев заражения ВИЧ дает основание полагать, что в ближайшие годы ВИЧ-ситуация в УИС России может стабилизироваться. Рост случаев носительства ВИЧ среди заключенных продолжится, но не будет столь бурным, как в прошлые годы. Это может стать возможным не только в связи с изменением развития эпидемии в стране в целом, но и с возможным уменьшением числа подростков, попадающих в заключение за употребление наркотиков или за мелкие кражи. Так же изменится и причина заражения. Все больший процент заражения ВИЧ будет приходиться на сексуальные контакты как вне, так и внутри пенитенциарных учреждений.

Может измениться и территориальное распределение ВИЧ-инфицированных заключенных. Уже упоминалось, что сегодня Минюст старается поместить заключенного в ближайшую от места его проживания колонию, а Минздрав снижает количество рутинного тестирования, заменяя его другими видами эпидемиологических исследований. И то и другое является препятствием для создания и развития внутри УИС аналога муниципальной системе СПИД-центров — специализированных колоний для ВИЧ-инфицированных. Соответственно, наибольшая концентрация ВИЧ-инфицированных заключенных будет наблюдаться в тех регионах, где будет наибольшая концентрация ВИЧ-инфицированных в обществе в целом.

Учитывая, что ВИЧ передается от человека к человеку при межличностном контакте, наибольшее развитие эпидемия получит именно там, где наблюдаются наиболее динамичные коммуникативные процессы в обществе, в первую очередь миграционные. Вероятнее всего это будут густонаселенные регионы, где есть крупные города (такие как Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Владивосток, Воронеж,

Ростов-на-Дону, Краснодар, Челябинск, Красноярск, и прочие) или крупная, динамично развивающаяся промышленность (например Норильск, Нижневартовск или Иваново). Также высокая динамика развития ВИЧ-инфекции будет наблюдаться в регионах, где проходят наиболее крупные пути нелегального нарко-трафика (области Южного Урала и Южной Сибири, юг европейской части России, территории вокруг крупных портов).

ФОРМУЛИРОВКА ПРОБЛЕМЫ В ОТНОШЕНИИ ВИЧ В УИС РОССИИ

«Проблема заключается в развитии более полезной групповой культуры».

Эрик Берн(19)

Подводя итог, можно сформулировать проблему, связанную с распространением ВИЧ в УИС России следующим образом.

На данный момент в УИС России сконцентрировано значительное в масштабах страны количество ВИЧ-инфицированных. Их концентрация в системе стала возможной из-за распространенной практики наказания лишением свободы за употребление ПВ, отсутствия института ювенальной юстиции, а так же из-за опасного в отношении заражения ВИЧ поведения заключенных.

Если в ближайшем будущем не устранить три указанные причины концентрации ВИЧ-инфицированных в УИС, то система столкнется со следующими проблемами, которые она объективно не способна будет решить:

- оказание большого объема специфической и дорогостоящей медицинской помощи ВИЧ-инфицированным заключенным,
- значительное повышение смертности среди заключенных, особенно ВИЧ-инфицированных с коинфекцией туберкулеза и/или гепатитов В и С,
- защита здоровья сотрудников УИС и существенные выплаты компенсаций сотрудникам, заразившимся ВИЧ при исполнении служебных обязанностей,
- защита здоровья заключенных, не являющихся ВИЧ-инфицированными,
- ухудшение имиджа системы в целом.

РЕКОМЕНДАЦИИ

«...вынужденное согласие, не сопровождаемое переменой личных убеждений, проявляется в тех случаях, если за уступчивость предлагается поощрение, а нежелание уступить грозит наказанием».

Леон Фестингер(20)

Программой в представленных ниже рекомендациях называется любой комплекс мероприятий, направленных на профилактику ВИЧ среди заключенных и сотрудников УИС и реализуемой одной или несколькими организациями.

Программа должна способствовать развитию организации, которая ее реализует. В первую очередь это касается развития профессиональных навыков сотрудников, развития позитивного имиджа организации, и увеличения материальных ресурсов.

Программа должна иметь четко сформулированную цель, выраженную в описании безопасного или менее опасного поведения, которое должно появиться у большинства представителей целевой группы в результате работы программы.

Программа, направленная на изменение поведения заключенных, должна быть сначала согласована с сотрудниками УИС, начиная от общего политического одобрения со стороны Минюста и заканчивая уверенностью, что рядовые сотрудники конкретной колонии понимают смысл проводимой программы и считают ее нужной.

Программа должна учитывать специфику тюремного эрзац-общества УИС при построении профилактических программ. Возможно, в некоторых ситуациях необходимо проводить работу отдельно с различными иерархическими группами заключенных, вплоть до реализации ее разными методами.

Обязательной составной частью любой программы должна быть ориентация на жизнь вне УИС. А именно, в рамках профилактических программ заключенные, особенно подростки и молодые люди, должны иметь возможность получить полезные социальные навыки, которые помогут им сориентироваться «по ту сторону решеток» и стать приемлемыми членами общества. В первую очередь это касается коммуникативных навыков,

в т. ч. навыков конструктивного решения конфликтов. Профессиональное обучение здесь не играет существенной роли, так как в УИС нет материальной возможности и кадров для организации полноценного профессионального обучения.

При планировании и проведении программ профилактики ВИЧ в УИС необходимо в равной мере учитывать интересы в области охраны здоровья заключенных и сотрудников учреждений.

Программа будет не эффективна, если в ней не будут участвовать местные муниципальные медицинские и социальные организации, так как именно местная эпидемическая ситуация в значительной степени будет формировать эпидемическую ситуацию в пенитенциарных учреждениях, там расположенных. Другими словами, необходимо создавать непрерывные «сервисные цепочки» работы с теми, кто рискует заразиться ВИЧ, которые должны без перерыва «тянуться» из гражданского общества в УИС и обратно.

Поддержка (формирования) института ювенальной юстиции значительно повышает эффективность профилактики ВИЧ в УИС среди подростков.

Поддержка декриминализации добровольных сексуальных контактов между заключенными значительно облегчит реализацию такого важного профилактического действия, как предоставление доступа к презервативам.

Поддержка развития вне стен пенитенциарных учреждений эффективных методов профилактики ВИЧ и употребления ПВ так же, как и программ эффективной терапии химических зависимостей, в первую очередь — полноценной реабилитации и заместительной терапии (substitutional therapy), способствует снижению притока ВИЧ-инфицированных в УИС. Так же это снизит вероятность возникновения новых случаев заражения ВИЧ среди заключенных, в первую очередь в результате инъекций ПВ.

Программа должна исключать интеграцию профилактических мероприятий в существующую в УИС систему «поощрений и наказаний». Профилактические мероприятия должны быть доступны для всех представителей целевой группы без исключения. Другими словами, участие конкретного заключенного в программе должно быть обусловлено уверенностью в пользе данной программы для него/нее лично, а не расчетом получить поощрение от администрации учреждения.

Программа должна исключать поддержку развития УИС как индустрии, производящей коммерческие услуги или товары.

Программа должна исключать поддержку принудительной терапии химической зависимости как совершенно не эффективной.

Программа должна исключать изоляцию ВИЧ-инфицированных заключенных от контактов с остальными заключенными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Итак, снижение темпов роста ни в коем случае не являются индикатором того, что какие-либо превентивные мероприятия или изменение поведения действительно оказали свое влияние. ... Изменения темпов роста только тогда что-то говорят об изменении поведения, если удается показать, что они значимо отличаются от ожидаемого естественного снижения темпов роста, и если есть уверенность, что в расчеты не вкрался «фактор предыстории».

Дитрих Дёрнер(21)

БЛАГОДАРНОСТЬ

При подготовке этой работы неоценимую помощь оказывали мои друзья и коллеги. Здесь я считаю необходимым назвать их имена и еще раз выразить им свою благодарность и уважение:

Наталье Ходакевич («СПИД Фонд Восток-Запад», Москва),
Ирине Куртиковой («СПИД Фонд Восток-Запад», Москва),
Роману Дуднику («СПИД Фонд Восток-Запад», Москва),
Шоне Шонинг («СПИД Фонд Восток-Запад», Москва),
Евгению Бобкову («СПИД Фонд Восток-Запад», Москва),
Алле Покрас («Международная Тюремная Реформа» (PRI), Москва),
Михаилу Гришину («Международная Тюремная Реформа» (PRI), Москва),
Елене Беляевой («Право на жизнь», Нижний Новгород),
Ани Шакиришвили (Центр по контролю за заболеваниями (CDC), Атланта, США),

Дмитрию Речнову («Санкт-Петербургский Центр профилактики наркомании», Санкт-Петербург).

- (1) *Дёрнер Д.* Логика неудачи, М.: Смысл, 1997.
- (2) *Рыбаков Ю.* Пенитенциарная система в России и гражданское общество, Центр независимых социологических исследований, Центр изучения Германии и Европы (DAAD), Материалы российско-немецкой конференции «Социальная этика: Ответственность индивида, общественных организаций, церкви и государства в социальной сфере», СПб., 2001. 17 дек.
- (3) *Берн Э.* Лидер и группа, Екатеринбург: Литур, 2000.
- (4) *Абрамкин В., Чижов В.* Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику, Красноярск: Агентство «Восток», 1992.
- (5) *Лоренц К.* Агрессия, СПб.: Амфора, 2001.
- (6) *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца?, М.: Идея-пресс, 1999.
- (7) Там же.
- (8) *Стеркин Ф.* Юрий Калинин: Без хорошего тюремщика нормальной тюрьмы быть не может, <http://www.strana.ru>, 25 марта 2002.
- (9) Министерство юстиции Российской Федерации.- Буклет к 200-летию министерства, М.: Министерство юстиции РФ, 2002.
- (10) *Рыбаков Ю.* Пенитенциарная система в России и гражданское общество, Центр независимых социологических исследований, Центр изучения Германии и Европы (DAAD), Материалы Российско-немецкой конференции «Социальная этика: Ответственность индивида, общественных организаций, церкви и государства в социальной сфере», Санкт-Петербург, 17 декабря 2001.
- (11) *Селиванов С., Матвеев А., Ракова С.* Подходы в организации мероприятий, направленных на предупреждение распространения ВИЧ-инфекции в учреждениях пенитенциарной системы Министерства юстиции Российской Федерации, Вена, 10—12 окт., 2002.
- (12) *Калинин Ю.И.* О медицинском обеспечении потребителей наркотиков и содержании ВИЧ-инфицированных в учреждениях пенитенциарной системы Минюста России, Вена, 10-12 октября 2002.
- (13) «Период окна» — время от момента заражения до появления в крови достаточного для используемых сегодня тест-систем количества антител к вирусу. Используемый для массового тестирования иммуноферментный анализ определяет наличие в крови не самого вируса, а специфических антител к нему. Обычно данный период длится от 2-3 недель до 6 месяцев.
- (14) *Калинин Ю.* О медицинском обеспечении потребителей наркотиков и содержании ВИЧ-инфицированных в учреждениях пенитенциарной системы Минюста России, Вена, 10-12 октября 2002.
- (15) *Лоренц К.* Агрессия, СПб.: Амфора, 2001.
- (16) Ювенальные технологии. Практическое руководство. Под ред. О. Зыкова, М., 2001.
- (17) *Стеркин Ф.* Юрий Калинин: Без хорошего тюремщика нормальной тюрьмы быть не может, <http://www.strana.ru>, 25 марта, 2002.
- (18) *Рюль К., Покровский В., Виноградов В.* Экономические последствия распространения ВИЧ-инфекции в России, <http://www.worldbank.org.ru/rus/group/hiv/>, 2002.
- (19) *Берн Э.* Лидер и группа, Екатеринбург: Литур, 2000.
- (20) *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса, СПб.: Ювента, 1999.
- (21) *Дитрих Дёрнер Д.* Логика неудачи, М.: Смысл, 1997.

Положение женщин в системе уголовного правосудия в России в 2000-2002 гг.

Л. Альперн, Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия

ВВЕДЕНИЕ

Обзор законодательства

В уголовном законодательстве РФ не так много документов, регулирующих положение женщин в системе

уголовного правосудия, которые бы учитывали гендерную специфику проблемы.

Таким образом, можно с уверенностью заявить, что главным объектом регулирования в системе уголовного правосудия является мужчина, а женщины и дети представляют некие условные меньшинства, вынужденные с большими, а иногда и необратимыми, потерями приравниваться к жизни «старшего брата». При этом необходимо учитывать, что разнообразные социальные проблемы и массовые нарушения фундаментальных прав человека, характерные для ситуации в России и в прежние годы, и сегодня в особенности усугубляются в местах лишения свободы.

Тем не менее уголовное законодательство РФ все-таки содержит статьи, которые регулируют положение женщин в системе уголовного правосудия. В первую очередь они направлены на обеспечение возможности выполнять свои родительские обязанности.

Вот основные из них:

- женщина не может быть приговорена к смертной казни (ст. 59 УК РФ);
- отбывание наказания может быть отсрочено, а впоследствии сокращено или отменено для беременных женщин или женщин, имеющих детей младше 14 лет, кроме «осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности» (ст. 82 УК РФ);
- осужденным беременным женщинам и осужденным женщинам, имеющим малолетних детей, отбывающим наказание в исправительной колонии, кроме осужденных на срок свыше пяти лет за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против личности, судом также может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста (ст. 177 УИК РФ);
- подозреваемая или обвиняемая женщина может содержаться в местах заключения вместе со своими детьми младше трех лет, причем для них организуются улучшенные материально-бытовые условия, специализированное медицинское обслуживание и устанавливаются повышенные нормы питания и вещевого обеспечения, снимаются ограничения по времени на ежедневные прогулки и запрещается водворение в карцер (ст. 30 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»);
- при исправительных учреждениях могут создаваться дома ребенка, в которых дети женщин-заклученных могут содержаться до достижения ими трехлетнего возраста(1); беременные и женщины, имеющие детей, имеют право на дополнительные продовольственные посылки и передачи, а также специализированную медицинскую помощь (ст. 100 УИК РФ);
- на лицевой счет заключенных беременных женщин или имеющих детей в домах ребенка перечисляется не менее 50% зарплаты, пенсии или иных доходов(2) (ст. 107 УИК РФ);
- осужденные женщины, имеющие грудных детей в Доме ребенка исправительного учреждения, и осужденные женщины, освобожденные от работы по беременности и родам, не могут переводиться в штрафной изолятор и помещения камерного типа (ст. 117 УИК РФ);
- осужденные беременные женщины и осужденные женщины, имеющие при себе малолетних детей, не могут содержаться в тюрьмах на строгом режиме (ст. 130 УИК РФ).

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

По данным криминологов, по сравнению с последней четвертью XIX в. на сегодняшний день доля женской преступности и количество женщин среди «тюремного населения» заметно сократились.

По данным известного русского криминолога И. Фойницкого(3), расцвет научной деятельности которого пришелся на последнюю четверть XIX в., в современной ему Европе женщины совершали до 20% преступлений и составляли примерно 10—16% тюремного населения. По данным криминолога Я. Гилинского(4), в настоящее время женская преступность составляет примерно 11—15% от общего числа преступлений, а количество женщин-заклученных в странах Европы и США не превышает в среднем 5%.

Кроме того, по сравнению с XIX в. и первой половиной XX в. изменилась и структура женской преступности. Вместо 51% (указанных Фойницким) «кровавых» преступлений против личности, по большей части — убийств, в настоящее время подобные преступления женщин составляют не более 15—20%.

Причина высокой доли, как бы сказали сейчас, тяжких и особо тяжких преступлений против личности (в первую очередь, мужеубийств и детоубийств) в женской преступности сто лет назад, по мнению исследователей(5), заключалась в бесправном положении замужних женщин и женщин, родивших детей вне брака.

Однако и в наше время семейное неблагополучие, высокая степень насилия в семье являются основными причинами криминализации и маргинализации женщин.

Статья 106 УК РФ гласит: «Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а

равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет».

Это единственная исключительно «женская» статья уголовного кодекса, все остальные в равной степени затрагивают оба пола.

Современная российская криминология (в отличие, например, от американской, в которой уже более 20-ти лет развивается особое направление — «феминистическая криминология») не уделяет большого внимания женской преступности. По-видимому, это обусловлено тем, что вклад женских преступлений в общую картину преступности не оценивается специалистами как значительный. Подобное равнодушие к женским проблемам в обществе порождает, в т. ч., женскую преступность.

По данным Уполномоченного по правам человека РФ О. Миронова: «Одним из наиболее распространенных нарушений прав человека в современном мире является насилие в отношении женщин. <...> Женщины, погибшие и получившие телесные повреждения на почве семейно-бытовых конфликтов, занимают первое место среди различных категорий пострадавших от насильственных преступлений <...> Согласно данным МВД РФ, ежегодно 14 тыс. женщин погибают от рук мужей, а 2 тыс. кончают жизнь самоубийством...

Представление о насилии лишь как о проявлении семейных скандалов вследствие алкоголизма, плохих бытовых условий неверно. Факты свидетельствуют о том, что насилие в семье наблюдается во всех слоях общества независимо от социального положения и уровня жизни <...> УК РФ содержит перечень составов преступлений, посягающих на жизнь, здоровье и неприкосновенность личности. Однако насилие в семье не выделяется среди иных составов преступления»(6).

Таким образом, если в XIX в. в криминальной статистике превалировало количество мужеубийств, что свидетельствовало об отчаянии женщин, не желающих мириться со своим бесправием, то сейчас количество женоубийств, достигшее в 2001 г. такого невероятного значения (14 тыс. в год)(7) в пять раз превышает количество мужеубийств и свидетельствует, в частности, о том, что мужчины с помощью насилия стремятся восстановить в утерянных правах.

Насилие в семье способствует росту женской преступности, в т. ч. насильственной. В исправительных колониях растет количество женщин, осужденных за насильственные преступления против близких: мужей, сожителей, отцов и т. д.

Насильственные преступления такого рода почти никогда не находят смягчающих обстоятельств на суде. В частности, женщины, совершившие убийство или попытку убийства мужа или сожителя, который много лет садистски издевался над семьей, обвиняются по статье 105 — «простое» убийство, и почти никогда по статье 107 «Убийство в состоянии аффекта», т. к. чтобы доказать аффект, необходимо проводить экспертизу, а это дорого, и на этих женщин никто не станет тратить. Тем более, что они также почти никогда не имеют хорошего адвоката, которому нужно платить, и, соответственно, получают срок не менее 6—7 лет. Их обездоленные дети попадают в детские дома, становятся беспризорными и социальным резервом преступного мира.

В настоящее время, когда принятые за последние два года законодательные акты, в т. ч. и новый УПК, привели, по данным зам. министра юстиции РФ Ю. Калинина, к уменьшению тюремного населения почти на 200 тыс. человек (в частности, почти в два раза уменьшилось количество несовершеннолетних осужденных), женские колонии не пустеют, наоборот — они переполнены. Например, женская колония строгого режима ГУИН Орловской области ЯИ-22/6, превысила лимит наполняемости (850 человек) почти в два раза (1600 чел.), что делает и без того суровую жизнь женских колоний просто невыносимой.

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Этапирование

В 89 субъектах Российской Федерации есть только 40 женских колоний и только три — воспитательных для девочек. Это означает, что женщины более чем из половины субъектов РФ вывозятся этапами в другие области и хорошо, если в соседние (часто вопрос решается не в пользу интересов осужденного и его семьи, а в пользу системы — везут туда, где мест больше), а в каждой колонии для несовершеннолетних девочек содержатся осужденные из 30 субъектов РФ.

Осужденным женщинам приходится перемещаться на большие, а порой на огромные расстояния. Именно женщины в большей степени страдают от тяжелых условий этапирования, которые тюремное население считает даже худшими, чем в СИЗО (условия содержания в российских СИЗО международными экспертами

признаются пыточными).

«Перемещение заключенных к местам лишения свободы» (ст. 76 УИК РФ) может быть длинным и долгим. Часто продолжительность дороги не связана прямо с длиной пути. Например, дорога из Перми в Новый Оскол, где отбывают наказание пермские девочки, длиной примерно в 2100 км, которая на обычном пассажирском поезде занимает двое суток, может длиться два месяца, т. к. она проходит через пять пересыльных тюрем, вернее, через сборные отделения пяти областных СИЗО, в каждом из которых перемещаемые могут пробыть до недели и более. Камеры — грязные, переполненные, часто без отдельного спального места и белья, отсутствует нормальное питание, медицинское обслуживание. Кроме того, сам процесс перевозки опасен для жизни и здоровья — можно оказаться в одной камере с инфекционным больным, не получить дневного пайка или вместо нормальной еды — селедку, чтобы задерживала воду и реже хотелось в туалет, а в туалет конвой лишней раз не выведет.

По свидетельству воспитанников Невельской колонии (анкетирование проводилось в конце 2000 г.): «Транзитом через псковское СИЗО следуют в Невельскую воспитательную колонию несовершеннолетние из других субъектов Федерации: Ленинградской, Мурманской, Архангельской, Новгородской областей, республик Коми и Карелии. Из 19 опрошенных 5 человек были на этапе более месяца, 4 человека — более недели. Каждый побывал в «столыпине». 14 человек указывают, что их ничем не кормили, 3 (из тех, кто ехал долго) вспоминают селедку и хлеб; 2 сообщают о сухом пайке, выданном в изоляторе. 17 человек указали на недостаток еды и питья; 9 человек в туалет не водили вообще, 3 водили раз в день, 4 два раза в день. 4 (из тех, кто долго путешествовал) сообщили об избиениях во время этапа: 2 била охрана, 2 — сокамерники — тоже подростки, но более сильные».

Очевидно, что ситуация станет благополучнее, если сократить расстояние этапирования.

Далее приведены цитаты из сочинений воспитанниц Рязанской и Новооскольской колоний, написанные не в 1937 г., а в 2000—2001 гг., то есть уже в XXI веке:

Елена К., 18 лет:

«...Как я ехала этапом с тюрьмы до зоны. Выехала я из Екатеринбурга 17 мая 2000 г. в 4 утра, за нами прибыл автозак, нас было 6 малолеток и одна 19-летняя девчонка. Вот мы приехали на вокзал к «столыпину». Конвой быстро выходит: по сторонам не смотреть, бегом через рельсы до вагона. Мы с сумками тяжелыми быстро-быстро и вот мы уже в вагоне. Ну сначала нас закрыли 12 человек в одно купе, мы попросили начальника и он оставил в купе одних малолеток. Ехали мы где-то сутки-полтора до г. Ульяновска. Вышли и зашли в автозак, конвой был веселый, и мы пели ему песни.

Приехали и вот заводят нас после шмона. Ужасная камера, грязь, холод, сырость, мрак, но зато общение есть с пацанами. Я увидела в полу дыру, еще такую, что рука полностью влазит, это была «кобура». Когда прошло два дня, нам надо было уезжать, но нам не хотелось, т. к. я познакомилась с пацаном, и он говорил, что любит, ну это все чушь. Нас опять в «столыпин», и меньше суток, и мы в г. Рязани; вот поднимают нас в камеру, и там ужас: человек 40—45: 10 малолеток, и остальные взрослые были, и бабы прожженные, и бабы-мужики и т. д. Хорошо, что мы там были всего 3 дня, и потом на автозаке на зону...»

Тамара Ч., 17 лет:

«Первый день на этапе я провела ужасно, так как с нами обращались, как с собаками, когда из ИВС нас отправляли в СИЗО. Нас посадили в автозак и повезли к «столыпину», в автозаке было темно, было душно и грязно, а когда нас загружали в вагон, то нас швыряли, как ненужные вещи, а кто шел медленно, того били дубинками по спине, вокруг меня решетки, и в этих решетках сидят десятки заключенных ребят, которые, как дикие, кидаются на сетки и спрашивают тебя обо всем, было впечатление, как будто ты попала в джунгли, и оно осталось у меня на всю жизнь. В тройнике нас было много, очень тесно, а ехать в поезде приходилось много времени, очень хотелось есть, спать, помыться. В туалет выводят один раз, а некоторый конвой не выводит вообще, и девушки писали в бутылки и в кульки, это издевательство. В тройник нам засыпали сухую хлорку, и весь путь мы дышали ею. Этап — это ужасный путь, и чтобы его пройти, нужно мужество, и это очень сильно влияет на психологию человека, человек ожесточается еще хуже. Я прошла через все это, и никто не мог мне помочь и заступиться».

Анастасия Р., 17 лет:

«5 марта меня вывели из камеры и завели в автозак, в нем я ехала 2 часа до «столыпина», меня завели в кабинку и в ней я ехала трое суток до Ярославля, там меня завели в какую-то маленькую камеру, где был унитаз и скамейка, а весь пол был под слоем грязи. Наутро меня подняли в камеру для транзитников, там я была в этой тесноте и духоте 4 дня с женщинами, которые ругались как сапожники матом и спали все там по

часам, за эти 4 дня я проспала 3 раза и от одной бабки заразилась вшами, но, к счастью, их быстро вывели. 9 марта снова этап и привезли меня в Рязань, там был кошмар — спала на полу 2 месяца, потом закрыли в карантин на 21 день и наконец-то нас вызвали и привезли в колонию. Мои мучения кончились».

Эти воспоминания несовершеннолетних девочек говорят о многом. Такая же судьба и у женщин, они часто рассказывают о своем этапе в схожих тонах. Например, в женскую колонию строгого режима ЯИ-22/6 (Орловская область), а таких колоний в России только две — эта и в Пермской области, в Березниках, женщин везут из 45 субъектов РФ. Начальник колонии не без основания считает, что это сугубо формальный подход, т. к. принципиальной разницы между общим и строгим режимом для женщин нет, а посему можно без особого ущерба для исполнения наказания сделать участок строгого режима в обычной колонии. Он, работая в колонии уже более четверти века, прекрасно понимает разницу между мужскими и женскими зонами и не видит смысла увозить женщину так далеко от дома, отрывать ее от родственников, если они есть, месяцами мучить в «столыпинских».

В польском уголовном кодексе, например, есть особая статья, которая регламентирует исполнение наказания в отношении женщин: польские законодатели, учитывая психологические особенности женщин, главной из которых они сочли привязанность к семье, указали в законе, что женщина имеет право отбывать наказание рядом с домом.

БЫТОВЫЕ И САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

В 1999 г. Общественным центром содействия реформе уголовного правосудия был предпринят мониторинг в шести учреждениях — трех колониях и трех СИЗО, где содержатся женщины, с целью выявления соответствия между существующей практикой содержания женщин в местах лишения свободы и Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными ООН(8).

Исследование выявило, что «главной проблемой содержания женщин в пенитенциарной системе России является то, что сложившиеся в советский период условия отбывания наказания не учитывают психологические и физиологические особенности, присущие женщинам, т.е. женщины содержатся как мужчины или, точнее, как некий усредненный человек без учета половых, возрастных и прочих индивидуальных особенностей»(9) .

Это обнаружилось во множестве факторов, но самым показательным является то, что женщины детородного возраста не получают гигиенических принадлежностей (гигроскопического материала или прокладок), необходимых им ежемесячно во время менструаций. Нашим законодательством не предусмотрена выдача необходимых гигиенических средств для заключенных женщин, что является грубым нарушением прав человека. Практики иногда стараются исправить ошибку законодателя, но они почти никогда не могут самостоятельно справиться с этой проблемой.

Женщины, не обладая достаточными средствами, а также техническими возможностями для покупки прокладок (они не всегда имеются в ларьке, и осужденные не всегда имеют достаточно денег на лицевом счету), пытаются как-то выйти из сложившегося положения. Но какими способами! Мне известны случаи, когда осужденные женщины в качестве гигиенических тампонов используют техническую вату, которую тайно выносят со швейной фабрики. По мнению гинеколога одной из колоний, это приводит к серьезным осложнениям в мочеполовой сфере.

Одна из заключенных в ответ на вопрос о санитарно-гигиенических условиях рассказывала: «Рвем одежду и матрасы для "гигиенических нужд". Стирать можно только раз в неделю на прачке, независимо от менструального цикла. В раковинах общежития стирать нельзя — будет рапорт».

Многие женские колонии переполнены, некоторые вдвое против лимита наполняемости, что приводит к столпотворению в огромных спальнях, и так рассчитанных на 50—100 человек. Мало того, что в качестве спальных мест используются двухъярусные кровати, иногда на втором этаже между кроватями укладывают деревянные щиты, которые тоже служат спальным местом. Такие конструкции есть в некоторых колониях, например, в Козловке. В других учреждениях щиты не используют, предпочитая сдвигать кровати до минимальной дистанции. Это приводит к опасной для здоровья скученности, ухудшает эпидемическую и психологическую ситуацию в учреждении. Все эти факты свидетельствуют о несоблюдении нормативов обеспечения заключенного минимальной площадью.

Обычно в исправительных учреждениях баня доступна не чаще одного раза в неделю, так же как и возможность постирать нижнее белье и носильные вещи. Постельное белье стирается в прачечной раз в 10—14 дней. При спальнях имеются так называемые «гигиенические комнаты», но они часто не снабжены горячей водой, стирать в них тоже запрещено.

В таких условиях, учитывая постоянный недостаток свободного времени, т. к. заключенные женских колоний работают в несколько смен с переработками, часто по 10—12 час. в сутки, довольно трудно соблюдать чистоту и аккуратность, что является не только необходимым для здоровья, но и требованием режима.

Тем не менее когда заходишь в общую спальню в женском общежитии, первое, что бросается в глаза — ослепительная белизна кроватей. Казалось бы, это признак чистоты и уюта, но на самом деле — это так называемая заправка «по-белому», особый способ создания лагерной красоты в переполненных дортуарах, всегда готовых к приему ведомственных и прочих комиссий. Осужденным в таких спальнях нет места, они не смеют нарушить белизну кроватей своими не первой свежести одеждой и телами. До отбоя, независимо от тяжести исполненной работы, женщина не может даже присесть на свою сверкающую постель. Так как здесь обнаруживается нехватка другой мебели, то вполне вероятно, что сидеть или даже лежать до отбоя тем, кто особенно устал, придется на полу.

Также в колониях всегда существуют проблемы снабжения конвертами, письменными принадлежностями, что ухудшает возможности осужденных как поддерживать контакты с семьей, так и обращаться с жалобами в инстанции.

ЗДОРОВЬЕ И МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

Женское население российских тюрем, мягко говоря, нездорово. До трети (по другим оценкам — до половины) женщин поступают в места лишения свободы с венерическими заболеваниями, в частности — с сифилисом. Наиболее широко распространен трихомоноз. Более 5% заключенных женщин (более 3000 чел.) — ВИЧ-инфицированы. ВИЧ часто сопровождается гепатитом С, не менее опасным и заразным заболеванием. 3—5% женщин больны активной формой туберкулеза. Кроме того, широко представлены алкоголизм, наркомания, соматические заболевания, из которых первое место занимают сердечно-сосудистые, в частности, гипертония, гинекологические (маточный миоматоз, другие опухолевые процессы внутренних половых органов); не менее 20% имеют разные, в т. ч. и серьезные, психические заболевания. Приведенные данные — оценочные, точные данные по заболеваниям среди женщин-заключенных не известны.

Медицинская помощь, оказываемая в системе исполнения наказания, скудна и не может реально решить проблемы здравоохранения. Однако за последние три года есть и успехи, в частности — в лечении туберкулеза, достигнутые, правда, за счет привлечения ресурсов международных организаций, таких как ВОЗ, «Врачи без границ», МККК и т. п.

Колонии получают централизованные поставки медикаментов, но их явно недостаточно. Все остальное прямо зависит от медработников — от их энергии, профессиональной пригодности, доброй воли. Мне известна колония, где профессионализм и энергия начальника медицинской части делают настоящие чудеса, но само присутствие такого человека в системе — тоже чудо. К сожалению, довольно часто тюремные врачи либо не имеют достаточной квалификации, либо быстро подвергаются психологической деформации и становятся сродни тюремщикам (в худшем смысле этого слова). Это не удивительно, т. к. тюрьма оказывает сильнейшее идеологическое и психологическое давление на человека.

Известны случаи неоказания медицинской помощи, часто врачи не дают освобождения от работы больным, даже при повышенной температуре, подозревая их в симуляции, что нередко соответствует действительности. Но даже этот случай свидетельствует главным образом о чрезвычайно зависимом положении заключенных, вынужденных прибегать к таким способам самозащиты.

Особые затруднения возникают, когда необходимо оказание квалифицированной медицинской помощи в стационаре. Это связано с конвоированием в общегражданские больницы, где медперсонал далеко не всегда готов тратить время и медикаменты на пациентов из мест лишения свободы. Само конвоирование также затруднено — могут возникнуть препятствия со стороны оперативных сотрудников, которые сочтут такого рода конвоирование противоречащим оперативной обстановке в колонии, и это может стать реальной причиной отказа в лечении.

В системе исполнения наказания существуют собственные, так называемые межрегиональные больницы, в которые этапировают больных заключенных со всех концов России. Например, стационары в городах Санкт-Петербурге, Ростове, психиатрическая больница в г. Рыбинске, стационар широкого профиля в г. Саратове.

Про последние две больницы известно следующее. В конце декабря 2002 г., посещая одну из женских колоний, я беседовала с некоторыми женщинами, которые были отправлены на лечение, а затем вернулись в колонию.

Одна из них, пожилая женщина, с сентября 2002 г. получала лечение в психиатрической больнице в г. Рыбинске (Ярославская область), причем этой госпитализации она упорно добивалась. Предполагалось, что

она пробудет там не меньше года. Однако она вернулась через три месяца, т. к. больше не смогла выносить лечение, которое заключалось в больших дозах галоперидола, чрезвычайно токсичного психотропного средства аминазинового ряда, вызывающего широкие побочные действия, включая симптомы болезни Паркинсона. Препарат чрезвычайно тяжело переносится больными, и обычно его выдают вместе с корректорами, которые снимают тремор и другие побочные явления. В больнице она корректор не получала, кроме того, она сообщила, что все болезни в этой больнице лечатся тем же галоперидолом.

Начальник медицинской части колонии, сам психиатр, подтвердил печальную славу этого лечебного заведения и сообщил, что он старается оказывать помощь больным на месте и лишь в крайних случаях отправляет их в Рыбинск, т. к. потом приходится их лечить от «лечения».

Про межрегиональную ведомственную больницу широкого профиля в г. Саратове есть иная информация. Больные соматическими заболеваниями, которых перевозят туда по всем правилам этапа, длящегося от нескольких недель до месяца, часто возвращаются, так и не получив медицинской помощи. Причина, как выяснилось, в том, что лечение в этой больнице происходит только — за деньги. Либо за наличные, которые вносятся родственниками больных, либо за безналичные, которые снимаются со счетов заключенных. Если денег нет, то и лечения не будет, и пациент вернется этапом в том же, если не худшем, состоянии, в котором отправился на «лечение». По мнению врачей, это новая, но набирающая силу практика в системе исполнения наказания. Раньше подобных случаев не было.

РАБОТА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Заключенные женских колоний обеспечены работой, и это можно было бы рассматривать как благо в давно неработающей и не зарабатывающей системе исполнения наказания, если бы этот труд нормально оплачивался и подчинялся трудовому законодательству. Сегодня условия труда в местах заключения по сути являются каторжными.

Статья 91 Трудового кодекса РФ гласит: «Нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю», а ст. 99 сообщает, что «...привлечение к сверхурочным работам допускается с письменного согласия работника и с учетом мнения выборного профсоюзного органа данной организации. <...> Сверхурочные работы не должны превышать для каждого работника четырех часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год».

Что касается труда заключенных, то согласно ст. 104 УИК РФ: «Продолжительность рабочего времени осужденных к лишению свободы, правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. Время начала и окончания работы (смены) определяется графиками сменности, устанавливаемыми администрацией исправительного учреждения по согласованию с администрацией предприятия, на котором работают осужденные».

Тем не менее на швейных фабриках, расположенных в женских исправительных учреждениях, женщины чаще всего работают по 10—12 часов в сутки, часто без выходных, денег на лицевой счет получают рублей 300, и это в лучшем случае.

Причины такого рода трудозанятости в том, что женские колонии обеспечены работой именно потому, что получаемый ими через посредников заказ, в частности — на пошив камуфляжа и других видов униформы, дается на кабальных условиях: сроки сокращены до минимума, оплата за такую работу, выполняемую на плохом сырье, — копеечная. Таким образом, только невзыскательный и обреченный на послушание трудовой коллектив (отказ от работы считается злостным нарушением режима содержания⁽¹⁰⁾ и наказывается ШИЗО) конкурентоспособен при получении подобной работы. Свободные швейные фабрики не станут даже участвовать в таком конкурсе, т.е. это заказ, рассчитанный именно на рабский труд.

К тому же, осужденные работницы швейной фабрики устраиваются на эту работу не по собственному выбору и желанию, а по приказу, не все они шьют профессионально, не все имеют способности к такой работе. Оборудование швейных тюремных фабрик давно морально и физически устарело. Вот из этих факторов и складывается каторжный труд. Женщины на такой работе (часто работа конвейерная) быстро стареют, теряют жизненные силы, надрываются физически и психически.

Администрацию колоний понять можно — ведь даже небольшая прибыль, заработанная на фабрике, позволяет честной администрации улучшать питание заключенных и решать другие социальные, бытовые и медицинские проблемы учреждения. Да и арестантки, хоть и надрываются на работе, зато могут купить в лагерном магазине хотя бы чай и табачные изделия.

И, тем не менее подобные условия труда — прямое нарушение российского законодательства и прав

человека.

ОПЕРАТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ЖЕНСКИХ КОЛОНИЯХ

Право на осуществление оперативной службы закреплено в общем виде в статье 11 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» от 13 марта 1992 г. и непосредственно — в ст. 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г.

Согласно статье 84 УИК: «задачами оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях являются:

- обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц;
- выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания;
- розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы;
- содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение».

В вышеперечисленных задачах только первые две можно считать имеющими реальное отношение к функционированию исправительного учреждения, остальными, по логике и здравому смыслу, должны заниматься соответствующие территориальные органы.

Но даже первые две задачи (обеспечение безопасности и выявление преступлений) решаются при помощи особых оперативных служб, входящих в состав исправительного учреждения, только в странах бывшего СССР, причем деятельность этих подразделений фактически, затрудняет реализацию целей уголовно-исполнительной системы в том виде, в каком они сформулированы в МСП. Насколько мне известно, решение этой правовой проблемы вызывает определенные затруднения у юристов уголовно-исполнительной системы, которые работают над тем, чтобы привести российский УИК в соответствие с международными стандартами.

На практике оперативная деятельность в исправительном учреждении сводится к вербовке агентов всеми доступными средствами, чаще всего абсолютно незаконными и аморальными, т.к. у заключенного нет свободы выбора.

Польская тюремная система, реформа которой считается лучшей реформой в Польше и лучшей тюремной реформой в Восточной Европе, еще в 1989 г. освободилась от такого рода «пережитков». И решает проблемы другими способами: обучая все категории сотрудников внимательно наблюдать за ситуацией в учреждении и выявлять ранние признаки возможных катаклизмов(11).

Очевидно, что обстановка в женских колониях принципиально отличается от мужских. На вопрос: «Где труднее работать — в женской или мужской колонии?», — один опытный тюремщик ответил: «В мужской, когда просто идешь по локальной зоне, ты и спиной должен следить за обстановкой — прислушиваться к разговорам, к звукам, даже к мыслям, так как ты — в постоянной опасности. С женщинами работать гораздо проще, ведь они не представляют для нас опасности». Тем не менее условия содержания женских исправительных учреждений мало, чем отличаются от условий мужских пенитенциарных заведений: те же режимные и оперативные меры, тот же подход, те же строгости, хотя степень их опасности для окружающих просто несопоставима.

И укомплектованы оперативными сотрудниками женские учреждения так же, как и мужские. Эти люди должны действовать или создавать видимость деятельности, доказывать свою важность и необходимость. И они очень активны. В каждом учреждении идет постоянный спор между оперативной и воспитательной частями, и часто не в пользу последней.

В одной из женских колоний в кабинете у оперативников висят плакаты такого содержания: «Запомни сам, скажи другому — дорога к куму, дорога к дому!», «Чем с ворами чифир пить, жижицу вонючую, лучше в оперчасть вступить — в партию могучую!», «Отсутствие взысканий — не ваша заслуга, а наша недоработка!». И методы работы соответствующие — один влюбляет в себя женщин, а потом «засыляет их в тыл врага», другие действуют исключительно угрозами или подкупом.

По мнению одной осужденной: «Оперативники копаются в таких грязных вещах! Нельзя же так! В отношении между женщинами лезут — в зоне же однополая любовь, это очень распространено, половина женщин такие. Устраивают провокации. А потом начинаются разборки».

Один из оперативников, с которыми нам приходилось общаться в поездках по женским учреждениям, спрашивал у нашего психолога, как разбираться с «любовными треугольниками». Но подобная проблема должна быть задачей психологов и воспитателей, а не оперативников. Задачей тех, кто мог бы помочь в разрешении конфликтов, а не тех, кто использует конфликты, чтобы получить нужную информацию, кто ломает и так уже сломанные души. Такая деятельность оперативной части противоречит «исправительной» функции учреждения.

ШТРАФНОЙ ИЗОЛЯТОР

Согласно статье 115 УИК РФ штрафной изолятор (ШИЗО) является одной из мер взыскания, применяемой к осужденным к лишению свободы, среди таких мер, как выговор и дисциплинарный штраф.

За что можно попасть в ШИЗО? За невыполнение плана, отказ от работы (с 2001 г. это нарушение опять считается злостным), за грубость с персоналом или с осужденными, за курение в неположенном месте, за лесбийские связи и за многое другое, т. к. решение это остается за администрацией и зависит от совести и ответственности руководителя колонии. Но ШИЗО — это вотчина оперативных работников, здесь и при строгих условиях содержания (СУС) они вербуют себе агентов. Здесь нарушители часто подвергаются избиениям, к ним применяют и другие спецсредства — например, наручники. Для заключенных женщин ШИЗО и СУС — избыточная мера наказания, рассчитанная на более крепких телом и твердых духом.

По моим наблюдениям, обычно ШИЗО — это камера на двух или четырех человек, где полки, заменяющие спальные места, прикованы к стене в течение всего дня. В некоторых колониях в камере нет даже скамеек, только прикованные к стенам полки и пол, да еще тюремного вида санузел. Хорошо, если пол не бетонный, т. к. стоять 18 час. в сутки невозможно, и наказанная женщина садится или ложится на пол. В некоторых колониях вместо скамеек есть что-то наподобие круглых пеньков диаметром 15—20 см. На эти пеньки опирается полка, когда ее отстегивают от стены. Сидеть на таких пеньках невозможно, больно, от них на ягодицах остаются синяки. Более гуманное устройство — скамейки. Но и наличие скамейки тоже может оказаться наказанием, если ее железный каркас криво выступает над деревянным сидением. Но это еще не все. Наказанную женщину раздевают до трусов и надевают на нее черный или темно-серый балахон с широкими рукавами, на котором вышито или написано белой краской слово «ШИЗО». Так она сидит 15 суток (это максимальный срок, но чаще всего он же и минимальный) — зима ли, лето ли. В некоторых местах женщина не получает ни матраса, ни постельного белья, и в таком виде, в этом балахоне, она спит на голой полке, которую отстегивают на 6 часов ночного времени.

Я неоднократно обсуждала с администрацией разных колоний вопрос о чрезмерной жестокости подобного наказания. Мнения звучали различные, но даже нежестокие люди привыкли, что так должно быть, и им трудно вообразить что-нибудь более человеческое. Один начальник на мой вопрос: «Почему вы не даете женщинам колготки, они же застудят насмерть детородные органы?» — ответил парадоксальным образом: «Да они повесятся на этих колготках, а мне потом отвечать!» Следовательно, у начальства есть понимание, что это за наказание и кого таким образом наказывают.

За 15 суток нахождения в ШИЗО женщина, особенно, если она наказана за то, что оказалась не способна владеть собой, устала или психически больна, может лишиться рассудка. ШИЗО — неадекватно жестокое наказание для женщин, и такую практику необходимо пресечь.

Мне довелось посетить тюрьмы Англии, Франции, США, Польши. Нигде я не видела такого изощренного изуверства. Штрафная изоляция нарушителя режима предполагает отдельную камеру со всем необходимым — кроватью, матрасом, постельным бельем, таким же питанием, какое получают остальные заключенные, с часовой прогулкой. Такого рода изоляция считается строгим наказанием в связи с определенным ухудшением условий содержания, невозможностью общаться с другими заключенными, но главным образом — в связи с плохой перспективой на досрочное освобождение, а ведь это одна из главных надежд осужденного.

СТРОГИЕ УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ

Статья 87 УИК РФ гласит: «В пределах одной исправительной колонии осужденные к лишению свободы могут находиться в обычных, облегченных и строгих условиях отбывания наказания, предусмотренных видом режима данной колонии». Сделано это для того, чтобы люди могли чувствовать разницу условий содержания при разном поведении и отношении к наказанию. Таким образом предполагается прогрессивный (с улучшением условий) и регрессный (с ухудшением) перевод. Основанием для регрессного перевода является признание заключенного «злостным нарушителем порядка содержания», что регламентируется ст. 116 УИК РФ. Статья рассчитана и на мужчин, и на женщин. Однако существуют огромные различия в психологии, характере и степени опасности между мужчинами и женщинами заключенными, и в частности, между теми и другими, переведенными на строгие условия содержания. В мужских зонах на СУСе содержится криминалитет — носители жесткой тюремной субкультуры, их стараются изолировать, дабы они не оказывали

отрицательного влияния на других заключенных, к тому же некоторые из них могут быть опасны не только в области идеологии. Обычно СУС — это изолированный барак, расположенный в отдельной локальной зоне.

Как осуществляется в женских колониях этот вид содержания, и кто сидит на строгих условиях содержания?

На практике СУСы бывают разными. Мне довелось видеть настоящие тюремные камеры на четырех человек во Владимирской и Орловской женских колониях, помещение на 50 человек в Козловке (Чувашская Республика), на 30 человек в Нижегородской колонии. Строгость условий прежде всего проявляется в том, что прогулка ограничена, осужденные постоянно находятся в запертом помещении, могут быть понижены нормы питания в том случае, если не выполняется норма выработки, потому что на СУСе женщины тоже работают, чаще всего — вяжут сетки. Ну и конечно, никаких льгот, никаких досрочных освобождений, пока не переведут на облегченные условия, а это почти недостижимо после СУСа.

Мы провели анкетирование заключенных, находящихся на строгих условиях. На вопросы анкеты ответили 31 заключенная. 10 чел. из анкетированных находились в колонии меньше года, 9 — между годом и двумя, 12 — свыше двух лет, точнее — между двумя и четырьмя.

Все анкетированные указали, что были ознакомлены с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (Правила ИУ) при прибытии в колонию, правда, частично. Трое указали, что были ознакомлены письменно; четверо сообщили: «Ежедневно слушаем записи Правил на магнитофоне» (видимо, в личное время им включают магнитофон с записью Правил).

10 человек находились на СУСе не более 6 месяцев; 14 человек — до года, 5 человек — свыше года, 2 человека — более трех лет.

9 чел. сообщили, что до попадания на СУС у них было два нарушения, 6 чел. сообщили о трех нарушениях, 3 чел. — о множестве. Однако четверо указали, что на СУС попали сразу, до этого нарушений не было. Кроме того, женщины рассказали, что на СУС они часто попадают по приезду в колонию, если было много нарушений в тюрьме, и указали конкретные примеры нарушений: за межкамерную связь, за передачу записок, за грубость с «дежурной».

Какие же нарушения надо допустить, чтобы оказаться на строгих условиях содержания? Вот список совершенных нарушений: мат, словесная ссора с подругой, драка, кража, отказ от работы, курение в неположенном месте, купля-продажа, членовредительство (попытка самоубийства), пребывание в чужом отряде.

Это все упомянутые в анкетах нарушения. Настолько ли они тяжелы, чтобы подвергнуть нарушительниц строгой изоляции? Можно ли сравнить эти нарушения с теми, которые предполагаются для мужчин-заключенных? Насколько опасны эти женщины для других? Мой ответ — отрицательный. Одни и те же строгости — ведь СУС одинаково жесткая мера и для мужчин, и для женщин — применяются далеко не в равнозначных условиях. Условия содержания в женских тюрьмах срисованы с мужских, тогда как женщины и мужчины, попадающие на СУС, по сути представляют собой две совсем разные категории заключенных, что, к сожалению, не учитывает ни законодатель, ни практик.

А вот как оценивают свои проступки сами женщины-заключенные СУС: 10 считают наказание справедливым, 12 — нет, 6 — не знают, как оценить, 2 — считают справедливость только частичной.

На вопрос, осматривал ли их врач до перевода на СУС, «да» ответили только четыре женщины, зато «нет» — 17, и без ответа этот вопрос оставили пятеро. Двое сообщили о хронических заболеваниях и о том, что осмотры были. Создается впечатление, что врачи принимают решение о состоянии здоровья осужденной лишь по медицинским картам.

Судя по ответам, неблагополучно обстоит дело и с надзирающим прокурором. Треть считает, что не могут обратиться к прокурору ни за обжалованием наказания, ни в других случаях. Другая треть оставляет вопрос без ответа. 7 человек могли бы обратиться, остальные комментируют это так: «Можно, но бесполезно», «Прокуроры уедут, а мы останемся».

На вопрос об избиениях 14 человек ответили отрицательно, 10 человек воздержалось от ответа. Из 6 ответивших «да», 3 подверглись унижениям со стороны персонала, 2 человека — от сокамерников, одна подчеркнула «другое».

18 человек из опрошенных не имеют нарушений на СУСе, и значит у них есть шанс отсидеть здесь только 6 месяцев, 9 человек нарушения имеют, и шансов выйти отсюда в зону у них меньше.

ВОЗМОЖНОСТИ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

По самым оптимистическим оценкам, только четверть женщин-осужденных получают надежную материальную помощь от родственников: посылки и передачи. Половина женщин-осужденных не состояли в браке, половина браков распадается за время заключения(12). Вещи и продукты, полученные от родственников, служат средством обмена, широко ходят по колонии, хотя это и запрещено, но так как такого рода взаимоотношения являются естественной и здоровой потребностью человека, то довольно трудно перекрыть пути их осуществления.

Традиционная в криминальной среде (как в местах заключения, так и вовне) форма взаимопомощи — «общак» — не распространяется на женщин, ведь женщины всего лишь периферия преступного мира, тот человеческий материал, который затягивается, очень часто помимо своей воли, в преступный круговорот. Среди них крайне мало тех, кто мог бы войти в ядро профессиональной преступности.

В лагерном магазине, так называемом «ларьке», заключенный, согласно статье 88 УИК, может «...без ограничения приобретать продукты питания и предметы первой необходимости по безналичному расчету за счет средств, заработанных в период отбывания наказания, а также за счет получаемых пенсий и социальных пособий». Ларек — важная часть в материально-бедной тюремной жизни. Здесь можно купить средства женской гигиены, конверты (очень важную в тюремной быту вещь, причем — в постоянной нехватке), чай, который является и денежным эквивалентом, табачные изделия, сладости и средства по уходу (мыло, порошок, зубная паста и т. д.).

Отсутствие нормально функционирующего магазина еще более усугубляет страдание заключенных. Но в современных условиях женского исправительного учреждения нормально работающий магазин — редкость. Даже в лучших учреждениях, где начальство реально обеспокоено материальным положением работающих осужденных, ему приходится всячески изощряться, чтобы привести товары в колонию. Ведь за товар надо платить наличными или безналичными средствами, а средства на счетах учреждений часто отсутствуют.

В результате, этот законный и не иждивенческий способ получения материальных благ, т. к. заключенные имеют право отовариваться только по «безналичному расчету за счет средств, заработанных в период отбывания наказания, а также за счет получаемых пенсий и социальных пособий», также является проблематичным в условиях исправительного учреждения.

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ, ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ, ВЫЕЗДЫ ЗА ПРЕДЕЛЫ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Женщины имеют больше юридических прав на досрочное освобождение, чем мужчины. Дополнительно к общим для всех заключенных возможностям на получение УДО женщины могут получить отсрочку отбывания наказания в связи с уходом за детьми в возрасте до 14 лет. То, что мужчины не имеют по закону такого права, свидетельствует о том, что в сознании законодателя представители мужского пола не являются полноценными родителями, что с одной стороны отражает сложившуюся ситуацию, а с другой — закрепляет ее окончательно. На мой взгляд, необходимо стремиться к тому, чтобы отцы принимали больше участия в воспитании детей, и законодательство не должно отстраняться от решения этой важной социальной проблемы.

Возможность женщины на отсрочку регламентируется статья 82 УК РФ и статья 177 УИК РФ и не распространяется на женщин, «осужденных на срок свыше пяти лет за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против личности». Соответственно, женщины, осужденные за покушение на жизнь своих мужей, отсрочку получить не могут. Женщина может быть освобождена по отсрочке наказания уже в здании суда, но суды обычно не выносят таких решений в отношении приговоренных к лишению свободы, даже в тех случаях, когда женщина беременна или уже родила ребенка в СИЗО. Суд предпочитает отправить их этапами к месту отбывания наказания и предоставить право решать судьбу детей и их матерей администрации колонии.

В колонии такая возможность обычно появляется не ранее, чем через полгода с момента прибытия осужденной, если вообще появляется. В колонии это тоже процессуальная мера — судьбу женщины решает суд при подаче ходатайства со стороны администрации колонии. Раз администрация ходатайствует, значит, в какой-то мере несет ответственность за дальнейшее поведение осужденной, получившей отсрочку. Осужденная должна доехать до дома (если жилья у нее нет, отсрочка предоставлена не будет), в трехдневный срок стать на учет в УИИ, после чего администрация колонии получает сообщение о судьбе осужденной. На самом деле начальник колонии в какой-то мере остается ответственным за судьбу своей подопечной даже после предоставления отсрочки, и эта степень ответственности часто перевешивает здравый смысл и заботу о ребенке. Например, во время нашего визита в женскую колонию общего режима в г. Козловке летом 2001 г. мы узнали, что администрация вообще не использует данную меру.

Аналогично складывается ситуация с предоставлением краткосрочных (до семи суток) выездов и отпусков (равных времени ежегодного оплачиваемого отпуска) за пределы исправительного учреждения. Выезды могут быть предоставлены заключенным в соответствии со статьей 97 УИК. Женщинам краткосрочный выезд может быть предоставлен, в т. ч., «для устройства детей у родственников либо в детском доме» и «для свидания с ними» (п. 2 ст. 97 УИК).

Эта гуманная мера, необходимая с точки зрения установления связей с близкими и социальной реабилитации заключенного, практически заблокирована подзаконными актами и циркулярами, а также практикой. Опасение, что осужденный может не вернуться в срок, а тогда сама администрация учреждения должна предпринимать оперативные мероприятия по розыску и возвращению своего подопечного, до такой степени довлеет над начальником колонии, что он старается всеми силами уклониться от решения этого вопроса. До тех пор, пока ответственность за поведение осужденного в отпуске не будет законодательно полностью переложена на плечи самого осужденного, эта столь необходимая мера реабилитации работать не будет.

Что касается предоставления условно-досрочного освобождения, то здесь усматриваются и другие негативные факторы. Например, мы часто сталкивались с ситуацией, когда «положительно направленная» осужденная, характеризующаяся с лучшей стороны, особенно в плане профессиональной пригодности, способности к качественному выполнению разного рода важных для учреждения работ, не получала своевременно УДО, а, наоборот, всеми силами удерживалась в учреждении. Иногда, когда от количества осужденных в смене зависит выполнение плана, администрация может тормозить предоставление УДО и в массовом масштабе. С такими противоправными, с точки зрения духа закона, явлениями (букву закона администрация всегда ухитрится соблюсти) нам доводилось сталкиваться даже в воспитательных колониях для девочек. Подобного рода практика воспринималась малолетними осужденными как вопиющая несправедливость.

Подводя итог, можно обоснованно заявить, что участие администрации колонии как основного действующего лица в вышеперечисленных акциях наносит непоправимый вред идее гуманизации исправительной системы. На мой взгляд, администрация должна иметь только совещательный голос, решение должно приниматься судом. Право на подачу заявления в суд без посредников необходимо передать осужденным, так же как и полную юридическую ответственность за всякого рода нарушения принятых на себя обязательств. Только в таком случае эти меры начнут работать.

МАТЕРИНСТВО

Потеря родительских, материнских прав — один из главных вопросов женской тюрьмы, если не самый главный. И, может быть, одно из главных отличий женщины-заключенной от заключенного-мужчины. Мысль о том, что где-то, а иногда и неизвестно где, растут дети, невозможность увидеть их, помочь им в трудную минуту, невыносима для сознания матери, даже совершившей уголовное преступление.

Мне довелось посетить открытую женскую тюрьму East Sutton Park, расположенную в часе езды от Лондона. Тюрьма рассчитана на 100 осужденных женщин. Большая часть из них попала сюда за преступления, связанные с наркотиками. Сроки пребывания здесь разные, но это тюрьма без решеток и заборов. Есть режим, но женщины не сидят в камерах, а могут разгуливать по всей территории учреждения и даже работать вне его. Прекрасные помещения, прекрасный ландшафт, приятные сотрудники. Казалось бы — вот идеальная тюрьма. Но не для женщин. Когда я разговаривала с осужденными женщинами, я поняла, что они любят это место не более чем их коллеги по несчастью в строгих тюрьмах, снабженных всеми атрибутами неволи. Они ненавидят свою тюремную жизнь, в первую очередь именно из-за того, что не видят своих детей.

80% заключенных женщин — матери. Средний срок заключения в России — 5,5 лет. Это длинная разлука, за время которой вырастают даже очень маленькие дети. Небольшая часть женщин, примерно 1%, попадают в тюрьму беременными и становятся матерями в тюрьме.

Можно сказать, что им повезло, раз ребенок рядом. Но это не так. Пока мать сидит в СИЗО, ребенок, действительно, с ней, но после перемещения в колонию ребенка у нее отнимают и передают в так называемый Дом матери и ребенка (ДМР), а на самом деле — просто детский дом, куда мать пускают только на пару часов в день.

Такова изуверская практика, сложившаяся на основе ГУЛАГовских опытов, закреплённая педагогией советских времен. Иногда кажется, что тяжелые психологические травмы, наносимые и матери, и ребенку, так же как страшные камеры ШИЗО, запрограммированы каким-то садистом, основавшим и усовершенствовавшим такую тюремную практику.

Но главное — эта практика абсолютно незаконна!

Первая часть ст. 100 УИК, регламентирующая «особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин, осужденных кормящих матерей и осужденных женщин, имеющих детей», гласит, что «...осужденные женщины могут помещать в дома ребенка исправительных учреждений своих детей в возрасте до трех лет, общаться с ними в свободное от работы время без ограничения. Им может быть разрешено совместное проживание с детьми», т.е. закон не запрещает совместного проживания матери и ребенка. Однако только в одной колонии из десяти, имеющих на своей территории Дома ребенка, с лета 2002 г. идет «эксперимент по совместному проживанию». Для этого потребовалось около 20 тыс. долларов (грант гуманитарного фонда) и, что немаловажно — особый начальник Дома ребенка, педиатр, почти единственный в системе, который способен разграничивать нужды тюрьмы и нужды ребенка, понимающий, что нормальное развитие ребенка невозможно без матери.

Этот эксперимент имеет и положительную, и отрицательную стороны. Положительная — что в одной колонии матери уже живут со своими детьми, их права соблюдены. Отрицательная — что остальные 9 учреждений будут пассивно ожидать средств и результатов эксперимента, ни сделав ни шага, чтобы улучшить судьбу доверенных им детей. При этом сотрудники исправительных учреждений, занятых по уходу за тюремными младенцами, убеждены, что матери-заключенные недостойны быть матерями и о них не надо проявлять заботу.

Однако в этом явлении замешаны не только моральные проблемы, но и сугубо юридические. Ведь лишить мать права ухода за ребенком, не лишив ее родительских прав — грубое нарушение и внутреннего, и международного права. Статья 9 (ч. 1) Конвенции о правах ребенка, гласит: «Государства-участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка. Такое определение может оказаться необходимым в том или ином конкретном случае, например, когда родители жестоко обращаются с ребенком или не заботятся о нем, или когда родители проживают раздельно и необходимо принять решение относительно места проживания ребенка». Не лучше ли такой путь, чем неопределенно долгое ожидание золотого дождя, и вместе с ним новые поклонения обездоленных, больных госпитализмом, отстающих в своем развитии по причине сиротства, при наличии живых и любящих матерей, никому не нужных детей?

Несколько слов о польском опыте решения этой проблемы. После Второй мировой войны Польша пошла тем же путем осуществления материнства в своих пенитенциарных учреждениях. Но в 1978 г. в Польше нашлись люди, которые подняли голос в защиту прав ребенка и привлекли внимание общественности к проблеме содержания матерей с детьми в тюрьмах. После жарких дискуссий в прессе и правительстве, в ходе которых сотрудники тюрем приводили точно такие аргументы «против», вопрос все же решился в пользу ребенка. Кстати, переоборудование детского дома было минимальным, Польша — тоже небогатая страна, просто матерей пустили к детям. Те и другие были счастливы.

Я посетила этот первый совместный Дом матери и ребенка в женской тюрьме польского города Грудзёндз. Выглядит это не богато — анфиладой большие комнаты примерно 30 кв. м, в каждой из которых размещено по пять кроватей для матерей, между ними стоят детские кроватки. Они живут все вместе в этом блоке до 1,5 лет, а потом их могут перевести в другую, более современную тюрьму, расположенную неподалеку от Зеленой Гуры; мать может жить с ребенком до трех лет.

ПЕРСОНАЛ ЖЕНСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Сотрудники женских колоний в большинстве своем — тоже женщины. Поэтому их положение и проблемы имеют совсем другие особенности, чем у сотрудников мужских ИУ.

Тюремная профессия очень тяжела для женщины, оказывает на ее психику разрушающее воздействие, женщины еще быстрее подвергаются профессиональной деформации, чем мужчины. Женщины, работающие в тюрьмах, получают двойное давление — и со стороны тюрьмы как таковой, и со стороны мужской иерархической системы. Они нуждаются в специальном образовании, психологической помощи, внимании со стороны общества, т. к. именно общество навязывает им такую сложную для женщины профессию.

В последнее время, правда, есть определенные изменения. В колониях появились психологи, психологические программы, есть шансы, что когда-нибудь и сотрудники тюрьмы, и ее заключенные станут объектом помощи психологических служб.

(1) Ребенок может быть оставлен в доме ребенка на более длительный период в том случае, если матери осталось менее года до конца срока заключения.

- (2) Вместо 25% у остальных заключенных.
- (3) *Фойницкий И.* Женщина-преступница, СПб.: Северный вестник, 1883.
- (4) *Гишинский Я.* Криминология. Курс лекций. СПб., 2002.
- (5) См., например: *Тарновская П.* Женщины-убийцы. СПб., 1902; Женская преступность в связи с ранними браками. Северный вестник. 1994: «В мужеубийцах в крестьянской среде особенно резко выступает неравенство супружеских прав. Если мужчина тяготеет женщиной, он держит ее в полном порабощении, наравне с рабочим скотом, не стесняясь вступает в другую связь, иногда в собственном доме под одним кровом с женою. В других случаях муж бросает надоевшую ему жену, уходит на заработки, переселяется в столицу. Ничего подобного не может сделать жена, тяготящаяся мужем. Если она ему изменит, он зверски исколотит ее, иногда — убьет; если она уйдет от него — он всегда может вытребовать ее по этапу. Из двух супругов — только жену закон обязывает к совместному сожителю *volens nolens*, предоставляя мужу поступать как ему угодно в случае несогласной семейной жизни. В этом неравенстве супружеских прав заключается причина более частых случаев мужеубийств сравнительно с женоубийствами». «Для девушки-матери ребенок становится препятствием для устройства на работу. А между тем продолжать жить надо, чувство самосохранения заглушает голос совести».
- (6) Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 году. М., 2002. Юриспруденция.
- (7) В книге известного криминолога *Д.А. Шестакова* «Супружеское убийство как общественная проблема». СПб., 1992, автор приводит следующие данные: если в 1989 г. число убийств и покушений на убийство составило 21,5 тыс. человек, то можно предположить, что убийства одними членами семьи других составили не менее 7 тыс., супругами же — не менее 4 тыс.
- (8) *Альперн Л.* Всего лишь десятая часть, записки посетителя тюрем. Москва, 2000. Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия.
- (9) Тюрьма — не женское дело // *Альперн Л., Антонов А. и др.* Результаты мониторинга, очерки, интервью. О положении женщин в местах лишения свободы в России. Москва. Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия. 2000.
- (10) Ст. 116 УИК РФ.
- (11) Единственное возражение, которое принимает здравый смысл — это разница в устройстве систем, ведь у них тюрьмы, у нас лагеря, а значит большая концентрация заключенных в одном помещении, и от того ситуация может стать более опасной. Соглашусь, но с одним возражением: у них есть полуоткрытые режимы, а на июнь 2002 г., по данным Главного управления тюремной службы, в Польше на полуоткрытом и открытом режиме состояло 45% заключенных. Полуоткрытый режим — это когда камеры открыты с 8 утра до 8 вечера, и заключенные могут свободно перемещаться в пределах своего отделения. Конечно, на такой режим попадают не все, а люди, по мнению специалистов, способные воздерживаться от насилия.
- (12) *Потемкина А.Т.* Осужденные женщины, отбывающие наказание в исправительной колонии (по материалам специальной переписи осужденных 1994 г.). ВНИИ МВД России. 1997.

Избыточная репрессивность уголовного законодательства России. Постатейный анализ и пути реформирования

А. Бабушкин, Комитет «За гражданские права»

Заключенные — та группа населения, невнимание к которой со стороны общества и государства может приводить к серьезным социальным проблемам. Неграмотная политика государства, не учитывающая правовую и социальную уязвимость заключенных, ставит под угрозу интересы общества, когда бывшие заключенные возвращаются в гражданские социальные процессы. И именно потому, что существующая политика государства в отношении заключенных направлена в первую очередь не на их исправление и помощь в приобретении легитимных социальных навыков, а на изоляцию этих людей. Другая проблема, не менее важная — тюремное население в России велико, и, так или иначе, оно станет составной частью общества, по преимуществу маргинальной и незащищенной.

В 2001 — 2002 гг. были предприняты меры, направленные на снижение численности заключенных. Во-первых, это принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РФ (вступил в действие с 1 июля 2002 г.), нормы которого до определенной степени пресекают практику задержания. Во-вторых, амнистия для женщин

и несовершеннолетних (30 ноября 2002 г.). В третьих, принятие новой редакции статьи 158 УК РФ (кражи по предварительному сговору группой лиц либо с причинением значительного ущерба из тяжких преступлений перешли в категорию преступлений средней тяжести). Последнее важно, поскольку кражи составляют одну из основных категорий совершаемых преступлений(1).

Тем не менее численность заключенных остается исключительно высокой, а Россия продолжает занимать второе место в мире по количеству заключенных на один миллион жителей.

Именно проблема численности заключенных во многом предопределяет характер и масштаб нарушения их прав, приводит к их дискриминации со стороны должностных лиц, влечет неэффективность существующей в России системы уголовного наказания и высокий уровень рецидива. Ситуация усугубляется тем, что российские пенитенциарные учреждения продолжают оставаться средой, где прогрессируют смертельно опасные заболевания. По данным В. Абрамкина, в российских тюрьмах содержатся 86 тыс. заключенных с резистентной формой туберкулеза, а количество ВИЧ-инфицированных заключенных растет.

В определенной степени действующее уголовное законодательство способствует сохранению практик, формально основывающихся на нормах законодательства, а в действительности приводящих к типичным нарушениям прав заключенных.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Критерии тяжести преступления

В российском уголовном законодательстве действует система формальных, нередко противоречивых критериев тяжести преступления, характера и степени его опасности.

Стремление законодателя при определении размера уголовной репрессии исходить не из реального вреда, причиненного преступлением, готовности преступника устранить или компенсировать этот вред, а из вышеупомянутой системы критериев, часто игнорирующих как интересы исправления осужденного, так и интересы потерпевшей стороны, приводит к увеличению численности заключенных. В тюрьмы и колонии часто попадают люди, исправление которых возможно без лишения свободы.

По разным оценкам, среди тех, кто находится в местах лишения свободы, от 20% до 70% составляют осужденные, в отношении которых наказание было бы более эффективным без изоляции этих людей от общества. «Из всего тюремного населения только 12—16% — люди действительно опасные, с соответствующими моральными установками. 50—60% — инертная часть... Мы своими руками рекрутируем их в криминальное сообщество, с которым потом и боремся», — отмечал в 2001 г. заместитель министра юстиции РФ Ю. Калинин, курирующий в Минюсте РФ уголовно-исполнительную систему.

В соответствии со статьей 15 (ч. 3) УК РФ любое преступление, за которое уголовным законодательством предусмотрено наказание свыше пяти лет лишения свободы, является тяжким. Некоторые статьи УК РФ, содержащие различные квалифицирующие признаки, приводят к повышению строгости наказания, признания преступления тяжким, например, такой признак, как «причинение значительного ущерба потерпевшему». Но, тем самым законодатель определяет, что размер и вид наказания избирается в зависимости от такого достаточно случайного фактора, как субъективное мнение потерпевшего о значительности причиненного ущерба. Очевидно, что при назначении наказания необходимо учитывать ущерб, причиненный потерпевшему, однако размер наказания, избрание меры пресечения не могут определяться набором случайных факторов.

Например, действия Н., совершившего грабеж имущества потерпевшего Г., являющегося крупным коммерсантом, на сумму 10 МРОТ может быть квалифицировано по п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ лишь на основании утверждения коммерсанта Г., что эта сумма является для него «значительным ущербом». Однако грабеж имущества пенсионерки З. на сумму 30 МРОТ может подлежать уголовной ответственности по более мягкой статье (ч. 1 ст. 161), если З. покажет, что причиненный ущерб значительным для нее не является.

Между тем за редким исключением используемые уголовным законодательством квалифицирующие признаки не являются критерием опасности преступления и не влияют на возможность исправления правонарушителя. Тем не менее зачастую именно эти факторы предопределяют максимальный размер наказания, отнесение совершенного преступления к числу тяжких или особо тяжких и, в конечном счете, определяют судьбу обвиняемого.

Подобное отягощение уголовного закона многочисленными дополнительными нормами приводит к тому, что и осужденные, и потерпевшие, а также общество в целом рассматривают уголовное наказание как несправедливое и неадекватное даже в тех случаях, когда наказание назначено в рамках закона.

ПРИНЦИПЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Избыток формальных признаков в российском уголовно-исполнительном законодательстве приводит к тому, что существенные, реально влияющие на общественную безопасность характеристики поведения обвиняемого и качества его личности могут судом не учитываться. Например, если обвиняемый после совершения преступления в течение длительного времени находился на свободе и доказал свое исправление, суд вправе учесть это в качестве смягчающего вину обстоятельства и изменить наказание в пределах санкции статьи УК РФ (либо признать это обстоятельство исключительным и назначить осужденному на этом основании наказание ниже низшего предела). Однако суд вправе и не принимать во внимание подобные факторы, поскольку законодательно они не являются обязательными для учета при назначении наказания.

Например, Вячеслав Марков, 1973 г.р., обвиняемый в сбыте наркотиков своей знакомой (ч. 4 ст. 228 УК РФ), после правонарушения провел на свободе полтора года, за это время прошел успешное лечение от наркомании, устроился на работу, изменил свой образ жизни. Тем не менее приговором Бутырского суда г. Москвы от 1998 г. Марков был осужден к 8 годам лишения свободы и направлен для отбытия наказания за полторы тысячи километров от места жительства в Мурманскую область.

В то же время то, что делает личность опасной для общества, может проходить мимо внимания законодателя. Например, систематическое, грубое нарушение водителем Правил дорожного движения не будет рассматриваться в качестве отягчающего вину обстоятельства для лица, которого обвиняют в нарушении Правил дорожного движения, что повлекло смерть потерпевшего. Такое возможно, т. к. круг отягчающих вину обстоятельств, установленный ст. 63 УК РФ, является исчерпывающим.

Часть 3 ст. 60 УК РФ, определяющая основные принципы назначения наказания, не содержит исчерпывающего перечня критериев, на основании которых определяется вид и размер наказания. Например, если трудовой или учебный коллектив в течение долгого времени знают обвиняемого и готовы представить суду гарантии того, что человек исправится, суд не обязан принимать такие гарантии в качестве обстоятельства, подлежащего учету при назначении наказания. Поэтому в статье 60 (ч. 3) УК РФ целесообразно внести изменения и дополнения, например: «При назначении наказания учитываются тяжесть последствий преступления, характер преступного посягательства, личность виновного, в т. ч. обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, поведение виновного после совершения преступления, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, мнение потерпевшего, трудового или учебного коллектива, общественных организаций, с которыми виновный связан по роду деятельности».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В настоящее время определение рецидива преступления, основанное на признании рецидивистом любого, кто совершает повторное умышленное преступление, — чрезвычайно широко. Это приводит к тому, что большинство социально неадаптированных граждан практически обречены на то, чтобы не просто попасть на скамью подсудимых, а быть осужденными как рецидивисты. Во многом это обусловлено тем, что причины, которые привели их на путь совершения преступления, продолжают сохраняться и влиять на их поведение. Между тем даже в УК РСФСР 1922 г. рецидивистом признавалось лицо, осужденное за совершение однородного преступления. В этой связи было бы целесообразно сформулировать статью 18 (ч. 1) УК РФ следующим образом: «Рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, если оба преступления имеют один и тот же объект посягательства».

Необходимо пересмотреть критерии тяжести преступления, смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, а также других норм, влияющих на размер и характер наказания, признание осужденного рецидивистом. Кроме того, следовало бы разделить «криминальный» рецидив, т.е. преступление, вызванное противоправными взглядами и устойчивым преступным поведением виновного лица, и «социальный» рецидив, т.е. повторное преступное поведение, вызванное преимущественно неисполнением государством своих обязанностей перед личностью.

Например, В. Анников, 1982 г.р., утратил жилье в связи с обменом, который в 1994 г. произвела его злоупотребляющая алкоголем мать. Будучи осужденным в возрасте 14 лет, Слава после освобождения обратился в органы власти Успенского района Краснодарского края, где находилось его последнее место жительства, но вместо помощи получил ответ, что никаких прав на получение жилья не имеет. В 16 лет Анников совершает новое преступление и из воспитательной колонии снова обращается с просьбой о предоставлении ему жилья, однако и на этот раз получает отказ. Освободившись в возрасте 18 лет, не имея ни жилья, ни работы, ни регистрации, из-за социально-бытовой неустроенности Анников в третий раз совершил преступление и был осужден. Лишь потому, что предшествующие преступления были им совершены в несовершеннолетнем возрасте, он не был признан совершившим преступление при опасном

рецидиве. В декабре 2002 г. Анников освобожден, по-прежнему не имея места жительства, но располагая более чем 20 отказами администрации края оказать ему хоть какую-либо помощь.

Предлагаем дополнить статью 18 (ч. 4) УК РФ словами: «Не признается рецидивом преступлений повторное совершение преступлений под влиянием тяжелых неблагоприятных обстоятельств социального характера».

СРОКИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Длительные сроки лишения свободы способствуют разрушению социальных связей осужденного, его социальной дезинтеграции. Продолжительное пребывание в местах заключения приводит к криминализации общества, поскольку образовавшиеся внутритюремные отношения и стереотипы поведения могут только укрепиться. Хотя в соответствии с законодательством минимальным сроком лишения свободы является 6 месяцев, по данным судебной статистики средний срок лишения свободы, назначаемый судами РФ, составляет более 3 лет.

Увеличение в Уголовном Кодексе 1996 г. максимального срока лишения свободы (по совокупности преступлений с 15 до 25 лет, а по совокупности приговоров с 15 до 30 лет) привело к тому, что суды стали активно назначать наказание на срок свыше 15 лет лишения свободы. При этом законодатель не требует, чтобы преступление, за которое суд назначил осужденному столь длительный срок наказания, обязательно было связано со смертью потерпевшего. Таким образом, создается группа населения, которая, скорее всего, уже никогда не сможет адаптироваться к жизни в обществе.

Так, приговором Раменского суда Московской области 20-летний Александр Литвинов был признан виновным в разбое, изнасиловании и причинении тяжкого вреда здоровью (по версии суда, все три преступления были совершены им в один день в отношении одного и того же лица) и осужден к наказанию в виде 19 лет лишения свободы. По протесту заместителя председателя Верховного Суда РФ приговор в отношении Литвинова в 2002 г. был смягчен.

Смягчение наказания является исключением — из 60 дел в отношении лиц, осужденных к наказанию свыше 15 лет за преступления, не связанные с лишением жизни другого человека, лишь по 6 делам удалось добиться смягчения приговора.

Между тем длительные сроки наказания зачастую приводят к развитию у осужденных психических расстройств, чувства безысходности, ненужности собственного существования. Особенно остро большинством из заключенных воспринимается невозможность помочь своим родственникам, принять участие в воспитании детей, ухаживать за престарелыми родителями.

Так, приговором Верховного суда Удмуртии ранее не судимый Владимир Бажутин за разбой и бандитизм был осужден к 13 годам лишения свободы. По версии суда, Бажутин являлся руководителем крупной банды. Однако, как показала проведенная нами проверка, Бажутин не был связан с криминальными группами, а его семья в Приморском крае жила в нищете (на семью из трех человек приходился доход более низкий, чем прожиточный минимум на одного человека в Приморском крае). Только после вмешательства Комитета «За гражданские права» удалось добиться частичного погашения задолженности по квартплате, возникшей у семьи Бажутина. Отсутствие какой-либо возможности помочь своей семье доставляет В. А. Бажутина сильные душевные страдания.

Как уже было упомянуто выше, чем больше срок лишения свободы, который отбыл осужденный, тем меньше вероятность его социальной адаптации в обществе. Между тем Уголовный кодекс не ставит в качестве одной из своих целей подготовку осужденного к жизни после освобождения. Мы согласны с предложением дополнить статью 43 УК РФ нормой о том, что одной из целей уголовного наказания является адаптация осужденного к условиям жизни в обществе.

Наши наблюдения подтверждаются оценками специалистов. После отбытия 5—7 лет наказания в виде лишения свободы у большинства осужденных возникает равнодушие к собственному будущему. Именно осужденные к длительным срокам наказания наиболее легко попадают под влияние воровских законов и тюремной морали, однако связано это не с тяжестью совершенных ими преступлений или качествами личности, а с необходимостью вести себя так, чтобы выжить в изоляции, иметь стабильную поддержку и защиту. У многих из таких осужденных происходит практически полный отказ от положительных планов на будущее, возникших после ареста и в первоначальный период уголовного преследования. Раскаяние в содеянном и стремление исправить допущенное правонарушение уступают место состоянию ужаса перед сроком наказания. Понимание того, что через 15—20 лет лишения свободы, когда осужденный освободится, одних близких ему людей уже не будет в живых, а другие станут для него чужими, как правило, парализует все то положительное, что сохранилось или возникло в личности правонарушителя. В связи с этим, целесообразно: 1) предусмотреть возможность назначения наказания на срок свыше 20 лет лишь лицам,

совершившим умышленные убийства, если они ранее были судимы за умышленные убийства либо совершили преступление в местах лишения свободы; 2) предусмотреть возможность наказания на срок свыше 15 лет лишь за преступления или их совокупность, связанные с умышленным причинением смерти другому лицу, если обвиняемый достиг на момент совершения преступления возраста 21 года; 3) дополнить ч. 2 ст. 57 УК РФ словами о том, что «пожизненное лишение свободы не назначается лицам, совершившим преступление в возрасте до 20 лет включительно...».

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КОЛОНИЙ

Дифференциация исправительных учреждений на колонии общего, строгого и особого режима, а также дифференциация внутри каждого режима на обычные, строгие и улучшенные условия отбывания наказания, с одной стороны, позволяет по-разному воздействовать на различные группы осужденных, но с другой, — может приводить к голоду и болезням среди осужденных, находящихся на более строгом режиме или в более строгих условиях содержания.

Если статья 64 УК РФ разрешает суду при определенных обстоятельствах назначить осужденному наказание ниже низшего предела либо перейти к более мягкому виду наказания, то при избрании режима исправительного учреждения суд не вправе самостоятельно решить этот вопрос. Даже если суд придет к выводу, что исправление осужденного будет более успешно достигнуто в колонии общего режима или в колонии-поселении, он не в праве избрать осужденному в совершении особо тяжкого преступления иное место отбывания наказания, чем колония особого режима. Статья 58 УК РФ не оставляет никакой возможности для взвешенного судебного решения при избрании вида исправительного учреждения.

На практике в одном учреждении оказываются лица, осужденные за насильственные и ненасильственные преступления, преступники ситуативные и члены организованных преступных группировок. В результате возникает активный обмен криминальным опытом, а часть осужденных притесняется наиболее организованной и криминализированной группой. Судебная практика носит не гибкий, унифицированный характер, поскольку не может при назначении вида исправительного учреждения учесть ни исключительные обстоятельства, связанные с преступлением и личностью осужденного, ни обстоятельства, смягчающие либо отягчающие вину осужденного, ни семейное положение осужденного, ни оптимальную стратегию его исправления.

Так, осужденный приговором Гагаринского суда г. Москвы А. Ушничков, признанный виновным в краже джинсов и туалетной воды, был направлен в ИК особого режима лишь потому, что совершил кражу, будучи лицом, имевшим две непогашенные судимости за кражи.

Кроме того, важно, что осужденный, направленный, например, в ИК особого режима, может быть переведен со строгих на обычные условия содержания лишь по отбытии одного года и при условии, что у него не будет взысканий (ч. 6 ст. 124 УИК РФ). А те осужденные, которые отбывают наказание в колониях общего или строгого режимов, изначально содержатся на общих условиях отбывания наказания (для каждой из этих ИУ) и могут быть переведены на строгие лишь в случае совершения ими нарушений, будучи признанными злостными нарушителями режима исправительного учреждения (ч. 3 ст. 120 УИК РФ). В основе такого положения вещей лежит принцип, устанавливающий жесткую прямо пропорциональную связь между тяжестью совершенного преступления (а в колониях особого режима находятся те, кто совершил тяжкие и особо тяжкие преступления) и строгостью наказания. Закон устанавливает, что перевод на общие условия для таких преступников возможен только через год, хотя вероятно, что для части заключенных было бы правомерно сократить период отбытой части наказания.

Особый режим на строгих условиях содержания означает проживание в помещениях камерного типа, невозможность расходования денег, если деньги не были заработаны осужденным по месту отбывания наказания (при этом большинство таких осужденных работой не обеспечены). Осужденные на этот режим имеют право на два трехчасовых свидания в год с родственниками, не более одной посылки и одной бандероли в течение полугода (ч. 3 ст. 126 УИК РФ). В действительности, все это приводит к массовой дистрофии, заболеванию туберкулезом и повышенной смертности среди осужденных.

Представляется целесообразным предусмотреть право суда назначать осужденному наказание в колонии более мягкого режима, нежели предусмотрено статьей 58 УК РФ, а в колонии особого режима направлять лишь лиц, осужденных за особо опасный рецидив при совершении тяжких насильственных преступлений. Также следует существенно сократить круг ситуаций, когда осужденный может быть направлен в колонии особого режима, например, исключить возможность направления в такие колонии лиц, осужденных за ненасильственные преступления. Ограничения и лишения, установленные для осужденных при различных видах режима и при различных условиях отбывания наказания, не должны включать в себя такие, которые направлены на причинение осужденному физических страданий, на разрушение положительных социальных связей, его отчуждение от социальной среды. Всем группам осужденных должны быть разрешены длительные

свидания, краткосрочные свидания не могут быть ограничены менее чем 6 свиданиями в год, продуктовые посылки должны приниматься без ограничения, а ограничения могут быть введены только на вещевые посылки.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВИДЫ НАКАЗАНИЙ

Переполнение мест лишения свободы является следствием слабого развития мер наказания, не связанных с лишением свободы, с излишней репрессивностью законодательства.

УК и УИК РФ предусматривают виды наказания, альтернативные лишению свободы, такие как: обязательные работы и ограничение свободы, однако их введение перенесено на 2004—2006 гг.

Фактически на сегодняшний день в качестве альтернативных видов наказания выступают условное осуждение и отбывание наказания в колониях-поселениях, более близкое по своему содержанию к ограничению, а не к лишению свободы. Однако эти виды наказания в качестве самостоятельных законодателем не рассматриваются, а считаются производными от лишения свободы. Такая ситуация приводит к тому, что условное осуждение, которое применяется судами наиболее часто, в качестве самостоятельного вида не развивается.

На наш взгляд, ошибкой стал отказ в начале 90-х гг. от принудительного лечения от алкоголизма и наркомании, которое раньше выступало фактически в качестве самостоятельного вида наказания. Вместо того чтобы изменить характер и основания назначения этого вида правового воздействия (он мог назначаться как за совершение преступлений, так и в связи с тем, что профилактируемый злоупотреблял алкоголем или наркотическими веществами), законодатель, руководствуясь гуманными побуждениями, отказался от принудительного лечения. По его мнению, альтернативой принудительному лечению являлось лечение добровольное, а также иные меры воздействия на человека, совершающего правонарушение на почве алкогольной или наркотической зависимости.

Однако на самом деле перед наркозависимыми и страдающими алкоголизмом людьми стоял выбор между принудительным лечением и лишением свободы. В итоге отказ от принудительного лечения стал одним из факторов, способствующих расширению практики лишения свободы. Хотя формально институт принудительного лечения от алкогольной или наркотической зависимости и существует, однако такая мера воздействия назначается либо в качестве дополнительных мер медицинского характера при лишении свободы, либо в порядке, установленном Законом «О психиатрической помощи и гарантии прав граждан при ее оказании».

Например, Дмитрий Зуев, отбывавший наказание в Можайской воспитательной колонии в 1996—1997 гг., после выхода из колонии стал систематически злоупотреблять алкоголем, добровольное лечение пройти отказывался, не мог быть направлен на принудительное лечение в связи фактическим неприменением данного института как вида правового воздействия на правонарушителя. Зуев неоднократно доставлялся в милицию за административные правонарушения, а в 1999 г. был осужден к лишению свободы за угон автобуса. В октябре 2002 г. Д.Л. Зуев скончался в возрасте 23 лет.

Мы считаем, что в качестве самостоятельных видов уголовного наказания следует ввести такие, как отбытие наказания в колонии-поселении и условное лишение свободы, что будет способствовать их развитию, а также принудительное лечение от алкоголизма и наркомании. Уголовный Кодекс необходимо дополнить статьей 58-2 «Принудительное лечение от алкоголизма и наркомании» следующего содержания: «1. Принудительное лечение от алкоголизма и наркомании заключается в помещении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести под влиянием злоупотребления алкоголем, употребления наркотиков или психотропных веществ, в специальное лечебно-исправительное учреждение Уголовно-исполнительной системы на срок от 3 месяцев до 2 лет. 2. В случае, если виновный на момент вынесения приговора суда успешно прошел или проходит курс лечения от алкогольной, наркотической или иной химической зависимости, суд вправе постановить о том, чтобы считать назначенное наказание условным».

ПРИНЦИПЫ СЛОЖЕНИЯ (СУММИРОВАНИЯ СРОКОВ) НАКАЗАНИЙ

Необходимо отказаться от принципа механического и произвольного сложения наказаний, который положен в основу статьи 69 УК РФ (назначение наказания по совокупности преступлений) и статьи 70 УК РФ (назначение наказания по совокупности приговоров). Следует разработать критерии применения полного и частичного сложения наказаний, а также поглощения менее строгого наказания более строгим. Статья 69 УК РФ должна быть дополнена. Во-первых, если деяние квалифицировано по нескольким составам преступлений, то применяется поглощение менее строгого наказания более строгим или частичное сложение наказаний, однако окончательный размер наказания не может превышать наиболее строгое из наказаний, назначенных по одному составу преступления, более чем на 3 года. Во-вторых, полное сложение наказаний может

применяться лишь в отношении лиц, виновных в особо тяжких преступлениях, если такие преступления повлекли смерть человека. В-третьих, частичное сложение наказаний может применяться в отношении лиц, осужденных за несколько деяний, отнесенных к тяжким или особо тяжким преступлениям, однако, окончательный размер наказания не может превышать наиболее строгое из наказаний, назначенных по одному составу преступления, более чем на 5 лет. Следует отдельно оговорить, что во всех остальных случаях применяется поглощение менее строго наказания более строгим.

Мы также считаем, что статью 70 (ч. 3) УК РФ целесообразно изложить следующим образом: «Окончательное наказание по совокупности приговоров к лишению свободы не может превышать: а) 5 лет — если наиболее тяжкое преступление относится к категории преступлений средней тяжести; б) 15 лет — если наиболее тяжкое преступление относится к категории тяжких преступлений; в) 25 лет — если наиболее тяжкое преступление относится к категории особо тяжких преступлений и повлекло смерть человека».

ОТМЕНА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Необходимо отказаться от принципа механической отмены условного осуждения в случае совершения в период испытательного срока нового неумышленного тяжкого или особо тяжкого преступления, а также расширить круг институтов, которым может быть поручен контроль за условно осужденными.

Например, в 2000 г. Нагатинский суд рассматривал уголовное дело в отношении 15-летнего Павла Гнатыюка, который был соучастником квартирной кражи. По делу была установлена совокупность смягчающих вину обстоятельств: роль подростка в совершении кражи была наименее активной, Павел полностью признал свою вину и раскаялся в преступлении, за полтора года нахождения на свободе после совершения преступления он окончил школу, устроился на работу и проявил себя только с положительной стороны. Тем не менее суд был вынужден назначить Гнатыюку наказание в виде 3 лет 6 мес. лишения свободы, т. к. незадолго до совершения квартирной кражи Павел был осужден условно за соучастие в угоне мотоцикла. И в том случае суд установил, что участие Гнатыюка в совершении преступления было малозначительным, однако вынес подростку условное наказание. Прямо в зале суда подросток был арестован и направлен в места лишения свободы.

Представляется, что в таких случаях было бы достаточным поручить общественной (трудовой) организации, связанной с условно осужденным, контролировать его поведение. Соответственно такого рода норму целесообразно добавить в статью 73 (ч. 6) УК РФ. В то же время статья 74 (ч. 5) УК РФ также должна быть дополнена. Если условно осужденный совершает преступление средней тяжести или умышленное тяжкое, суд имеет право отменить ранее назначенное условное осуждение. Если же преступление носит умышленный характер и квалифицируется как особо тяжкое, то суд обязан отменить условное осуждение. В этом случае к наказанию за новое преступление частично присоединяется наказание за ранее совершенное преступление, при этом окончательное наказание должно быть больше наказания, назначенного за вновь совершенное преступление. В случае, если суд приходит к выводу о нецелесообразности отмены условного осуждения за совершение умышленных преступлений средней тяжести или тяжкого, суд продлевает испытательный срок и увеличивает назначенный осужденному срок наказания.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Необходимо распространить возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ) и изменением обстановки (ст. 77) также на тех лиц, которые совершили преступления не впервые и не только преступления небольшой или средней тяжести, а любые преступления. Исключение должно быть только в отношении тех осужденных, которые совершили особо тяжкие преступления и преступления, повлекшие смерть человека.

МИНИМАЛЬНЫЙ СРОК ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Следует отказаться от положения (ч. 4 ст. 79 УК РФ), согласно которому минимальный срок лишения свободы составляет шесть месяцев, т. к. суд, руководствуясь принципом индивидуализации наказания, может установить обстоятельства, при которых осужденного целесообразно лишить свободы на меньший срок.

ГРАНИЦЫ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

В соответствии со статьей 79 (ч. 4) УК РФ осужденный не может воспользоваться условно-досрочным освобождением (УДО), пока он не отбыл шесть месяцев из назначенного ему судом срока наказания. Представляется, что этот временной ценз необходимо пересмотреть, т. к. права на условно-досрочное освобождение оказываются лишены те, кто осужден к 6 месяцам лишения свободы. В таком случае не учитываются ни индивидуальный характер процесса исправления, ни положение семьи осужденного, ни тяжесть и опасность преступления. По нашему мнению, фактически отбытый осужденным срок лишения свободы не может быть меньше а) 1 месяц — при осуждении за преступление небольшой или средней

тяжести; б) 3 месяца — за совершение преступлений других категорий тяжести.

СРОКИ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Несовершеннолетие обвиняемого должно учитываться не только при определении верхней границы срока наказания, но и при назначении наказания в пределах санкции статьи. Наиболее удачно, по нашему мнению, этой цели отвечала норма УК РСФСР 1922 г. В соответствии с ней при несовершеннолетии осужденного суд был связан не только верхним пределом срока наказания, но также был обязан снизить срок наказания осужденным, не достигшим на момент совершения преступления 16 либо 18 лет. В действующем УК РФ подобная норма могла бы выглядеть следующим образом (ч. 6 ст. 88): «Срок лишения свободы за преступление, совершенное несовершеннолетним в возрасте до 16 лет, сокращается в 2 раза, несовершеннолетним 16 лет и старше — в полтора раза. За преступление, совершенное лицом, не достигшим совершеннолетнего возраста, минимальные сроки и размеры наказания, предусмотренные санкцией статей особенной части настоящего Кодекса, сокращаются наполовину».

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЙ В НЕКОТОРЫХ НОРМАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Необходимо провести ревизию уголовного законодательства на предмет выявления норм, страдающих неопределенностью значения и создающих предпосылки для необоснованно широкого применения суровых видов наказания. В качестве примера таких норм можно привести следующее:

- отнесение к тяжкому вреду здоровья (ст. 111 УК РФ) неизгладимого обезображивания лица. Судебно-медицинские критерии этого признака сформулировать не удалось;
- применение (ст. 228 УК РФ) понятий «сбыта наркотиков», «крупного и особо крупного размера наркотических средств». Хотя уголовное законодательство предусматривает, что ответственность наступает лишь за деяние, предусматривающее все признаки состава преступления, предусмотренного УК (ст. 8 УК РФ), однако сами признаки состава преступления сформулированы так, что нуждаются в толковании;
- согласно статье 303 УК РФ ответственность предусмотрена за «фальсификацию доказательств», в то же время понятие «фальсификация» может толковаться очень широко, а указанная статья понятия «фальсификации доказательств» не содержит.

НЕКОТОРЫЕ НЕОБОСНОВАННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Ряд ограничений для заключенных под стражу и осужденных не основаны на целях наказания и не вызваны необходимостью. Запрет (ч. 3 ст. 78 УИК РФ) перевода в колонию-поселение лиц, осужденных при особо опасном рецидиве преступлений; заключенных, которым пожизненное лишение свободы в порядке помилования заменено лишением свободы на определенный срок; осужденных, не прошедших обязательного лечения, — противоречит второй части той же статьи. В ней утверждается, что критерием перевода осужденных в колонию-поселение является положительное поведение, которое могут проявить и осужденные, перечисленные выше. Подобный подход нарушает принцип справедливости, т. к. не учитывает тех изменений, которые произошли в поведении и в личности осужденных в период пребывания в исправительном учреждении.

Заключенные и осужденные могут получать и приобретать только те продукты и вещи, которые указаны в перечнях к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений и СИЗО. В соответствии с ними многие продукты и предметы не разрешены в местах заключения. Но наряду с необходимыми ограничениями существуют такие, которые с трудом могут быть обоснованы соображениями безопасности и порядка заключения. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные Приказом Минюста РФ № 224 от 2001 г., к числу запрещенных предметов относят не только алкоголь и дрожжи, но также сахар, продукты, требующие тепловой обработки, и продукты домашнего изготовления. Последнее приводит к тому, что тысячи малообеспеченных семей, живущих в сельской местности и питающихся в основном за счет продукции собственного хозяйства, лишены возможности передать родственнику посылку из продукции домашнего изготовления, обрекая тем самым заключенного к полуголодному существованию.

В статье 89 (ч. 2) УИК РФ регламентируется перечень родственников, с которыми осужденный вправе проживать во время длительного свидания. Там же говорится о том, что с иными лицами можно проживать лишь в исключительных случаях по разрешению начальника колонии. Казалось бы, данная норма вполне оправдана. Между тем многие заключенные не имеют официальной регистрации брака. Однако в таком случае возможность получить разрешение на длительное свидание будет зависеть от усмотрения начальника учреждения. Такое ограничение ставит гражданских супругов в неправовую по форме и морально неприемлемую по содержанию зависимость от администрации колонии.

В той же статье не решен вопрос о предоставлении длительных свиданий или их замене на краткосрочные осужденным, отбывающим наказание в учреждениях, где комнаты длительных свиданий отсутствуют.

Примером такого учреждения является Калужская воспитательная колония, а также отряды хозяйственного обслуживания следственных изоляторов, где комнат длительных свиданий нет повсеместно. Хотя в третьей части этой статьи и говорится о замене одного вида свидания другим по просьбе осужденного, однако в данном случае речь не идет о желании осужденного вместо длительного свидания получить краткое. Фактически этим заключенным затруднен доступ к общению со своими родными и близкими. Было бы целесообразно в подобном случае предусмотреть возможность замены одного длительного свидания тремя краткосрочными.

Законные интересы заключенных нарушает норма, которая позволяет им отправлять посылки и бандероли только по разрешению администрации учреждения (ч. 6 ст. 90 УИК РФ). Между тем возможно немало ситуаций, когда для осужденного отправить такую посылку очень важно, однако, это так же, как и в случае с длительными свиданиями, зависит от усмотрения начальника учреждения.

Статья 92 УИК РФ предоставляет осужденным право на 4 телефонных разговора в год продолжительностью 15 минут каждый вне зависимости от возможности осужденного оплатить такой разговор и технической возможности учреждения обеспечить более интенсивную телефонную связь. Таким образом, если осужденному необходимо позвонить родителям, жене и детям, которые живут в разных местах, другу, своему адвокату или коллегам по работе, то каждому из абонентов он может позвонить один раз в полтора-два года. Вряд ли такая ситуация может рассматриваться как помощь осужденным в социальной адаптации (а именно так звучит одна из задач уголовно-исполнительного законодательства, упомянутая в ст. 1 УИК РФ).

Согласно статье 118 (ч. 4) УИК РФ «во время содержания осужденных в штрафном изоляторе, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа или одиночных камерах питание неработающих осужденных осуществляется по пониженным нормам. С учетом медицинского заключения питание этих осужденных может осуществляться по обычным нормам». Большинство таких осужденных не работает, срок содержания в ПКТ может составлять 6 месяцев, им фактически запрещены не только свидания, но и получение посылок и бандеролей. Благодаря этой норме ПКТ, ЕПКТ и ШИЗО в российской пенитенциарной системе являются одним из основных источников туберкулеза, а также нервных и психических заболеваний. Подобную норму можно назвать узаконенной законодателем пыткой голодом.

СИСТЕМА ПОощРЕНИЙ И Взысканий, ВОзможность УСловно-досрочного ОСВОБОЖДЕНИЯ

Существующая система условно-досрочного освобождения, поощрений и взысканий не может стимулировать правопослушное поведение осужденных. Жесткие рамки условно-досрочного освобождения в зависимости от категории тяжести преступления, примерного поведения осужденного и его «добросовестного отношения к труду» не учитывают ряд важных обстоятельств, от которых зависит процесс исправления.

Например, мать, осужденная за убийство новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), может быть освобождена по отбытии трети срока наказания (данное преступление относится к категории преступлений средней тяжести), в то время как лица, угнавшие мотоцикл (ч. 2 ст. 166 УК РФ), могут быть условно-досрочно освобождены лишь по отбытии ими половины срока наказания, т. к. совершенное ими преступление считается тяжким.

Неопределенными и имеющими множество трактовок являются понятия «примерного поведения» и «добросовестного отношения к труду», хотя они становятся ключевыми при решении вопроса об условно-досрочном освобождении. Как правило, под примерным поведением понимается отсутствие у осужденного взысканий и наличие поощрений. Однако отсутствие взысканий и наличие поощрений могут не зависеть от условий и причин, которые наличествовали при совершении преступления. Например, осужденный за изнасилование К. был условно-досрочно освобожден, т. к. за 4 года лишения свободы не имел ни одного взыскания и получил 8 поощрений за работу в самостоятельной организации осужденных; однако в течение года после освобождения совершил 3 новых изнасилования и ряд других преступлений, за что был осужден к 15-ти годам лишения свободы приговором Реутовского суда Московской области. С другой стороны, проявить «добросовестное отношение к труду» могут лишь те заключенные, которые обеспечены работой. Таким образом, данный критерий не может быть применен к инвалидам, пенсионерам по старости, тяжело больным осужденным, а также к тем, кто не обеспечен работой по независящим от них причинам. Понятие «добросовестное отношение к труду» субъективно и чаще всего трактуется как выполнение нормы выработки. Но известны многочисленные случаи, когда даже при выполнении нормы выработки администрация учреждений отказывает осужденным в представлении к условно-досрочному освобождению. Нередко нормы выработки в колониях бывают настолько завышены, а расценки настолько занижены, что труд осужденных невозможно оценить иначе, как рабский. Так, по данным осужденных Т. и Ш., в октябре 2000 г. расценка за изготовление 1 деревянного ящика составляла 20 коп., 1 двери или 1 деревянной кровати — 2 руб.

Субъективный характер критериев, на основе которых применяется условно-досрочное освобождение, приводит к развитию коррупции. Например, некоторые родственники осужденных, претендовавших на УДО,

утверждали, что начальники (воспитатели отрядов) требовали от них денег за представление осужденных к условно-досрочному освобождению.

Кроме того, примерное поведение осужденного и его добросовестное отношение к труду еще не доказывают его исправления, а поведение, с точки зрения администрации колонии, не являющееся примерным, отнюдь не означает, что исправление осужденного не произошло. Необходимо обеспечить такую систему оценки поведения осужденного, которая позволила бы стимулировать процесс исправления и закрепить положительные изменения в личности осужденного.

По нашему мнению, интересам исправления осужденных соответствовала бы система, при которой любое устойчивое положительное изменение в поведении осужденного получало бы адекватную положительную оценку. Такая система действовала в нашей стране в конце 40-х гг., в порядке эксперимента применялась в 80-е гг. (так называемая «система зачетов»), существует в США и некоторых других странах.

Исследователи также отмечают, что администрации некоторых колоний используют механизм взысканий для того, чтобы не допускать излишне широкого, по их мнению, применения условно-досрочного освобождения. При этом должностные лица рассчитывают получить за представление к условно-досрочному освобождению взятку или не хотят потерять добросовестного или высококвалифицированного работника, а также допустить сокращения числа осужденных.

Особенно тяжело вопросы условно-досрочного освобождения решаются в лесных колониях-поселениях. Здесь активно применяется практика необоснованных взысканий по отношению к осужденным. Например, осужденный А. Лазавой характеризовался исключительно положительно по месту отбытия наказания в ИК-5 Орловской области, в связи с чем был переведен в колонию-поселение (учреждение Ш-320/12 Пермской области). В этой колонии-поселении сразу же после обращения Лазавого с просьбой о представлении его к условно-досрочному освобождению Лазавой получил два взыскания, превратился в нарушителя, и в условно-досрочном освобождении ему было отказано.

Подобная история произошла с осужденным С. Антошкиным, 1972 г.р. Он обратился к администрации колонии-поселения Ш-320/23 с просьбой о представлении его к условно-досрочному освобождению (УДО). Вместо этого администрация колонии сфабриковала на Антошкина три взыскания «за распитие спиртных напитков» (при этом требование Антошкина провести его освидетельствование медиками было проигнорировано). После чего Антошкин был отправлен на прежний вид режима в исправительной колонии строгого режима. Антошкин обжаловал постановление Чердынского суда Пермской области в Пермский областной суд, который данное решение отменил. После возвращения Антошкина в колонию Ш-320 ему было снова объявлено два взыскания, и постановлением Чердынского суда он был возвращен на прежний вид режима. Однако кассационная инстанция вновь отменила решение Чердынского суда. Проведенная, по просьбе Комитета за гражданские права, прокурорская проверка выявила ненадлежащее исполнение своих обязанностей Ныробским прокурором по надзору за исполнением уголовного наказания, в связи с чем перед Генпрокуратурой прокуратурой Пермской области был поставлен вопрос об его переводе на другую должность.

Хотя в законодательстве ясно указаны критерии, по которым осужденный может быть условно-досрочно освобожден, нередко случаи отказа в представлении осужденных к УДО по явно надуманным основаниям. Так, в сентябре 2002 г. на многочисленные ходатайства не препятствовать условно-досрочному освобождению члена Союза журналистов Л. Шестакова из ГУИН МЮ РФ был получен ответ об отказе в условно-досрочном освобождении Шестакова, т. к. «...тот не признал своей вины». При этом автора ответа не смутило ни отсутствие в законе подобного основания для отказа в УДО, ни ходатайство за Шестакова со стороны депутата Государственной Думы.

Для того чтобы успешно бороться с политикой необоснованных отказов в УДО, необходимо считать процент осужденных, освободившихся на основании УДО, одним из основных показателей эффективной работы колоний. При этом следует также изменить критерии, на основании которых осужденный освобождается условно-досрочно. Такими критериями должны стать: положительные изменения в поведении и личности осужденного за время отбытия им наказания; возмещение осужденным вреда, который был причинен совершенным им преступлением, либо проявление с его стороны стремления посылить возместить такой вред; наличие у осужденного положительных планов на будущее и попытки их реально осуществить. Эти критерии должны основываться на необходимости сузить круг злоупотреблений при решении вопросов УДО и быть направлены на достижение целей наказания.

Существующая система взысканий продолжает оставаться серьезной проблемой, стимулирующей произвол со стороны сотрудников исправительных учреждений. Так, статья 115 УИК РФ предусматривает, что взыскания налагаются за нарушение установленного порядка отбытия наказания. Однако при этом не ясно, о каком рода нарушении идет речь и насколько существенными должны быть нарушения, чтобы к осужденным было

применено взыскание. Законодателем не решен вопрос о соразмерности нарушения и взыскания, что позволяет за достаточно малоопасные нарушения применять неоправданно суровые взыскания. Например, осужденный А. Федосеев, отбывающий наказание в учреждении ЖХ-385/18, был на трое суток водворен в ШИЗО за антисанитарное состояние спального места, на 10 суток попал в ШИЗО за нарушение формы одежды, два раза по пять суток ШИЗО получил за то, что не обеспечил порядка в камере. Очевидно, что подобные нарушения не могут рассматриваться как нарушение установленного порядка отбывания наказания. Характерно, что за время нахождения в ЖХ-385/17 Федосеев за два года получил лишь одно взыскание, а после перевода в ЖХ-385/18 получил 11 взысканий, был признан злостным нарушителем и переведен в помещение камерного типа.

Следует отметить, что Правилами внутреннего распорядка ИУ прямо запрещено присваивать друг другу клички, наносить татуировки, без разрешения администрации вывешивать фотографии и вырезки из газет, курить в не отведенных для этого местах. Таким образом, оказаться в помещении камерного типа и лишиться возможности условно-досрочного освобождения можно за достаточно несущественные нарушения. Подобная дисциплинарная практика не имеет ничего общего с «исправлением осужденных» и «недопущением совершения ими новых преступлений». Скорее, это попытка «сломать» человека, чтобы он утратил как веру в собственные силы, так и надежду, что он сможет добиться честным путем досрочного выхода на свободу.

ИНСТИТУТ ПОМИЛОВАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Существование института помилования осужденных находится под угрозой. За первые 8 месяцев 2000 г. количество помилованных президентом составило свыше 11 000 человек, то есть порядка 1% всех осужденных. Подобный показатель был наивысшим за всю историю существования института помилования в нашей стране. Осужденные воспринимали помилование в качестве реальной возможности освободиться до конца срока наказания.

Однако Конституция РФ рассматривает помилование в качестве права Президента РФ, но не в качестве обязанности или функции высшего должностного лица страны.

В сентябре 2000 г. президент перестал подписывать указы о помиловании. К декабрю 2001 г. (т.е. за год и четыре месяца) президентом было помиловано лишь около 20 человек, в то время как на подписи находились проекты указов о помиловании свыше 5000 человек, рекомендованных Комиссией по вопросам помилования при Президенте РФ. Одновременно в прессе развернулась активная кампания по дискредитации работы Комиссии и ее членов.

В декабре 2001 г. Президентом РФ был подписан Указ № 1500, который полностью менял механизм помилования: Комиссия по помилованию при Президенте РФ ликвидировалась, создавались Комиссии по помилованию на территориях субъектов РФ. Из 4-х ступенчатой (администрация учреждения, Управление по вопросам помилования Администрации Президента РФ, Комиссия по вопросам помилования при Президенте РФ, Президент РФ) система помилования становилась 5-ти ступенчатой (администрация учреждения, Управление юстиции субъекта РФ, комиссия по вопросам помилования на территории субъекта РФ, губернатор субъекта РФ, Президент РФ). Причем, если раньше право рекомендации помиловать осужденного имел лишь один субъект (Комиссия по вопросам помилования при Президенте РФ), то теперь рекомендательных инстанций оказалось две — комиссия по вопросам помилования на территории субъекта РФ и губернатор. Указом были установлены и ограничения на применение помилования: помилование не должно было применяться к ранее освобождавшимся на основании УДО, по помилованию либо амнистии, а также злостным нарушителям.

За прошедший после принятия Указа год новая система помилования проявила свою неэффективность. Так, если членами территориальных комиссий по помилованию являются свыше 1000 человек, то рекомендованных к помилованию за 11 месяцев 2002 г. оказалось меньше, чем членов комиссий. Президент же помиловал лишь около 140 человек (1,2% от количества помилованных в последний год работы Комиссии при Президенте).

Активное противодействие институту помилования связано с позицией некоторых чиновников Минюста РФ, которые утверждают, что помилование следует практиковать лишь в исключительных случаях, т. к. практически любой осужденный может освободиться на основании УДО. На практике это не так. Как показано выше, освободиться условно-досрочно могут не все.

Представляется необходимым более тщательно прописать законодательное регулирование вопросов помилования, сузив границы усмотрения чиновников различного ранга, рассматривая помилование не в качестве права, а в качестве функции Президента страны.

Известны многочисленные случаи, когда территориальные Комиссии по вопросам помилования, видя все

основания для положительного решения вопроса о помиловании, отказывают осужденному лишь потому, что полагают, что он быстрее освободится условно-досрочно, нежели будет помилован. Отметим также, что хотя законом или иными нормативными актами не определен срок, который осужденный должен отбыть прежде, чем его представят к помилованию, как правило, положительное решение вопроса о помиловании происходит лишь тогда, когда осужденный отбыл не менее половины срока наказания.

В заключение скажем, что институт помилования — это не только механизм облегчения участи тех, кто вправе рассчитывать на особое сострадание (а подобных людей в наших тюрьмах немало), но и необходимый способ корректировки судебных ошибок и излишне жесткой судебной политики. Но пока в руководстве страны будет доминировать только точка зрения, что помилование — институт освобождения от наказания или смягчения наказания при исключительных обстоятельствах, государство не будет милосердным.

(1) Подробнее см. «Сокращение численности тюремного населения. Возможности и пределы».

(2) По материалам Общественного центра содействия реформе уголовного правосудия.

(3) Ст. 61 УК РФ.

(4) Ст. 64 УК РФ.

(5) Архив Комитета «За гражданские права».

(6) Ч. 1 ст. 56 УК РФ

(7) *Невский В.* Борьба с преступностью: Анализ законодательства // Гражданин и право. № 2, 3. 2002.

(8) По действующему законодательству совершеннолетие наступает в 18 лет.

«Неофициальная» тюремная система в Чеченской Республике

А. Черкасов, правозащитный центр «Мемориал»

С начала 90-х гг. Чеченская Республика остается для России регионом, существенно отличающимся от остальных во всем, в частности, в функционировании пенитенциарной и судебно-следственной систем.

Чечня — единственный из субъектов Российской Федерации, где сепаратизм вышел за рамки фразеологии и в 1991 г. был взят реальный курс на отделение от России. Насколько неизбежен был этот процесс, каков был вклад в него Москвы и Грозного, какими, наконец, виделись в начале 90-х гг. контуры этой независимости — вопросы, требующие обстоятельного рассмотрения, но здесь отметим лишь, что силовые структуры, система органов внутренних дел и уголовно-исполнительная система обособлялись опережающими темпами. Вывод республики из российского правового поля был выгоден не только местным «хозяйствующим субъектам»⁽¹⁾, но и федеральным силовым структурам⁽²⁾. Как писал тогдашний вице-президент Чечни З. Яндарбиев, многочисленные силовые структуры и полуофициальные вооруженные формирования, за редким исключением, занимались «хищением нефтепродуктов под видом их охраны», а правоохранные органы практиковали задержания бизнесменов и «хозяйственников» с целью вымогательства. Разрушение в самом начале «первой чеченской войны» в 1994 г. пенитенциарных учреждений — следственного изолятора в г. Грозном, колонии в пос. Чернокозово и т. п. — лишь зафиксировало крах.

С началом войны в 1994 г. в рамках «наведения конституционного порядка» федеральными структурами была создана система мест содержания задержанных. Статус этих «временных фильтрационных пунктов» не был определен законом, в отношении содержащихся там практиковались жестокое обращение, избиения и пытки. Задержанные так же незаконно содержались и в расположении воинских частей, где совершались внесудебные казни, а применявшиеся спецназом и разведкой пытки приводили к смерти задержанных. Начатое было в Чечне восстановление судебно-следственной и пенитенциарной систем (например, возобновление работы следственного изолятора в пос. Чернокозово) было прервано с окончанием первой войны.

В ходе «первой чеченской войны» 1994—1996 гг. подпольно и параллельно с федеральными продолжали функционировать органы власти Чеченской республики Ичкерии (ЧРИ). В ее «пенитенциарных учреждениях» содержались захваченные в плен российские военнослужащие, а позднее и гражданские заложники. На протяжении войны условия их содержания ухудшались — вплоть до применения жестоких пыток, внесудебных казней и массовой гибели заложников в «особом отделе» и «следственном изоляторе»

Департамента государственной безопасности ЧРИ.

Отметим, что формально в это время на территории Ичкерии продолжал действовать УК РСФСР, и военный прокурор М. Жаниев оформлял на заложников дела об «измене Родине» по 64 статье. Только в августе 1996 г. был введен так называемый «шариатский кодекс»(3), а Ичкерия, получившая de facto независимость после подписания Хасавюртовских соглашений, приступила к государственному строительству. Однако контакты с российскими органами внутренних дел и пенитенциарной системой(4) успеха не имели(5). В этих условиях задержание подозреваемого в Чечне и этапирование за ее пределы стали фактически невозможными(6).

Начавшийся зимой 1996—1997 гг. вал похищений людей с целью получения выкупа, торговля людьми, содержание их в «частных тюрьмах» составляют определяющую часть «пенитенциарной системы» того периода. Впрочем, в становлении этого страшного явления не последнюю роль сыграли действия федеральных сил в ходе войны 1994—1996 гг. Ситуацию усугубляло сращивание занятых этим криминальным бизнесом преступных группировок, с одной стороны, с группировками религиозных экстремистов, а с другой — с коррумпированными правоохранными органами. Знаковый пример: в семье Ахмадовых из Урус-Мартана, крупнейших в Чечне работоторговцев, один из братьев был начальником районного отдела внутренних дел(7).

Именно крах структур власти в Чечне в 90-е гг. сделал возможным вторжение экстремистов в Республику Дагестан, положившее начало «второй чеченской войне». Война эта еще в августе 1999 г. официально была названа «контртеррористической операцией». Почему был избран именно этот правовой статус — вопрос отдельный, но под террористической деятельностью на тот момент подразумевались именно похищения людей. В силу этого и средства массовой информации, и российское общество, и в какой-то степени жители Чечни в целом положительно отнеслись к заявлениям официальных структур о том, что именно установление правопорядка на территории Чечни является их главной целью.

Само название «контртеррористическая операция» по идее подразумевало высокую избирательность действий и, прежде всего, наличие досье или хотя бы списков «террористов». Однако такой настоящий массив «фильтрационных дел» (наподобие того, каким располагал СМЕРШ под конец Второй мировой войны) к началу боевых действий в Чечне создан не был, а так называемые «оперативные» сведения были неполны и отрывочны.

Поэтому практически с самого начала второй войны задержания на территории Чечни имели массовый и неизбирательный характер. Неизбирательность была следствием плохой разведки, планирования и управления, а массовость должна была это компенсировать. Практически сразу проявились два неизбежных следствия такого подхода: применение к задержанным «физического воздействия» и коррупция в правоохранных органах.

При неизбирательных задержаниях, при отсутствии предварительно собранных материалов и какой-либо доказательной базы был порой неясен даже круг вопросов, которые могли быть заданы задержанному. Полученные на допросе показания становились единственным возможным доказательством, поэтому следователи и дознаватели добивались от задержанных личного признания, прежде всего с помощью избиений, пыток, жестокого обращения.

Отсутствие в делах иных материалов, кроме полученных на допросах показаний, допускало самый широкий произвол сотрудников федеральных силовых структур в отношении задержанных: от возбуждения уголовных дел до освобождения. Естественно, что практика освобождения за выкуп установилась практически сразу, с зимы 2000 г., и не была изжита в последующие три года(8).

Впрочем, и пытки, и коррупцию можно было бы считать переносом общероссийской практики в условия фактически полной бесконтрольности.

* * *

В отличие от «первой чеченской войны» с самого начала «второй чеченской» система мест содержания задержанных выстраивалась как постоянная. Были созданы изоляторы временного содержания при районных отделах и временных отделах внутренних дел (РОВД и ВОВД)(9) ; в помещениях ИТК «Чернокозово» был размещен следственный изолятор(10), откуда арестованные этапировались в СИЗО соседних субъектов Российской Федерации.

Кроме того, существовали неофициальные места содержания задержанных. Во-первых, в расположении воинских частей — в специально открытых ямах или в приспособленных помещениях. Во-вторых, создаваемые в ходе «зачисток» «временные фильтрационные пункты», располагавшиеся в заброшенных строениях или просто в открытом поле. В-третьих, неофициальные, секретные тюрьмы, контролируемые федеральными

силовыми структурами, в комендатурах и т. п.

Люди, задержанные в ходе боевых действий или в районах, контролируемых частями вооруженных сил, попадали в «зинданы» — вырытые в земле глубокие ямы с отвесными стенками. О таких местах содержания сообщалось в телевизионных репортажах еще в конце 1999 г.: накрытая сверху решеткой яма, а в ней, как говорит диктор, «сидит захваченный боевик». Было приведено даже официальное название «зиндана» — «полевая камера предварительного заключения» (ПКПЗ). Такие «зинданы» использовались в российской, а ранее в советской армии для содержания подследственных(11) и арестованных. В последнем случае они именовались «полевыми гауптвахтами» и использовались для содержания военнослужащих, совершивших дисциплинарные проступки, при отсутствии специально для этого помещений, причем использовались повсеместно и весьма широко(12). Эта практика возобновилась после ввода федеральных сил на территорию Чеченской Республики, где в местах временной дислокации отсутствовали какие-либо строения(13). Вряд ли можно считать эти «зинданы» самодеятельностью — очевидно, что существуют закрытые ведомственные инструкции, регламентирующие их существование и использование(14).

Другой вопрос — насколько законно содержание там задержанных гражданских лиц. Военнослужащие обязаны в течение трех часов передать задержанного в органы МВД, в изолятор временного содержания(15).

Тем не менее военные помещали задержанных в ямы и в первые месяцы войны, когда войска устанавливали контроль над территорией Чечни(16). Эта практика продолжалась и в дальнейшем. В частности, в горных районах (где местность удобна для организации сопротивления и до сих пор действуют вооруженные отряды ЧРИ) военные не смогли обеспечить контроль за территорией, и войска стоят в непосредственной близости от населенных пунктов. Наиболее известные свидетельства такого рода относятся к Веденскому району(17). В ямах, замаскированных сверху палатками, содержали задержанных и в Ханкале, на главной базе Объединенной группировки войск (сил) в Чеченской Республике(17), и в расположении группировки федеральных сил «Запад» в районе с. Танги-Чу.

Таким образом, содержание задержанных в «зинданах» — безусловное нарушение российского законодательства — не было «самодеятельностью» военных, но имело систематический характер.

Более известны в качестве мест содержания задержанных «фильтры» — «временные фильтрационные пункты». Они не предусмотрены российским законодательством, неизвестны регламентирующие их деятельность ведомственные нормативные документы. Хотя таковые, несомненно, существуют, несмотря на заявления официальных лиц. Даже само существование «фильтрационных пунктов» отрицалось официальными лицами вплоть до 2002 г.

Обычно «фильтрационные пункты» создаются в ходе «зачисток» («специальных операций»), когда сотрудники силовых структур задерживают и «проводят проверку» десятков и даже сотен жителей населенного пункта. Официально задачей «фильтров» является содержание лиц, задержанных по подозрению в участии в незаконных вооруженных формированиях, и проведение дознания. По его результатам задержанные должны быть либо отпущены, либо переведены в иные пенитенциарные учреждения. На окраине населенного пункта обычно располагается проводящая «зачистку» группировка, а рядом, в открытом поле или в заброшенных строениях(19), «фильтрационный пункт». Поскольку одной из основных черт «зачисток» была массовость и неизбирательность задержаний, число задержанных, очевидно, превышало емкость «штатных» мест содержания в ИВС, и большинство из них, как правило, вскоре освобождали. Тем не менее практически всех содержавшихся в «фильтрационных пунктах» подвергали избиениям и пыткам, и практически при каждой «зачистке» некоторые из задержанных исчезали.

Хотя вызывавшие возмущение жителей массовые грабежи и оскорбления со стороны военных в ходе «зачисток», безусловно, следует отнести к «эксцессам исполнителя», сами «фильтрационные пункты» являются системой вполне продуманной, с ответственными лицами и структурой соподчинения(20).

* * *

В течение последних месяцев число «зачисток» в Чечне существенно уменьшилось, соответственно, реже создаются «фильтрационные пункты». Однако задержания людей, нередко с последующим «исчезновением», продолжают.

Как правило, по ночам на бронетранспортерах в населенные пункты приезжают вооруженные сотрудники федеральных силовых структур в масках, увозят людей, и те «исчезают». Во всех официальных органах отрицают свою причастность к их задержанию. Иногда родственники потом находят тела «исчезнувших» со следами жестоких пыток и насильственной смерти. Впрочем, чтобы исключить опознание, во многих случаях тела взрывают.

В тех случаях, когда удалось проследить судьбу задержанных, выяснилось, что их отвозили в расположение воинских частей, в комендантуры и т. п. Там их допрашивали, некоторое время содержали, а затем уничтожали(21). Эти структуры, действующие вне норм права, совершающие незаконные задержания, «форсированный допрос» и внесудебные казни нередко называют в последние годы «эскадронами смерти»(22).

Это название не должно обманывать. В данном случае речь также не идет об «эксцессах исполнителя», но о системе. Тела людей, задержанных в разное время, в разных местах, нередко находят потом в одном захоронении. То есть, существует некоторая система мест содержания и структура, координирующая «дознание» и определяющая дальнейшую судьбу задержанных(23).

* * *

Отметим, что и «зинданы», и фильтрационные пункты, и «исчезновения» задержанных — все это было и в «первую чеченскую войну».

Однако теперь, очевидно, ситуация принципиально иная. За фасадом официальной системы мест содержания задержанных, дознания и следствия действует неофициальная система незаконных мест содержания — в расположениях воинских частей и т. п. Центр этой системы расположен в Ханкале, на главной базе федеральных сил. В этой параллельной системе «следствия» к задержанным и «исчезнувшим» применяют жестокие пытки, приводящие к скорой смерти, совершают внесудебные казни. Если в «первую чеченскую войну» подобные преступные действия практиковались войсковой разведкой и спецназом, то в ходе «второй войны» этот опыт перенимается и активно используется сотрудниками сил правопорядка (МВД и т. п.). Казалось бы, в сложившейся неофициальной системе насилие «приватизировано», а следствие раздроблено и, по сути дела, разрушается как государственный институт. На практике ситуация сложнее и не сводится к «эксцессам исполнителя».

* * *

В 1999 г. российская прокуратура начала расследование событий вооруженного конфликта на Северном Кавказе с самого начала, еще в период боев в Дагестане. Уголовное дело «Война» вела следственная группа под руководством старшего следователя по особо важным делам И. Ткачева.

С одной стороны, сомнение вызывала сама попытка рассматривать вооруженный конфликт в рамках законодательства мирного времени: закон здесь применялся вне «области определения», в условиях боевых действий и de facto введенного чрезвычайного положения. Пришлось бы соответствующим образом оформлять каждый выстрел (в т. ч. и совершенный сотрудниками федеральных силовых структур). Кроме того, успеху такого расследования мешал сам стиль «работы» правоохранительных органов, о котором было сказано выше: массовые неизбирательные задержания, применение к задержанным физического воздействия, коррупция.

С другой стороны, объединение всех собираемых в зоне «контртеррористической операции» следственных материалов в рамках одного уголовного дела могло компенсировать отсутствие предварительно созданного спецслужбами массива «фильтрационных дел» — для этого нужна была профессиональная и скрупулезная работа прокуратуры.

Уже через год можно было констатировать, что с этой задачей прокуратура не справилась. Если до конца 1999 г. еще был возможен сколько-нибудь «индивидуальный» подход к задержанным, то затем массовость задержаний превысила скромные возможности следствия. И хотя зимой 2000 г. федеральными силовыми структурами были задержаны сотни участников вооруженных формирований ЧРИ (в феврале — в с. Алхан-Кала, в марте — в с. Комсомольское и т. п.), многие, если не большинство из них, были освобождены через полгода по амнистии. С точки зрения перспектив урегулирования конфликта такое освобождение можно было бы только приветствовать, но причины его имели мало общего с гуманностью и миротворчеством. Просто за полгода прокуратура не смогла должным образом оформить уголовные дела, а многих из числа задержанных за время нахождения в СИЗО так ни разу и не допросили. Дело «Война» фактически развалилось, что, по сути, означало провал российского правосудия(24).

После этого, начиная с середины 2000 г., резко увеличилось число «исчезновений» людей, задержанных федеральными силовыми структурами.

Здесь возможна и причинно-следственная связь. Передача задержанных в официальную, легальную пенитенциарную систему была неприемлема для многих сотрудников силовых структур, поскольку с высокой вероятностью означала освобождение задержанных и, во всяком случае, исключала смертную казнь. Поэтому силовые структуры, если не приняли в целом практику «эскадронов смерти» — незаконные задержания,

содержание в неофициальных тюрьмах, жестокие пытки, внесудебные казни, — то, по крайней мере, не препятствовали им и при необходимости покрывали.

Эти рассуждения, впрочем, подтверждаются свидетельствами и со стороны федеральных сил. Слова начальника разведки воинской части, дислоцированной в горной Чечне, заслуживают внимания(25) :

«Офицер: Они выступают против зачисток, жалуются, что у них пропадают родственники. Но это же не просто так. Нормальные люди в Чечне не пропадают. Пропадают уроды, которых нужно уничтожать, вычищать».

Журналист: Это вы похищаете по ночам людей и потом уничтожаете?

Офицер: Процентом 30 из них похищены и убиты в результате криминальных разборок между самими чеченцами. 20 процентов — на совести боевиков, которые уничтожают тех, кто сотрудничает с федеральными властями. А процентов 50 уничтожаем мы. С нашим продажным судом просто нет другого выхода. Если пойманных боевиков, как положено, ловить и отправлять в следственный изолятор «Чернокозово», их очень скоро родственники выкупят. Такими методами мы стали действовать, когда основные группы боевиков в горах были уже уничтожены. Войска встали. Поприезжали прокуроры, стали заниматься ерундой, типа мир устанавливать. Все должно быть подкреплено доказательствами и т. д. Допустим, у нас есть оперативная информация, что человек бандит, руки по локоть в крови. Приезжаем к нему с прокурором, а у него дома ни одного патрона нет. За что его арестовывать? Поэтому уничтожать боевиков под покровом ночи — это самый эффективный способ войны. Они этого боятся. И нигде не чувствуют себя в безопасности. Ни в горах, ни дома. Крупные операции сейчас не нужны. Нужны операции ночные, точечные, хирургические. С беззаконием можно бороться только беззаконными способами.

Журналист: Вам нравится этот способ?

Офицер: Не всегда. Под это дело иногда и невинные люди попадают. Чеченцы же сейчас власть делят, бывает, и оговаривают друг друга. А когда мы узнаем правду, оказывается, что уже поздно что-либо исправить. Человека нет».

Сказанное офицером касается деятельности низового звена — собственно «эскадронов смерти». Свидетельства о координации их «работы», по понятным причинам, получить значительно сложнее: это звено остается «черным ящиком», существование которого, Тем не менее можно считать установленным(26).

* * *

Такова, в общих чертах, «неофициальная», параллельная система мест содержания задержанных в Чеченской Республике. Ее формы различны, поскольку федеральные силы применяют различную тактику по мере улучшения контроля над территорией. При наличии противостоящих вооруженных отрядов (или при предположении о наличии таких отрядов) — это постоянное присутствие военных гарнизонов в населенных пунктах или в непосредственной близости от них. При переходе противостоящих вооруженных формирований «в подполье», но при сохранении возможности оказывать сопротивление — проведение периодических «зачисток» населенных пунктов. При уходе их в глубокое подполье, когда отдельные группы сотрудников силовых структур могут беспрепятственно появляться в населенных пунктах без риска боестолкновения с боевиками — проведение «адресных спецопераций». Соответственно изменению этой тактики меняются места содержания задержанных.

Но система эта, в целом находящаяся вне закона, вполне сравнима с советской тоталитарной репрессивной машиной.

Сколько человек «исчезло» в Чечне, точно никто не знает. По сведениям российской прокуратуры, более 1600 человек, а согласно данным Комиссии по розыску пропавших без вести при правительстве Чечни, свыше 2800(27). То есть, 46 исчезнувших на 10 000 жителей — больше, чем в Советском Союзе в годы «большого террора»(28).

(1) Так, одной из основ экономики Чечни в начале 90-х гг. в условиях развала промышленности была «свободная экономическая зона», беспоплинный ввоз товаров из Турции через аэропорт Грозного, куда в выходные дни съезжались торговцы со всего Северного Кавказа.

(2) В ходе войны в Абхазии в 1992—1993 гг. российские спецслужбы использовали «экстерриториальность» Чечни: перебрасывали в зону конфликта, обучали и вооружали чеченские отряды. Именно так прошел подготовку Ш. Басаев.

(3) На практике, однако, «исламское законодательство» представляло собою причудливую смесь обычного права (адат), советских законов и шариата.

- (4) Начались осенью 1996 г. именно с планов помощи в восстановлении СИЗО.
- (5) Именно с похищения генерал-майора Г. Шпигуна — представителя МВД РФ в ЧРИ в феврале 1999 г. началась эскалация противостояния России и Ичкерии, закончившаяся «второй чеченской войной».
- (6) На пришедшую в начале 1997 г. из г. Буденновска (Ставропольский край) телеграмму с поручением задержать и передать обвиняемого в незаконном хранении оружия — из Грозного ответили: «В. задержан, высылайте конвой», — прекрасно понимая, что никакой буденновский конвой к ним не приедет.
- (7) Впрочем, последнее касается не только Чечни. Сращивание криминальных группировок, промышлявших похищением людей, с правоохранительными органами и спецслужбами, призванными бороться с похитителями, затронуло и соседние регионы России. См., например, многочисленные публикации В. Измайлова в «Новой газете» в 1997—1999 гг.
- (8) Эта система вскоре усложнилась и была «усовершенствована». Нередко в ходе «зачисток» при проверке документов можно было за небольшую сумму (около 200 руб.) откупиться от доставки на «фильтрационный пункт», а освобождение оттуда стоило уже на порядок дороже. Своя такса установилась и на освобождение задержанных из изоляторов временного содержания, а прекращение уголовного дела в отношении арестованного стоило значительно дороже.
- (9) Временные отделы внутренних дел укомплектовывались сотрудниками МВД, командированными в Чечню в составе сводных отрядов милиции (СОМ), им были даны практически все полномочия в отличие от укомплектованных местными сотрудниками РОВД, передача которым полномочий началась, по существу, в 2002 г.
- (10) Последний практически сразу «прославился» пытками, как и некоторые ВОВД — Октябрьский в Грозном и Урус-Мартановский.
- (11) Описано еще у А. Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ» как практика СМЕРШа.
- (12) Так, летом 1999 г. в ходе боевой учебы частей 8-го армейского корпуса мотострелковой дивизии на полигоне Прудбой под Волгоградом двое солдат погибли, когда обвалились стенки такой ямы.
- (13) Как следует из материалов уголовного дела, именно в такую яму командир 160-го танкового полка Ю. Буданов приказал посадить старшего лейтенанта Р. Багреева в марте 2000 г. в районе с. Танги-Чу.
- (14) Впрочем, с 2002 г., после отмены армейской гауптвахты, и без того сомнительная законность «зинданов» дезавуирована окончательно.
- (15) Поскольку на территории Чечни не объявлено чрезвычайного положения, никаких дополнительных полномочий в этом отношении нет, в частности, и у внутренних войск.
- (16) Так, задержанные 2 февраля 2000 г. в подвале школы № 50 в Заводском районе г. Грозного Сулейманов Адам Магомедович (1971 г.р.), Сургуев Сулейман Вахаевич (1982 г.р.), Сусаев Ахмед Зидиевич (1954 г.р.), Эльмурзаев Мирза Закраилович (1958 г.р.) были увезены в неизвестном направлении военнослужащими на БМП (боевой машине пехоты) № 318 вместе и «исчезли». Однако через месяц, 7 марта 2000 г. в журнале «Итоги» № 10 был опубликован снимок охраняемой военнослужащими глубокой ямы, в которой находились Сургуев, Сусаев и Эльмурзаев. Прокуратура г. Грозного возбудила уголовные дела по статье 126 (ч. 1) УК РФ (похищение человека) «по факту задержания неустановленными лицами в камуфлированной форме и последующего исчезновения» людей, которые в дальнейшем были приняты к производству военной прокуратурой, но в итоге приостановлены по статье 195 (ч. 3) УПК РФ (за невозможностью обнаружения лиц, подлежащих привлечению к ответственности).
- (17) В феврале 2001 г. журналист «Новой газеты» Анна Политковская побывала в с. Хатуни Веденского района, на окраине которого дислоцируется сводный отряд ВДВ в составе подразделений 119-го парашютно-десантного и 45-го отдельного полка спецназа ВДВ, МВД, Минюста и ФСБ. По рассказам местных жителей, в расположении этого сводного отряда в ямах содержались задержанные в окрестных селах люди. Политковская побывала в расположении десантников, видела эти ямы и убедилась в справедливости ранее услышанного. Однако несколькими днями позднее расположение этой группировки десантников посетила официальная комиссия, которая, разумеется, уже не нашла никаких «зинданов» — только окопы, «неглубокие ямы, предназначенные для укрытия боевой техники». Свидетели, показания которых были записаны журналистом, были в течение нескольких месяцев убиты военными. См.: А. Политковская. Чечня: Чужая война или Жизнь за шлагбаумом. М., 2002. С. 12—30: «Махкетинская спецзона».
- (18) По многочисленным свидетельствам людей, содержащихся там и впоследствии освобожденных. Приведем один пример: Асхабов Сайхан Ильясевич (1960 г.р.) ранее проживал в с. Орехово. Задержан военнослужащими 14 августа 2000 г. в ходе «зачистки» в с. Алхан-Кала, где проживал в качестве беженца. После задержания был избит и подвергнут пыткам, несколько дней содержался в яме в Ханкале в расположении 8-го отряда спецназа ВВ МВД «Русь». Примерно 19 августа сверху в яму заглянули три человека и спросили: «Асхабов Сайхан — есть такой? Мы из комитета по правам человека, пришли разобраться в вашем вопросе», — и подняли его из ямы. Через 15 минут стали слышны громкие крики. Больше Асхабова не видели. Тело со следами пыток и признаками насильственной смерти было найдено в массовом захоронении в дачном поселке «Здоровье» рядом с Ханкалой и опознано родственниками 28 февраля 2001 г.
- (19) В г. Аргун «фильтрационный пункт», как правило, располагался в карьере, в с. Старые Атаги — в помещениях птицефермы, в с. Чири-Юрт — в развалинах цементного завода.
- (20) Алсултанов Магомед-Эмин Соипович и Алсултанов Хан-Али Ималиевич, задержанные 17 августа 2001 г. в ходе «зачистки» федеральными силами в с. Аллерой, содержались в фильтрационном пункте, который военные называют «Титаник», между селами Аллерой и Центорой. В ходе проверки их там видел прокурор

Чеченской Республики (ЧР) В. Чернов, но затем они «исчезли». Родственники обращались в различные официальные структуры; прокуратурой ЧР было возбуждено уголовное дело. В прокуратуру были направлены запросы «Мемориалом» и депутатами Государственной Думы. В ответе и.о. прокурора Аргунской межрайонной прокуратуры Р. Тишина № 117 от 12 февраля 2002 г. сообщается, что «братья Алсултановы были переданы на фильтрационный пункт под ответственность работника УФСБ по ЧР С. Барышева., который в свою очередь передал задержанных военнослужащим для доставления в ИВС Курчалоевского ВОВД, однако в ИВС Курчалоевского ВОВД братья Алсултановы переданы не были, их местопребывания в настоящее время неизвестно; расследование дела по факту похищения Алсултановых проводится военной прокуратурой Чеченской Республики» (подполковник Сергей Николаевич Барышев — начальник фильтрационного пункта).

(21) 16 февраля 2003 г. в 7.00 утра в ст. Первомайская Грозненского (сельского) района были задержаны Валид Вахидович и Аслан Вахидович Джабраиловы. В течение двух последующих дней установить местонахождение похищенных не удалось. 18 февраля вечером в Грозном возле химзавода нашли окровавленного человека, который просил о помощи — это был Аслан Джабраилов, и труп его брата Валида. По словам Аслана, после задержания их везли около часа, въехали в какие-то ворота. Где это было — неизвестно, совсем близко слышался гул вертолетов. Братьев разместили в разных помещениях, Аслана избili. Через сутки к нему зашел человек в камуфляжной форме, без маски, снял наручники, перевязал руки скотчем, надел на голову пакет и тоже перевязал скотчем на шею. Его посадили в машину, и он почувствовал, что внизу под ногами лежит что-то холодное и не движется. Ехали они около часа. Когда машина остановилась, Аслана оттащили шагов на 10—15, притащили тело Валида и бросили рядом. Рядом кто-то передернул затвор автомата, раздался выстрел, пуля пробила бумажный пакет и задела только кожу на голове Аслана. Он не шевелился, притворившись мертвым. Аслана положили на тело Валида и что-то засунули между ними. Один человек сказал: «Давай подождем, пока взорвется», другой ответил: «Поехали отсюда быстрее». Как только машина отъехала, Аслан сумел освободить руки, порвал на голове пакет, увидел, что горит шнур от тротиловой шашки, и сумел воспрепятствовать взрыву. Позднее удалось выяснить, что Валид скончался от побоев.

(22) Именно так характеризовал свою деятельность Поль Оссарес в изданной в 2000 г. книге «Алжир. Спецслужбы. 1955—1957».

(23) Так, 16 июля 2000 г. были задержаны и впоследствии «исчезли»: Бултаев Алу, Дакуев Висархан, Дудуркаев Ахмед и Меджидов Апти, сотрудники чеченской милиции. Однако задержанная вместе с ними Сацита С., которая сидела в той же яме, что и они, вечером была переведена в вагончик в Ханкале, через два дня — в СИЗО ФСБ в г. Ростов, а 21 июля освобождена по постановлению следователя.

(24) Впрочем, материалы дела «Война» были в дальнейшем использованы для предъявления обвинения находящемуся в Великобритании А. Закаеву, так что можно ожидать оценки, хотя бы частичной, работы российской прокуратуры английским судом.

(25) *Речкалов В.* Человек из Другого ущелья // Известия. 2003. 28 марта.

(26) Без комментария приведем цитату из статьи *А. Политковской*: «Итак, «девятка». Так называют то место, куда в Чечне, как правило, попадает (его туда привозят) человек, схваченный на «зачистках» или даже без них. «Девятка» — это круг заинтересованных силовиков, представляющих различные ведомства и отряды (ГРУ, ФСБ, МВД, спецподразделения МО...). Перед «девяткой» предстают, как правило, те, кого на месте не уничтожили «эскадроны смерти» (ГРУ, ФСБ, кадыровцы). Круг реален — это палатки и пыточные, расположенные рядом, компактно, человека передают от одних к другим. Есть «девятка», например, в Ханкале. Еще — под селением Танги-Чу... Человека бросают на этот круг, и у него, как правило, два выхода: либо под суд, либо умереть. ... Выживает не тот, кто ничего не знает или ни в чем не замешан, а тот, кто кому-то из «девятки» оказался нужен — информацией или связями. Если человек ничем себя не запятнал или просто ничего не может сообщить по существу заданных вопросов... шансы уцелеть у него нулевые. Скорее всего, он будет ликвидирован, потому что ни одному из «девятки» не нужен. Это — главный принцип. ...». Политковская А. Спецправосудие под управлением ФСБ: Президент пообещал амнистию. Но для кого? // Новая газета. 2003. 7 апреля.

(27) Ни администрация Кадырова, ни российская прокуратура не заинтересованы в завышении числа пропавших.

(28) В 1937—1938 гг. были казнены более 750 тыс. чел. из примерно 170 млн человек тогдашнего населения Советского Союза — 44 на 10 000 жителей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Список региональных участников мониторинга

Регион	Координатор	Название организации
Агинский-Бурятский АО	Дамдинов Цырендоржи Цыбендоржиевич	Региональное общественное движение «Развитие»
Алтайский край	Блем Андрей	Алтайская краевая правозащитная организация «Бастион»
Амурская область	Морар Олег Михайлович	Региональная общественная организация «Амурский центр прав человека»
Архангельская область	Габидулин Рауф Салимович	Архангельское отделение Общероссийского общественного движения «За права человека»
Астраханская область	Степанова Татьяна Васильевна	Астраханская областная общественная организация «Комитет содействия защите законных прав человека»
Белгородская область	Щеглова Татьяна Александровна	Шебекинская местная общественная организация «Гражданское согласие»
Брянская область	Комогорцева Людмила Кимовна	Брянская областная благотворительная общественная организация «Правозащитная ассоциация»
Владимирская область	Дулов Максим Сергеевич	Региональная правозащитная общественная организация «Владимирский центр помощи и защиты»
Волгоградская область	Наумов Станислав Валерьевич	Нижеволжская региональная правозащитная организация «Гражданское общество и экологическая безопасность»
Вологодская область	Лындрик Владимир Степанович	Вологодская региональная правозащитная общественная организация «Свобода»
Воронежская область	Гнездилова Ольга Анатольевна	Межрегиональная Правозащитная Группа
Еврейская АО	Рынкova Евгения Наумовна	Ассоциация «Эгида» по защите прав и свобод человека и гражданина в Еврейской автономной области
Ивановская область	Вальков Сергей Владимирович	Общественно-политическая организация «Ивановское областное общество прав человека»
Иркутская область	Ставров Леонид Петрович	некоммерческая организация «Гражданский контроль за соблюдением прав и свобод граждан и организаций»

Кабардино-Балкарская республика	Кетов Альберт Хамидович	Республиканская общественная правозащитная организация «Правовед»
Калининградская область	Долгополов Борис Николаевич	Калининградская региональная общественная организация «Защита прав и свобод человека и гражданина»
Калужская область	Котляр Татьяна Михайловна	Обнинская региональная правозащитная группа
Камчатская область	Гончар Виктор Андреевич	Общественная организация «Камчатский Региональный Правозащитный Центр»
Карачаево-Черкесская республика	Панов Владимир Георгиевич	Карачаево-Черкесское региональное общественно-политическое движение «Возрождение»
Кемеровская область	Пыль Юрий Степанович	Межрегиональная общественная независимая организация по правам человека «Правовое общество»
Кировская область	Пименов Александр Михайлович	ОО «Кировский региональный правозащитный центр»
Коми-Пермяцкий АО	Клещина Лариса Дмитриевна	Коми-Пермяцкая региональная общественная организация «Правозащитный центр «Пера-Богатырь-право на безопасность»
Корякский АО	Добробаба Елена Владимировна	ООО КФ «Восточный проект-Камчатка»
Костромская область	Терехова Нина Олеговна	Костромское областное общественное экологическое движение «Во имя жизни»
Краснодарский край	Тишинский Владимир Александрович	Региональная общественная организация «Краснодарский правозащитный центр»
Красноярский край	Горелик Александр Соломонович	Красноярский региональный орган общественной самодеятельности «Общественный комитет по защите прав человека»
Курганская область	Исакаев Габдулла Гафиуллович	Курганское областное общественное движение «За честные выборы»
Курская область	Иванов Ярослав Владимирович	Межрегиональная общественная организация «Центрально-Черноземный исследовательский Центр по правам человека»
Ленинградская область	Масарский Рудольф Абрамович	Благотворительная автономная некоммерческая организация «Центр правовой помощи им. Гарольда и

		Сельмы Лайт»
Липецкая область	Родионов Василий Иванович	Липецкая областная общественная организация «Липецкое общество прав человека» (ЛОПЧ)
Магаданская область	Жуков Павел Борисович	Магаданская областная общественная организация «Фонд регионального развития»
Москва	Петрова Елена	Институт прав человека
Московская область	Беленкина Нина	Московская Хельсинкская группа
Мурманская область	Пайкачева Ирина Владимировна	Кольская ассоциация женщин-юристов
Ненецкий АО	Тоскунина Тамара Николаевна	Некоммерческая организация «Фонд Минлей» (Железная птица)
Нижегородская область	Таганкина Нина Александровна	Региональная общественная организация «Нижегородское общество прав человека»
Новгородская область	Давыдовская Нэлла Георгиевна	Новгородская региональная общественная организация «Региональный центр прав человека»
Новосибирская область	Савченко Яков Евгеньевич	Новосибирская городская общественная организация «Центр правозащитной деятельности и правовой информации»
Омская область	Яценко Наталья Николаевна	Центр правовой защиты
Оренбургская область	Кочкин Валерий Анатольевич	Оренбургская правозащитная организация «Твои права»
Орловская область	Каткова Вероника Вячеславовна	Общественное благотворительное учреждение Институт общественных проблем «Единая Европа»
Пензенская область	Бычков Валерий Александрович	Пензенское региональное отделение Общероссийского общественного движения «За права человека»
Пермская область	Вьюжанин Василий Николаевич	Межрегиональная общественная организация «Уральский центр поддержки негосударственных организаций»
Приморский край	Косилов Кирилл Владимирович	Центр правовой информации работников авиационной отрасли г. Владивостока
Псковская область	Доновская Надежда Павловна	Псковское региональное общественное движение «Вече»
Республика Адыгея	Цветков Олег Михайлович	Майкопская городская общественная организация «Южно-Российский

		независимый институт социальных исследований»
Республика Алтай	Веселовская Ольга Владимировна	Общественная экологическая организация Клуб «Хранители Озера»
Республика Башкортостан	Потнин Константин Петрович	Общественный фонд «Международный стандарт»
Республика Бурятия	Кислов Евгений Владимирович	Общественная организация «Республиканский правозащитный центр»
Республика Дагестан	Юнусов Абдурахман Гаджиевич	Газета «Хроника недели»
Республика Ингушетия	Саратова Хеда Багаевна	Региональная общественная организация «Пресс-центр»
Республика Калмыкия	Атеев Семен Николаевич	Региональная общественная организация «Калмыцкий правозащитный центр»
Республика Карелия	Павлова Надежда Георгиевна	Региональная общественная организация «Карельский Союз защиты детей»
Республика Коми	Сажин Игорь Валентинович	Сыктывкарская общественная организация «Мемориал»
Республика Марий-Эл	Пайдоверова Надежда Михайловна	Общественная организация «Правозащитный центр республики Марий-Эл»
Республика Мордовия	Гуслянников Василий Дмитриевич	Общественная организация «Мордовский республиканский правозащитный центр» (МРПЦ)
Республика Саха	Сергеева Ирина Николаевна	Сибирский консультационный центр гуманитарного образования, социально-политических исследований и правовой информации
Республика Северная Осетия	Плиев Алан Григорьевич	Центр социальных исследований Владикавказского Пресс-клуба
Республика Татарстан	Манасыпов Фарит Сабитович	Ассоциация правозащитных организаций Республики Татарстан
Республика Тыва	Переляева Августа Николаевна	Тувинское республиканское общественное правозащитное движение
Республика Хакасия	Ищенко Александр Владимирович	Хакасский республиканский общественный правозащитный благотворительный фонд «Наше право»
Ростовская область	Великоредчанин Станислав Чеславович	Ростовская региональная общественная организация «Христиане против пыток и детского рабства»

Рязанская область	Иванова София Юрьевна	Рязанское историко-просветительское, правозащитное и благотворительное Общество «Мемориал»
Самарская область	Чернова Татьяна Анатольевна	Самарский общественный Фонд инновационных технологий в образовании и обучении «СОФИТ»
Спб и Ленинградская область	Аракелян Антуан Гургенович	Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия»
Саратовская область	Никитин Александр Дмитриевич	Саратовская региональная общественная организация инвалидов-чернобыльцев «Саратовский правозащитный центр «Солидарность»
Сахалинская область	Куперман Марк Александрович	Общественная организация «Общественный правозащитный Центр Сахалинской области»
Свердловская область	Беляев Сергей Иванович	Общественное объединение «Суляжник»
Смоленская область	Бахметова Татьяна Гильевна	Смоленский благотворительный фонд «Добросердие»
Ставропольский край	Семенов Александр Федорович	Общественная некоммерческая организация «Ставропольский региональный правозащитный центр»
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	Варнаков Артур Вячеславович	Таймырский Правозащитный Центр
Тамбовская область	Коновалов Дмитрий Дмитриевич	Тамбовская общественная организация «Содружество молодых юристов»
Тверская область	Шарипова Валентина Алексеевна	Тверское региональное отделение Российского историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал»
Томская область	Кандыба Николай Вениаминович	Томский исследовательский центр по правам человека
Тульская область	Куренков Виктор Иванович	Городская общественная организация «Тульский правозащитный центр»
Тюменская область	Постников Вади Васильевич	Тюменское региональное отделение Общероссийского общественного движения «За права человека»
Удмуртская республика	Кокорин Александр Михайлович	Местная общественная организация «Инициатива»
Ульяновская область	Баханова Елена Викторовна	Ульяновское региональное отделение Общероссийской общественной

		организации «Российский «Мемориал»
Усть-Ордынский округ	Камышев Виталий Иннокентьевич	Иркутский общественный благотворительный фонд «Надежда»
Хабаровский край	Бехтольд Александр Федорович	Хабаровское региональное отделение общероссийского общественного движения «За права человека»
Ханты-Мансийский АО	Кузьмина Евгения Владимировна	Сургутский филиал Тюменского регионального историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»
Челябинская область	Севастьянов Алексей Михайлович	Челябинская городская молодежная общественная организация «Правосознание»
Чеченская Республика	Эжеев Имран Абдулсаламович	Межрегиональная общественная организация «Общество российско-чеченской дружбы»
Читинская область	Глазырина Ирина Петровна	Автономная некоммерческая организация «Забайкальский Центр эколого-экономических исследований и программ»
Чувашская республика	Айвенова Надежда Петровна	Общественная организация «Комитет по защите прав человека» в Чувашской Республике
Чукотский АО	Литовка Валентина Владимировна	Чукотское общественное региональное экологическое объединение «Кайра-клуб»
Эвенкийский АО	Веденков Владимир Степанович	Региональная общественная организация «Красноярский краевой правозащитный информационный центр» (ККПИЦ)
Ямало-Ненецкий АО	Берзина Людмила Юрьевна	Общественная организация «Ямало-Ненецкий региональный правозащитный центр»
Ярославская область	Неттова Нина Татаркановна	Ярославская региональная общественная организация «Центр по защите прав человека «Дорога свободы»

Приложение 2. Список мест заключения, вошедших в мониторинг

Алтайский край
Следственный изолятор ИЗ 22/1
Колония для больных
туберкулезом ЛИУ №8 (УБ 14/8)

Архангельская область
Колония строгого режима УГ-42/1

Астраханская область
Следственный изолятор ИЗ-30/1
Колония строгого режима УД-249/6

Белгородская область
Следственный изолятор ИЗ-31/1
Колония строгого режима ЮС-321/5

Брянская область
Колония строгого режима ОБ-21/2
Колония строгого режима ОБ-21/1

Волгоградская область
Следственный изолятор ИЗ-34/4
Колония строгого режима ЯР-154/26

Вологодская область
Колония общего режима ОЕ-256/2
Колония общего режима ОЕ-256/1
Тюрьма ОЕ-256/т

Воронежская область
Следственный изолятор ИЗ-36/3
Колония строгого режима ОЖ-118/1

Еврейская АО
Колония общего режима АХ-10/2

Иркутская область
Колония строгого режима УК-272/19

Калининградская область
Колония строгого режима ОМ-216/9
Колония общего режима ОМ-216/8

Камчатская область
Следственный изолятор ИЗ-41/1

Кемеровская область
Следственный изолятор ИЗ-42/2
Колония общего режима УН-1612/5

Кировская область
Следственный изолятор ИЗ-43/3
Колония строгого режима ОР-216/11

Коми-Пермяцкий АО
Следственный изолятор ИЗ-359/4

Костромская область
Следственный изолятор ИЗ-44/1
Колония строгого режима ОТ-15/1

Краснодарский край
Следственный изолятор СИ-23/1
Исправительная колония УО-68/3

Красноярский край
Следственный изолятор ИЗ-24/1

Курганская область
Следственный изолятор ИЗ-45/1
Колония общего режима ОФ-73/1

Курская область
Следственный изолятор ИЗ-46/1
Колония строгого режима ОХ-30/9

Липецкая область
Колония общего режима ЮУ- 323/2
Тюрьма ЮУ-323/Т-1

Магаданская область
Следственный изолятор ИЗ-49/1
Колония строгого режима ИК 4
(АВ 261/4)

Мурманская область
Следственный изолятор ИЗ-51/1
Колония строгого режима ОЮ-241/18

Нижегородская область
Колония общего режима УЗ-62/11
Колония общего режима УЗ-62/2

Новгородская область
Следственный изолятор ИЗ-53/1
Колония строгого режима ОЯ-22/7

Омская область
Следственный изолятор ИЗ-55/1
Колония строгого режима УХ-16/6

Оренбургская область
Следственный изолятор ИЗ-54/1
Колония строгого режима ЮК-25/8
Колония особого режима ЮК-25/6

Орловская область
Следственный изолятор ИЗ-55/1
Колония строгого режима ЯИ-22/6

Пензенская область
Следственный изолятор ИЗ-58/1
Колония общего режима ЯК7/8

Пермская область
Следственный изолятор ИЗ-59/1
Колония общего режима УТ-389/29

Приморский край
Колония общего режима УЦ-267/27

Псковская область
Следственный изолятор ИЗ-60/2
Колония общего режима ЯЛ-61/5

Республика Адыгея
Колония общего режима АН-5/6
Колония общего режима АН-5/2

Республика Алтай
Колония общего режима ИР-91/2

Республика Башкортостан
Следственный изолятор ИЗ-3/1
Колония общего режима УЕ-394/9

Республика Бурятия
Следственный изолятор И-34/1
Колония строгого режима ИК-8

Республика Дагестан
Следственный изолятор ИЗ-5/3
Колония общего режима ОИ-92/8

Республика Калмыкия
Колония общего режима ИК-1
(ОЛ-27/1)

Республика Карелия
Колония строгого режима УМ-220/9
Колония строгого режима УМ-220/7

Республика Коми
Следственный изолятор ИЗ-11/1
Колония строгого режима ОС-34/25

Республика Марий-Эл
Следственный изолятор ИЗ-12/1
Колония строгого режима ОШ-25/6
Колония строгого режима ОШ 25/4
Колония общего режима ОШ-25/3

Республика Мордовия
Следственный изолятор ИЗ-13/1
Колония строгого режима ЖХ-385/18

Республика Северная Осетия
Колония строгого режима ЯН-68/1

Республика Тыва
Колония строгого режима ИУ 306/1

Самарская область
Следственный изолятор ИЗ-63/1
Колония строгого режима УР-65/6

Саратовская область
Следственный изолятор ИЗ-64/1
Колония строгого режима УШ-382/2

Сахалинская область
Следственный изолятор ИЗ-65/1

Свердловская область

Следственный изолятор ИЗ-66/1
Колония общего режима УЩ-349/2

Ставропольский край
Следственный изолятор ИЗ-26/1
Колония общего режима ИК-5
Колония общего режима ИК-11

Тамбовская область
Колония общего режима ЯТ-30/4

Тверская область
Следственный изолятор ИЗ-36/1
Колония строгого режима ОН-55/10

Томская область
Следственный изолятор ИЗ-70/1
Колония строгого режима
ЯУ-111/7 (ИК-4)

Тульская область
Следственный изолятор ИЗ-71/4
Колония строгого режима УЮ-400/5

Тюменская область
Колония строгого режима ЯЦ-34/6
Колония общего режима ЯЦ-34/4

Удмуртская республика
Следственный изолятор ИЗ-18/1
Колония строгого режима ИК-1

Ульяновская область
Колония строгого режима ЮИ-78/2
Колония строгого режима ЮИ-78/9

Хабаровский край
Колония общего режима ЯБ-257/12
Колония строгого режима ЯБ-257/13

Ханты-Мансийский АО
Колония общего режима ИУ-99/17
Колония строгого режима ИУ-99/11

Челябинская область
Колония общего режима ЯВ-48/11

Читинская область
Следственный изолятор ИЗ-75/1
Колония строгого режима ЯГ-14/4

Чувашская республика
Следственный изолятор ИЗ-15/1
Колония строгого режима ЮЛ-34/6

Ярославская область
Следственный изолятор ИЗ-76/1
Колония строгого режима ЮН-83/1
Колония строгого режима ЮН-83/12

Список сокращений

CDC Центр по контролю за заболеваниями
 DAAD Центр изучения Германии и Европы
 DFID Министерство Великобритании по международному развитию
 DOTS Directly Observed Treatment Short-Course
 MSF международная организация «Врачи без границ»
 PRI Международная тюремная реформа
 USAID Агентство Международного развития США
 АСИ Агентство социальной информации
 ВДПЧ Всеобщая Декларация прав человека
 ВК воспитательные колонии
 ВОВД временный отдел внутренних дел
 ВОЗ Всемирная организация здравоохранения
 ГПРУ Государственная программа развития учреждений
 ГУИН Главное управление исполнения наказаний
 ГУЛАГ Главное управление лагерей
 ДМР Дом матери и ребенка
 ЕКПП Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания
 ЕПТК единое помещение камерного типа
 ИВС изолятор временного содержания
 ИК исправительные колонии
 ИТМ Институт тропической медицины (Антверпен)
 ИТУ исправительно-трудовые учреждения
 ИУ исправительные учреждения
 КПЗ камера предварительного заключения
 ЛИУ лечебное исправительное учреждение
 ЛПУ лечебно-профилактические учреждения
 МВД Министерство внутренних дел
 МЛУ-ТБ множественная лекарственно-устойчивая форма туберкулеза
 МРОТ минимальный размер оплаты труда
 МСП Минимальные стандартные правила обращения с заключенными
 МХГ Московская Хельсинкская группа
 НПО неправительственные организации
 ОКЗ относительное количество заключенных
 ОМОН отряд милиции особого назначения
 ООН Организация Объединенных Наций
 ОПЗ Основные принципы обращения с заключенными
 ПВ психоактивные вещества
 ПКВЗ полевая камера предварительного заключения
 ПКТ помещение камерного типа
 ПМСТ Перечень минимальных санитарных требований
 ПФРСИ помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора
 РОВД районный отдел внутренних дел
 СБСЕ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе
 СГБМ страны — государства Балтийского моря
 СЕ Совет Европы
 СИЗО следственный изолятор
 СМИ средства массовой информации
 СОМ сводный отряд милиции
 СУС строгие условия содержания
 ТБ туберкулез
 УДО условно-досрочное освобождение
 УИИ уголовно-исполнительная инспекция
 УИК Уголовно-исполнительный кодекс
 УИН Управление исполнения наказаний
 УИС уголовно-исполнительная система
 УК Уголовный кодекс
 УПК Уголовно-процессуальный кодекс

УФСБ Управление Федеральной службы безопасности
ФЗ Федеральный закон
ФНР Фонд независимого радиовещания
ЧРИ Чеченская Республика Ичкерия
ШИЗО штрафной изолятор
ЭКОСОС Экономический и социальный совет